Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Издательство «Наука», Москва, 1964

Содержание

Введение

Глава 1. Западная Монголия в XV - первой половине XVI в.

1. От свержения Юаньской династии до крушения державы Эсен-хана.

2. Внутреннее и внешнее положение Западной Монголии во второй половине XV - первой половине XVI в.

3. Некоторые вопросы общественного строя ойратов в XV-XVI вв.

Глава 2. Исторические предпосылки образования Джунгарского ханства.

1. Западная Монголия во второй половине XVI в.

2. Образование Джунгарского ханства.

3. Распространение ламаизма среди ойратов.

Глава 3. Джунгарское ханство в конце первой - начале второй половины XVII в.

1. Внутренняя и внешняя политика Батур-хунтайджи

2. Джунгарское ханство в 50-60-х годах XVII в.

Глава 4. Халхаско-ойратская война 1688 г. Джунгарское ханство и Цинсая империя. Война 1690-1697 гг.

1. Внутренняя и внешняя политика Галдана в первые годы его правления. Война 1688 г.

2. Война 1690-1697 гг. и ее результаты.

Глава 5. Джунгарское ханство в период наибольшего могущества (первая половина XVIII в.)

1. Внутренняя и внешняя политика.

2. Общественный и политический строй Джунгарского ханства.

Глава 6. Гибель Джунгарского ханства.

Заключение.

Ксении Михайловне Златкиной — жене, другу и товарищу — посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Джунгарское ханство, сложившееся в 30-х годах XVII в. и существовавшее до 1758 г., играло в свое время крупную роль в международных отношениях в Средней,

Центральной и Восточной Азии. Это ханство оставило заметный след в истории соседних с ним больших и малых государств и народов — Китая с Тибетом и Кашгарией, России, Монголии, казахов, узбеков, туркмен, киргизов и каракалпаков.

Вопросы истории Джунгарского ханства, его внутреннего устройства и внешней политики, а также характеристика его роли и влияния на исторические судьбы других стран и народов прямо или косвенно затронуты во многих книгах и статьях на азиатских и европейских языках. На одном лишь русском языке опубликовано свыше 150 подобных работ, что отражает особый характер и интенсивность связей, существовавших между ханством и Россией. Трудно определить число таких работ на китайском языке, но по всем данным оно также значительно. Немало упоминаний о Джунгарском ханстве и его народе содержится в произведениях среднеазиатских тюркоязычных авторов. До сих пор остается почти неизвестной посвященная этой теме литература на тибетском языке. О ее богатстве и научной ценности мы можем лишь догадываться по тем данным, которые сообщены монгольским ученым Ш. Бира в его труде о тибетоязычной монгольской исторической литературе . Ряд исследований по истории Джунгарского ханства опубликован на немецком, английском и французском языках. Меньше всего, к сожалению, издано работ по этому вопросу на монгольском языке — родном для основной массы населений Джунгарского ханства.

Имеющаяся и продолжающая расти литература свидетельствует, что интерес к истории Джунгарского ханства, немалый в прошлом, не ослабевает и в наши дни. В этом смысле Джунгарскому ханству, если можно так выразиться, «повезло» значительно больше, чем, скажем, Хивинскому, Бухарскому, Кокандскому и многим другим государственным образованиям Средней и Центральной Азии, существовавшим в тот же период, что и Джунгарское ханство. Но если ему «повезло» в отношении числа посвященных ему исследований, то никак нельзя сказать того же в отношении их полноты и достоверности. Большая часть литературы о Джунгарском ханстве являет собой яркий пример одного из немногих в наше время разделов истории народов Востока, где продолжают господствовать концепции, характерные для буржуазной историографии. Типичным для этой литературы является некритическое отношение к источникам, отказ от объективного анализа исторических событий, неспособность разобраться в подлинном содержании исторического процесса. Указанные пороки объясняются, с одной стороны, сравнительной бедностью источниковедческой базы, а с другой — методологической беспомощностью исследователей.

Каковы же те источники, на базе которых выросла вся многоязычная литература о Джунгарском ханстве и его основном населении — западных монголах, известных под именем ойратов, как они называли себя сами? Каковы те новые источники, которые могут быть использованы для создания научной истории Джунгарского ханства?

Длительное время единственным источником сведений об ойратах были китайские исторические сочинения и династийные хроники, излагавшие историю династий Мин (1368—1644) и Цин (1644—1912). Известный русский монголовед и тибетолог акад. И. Я. Шмидт в докладе о монгольских племенах, прочитанном в декабре 1833

г. на заседании Академии наук, говорил: «Что только знаем доселе о судьбе сих племен, о их кочевьях, постановлениях и образе управления, всем сим мы почти исключительно обязаны изданным ныне царствующей в Китае династией сведениям, большей частью еще неизвестным в Европе; ибо все, что упоминается об них в путешествиях разных миссий и посольств, в очинениях пекинских иезуитов, у Дегиня и у новейших парижских синологов, слишком отрывочно, скудно, исполнено ошибок и потому не может служить достоверным источником». И. Шмидт, как видим, полагал, что достоверным источником по истории монголов могут служить только китайские исторические сочинения.

Такого же, если не более высокого, мнения о китайских источниках придерживался и основоположник русской синологии Н. Бичурин (Иакинф), Важнейшим достоинством китайских источников Н. Бичурин считал то, что их авторы, «при описании соседних народов, имевших непосредственные связи с Китаем, единственно основывались на фактах правительства, а факты сии были писаны во время самих событий».

В основе главного труда Н. Бичурина об ойратах лежит китайское географическое сочинение, посвященное Синьцзяну. В этом труде Н. Бичурин писал: «Предлагаемое мною историческое обозрение ойратов, показывая происшествия, относящиеся к сему народу, в истинном их виде и порядке, доставит читателям возможность безошибочно судить о разных по сему предмету мнениях писателей». Как видим, автор исторического обозрения ойратов видел в трудах китайских авторов эталон истины. Имея этот эталон, читатели получают, по мнению Н. Бичурина, возможность безошибочно судить о позициях других писателей.

Отдавая должное великим научным заслугам II. Бичурина, впервые познакомившего мир с обильными фактическими данными по истории западных монголов, почерпнутыми из китайской феодальной историографии, нельзя в то же время не отметить, что вследствие некритического отношения его к источникам в литературе надолго утвердилась та версия истории как монголов вообще, так и ойратов в частности, которая представлена официальными хронистами и историографами китайских императорских династий.

Линия Н. Бичурина была продолжена русскими учеными Д. Покотиловым и П. Поповым, обогатившими науку о монголах новыми ереводами и изложениями китайских хроник и исторических сочинений. В этих трудах содержится немало ценных сведений об ойратах, но даваемая ими интерпретация исторических событий свидетельствует о некритическом отношении авторов к источникам. Это обусловило тенденциозную направленность их произведений. Д. Покотилов, например, писал, что в двух монгольских летописях — «Эрдэнийн Тобчи» Саган-Сэцэна и «Алтан Тобчи» — имеется лишь «перечисление имен быстро сменявшихся монгольских владельцев, к которым приурочено несколько рассказов в форме легенд, исторический смысл коих, по непосредственному изучению их из монгольских источников, угадать довольно трудно, а частью и совсем невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что названными выше двумя памятниками далеко не исчерпывается запас монгольской исторической литературы за указанный период, но сколько бы ни открывали новых летописей и сказаний, все они,

несомненно, будут отличаться тем же эпизодическим, легендарным характером. Связать все подобные легенды и составить таким образом хотя сколько-нибудь полную картину исторических событий за время Минской династии можно только путем тщательного изучения всех имеющихся по этому предмету сведений в китайских источниках; они одни могут дать нам прочную историческую основу и ряд достоверных фактов, красноречивой иллюстрацией коих могут служить монгольские рассказы».

Общеизвестно огромное значение, которое имеют китайские летописи и отдельные исторические сочинения для изучения истории народов Восточной и Центральной Азии. И все же в полной мере китайские источники могут быть использованы лишь при условии объективно научного, критического к ним подхода, а не путем простого их пересказа. Между тем некритическое отношение к источникам составляет основной недостаток трудов по истории монголов как самого Н. Бичурина, так и его продолжателей, игнорировавших историческую, политическую и социальную обусловленность китайских династийных хроник и отдельных сочинений по истории сопредельных Китаю народов.

Б. Я. Владимирцов имел все основания отмечать, что работы Н. Бичурина внесли в литературу много ошибочных представлений об историческом прошлом Монголии и монголов. Он писал: «Многие, совершенно неверные взгляды на ойратов... начались с известной книги... Бичурина "Историческое обозрение ойратов или калмыков...", кишащей неточными и ошибочными указаниями».

Известный ориенталист Э. Бретшнейдер по этой же причине также довольно критически относился к исследованиям Н. Бичурина о монголах и ойратах. В частности, наиболее слабым местом описания Джунгарии и Восточного Туркестана Э. Бретшнейдер считал то, что в основе его лежит пересказ китайского источника «Си ю дун вэнь чжи» («Географический и исторический словарь Центральной Азии»), написанного и опубликованного по указу императора Хун Ли в 1763 г. Аналогичная работа В. Успенского «Страна Кукэ-нор, или Цин-хай» оценивалась Э. Бретшнейдером значительно выше труда Н. Бичурина потому, что В. Успенский положил в основу своего исследования не один, а целый ряд китайских источников и критически подходил к ним. Следует, между тем, отметить, что труды Н. Бичурина оказали решающее влияние на многочисленных русских ученых XIX в., писавших по истории Сибири, Средней Азии, Казахстана, Калмыкии и т. д., а также на ученых-правоведов, изучавших право степных народов. Эти авторы в той мере, в какой им приходилось затрагивать историю монголов, неуклонно следовали за Н. Бичуриным, вновь и вновь излагая официальную китайскую версию этой истории.

Так обстоит дело с китайскими источниками и их использованием в литературе.

Первым монгольским источником, ставшим известным в Европе, было историческое сочинение «Драгоценный свод (сведений) о происхождении ханов». Автор этого сочинения монгольский владетельный князь Саган-Сэцэн родился в 1604 г. и умер не ранее 1662 г.; историю монгольских ханов он доводит до 1652 г. В летописи Саган-Сэцэна содержится множество сведений по истории ойратов XV и XVI вв. В основу своего труда Саган-Сэцэн положил семь более ранних монгольских исторических произведений (до нас дошли только три). Впервые труд Саган-Сэцэна

был переведен на немецкий язык и опубликован в Петербурге в 1829 г. И. Я. Шмидтом. В дальнейшем он неоднократно воспроизводился в отрывках как на русском, так и на западноевропейских языках. Лишь недавно он был в полном виде издан в ФРГ Э. Хэнишем, а затем в США А. Мостартом. Мы пользовались по преимуществу текстом Мостарта. В 1958 г. летопись Саган-Сэцэна была полностью издана в Монгольской Народной Республике по списку, хранящемуся в Государственной библиотеке МНР.

Вторым — по времени публикации — монгольским источником по истории монголов и ойратов является анонимное сочинение «Алтан Тобчи», переведенное на русский язык ученым ламой Галсаном Гомбоевым и впервые опубликованное в трудах ВОРАО в 1858г. Это сочинение было написано неизвестным автором в первой четверти XVII в т. е. на 20—30 лет раньше труда Саган-Сэцэна. Как мы покажем ниже, эти два монгольских сочинения значительно расходятся по ряду важных вопросов истории ойратов. В советской и зарубежной литературе уже отмечалось несовершенство выполненного Гомбоевым перевода, равно как и использованного им списка. В 1955 г. в Висбадене вышел в свет труд Ч. Боудэна, содержащий текст «Алтан Тобчи» в латинской транскрипции и перевод на английский язык, сопровождаемый критическими замечаниями и указанием разночтений с рядом других списков. Стремясь свести к минимуму возможные ошибки, мы пользовались текстами как Гомбоева, так и Боудэна. Наравне с трудом Саган-Сэ-цэна «Алтан Тобчи» имеет важное значение как источник по предыстории Джунгарского ханства.

Третий монгольский источник, известный под сокращенным названием «Эрдэнийн эрихэ» (его полный заголовок «Летопись под названием "Драгоценные четки"», был частично переведен А. Позднеевым и издан в Петербурге в 1883 г. В 1960 г. летопись была полностью опубликована в Улан-Баторе. Автор «Эрдэнийн эрихэ» — тайджи Галдан, занимавший пост тусалакчи (помощника) владетельного князя одного из хошунов Тушетухановского аймака. Время написания «Эрдэнийн эрихэ» точно неизвестно, но, судя по содержанию, летопись была закончена автором в 60-х годах XIX в. В этом сочинении имеются некоторые существенные сведения по истории Джунгарского ханства.

Четвертым монгольским источником, переведенным Н. П. Шастиной и впервые опубликованным в 1957 г. в Москве, является «Шара Туджи» («Великая желтая история происхождения монгольских ханов»). Автор неизвестен; не установлено точно и время создания летописи. Несомненно лишь, что она была известна Саган-Сэцэну, ссылающемуся на «Шара Туджи» как на один из использованных им источников. Следовательно, она могла быть написана не позднее середины XVI в. В «Шара Туджи» имеются данные, относящиеся к истории ойратов до образования Джунгарского ханства.

Этим и ограничивается перечень опубликованных монгольских источников, в той или иной мере освещающих историю ойратов и Джунгарского ханства. Как видим, он невелик, причем публикация памятников производилась с огромными интервалами: первая — в 1829 г., вторая - в 1858 г., третья — в 1883 г. и четвертая — в 1957 г.

Кроме опубликованных имеется ряд ценных монгольских источников, которые еще ждут своего издания. Многие из них хранятся в Ленинграде, в Рукописном отделе филиала Института народов Азии АН СССР. Из этих источников отметим в первую очередь биографию Зая-Пандиты, одного из видных деятелей ламаистской, церкви в Западной Монголии, игравшего в первой и начале второй половины XVII в. важную роль в общественно-политической жизни Халхи и Джунгарии. Дошедшая до нас биография Зая-Пандиты принадлежит перу одного из его учеников и почитателей — Ратнабхадры. В нашем распоряжении была фотокопия ойратского текста биографии Зая-Пандиты из фондов Института народов Азии АН СССР. В 1961 г. мы получили из Улан-Батора изданный по списку Государственной библиотеки МНР в 1959г. монгольский текст этой биографии. В предлагаемой книге мы пользовались, как правило, текстом улан-баторского издания.

Характерными особенностями всех перечисленных выше монгольских источников является то, что они принадлежат перу крупных феодалов или выходцев из их среды; все они носят следы влияния ламаистской церкви и ее идеологии. Произведения, написанные в период господства в Монголии Цинской династии, отражают интересы маньчжурских и китайских феодалов не в меньшей, если не в большей мере, чем интересы феодалов монгольских.

Следует отметить, что монгольские источники в течение длительного времени игнорировались специалистами и не получали должного признания в науке. Востоковеды XIX в. полагали бесполезным обращаться к монгольским произведениям как к источникам по истории монголов и в лучшем случае видели в них материал, пригодный только для этнографов и археологов. Так рассуждал, например, выдающийся русский востоковед XIX в. П. Савельев.

Редким, если не единственным исключением в этом отношении является русский ученый конца XIX в. А. М. Позднеев. Его многочисленные и интересные труды по истории Монголии и монголов основаны, как правило, на монгольских источниках. Исследованиям А. Позднеева, однако, свойственно немало недостатков, существенно снижающих их научную ценность. Главными из них являются пренебрежительное, в известной мере великодержавно-шовинистическое отношение к монголам вообще и не всегда объективная интерпретация исторических событий. Некоторые из указанных недостатков подвергались критике еще в XIX в.

Только в наше время монгольская дореволюционная историография стала объектом пристального изучения с методологических позиций марксизма-ленинизма. Это открыло богатые возможности для познания исторического прошлого монгольского народа, его общественного строя и культуры. Труды Б. Я. Владимирцова служат тому убедительным свидетельством. Само собой разумеется, однако, что к монгольским источникам необходимо подходить так же критически, как и к любым другим.

Близко к охарактеризованной категории источников подходят калмыцкие исторические произведения, авторы которых являются выходцами из калмыцкой феодальной аристократии, обосновавшейся в XVII в. в низовьях Волги. Мы имеем в виду прежде всего «Сказание об ойратах», написанное 1739г. эмчи (врачом) Габан-

Шарабом, и "Сказание о дэрбэн-ойратах", написанное в 1819г. калмыцким владетельным князем Батур-Убаши-Тюменом. Автор первого "Сказания" сообщает, что его сведения почерпнуты из бесед с главой церкви Гоман-ламой, ученым ламой Алдар-габжи, вдовой известного ойратского правителя Очирту-Цецен-хана Доржи-Рабдан, правителем калмыков Аюка-ханом и сановником Табын-Уханом. Всех их Габан-Шараб расспрашивал о событиях прошлого, а их рассказы записал, по возможности проверяя и снабжая иногда своими оценками и комментариями. Излагая легенду о происхождении торгоутов, согласно которой их родоначальник был в XIII в. придворным правителя кереитов Ван-хана, Габан-Шараб пишет, что не может сообщить, когда и отчего тот ушел от Ван-хана, ибо не имеет точных данных, но возможно, что надежные письменные сведения об этом имеются в Халхе. Важно отметить, что такого рода оговорки калмыцкий летописец делает не один раз. Утверждая, например, что ойратские князья фамилий дэрбэтов и чоросов имеют общее происхождение, он вместе с тем пишет, что отсутствие точных данных не позволяет ему сказать, когда именно первые отделились от вторых. По этой же причине он отказался от освещения деятельности правителей торгоутского дома до Хо-Урлюка и т. д. Оговорки Габан-Шараба дают известное основание сделать вывод, что автор «Сказания об ойратах» пользовался некоторыми письменными источниками и что он сознательно не останавливался на таких событиях ойратской истории, подтверждения которым не находил. Это обстоятельство повышает значение «Сказания об ойратах» как одного из источников ойратской истории.

Текст «Сказания о дэрбэн-ойратах» Батур-Убаши-Тюмена был впервые литографским способом издан в 1885г. А. М. Позднеевым. Еще раньше оно было переведено на русский язык Ю. Лыткиным и опубликовано в «Астраханских губернских ведомостях». Превосходное знание Ю. Лыткиным калмыцкого языка обусловило высокое качество перевода, благодаря чему можно уверенно им пользоваться.

В распоряжении Батур-Убаши-Тюмена были, по-видимому, какие-то монгольские источники, но они часто ставили его в тупик, не давая возможности распутать узлы и внести ясность и порядок в изложение хода исторических событий. Он писал: «Говорят, что монгольские летописцы вели сказание о своих кочевьях от самых древних времен, но нынешним летописцам, которые отдалены временем от самих событий, трудно распутать беспорядок в их, быть может, тогда ясных рассказах о происшествиях.

Как и Габан-Шараб, Батур-Убаши-Тюмен оговаривает случаи, когда он не имел возможности подкрепить сообщаемые сведения и соображения ссылкой на авторитетный источник, вследствие чего, по его мнению, были возможны ошибки. Так, излагая генеалогию князей из дома хошоутов, он в примечании писал: «Здесь и дальше, кажется, есть ошибки в исчислении преемств и имен, но исправить их теперь не можем, потому что при себе нет источников, для того необходимых».

Впрочем, один источник вполне определенно выясняется из текста «Сказания» самого Батур-Убаши-Тюмена: в одном из примечаний последний прямо ссылается на летопись Унзат-Алдар-Габжи. Возможно, что этот Унзат-Алдар-Габжи и Алдар-Габжи

Габан-Шараба — одно и то же лицо, автор неизвестной нам летописи, которой пользовался Батур-Убаши-Тюмен.

Указанные калмыцкие источники в русской и тем более зарубежной литературе по истории монголов и ойратов вплоть до настоящего времени почти совершенно не использовались, что объясняется и тем, что их мало, и общей недооценкой многими востоковедами значения монгольских источников. Нам известна только одна попытка использования калмыцких «Сказаний» как источников по истории Монголии. Ю. Лыткин в тех же «Астраханских губернских ведомостях» опубликовал в 1860 и 1861 гг. обстоятельный и весьма интересный исторический очерк, озаглавленный им «Материалы для истории ойратов». Помимо упомянутых «Сказаний» автор использовал биографию Зая-Пандиты, сочинение Саган-Сэцэна, эпические сказания калмыков о разгроме ойратами в конце XVI в. войск халхаского Шолой-убаши-хунтайджи и «Джангариаду», а также личные беседы со многими «почтенными» калмыками. На основе этих материалов Ю. Лыткину удалось составить довольно обстоятельный очерк истории ойратов конца XVI и первой половины XVII в. Недостатком очерка является то, что его автор не вышел за рамки политических, религиозных и военных событий в жизни владетельных князей, полностью игнорировал социально-экономические факторы, дал мало сведений по внешнеполитической истории ойратов и об их экономических связях с соседними странами.

Тюркоязычная литература по истории ойратов недостаточно хорошо известна и еще менее изучена. Между тем, учитывая многовековое соседство и разносторонние связи ойратов с тюркоязычными народами Восточного Туркестана и Средней Азии, можно предполагать, что в литературе этих народов содержится немало важных сведений об ойратах, их жизни, быте и истории. Мы можем судить об этом главным образом по трудам В. В. Бар-тольда и Ч. Валиханова. Но как бы ни были немногочисленны почерпнутые нами из этой литературы сведения об ойратах, они тем не менее существенно дополняют китайские и монгольские источники, особенно в отношении второй половины XV и первой половины XVI в., о которых как те, так и другие говорят очень мало. В этой связи нельзя не пожалеть о том, что до сих пор не изучена история улуса Джагатая, которому в этом отношении повезло гораздо меньше, чем улусу Джучи. Между тем раскрытие исторической эволюции державы джагатаидов весьма облегчило бы заполнение многочисленных белых пятен в истории ойратов XV и XVI вв. Об этом лишний раз свидетельствуют недавние публикации Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Ксении Михайловне Златкиной — жене, другу и товарищу — посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

продолжение . . .

В заключение остановимся на русских источниках по истории ойратов. Их значение, особенно в отношении XVII и XVIII вв., исключительно велико. Без них невозможно восстановить и тем более понять историю Джунгарского ханства. Важнейшее место среди них занимают документальные фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Архива внешней политики России (АВПР) и Архива

Академии наук (ААН), содержащие статейные списки почти всех русских посольств к ойратским ханам и князьям, а также материалы об ойратских посольствах в Россию, донесения в Москву и Петербург русских пограничных властей об их сношениях с ойратскими правителями, расспросные речи русских служилых и иных людей, ездивших по разным делам в Джунгарию, письма джунгарских ханов и князей русским властям и правительству России, указы и грамоты Москвы и Петербурга местным властям об отношении к ойратским княжествам, записи дипломатических переговоров и т. д. Особую ценность этим документам придает то, что они в своем большинстве являются подлинниками. Число их огромно — многие тысячи, а может быть, десятки тысяч.

Русские архивные документы повествуют об ойратах и Джунгарском ханстве начиная с событий 1604 г. и вплоть до 60-х годов XVIII в.; по ним можно проследить почти год за годом историю ойратов на протяжении полутора столетий. В этих документах фиксируется все наиболее важное о внешнеполитической деятельности ойратов и их экономических связях, сообщается ряд исключительно ценных сведений об их внутренней жизни и социально-экономических и политических отношениях. Некоторые русские архивные документы были опубликованы в различных изданиях XVIII и XIX вв., но число таких публикаций микроскопически мало по сравнению с тем, что еще ждет своей очереди.

Помимо документов официального характера в архивных хранилищах Москвы, Ленинграда, Омска и Красноярска находятся рукописи неизданных книг и статей, посвященных Джунгарскому ханству и ойратам. Некоторые из них имеют значительную ценность. Укажем, в частности, на работу «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным в 1761 году». Автор этого сочинения много лет жил при ставке калмыцкого хана, а затем наместника ханства в качестве переводчика, после чего длительное время находился в составе русской администрации по калмыцким делам. Отличное знание языка, жизни и быта калмыков позволило Бакунину включить в свое «Описание» интересные данные, рисующие общественное и административно-политическое устройство калмыков, что облегчает понимание внутреннего строя всего ойратского общества и, в частности, Джунгарского ханства. Текст этого «Описания» был частично и с некоторыми купюрами опубликован в Москве в 1939 г. в № 3 и 5 журнала «Красный Архив» В. Разумовской, предпославшей ему небольшую статью. При сличении с подлинником выяснилось, что в опубликованный текст вкрались ошибки.

Нельзя сказать, что в прошлом не предпринимались попытки использовать русские источники по истории Монголии. К ним неоднократно прибегали исследователи истории России, в частности историки Сибири и Средней Азии, равно как и Калмыцкого ханства. Первыми, кто в научных целях ознакомился с документами русских архивов, были историки Сибири Г. Миллер и И. Фишер. Естественно, что их труды были и первыми, в которых нашла свое место история русско-монгольских, в частности русско-ойратских отношений. Впоследствии историки Сибири, Калмыкии и Средней Азии, касаясь взаимоотношений русского государства и Джунгарии, опирались на сведения и документы, использованные Г. Миллером и И. Фишером. Г. Миллер и И. Фишер, однако, не только не смогли исчерпать тему, но даже поставить

ее с достаточной полнотой и научной объективностью. Как уже отмечалось в литературе, подобранные ими документы о русско-монгольских и русско-ойратских отношениях имели случайный характер. Оба они, кроме того, придерживались ярко выраженной антимонгольской и подчеркнуто пророссийской ориентации в освещении событий, оказав соответствующее влияние на всю последующую дореволюционную русскую литературу.

Огромную работу по изданию русских архивных материалов, освещающих историю внешней политики России на Дальнем Востоке вообще и сношений России с ойратами и Джунгарским ханством в частности, выполнил в конце XIX в. Н. Бантыш-Каменский. Ему удалось благодаря этим материалам гораздо шире и объективнее, чем Г. Миллеру, И. Фишеру и другим предшественникам, изложить почти двухвековую историю взаимоотношений России с Китаем, монголами и Джунгарским ханством. Однако внутренняя история Монголии его, как и других, интересовала мало. Поэтому он не обратил внимания на сведения о жизни, быте, экономике, общественных отношениях, внешних экономических и политических связях монгольских ханств и княжеств. Нельзя не учитывать и того, что Н. Бантыш-Каменский в изложении и интерпретации исторических событий не выходил за рамки русских архивных материалов, не прибегал к помощи других источников, что неизбежно приводило его к некоторой односторонности в освещении исторического материала.

Огромную работу по изучению русских архивных материалов выполнил известный монголовед В. Котвич. Никто до него, а возможно, и после него не знал так хорошо, содержания русских архивных документов по истории русско-ойратских отношений. Остается пожалеть, что ему не удалось в полной мере использовать результаты своего труда. Его работа, посвященная этому вопросу, носит по преимуществу источниковедческий характер.

Важным источником по истории Джунгарского ханства являются так называемые монголо-ойратские законы 1640 г. Подлинный текст законов до нас не дошел. Калмыцкие владетельные князья, принимавшие участие в Джунгарском съезде. 1640; г., утвердившем эти законы, привезли их текст на Волгу. Однако подлинник, хранившийся в ставке калмыцкого хана, погиб в самом начале XVIII в. во время одной из усобиц. С сохранившихся на Волге копий позднее делались многочисленные списки; некоторые из них переведены на русский язык и опубликованы. Монголо-ойратские законы являются исключительно ценным памятником, рисующим внутреннюю жизнь и общественные отношения в Монголии. Ему посвящены работы многих исследователей.

Однако все эти ученые в характеристике исторической обстановки, предшествовавшей съезду 1640 г. и породившей утвержденные им законы, шли за Н. Бичуриным. Их исследования были весьма далеки от раскрытия социально-экономических факторов, обусловивших создание законов 1640 г. и их отличие от более древних правовых памятников Монголии. Но, отмечая этот существенный недостаток, мы не можем вместе с тем не подчеркнуть огромной заслуги упомянутых ученых, обогативших науку публикацией текста самого памятника и положивших начало его изучению.

Особое место в русской исторической литературе о Монголии и монголах, о Джунгарии и ойратах занимают труды Г. Грум-Гржимайло. Хорошо знакомый со всей русской и западноевропейской литературой, посвященной этим странам, но не пользуясь источниками на восточных языках, Грум-Гржимайло пытался создать обобщающий труд по истории Монголии с древнейших времен до начала XX в. В некоторых случаях его оценки существа тех или иных исторических фактов представляют интерес, но в целом работы Г. Грум-Гржимайло по истории Монголии являются обширной, тщательно выполненной компиляцией.

Зарубежная литература, специально посвященная ойратам и Джунгарскому ханству, не очень обильна; она насчитывает едва ли более десятка авторов, труды которых заслуживают упоминания. Одним из первых по времени является католический миссионер Жербийон, ряд лет состоявший на службе при дворе императора Хун Е и неоднократно выполнявший его поручения по обследованию и описанию Монголии. Жербийону принадлежит работа о монголах и ойратах, частично переведенная на русский язык, в настоящее время она представляет интерес "лишь как свидетельство очевидца, записавшего некоторые важные подробности крупных исторических событий его времени.

Европейские ориенталисты XIX — начала XX в. в своем большинстве не проявляли интереса к собственно ойратской истории. Те из них, которые посвящали свои труды народам Дальнего Востока, предпочитали писать. о Китае и лишь в связи с историей этой страны затрагивали вопрос о монголах, вскользь и мимоходом упоминая также об ойратах. Исключением являются труды Т. Ховорса, М. Курана, Г. Казна, Д. Бэддли, X. Хаслунда и Э. Хэниша. Г. Ховорсу принадлежит обширная работа по истории Монголии, по своему характеру близко напоминающая указанные выше исторические произведения Г. Грум-Гржимайло. Труд Г. Ховорса о монголах покоится не на оригинальных источниках, исследованных им, а на исторических сочинениях его предшественников, которые он подвергает некоторому анализу, высказывая по существу спорных вопросов свои мнения и предположения.

Работа М. Курана посвящена Центральной Азии XVII—XVIII вв., главным образом Джунгарскому ханству. В основе этой работы лежит, по словам самого автора, часть огромного компилятивного труда «Дун хуа лу», принадлежащего китайскому сановнику Ван Сянь-цяню. М. Курану были известны также произведения русских, немецких и французских авторов по истории Китая и Монголии. Сопоставляя данные китайских источников и русской литературы, М. Куран установил, что если первые рисуют ойратов только как разбойников, а их ханство как разбойничью организацию, то в описаниях русских авторов Джунгарское ханство выступает как государство с налаженной административной системой и развитой коммерцией. В целом работа М. Курана не идет дальше регистрации и описания политических и военных событий, ее автор не пытается их анализировать, его не интересует жизнь народа. Главной идеей произведения является конфликт между двумя силами — маньчжурами и калмыками (ойратами),— каждая из которых стремилась, сокрушив другую, создать свою империю.

Труд Г. Казна посвящен главным образом русско-китайским отношениям конца XVII — первой четверти XVIII в. Джунгарское ханство и его история интересуют автора не

сами по себе, а лишь в связи с той ролью, которую оно играло во взаимоотношениях между Россией и Цинской империей.

Д. Бэддли, автор оригинального труда «Россия. Монголия и Китай», положил в его основу русские архивные документы из советских архивных хранилищ. Его исследование охватывает период с 1602 по 1676 г. Книга открывается введением, в котором автор пытается проследить историческую эволюцию Монголии до начала XVII в. Самостоятельного научного значения введение не имеет, оно основывается на сведениях, почерпнутых из русской и английской литературы. Что касается самих документов, то они переведены автором в общем вполне удовлетворительно и добросовестно.

В 1935 г. в Лондоне была издана книга, написанная одним из участников центральноазиатской экспедиции Свен Гедина Х. Хаслундом «Люди и боги в Монголии». Автор в 1923 г. жил в народной Монголии, а позднее став членом упомянутой экспедиции, несколько лет жил в Синьцзяне среди торгоутов. Х. Хаслунд довольно обстоятельно освещает основы административного устройства торгоутов и приводит некоторые данные об их общественных отношениях. Он упоминает об одной древней рукописной книге, которую ему читали и разъясняли местные ученые ламы. Книга излагает происхождение и историю торгоутов; торгоутские хронисты писали ее постепенно, в течение столетий. Х. Хаслунд говорит, что извлек из этой рукописи много ценных сведений. «Это — собрание древних документов, написанных на монгольском языке и являющихся чисто монгольскими по своему происхождению; они представляют собой яркую и фантастическую историю предков торгоутского хана и торгоутского народа об их делах в минувшие столетия». О ней, помимо сообщения Х. Хаслунда, мы до сих пор нигде не встречали никаких упоминаний.

Книга Х. Хаслунда представляет определенный интерес, давая возможность проследить эволюцию некоторых общемонгольских и собственно ойратских общественных институтов. Прародиной этих институтов была Джунгария, откуда они в начале XVII в. были вывезены торгоутами и дэрбэтами на Волгу и вновь в последней четверти XVIII в. возвращены в горные долины Юлдуза, где их и наблюдал в 30-х годах XX в. Х. Хаслунд. Подробнее об этом мы скажем ниже.

Мы не останавливаемся здесь на других работах зарубежных авторов, поскольку они посвящены только отдельным периодам или эпизодам истории ойратов. Ниже, при рассмотрении этих периодов или эпизодов, мы к ним вернемся.

Исключительно велико значение тибетских источников по истории Джунгарского ханства. Крупная роль, которую играл Тибет в истории Монголии и Джунгарии в конце XVI, в XVII—XVIII вв., общеизвестна. Изучение и правильное понимание этой истории невозможно без привлечения материалов, характеризующих внутреннее положение Тибета и его взаимоотношения с ойратскими правителями. Этим вопросам в большей или меньшей мере посвящены работы В. Рокхила, Ч. Бэлла, Л. Петеха и др. Ценные сведения о Тибете и событиях начала XVIII в. сообщает также католический миссионер И. Дезидери.

Факты, положенные авторами в основу указанных исследований, с достаточной ясностью раскрывают ту острую борьбу за власть, которая развернулась в Тибете в XVII—XVIII вв. между различными феодальными группировками, выступавшими под знаменами двух главных ламаистских сект — красношапочников и желтошапочников. Они характеризуют переплетение интересов боровшихся в Тибете сил с интересами монгольских феодалов (что привело в конце концов к торжеству желтошапочного ламаизма как в самом Тибете, так и в Монголии) и стремление Джунгарского ханства в конце XVII — начале XVIII в. использовать религиозное влияние и ресурсы Тибета в борьбе против Цинской империи. Ценность указанных трудов, равно как и трудов некоторых русских авторов о Тибете, определяется именно собранными в них конкретными фактическими материалами, позволяющими восстановить историческую обстановку, сложившуюся в то время в Центральной Азии.

Советская историческая литература о Монголии, об ойратах и Джунгарском ханстве решительно порвала с идеалистическими концепциями прошлого, с некритическим отношением к источникам, со всеми другими пороками, свойственными домарксистской исторической науке. В отличие от дореволюционной советская историческая литература, базируясь на методологии марксизма-ленинизма и тщательном изучении источников, главное внимание уделяет раскрытию глубинных процессов, обусловливающих эволюцию форм материального производства и общественных отношений, жизнь народных масс и их классовую борьбу, внутреннюю и внешнюю политику господствующего класса, экономические, культурные и политические взаимосвязи с соседними странами и народами.

В этой связи следует в первую очередь отметить проблему общественного строя монголов, равно как и вообще кочевых народов, которая была поставлена во всей полноте лишь советской исторической наукой и ею разрешена. В 1930 г. в результате специального экспедиционного обследования киргизского кочевого аула впервые было установлено наличие в дореволюционное время феодальных общественных отношений у этого кочевого народа. Это было первым прорывом фронта домарксистской историографии, в которой безраздельно господствовала теория вечного варварства, вечного родового строя у кочевников. В 1933 г. были опубликованы материалы специальной дискуссии по вопросу о генезисе феодализма у кочевых народов. В следующем году вышел в свет труд акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», получивший вскоре всеобщее признание как результат глубокого анализа, основанного на фактическом материале, извлеченном из монгольских источников. Мобилизовав огромное количество исторических и филологических данных, Б. Я. Владимирцов неопровержимо доказал, что социально-экономическим содержанием исторического процесса в дореволюционной Монголии является развитие феодализма. Труд Б. Я. Владимирцова стал классическим образцом исторического исследования, он заслуженно приобрел мировую известность и ныне с успехом используется прогрессивными учеными всех стран.

Из сказанного не следует, впрочем, что исследование Б. Я. Владимирцова свободно от недостатков и ошибок, однако они имеют частный характер и ни в малейшей степени не колеблют основных положений автора. Б. Я. Владимирцов доказал, что

историческое развитие монголов в эпоху феодализма в основном и главном было подчинено действию общих закономерностей истории феодального общества.

Специально историей ойратов Б. Я. Владимирцов не занимался, хотя и высказал ряд существенных замечаний по отдельным ее вопросам. На них мы остановимся ниже.

Образование Советского социалистического государства и его ленинская национальная политика привели к социально-экономическому и культурному возрождению калмыцкого народа. Оживился интерес к изучению исторического прошлого калмыков. В 1926—1929 гг. в Астрахани был опубликован труд К. Пальмова «Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII вв.». Значительное место в этой книге занимает исследование общих для истории калмыков и ойратов вопросов, таких, например, как время и причины откочевки калмыков из Джунгарии, взаимоотношения калмыцких и ойратских ханов и т. д. Не на все эти вопросы К. Пальмов нашел правильные ответы, что следует объяснить крайней недостаточностью имевшихся в его распоряжении источников.

В 1939 г. в «Исторических записках» появилась работа С. К. Богоявленского. «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.». Наряду с уточнением некоторых конкретных данных по истории ойратов автор выступает и с рядом обобщений, хотя зачастую они не подкреплены фактами и надежными доказательствами.

Послевоенные годы характеризуются новым оживлением монголоведения в СССР. В эти годы окрепло сотрудничество советских и монгольских ученых, что выразилось, в частности, в издании в 1954 г. совместного труда «История Монгольской Народной Республики», в котором содержатся и соответствующие разделы по истории ойратов. Ойратам и Джунгарскому ханству посвящены также разделы и главы в советских учебниках по средневековой и новой истории стран зарубежного Востока.

При всем этом, однако, можно со всей определенностью сказать, что ни в СССР, ни за рубежом еще нет полной истории Джунгарского ханства. Диапазон разногласий по основным вопросам истории ойратов XV— XVIII вв. в востоковедной науке остается весьма значительным. Это свидетельствует о том, что создание фундаментальной, подлинно научной истории монгольского народа является еще в известной мере делом будущего, требующим большой предварительной работы по мобилизации новых источников на монгольском, китайском, русском и тибетском языках, а также на языках народов Средней Азии, по критическому изучению новых и старых источников, по монографическому исследованию отдельных периодов и проблем монгольской истории. Лишь на такой основе станет возможным изучение в полном объеме истории Монголии, свободное от идеалистических извращений, от субъективизма и схематизма. В современной Монгольской Народной Республике уже сложился большой отряд ученых-историков, вплотную приступивших к изучению прошлого своей Родины и немало сделавших в этом направлении. Это вселяет уверенность, что успешное решение важной задачи не за горами.

Что касается предлагаемой работы, то ее автор ставил перед собой более ограниченную цель — изложить историю Джунгарского ханства за время его существования. Автор полагает, что упомянутые выше монгольские и калмыцкие

источники, а также русские архивные материалы могут составить вполне достаточную и надежную источниковедческую базу для решения этой задачи в общих и основных чертах. В то же время автор ясно представляет себе, что в будущем, когда в научный оборот войдут новые монгольские, китайские, тибетские и тюрко-язычные источники, его труд потребует значительного, возможно даже большого, дополнения, расширения и уточнения. Только при введении в научный оборот этих источников может быть успешно завершена работа по раскрытию одной из важнейших страниц истории монгольского народа. При всем том автор полагает, что какие бы дополнения и уточнения ни были внесены в дальнейшем в его изложение истории ойратов и их ханства, они будут лишь уточнять и дополнять ее, не опровергая основных положений, оценок и характеристик, даваемых автором настоящей работы. Основанием для такого предположения служат обилие и достоверность документальных материалов из советских архивохранилищ, а также использованные здесь монгольские, калмыцкие и китайские летописи и исторические сочинения, как опубликованные, так и неопубликованные.

Мы уже говорили о монгольских летописях Саган-Сэцэна, «Алтан Тобчи», «Эрдэнийн-эрихэ», «Шара Туджи», о биографии Зая-Пандиты, о «Сказаниях» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена. Эти источники, как нам представляется, использованы в предлагаемой книге в полной мере.

Из китайских источников и литературы мы должны в первую очередь сослаться на переведенную И. Россохиным с маньчжурского языка на русский и оставшуюся в рукописи «Историю о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (микрофильм хранится в библиотеке Института народов Азии АН СССР), о которой подробно мы скажем ниже, а также на уже упоминавшееся историческое произведение «Мэн гу ю му дзи».

Желая выяснить исторические предпосылки образования Джунгарского ханства, автор счел необходимым рассмотреть некоторые важные и в то же время спорные вопросы истории ойратов XV—XVI вв. Он опирался на тексты монгольских историков «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», на «Историю Минской династии» («Мин ши») в изложении Э. Бретшнейдера, Д. Покотилова, В. Успенского и других, а также на тюркоязычные источники в изложении и переводах В. Бартольда, Ч. Валиханова и С. Ибрагимова.

Учитывая, что и эти источники довольно часто противоречат друг другу, автор пытался составить хронику исторических событий на основе совпадающих сведений всех или большинства источников. По его мнению, только таким путем можно избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. Пользуясь этим методом, автор вместе с тем не склонен преувеличивать его значение; он отдает себе отчет в том, что в условиях, когда один, более ранний источник используется авторами последующих исторических сочинений (как это имеет место с «Алтан Тобчи», «Шара Ту-джи» и «Эрдэнийн Тобчи»), ошибки и неточности первого могут быть воспроизведены последующими. И все же в данное время и при наличных источниках этот метод нам представляется наиболее целесообразным.

Возникает вопрос, насколько актуальна сама по себе тема данного исследования, какова связь между проблемами истории Джунгарского ханства и современными задачами советской исторической науки, заинтересована ли последняя и в какой мере в изучении истории ойратов и их ханства?

Ответ на все эти вопросы может быть только один: существует прямая и непосредственная связь между темой данного исследования и современной проблематикой советской исторической науки. Наша историческая наука заинтересована в полном и всестороннем раскрытии истории ойратов и Джунгарского ханства, как и вообще истории монголов, уже хотя бы потому, что исторические судьбы народов Средней Азии, Казахстана, Южной и Восточной Сибири в прошлом не раз теснейшим образом переплетались с судьбой монгольского народа. Правильное понимание истории этих народов невозможно без правильного понимания развития исторического процесса в Монголии и Джунгарии.

Не случайно все труды по истории Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Бурятии, Хакассии и Башкирии, посвященные дооктябрьскому периоду и вышедшие в свет в СССР, не проходят и не могут пройти мимо фактов и явлений, относящихся к истории Монголии и Джунгарии. Нельзя вместе с тем не отметить, что в некоторых трудах содержатся ошибки, вытекающие из непонимания истории Монголии и Джунгарии. Укажем для примера на изданный в 1950 г. учебник по истории СССР для 9 класса средней школы, в котором при изложении истории Казахстана учащимся внушалась мысль, что «в 1758 г. казахский народ под руководством знаменитого батыра хана Среднего жуза Аблая с помощью китайских войск нанес сокрушительный удар джунгарам и освободился от джунгарского ига». Эта формулировка, как будет показано в дальнейшем, очень далека от исторической действительности. Столь же далеко от истины и утверждение, содержащееся во втором издании «Истории Казахской ССР», что «кризис скотоводческого хозяйства, вызванный захватом лучших пастбищ родовой знатью джунгар, заставлял широкие народные массы передвигаться на новые земли и приводил к столкновению джунгар с соседями».

Корни этих и многих других подобных ошибок кроются в незнакомстве с историческими фактами. Автор будет считать свою задачу выполненной, если его труд исключит возможность повторения подобных ошибок и в какой-то мере поможет дальнейшему исследованию истории народов Центральной и Средней Азии, изучению эволюции форм материального производства и общественных отношений у кочевых народов.

Автор считает своим долгом выразить самую глубокую признательность всем, кто критическими замечаниями и консультациями помогал ему в этой нелегкой работе. В первую очередь это относится к академикам И. М. Майскому и Н. И. Конраду, безвременно умершему в 1962 г. члену-корреспонденту АН СССР С.В. Киселеву, профессорам Н. В. Устюгову и Г.Д, Санжееву, старшему научному сотруднику С.Д. Дылыкову и другим специалистам Института народов Азии АН СССР. Особую благодарность автор приносит монгольским коллегам — академикам Б. Ширендыбу и Ш. Нацокдоржи, сотрудникам Института истории АН МНР Н. Ишжамц и В. Тудэв, ознакомившимся с работой в рукописи и высказавшим ряд ценных соображений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

1. ОТ СВЕРЖЕНИЯ ЮАНЬСКОЙ ДИНАСТИИ ДО КРУШЕНИЯ ДЕРЖАВЫ ЭСЕН-ХАНА

История ойратов содержит много еще не решенных наукой загадок. К их числу относятся такие вопросы, как этимология и значение термина «ойрат»; связь между этим термином и часто встречающимся в источниках понятием «дэрбэн-ойрат»; означает ли последнее «Союз четырех ойратов» и если означает, то когда этот союз сложился, какие причины вызвали его к жизни, Каковы были его состав и цели; что явилось причиной длительной междоусобной борьбы восточных монголов и ойратов; чем объясняется начавшееся в середине XV в. падение военной и политической активности ойратов и их новая активизация во второй половине XVI в.

Перечисленные вопросы обсуждаются в исторической литературе около полутора веков, но убедительного ответа на них не дано по сей день.

Большинство русских и зарубежных монголоведов разделяло мнение, высказанное в начале XIX в. А. Ремюза и И. Я. Шмидтом, что термин «ойрат» имеет в своей основе монгольское слово «ойра» (oyir-a) — «близко» и что его, следовательно, надо понимать как выражение «близкий», «союзник»; будучи присоединено к другому монгольскому слову — «дэрбэн» (dorben), означающему «четыре», оно образует формулу «дэрбэн-ойрат», т. е. «Союз четырех ойратов».

Придерживаясь этой точки зрения, ее сторонники видели свою задачу в том, чтобы выяснить время и причины образования «Союза четырех ойратов», определить состав его участников и проследить его историю.

Далеко не все ученые были согласны с этой концепцией. Первым выступил против нее Доржи Банзаров. Он утверждал, что слово «ойрат» «происходит вовсе не от ойра, а составлено из слов ой-арат, которые соответствуют Рашидову оин ирген, т. е. "лесной народ"».

Исследователь истории Кукунора В. Успенский пошел еще дальше. Он был убежден в том, что слово «дэрбэн» в формуле «дэрбэн-ойрат» не означает «четыре», а является именем племени, много раз упоминаемого Ра-шид-ад-дином. Точку зрения В. Успенского активно поддержал Г. Грум-Гржимайло, видевший в ойратах и дэрбэнах особые монгольские племена, игравшие заметную роль в исторических событиях XIII в. Г.И. Рамстедт в свою очередь допускал, что термин «ойрат» вообще не содержит реального смыслового значения, и на этом основании отказывался от попыток дать его перевод.

Вопрос о происхождении и значении термина «ойрат» остается открытым до настоящего времени. Со своей стороны мы можем лишь сказать, что теория, согласно которой «ойрат» означает «союзник», а «дэрбэн-ойрат»— «Союз четырех ойратов», не находит подтверждения, как это мы покажем ниже, в реальных исторических фактах.

Сторонники этой теории в своем большинстве считали, что союз ойратов сложился непосредственно вслед за свержением Юаньской династии и изгнанием монгольских завоевателей из Китая, т. е. в конце XIV в. На этой точке зрения стоял Н. Бичурин, по мнению которого в Джунгарии в конце XIV в. кочевали три крупных ойратских поколения — чорос, хошоут и торгоут; они образовали союз и поставили во главе его представителя поколения чорос Махмуда. В дальнейшем, когда из поколения чорос выделились дэрбэты, ойратский союз стал четырехчленным, в его составе было уже не три, а четыре поколения; именно с этого времени, т. е. с середины XV в., союз стал называть себя «дэрбэн-ойрат».

В. Бартольд тоже считал, что ойратский союз сложился в конце XIV в., но в отличие от Н. Бичурина он видел в этом союзе с самого начала не трех, а четырех участников — чорос, хошоут, торгоут и хойт. С мнением В. Бартольда был согласен В. Рязановский, но в отличие от него и от Н. Бичурина он рассматривал ойратский союз не как объединение поколений, а как союз племен чорос, хошоут, торгоут и др. К. Костенков, долгие годы проживший на Волге среди калмыков и изучавший их историческое прошлое, также относил образование ойратского союза к концу XIV в., но иначе представлял себе его состав и участников; он полагал, что вначале в союз входили племена чорос, хойт и хошоут, к которым в дальнейшем присоединились торгоуты, в результате чего и оформился «Союз четырех ойратов» — «дэрбэн-ойрат». Акад. С. Козин в отличие от всех упомянутых выше ученых предполагал, что ойратский союз существовал уже во времена Чингисхана как «четырехъединый каганат», и в таком именно виде союз вошел в состав чингисовой империи . Английский монголовед Г. Ховорс также считал, что дэрбэн-ойраты представляли собой объединение, конфедерацию «четырех союзников», возникшую в эпоху средних веков, и термин «дэрбэн-ойраты» аналогичен термину «союзники», под которым были известны русским англичане и французы во время Крымской войны.

Указанные нами ученые, как видим, не расходились в понимании значения слов «дэрбэн-ойрат»; все они считали, что за этими словами скрывался реально существовавший «Союз четырех ойратов». Однако они значительно расходились в определении состава союза, а также в вопросе о социально-экономической природе его участников. По мнению одних, чорос, хошоут, торгоут были феодальными владениями, тогда как другие видели в них различные монгольские племенные группы — этнонимы.

Иначе представляли себе раннюю историю ойратов Д. Банзаров, В. Успенский, Э. Бретшнейдер, Г. Грум-Гржимайло. По мнению Д. Банзарова, название «дэрбэн-ойрат» появилось во времена Чингисхана, когда все население Монголии было разбито на тумены, причем ойраты составили четыре таких тумена. Опираясь на этот бесспорный исторический факт, Д. Банзаров считал, что название «дэрбэн-ойрат» означает не что иное, как четыре ойратских тумена. Он писал: «Поэтому-то монголы вместо Дурбэн-ойрат говорят еще Дурбэн, Дурбэн тумен и Дурбэн тумен ойрат... Вот где начало Четырех ойратов, а не в формальном составлении настоящего четверного союза».

В. Успенский, ознакомившись с рядом китайских источников и исторических сочинений, установил, что в них содержится немало противоречий и расхождений.

По одним данным, ойраты в начале правления Минской династии разделялись на четыре рода или отдела — хошоутов, джунгаров, дэрбэтов и торгоутов, каждый из которых имел отдельного хана; кроме указанных существовал еще небольшой род хойтов, принадлежавший дэрбэтам ; в XVII в., когда торгоуты откочевали в Россию, их место заняли хойты, вошедшие в число «Четырех ойратов». Таким образом, по данным этих китайских источников, в состав ойратского союза входили с конца XIV и до начала XVII в. хошоуты, джунгары, дэрбэты и торгоуты, с начала XVII в. и до конца существования Джунгарского ханства — хошоуты, чжунгары, дэрбеты и хойты, а с конца XVIII в., когда в Синьцзян (провинция, образованная на территории бывшего Джунгарского ханства) вернулись с Волги торгоуты, ойратов оказалось уже шесть — хошоуты, хойты, чоросы, дэрбэты, торгоуты и элюты.

По данным других китайских авторов, ойраты лишь в начале правления Минской династии обосновались на территории Джунгарии, тогда как некоторая их часть осела к северу от Великой стены, между районами Гуйхуачена и Ордоса.

В. Успенский с полным основанием отмечал наличие ошибок и противоречий в указанных источниках и сочинениях: толкуя понятие «дэрбэн-ойрат» как объединение четырех ойратских отделов или родов, они в то же время называют то три, то шесть таких родов и отделов. К тому же они рассматривают слово «джунгар» как имя одного из ойратских отделов, что противоречит фактам. Слово «джунгар» никогда не было этнонимом, оно во все времена означало левую сторону, левую руку. Этим словом обозначали в свое время левое крыло войск Чингисхана; в дальнейшем каждое монгольское владение имело свой джунгар, свою «левую руку».

Э. Бретшнейдер, как и В. Успенский, отвергал в принципе идею о «Союзе четырех ойратов», сложившемся якобы в конце XIV в. В своих рассуждениях он исходил главным образом из показаний «Мин ши», согласно которым ойраты в Джунгарии после изгнания монгольских завоевателей из Китая представляли собой единый народ, коим управлял один из юаньских полководцев — Мункэ-Тэмур. Только после смерти Мункэ-Тэмура ойраты разделились на три племени. Во главе одного оказался Махаму, во главе другого — Тайпин, во главе третьего — Бату-Болот. Все они поддерживали отношения с Минской династией как самостоятельные правители своих владений.

Г. Грум-Гржимайло, сопоставляя данные литературы и источников о составе ойратского союза и о времени его образования, подчеркивал чрезвычайный разнобой в трактовке этих вопросов. Выше мы уже указывали, что, по мнению самого Г. Грум-Гржимайло, союз ойратов с дэрбэнами сложился еще во времена Чингисхана. Он отождествлял дэрбэнов с дэрбэтами и на этом основании утверждал, что в ойратском союзе, длившемся до середины XVI в., когда из дэрбэнского (дэрбэтского) дома выделилось левое крыло, закрепившее за собой наименование джунгар, установилась дэрбэтская гегемония. Время присоединения к дэрбэн-ойратскому союзу хошоутов, торгоутов, хойтов и других Г. Грум-Гржимайло считал неустановленным, но предполагал, что это произошло гораздо позднее, в период обострения борьбы против восточных монголов, когда во главе союза стояла дэрбэн-ойратская княжеская фамилия. Хойты и чорос, по мнению Г.

Грум-Гржимайло, имеют общее происхождение с дэрбэнами (дэрбэтами). Выделившись, они образовали самостоятельные поколения.

Особое мнение по этим вопросам было у П. Палласа. Он утверждал, что монголы как единый народ делились на две главные ветви — собственно монголов и дэрбэн-ойратов, а последние «...паки разделились на четыре поколения: Оёлёт, Хойт, Тиммур и Бага-Бират именуемые. Из оных Оёлёт есть та отрасль, которая в западной Асии и Европе под именем калмык известна... Оёлёты, или калмыки... разделяются, по крайней мере со времени разрушения монгольской монархии, как многочисленный народ на четыре главные отрасли, именуемые Хошот, Дербет, Зоонгар и Торгот, которые по отделении их от монголов под властью разных князей состояли».

Как видим, вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан.

Меньше разногласий среди историков вызывал вопрос о причинах образования ойратского союза и его целях. Все исследователи, как правило, видели эти причины в стремлении объединить силы ойратов для борьбы против восточных монголов, для завоевания господства над всей Монголией, для восстановления империи чингисидов. Н. Бичурин, например, не сомневался в том, что главной причиной образования ойратского союза в составе сначала трех, а затем четырех поколений было соперничество с восточными монголами и невозможность для этих поколений порознь добиться успеха. Объединившись в союз и выдвинув талантливых правителей в лице Тогона (1418—1440) и Эсена (1440—1455, по другим данным, 1456)—выходцев из дома Чорос, ойраты одолели своих соперников и оказались во главе всех монголов. Однако со смертью Эсена умерло и могущество ойратов, закончился хотя и краткий, но блистательный период их истории.

Доржи Банзаров тоже считал, что «ненависть» к восточным монголам была главным стимулом объединений ойратов в союз. На этой же точке зрения стоял и Г. Рамстедт, который писал, что со времени ослабления монгольской власти, особенно после свержения Юаньскои династии, «имя ойрат делается все более и более известным; ойраты, или дорбон-ойраты ("четыре ойрата"), выступают в виде врагов восточных монголов, стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от «сорока» монголов».

С. Козин утверждал, что ойраты считали себя связанными с империей Чингисхана и его преемников лишь династииными узами как члены федерации, созданной чингисидами. Поэтому после изгнания потомков Чингисхана из Китая ойраты перестали признавать главенство восточномонгольских правителей. Они формируют не только вполне суверенное государство, но и претендуют на главенство среди монгольских племен и народов.

В. Успенский и Э. Бретшнейдер, как мы уже говорили, отклоняли в принципе идею об ойратском союзе и поэтому не задумывались над вопросом о причинах его образования.

Что касается Г. Грум-Гржимайло, то он стремился выяснить не причины образования этого союза в конце XIV в., ибо союз дэрбэнов и ойратов существовал, по его мнению, еще при жизни Чингисхана, а то новое, что внесла в союз изменившаяся обстановка, сложившаяся в Монголии в связи с изгнанием монгольских завоевателей из Китая. Важнейшей особенностью этой обстановки было, по его мнению, обострение борьбы между восточными и западными монголами, вдохнувшее новую жизнь в ойратский союз, привлекшее в его ряды новых членов и укрепившее связывавшие их узы.

Таким образом, резкое обострение борьбы между восточными и западными монголами признается всеми без исключения исследователями как факт большого значения, имевший серьезные последствия в истории страны. Но каковы же причины этой борьбы, во имя чего она велась? Вот вопросы, на которые должна была дать ответ историческая наука. Что же говорили об этом представители старой, домарксистской историографии?

Все они, начиная с П. Палласа и кончая А. Позднеевым, безуспешно пытались объяснить борьбу между восточными и западными монголами специфическими особенностями «природы» кочевых обществ, в силу которых кочевники якобы не могут существовать без грабительских войн и вторжений в земли соседей. Сторонники этой концепции в своем большинстве видели в борьбе ойратов против их восточных собратьев только стремление к установлению ойратского господства над всей Монголией с единственной целью подготовить новое общее наступление на Китай и восстановить империю чингисидов под своей властью.

Несколько иначе объяснял эту борьбу В. Успенский. Он считал, что в ее основе лежали противоречия между ойратами, представлявшими интересы старой степной аристократии, преданной традициям предков, и окитаившимися восточными монголами, отрекавшимися от этих традиций.

Следует отметить, что и в советской исторической литературе время от времени появляются произведения, продолжающие, а иногда и развивающие традиции старой, домарксистской школы. Авторы этих произведений как и их далекие предшественники, вместо того чтобы искать причины монголо-ойратской борьбы в особенностях конкретно-исторической обстановки и политике господствующего класса как восточных монголов, так и ойратов ищут эти причины в особенностях природы и психологии кочевников. Укажем для примера на работу С. Богоявленского, посвященную истории калмыков XVII в., на труд С. Козина о калмыцком эпическом сказании «Джангариада».

Б. Владимирцов, внесший огромный вклад в изучение истории монгольского народа, объяснял причины монголо-ойратской борьбы по-своему. Основной движущей силой монгольской истории XV и первой половины XVI в. была, по его мнению, борьба двух слоев монгольской аристократии: на одной стороне выступали прямые потомки Чингисхана, так называемые тайджи, на другой — служилая знать, темники, тысячники, сотники и другие сановники, выходцы из среды степной аристократии. В этой борьбе восточномонгольские феодалы выступали как представители чингисидов, тайджи, а ойратские феодалы представляли интересы служилой знати, так называемых сайтов. Но и это объяснение, как нам кажется, не является полным

и исчерпывающим, хотя и представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с идеалистическими построениями предшественников Владимирцова.

Такова разноголосица, охватывающая, как мы видим, обширный круг важных вопросов ранней истории ойратов, Как же нам установить истину? Обратимся к источникам.

«Алтан Тобчи» — первая дошедшая до нас летопись послеюаньского периода — рассказывает, что однажды приближенный Эльбек-хана (1392—1399), ойратский сановник Хутхай-Тафу (xudxai tafu) сопровождал хана на охоте. Хутхай-Тафу обратил внимание хана на Ульд-зейту-Гоа, жену его сына Харгацуг-Тугуренг-Тэмур-хун-тайджи, которая «белее снега, а ее ланиты — как кровь на белом снегу». Вскоре хан, плененный красотой невестки, убил своего сына, а ее взял себе в жены. Хутхай-Тафу рассчитывал получить от Эльбек-хана соответствующее вознаграждение, почетный титул и должность. Но спустя некоторое время Хутхай-Тафу пал жертвой мести молодой ханши, инсценировавшей попытку Хутхай-Тафу изнасиловать ее. Разгневанный Эльбек-хан убил Хутхая. Ульдзейту-Гоа вскоре призналась хану в содеянном. Эльбек-хан, убедившись в невиновности убитого и чувствуя раскаяние, призвал сыновей Хутхай-Тафу — Батулучинсанга и Угэчи-хашига — и назначил их правителями четырех ойратских туменов. Но они «в год змеи, на шестом году царствования Эльбек-хана убили его, взяли четыре тумена ойратов и, отделившись, сделались непримиримыми врагами. Таким образом власть монголов перешла к ойратам».

«Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи» в общем подтверждают сведения, изложенные в «Алтан Тобчи». «Шара Туджи» опускает некоторые подробности, а «Эрдэнийн Тобчи» называет Хутхай-Тафу тысячником, вкладывает в уста Эльбек-хана обещание наградить Хутхай-Тафу за услугу в овладении красавицей Ульдзейту-Гоа и пожаловать ему титул чинсанга, а также назначить правителем всех ойратов. Наряду с этими новыми данными «Эрдэнийн Тобчи» в одном случае исправляет автора «Алтан Тобчи», называя мужа Ульдзейту-Гоа, Хар-гацуг-Тугуренг-Тэмур-хунтайджи, не сыном, а младшим братом Эльбек-хана. В другом случае «Эрдэнийн Тобчи» в согласии с «Шара Туджи» уточняет сообщение «Алтан Тобчи», указывая, что Эльбек-хан после убийства Хутхай-Тафу призвал не обоих сыновей последнего, а одного Батулу, которому пожаловал титул чинсанга, дал ему в жены свою дочь Самор Гунджи и назначил его правителем всех ойратских туменов. «Шара Туджи» при этом прямо указывает, что Хутхай-Тафу происходил из рода Чорос. Во всем остальном показания этих трех монгольских источников совпадают.

Имея в виду совпадающие данные трех монгольских летописей, мы можем считать твердо установленным следующее. В послеюаньский период ойратские деятели впервые упоминаются источниками в годы правления Эльбек-хана, правнука последнего юаньского императора Тогон-Тэмура, т. е. спустя четверть века после изгнания монгольских завоевателей из Китая. В течение всего этого времени, а возможно и раньше, в период пребывания Юаней у власти, ойратская знать находилась в тесном и разностороннем сотрудничестве с восточномонгольской знатью, в частности с потомками юаньских императоров, к которым ойратские феодалы относились как вассалы к своим сюзеренам. Первым открытым

выступлением ойратских феодалов против восточномонгольских явилось убийство Эльбек-хана в 1399 г.— через шесть лет после смерти ойратского тысячника Хутхай-Тафу, после чего ойраты вышли из-под власти всемонгольского хана. В этот период, как единодушно отмечают наши монгольские источники, ойраты не знали иного разделения, кроме общепринятого в тогдашней Монголии деления на тумены, тысячи и т. д.; они представляли собой этнически и политически единое целое, население одного объединенного феодального владения, во главе которого стояли единоличные правители и иногда соправители, так называемые джинонги.

Основательность этих выводов подтверждается еще и тем, что неизвестные авторы «Алтан Тобчи» и «Шара Туджи», будучи несомненно выходцами из восточномонгольской знати, не могли быть проойратски настроенными; тем более не мог быть ойратофилом Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», крупный феодал, владетельный князь Ордоса. Все это дает основания с полным доверием отнестись к их сообщениям.

Отметим, что и официальная история Минской династии «Мин ши» со своей стороны подтверждает некоторые приведенные выше важные показания монгольских источников. Так, например, по данным «Мин ши», один из юаньских военачальников Мункэ-Тэмур еще до свержения Юаней (или вскоре после этого) объявил себя правителем ойратов и оставался им до своей смерти, после чего его владение разделилось на три части, каждой из которых управлял отдельный правитель: Махаму, Тайпин и Бату-Болот. «Мин ши» говорит, что эти правители были первыми из монгольских князей, искавшими мира с Китаем и направившими с этой целью в Пекин послов с данью.

В 1409 г. император Чжу Ди пожаловал трем ойратским правителям почетные титулы. Послы из Джунгарии в Китай направлялись без длительных перерывов один за другим. Эти мирные и дружественные отношения прервались и уступили место вооруженным вторжениям ойратов в китайские пределы лишь после того, как ойраты подчинили своей власти всю Монголию. Летопись Минской династии подтверждает, следовательно, сообщения монгольских источников, что первым ойратским правителем был военачальник, находившийся на службе у потомков юаньских императоров, что при нем ойраты были объединены в одном феодальном владении, которое разделилось лишь после его смерти, что борьба ойратов против восточных монголов началась далеко не сразу после свержения Юаньской династии.

Отделившись от восточных монголов, т. е. отказавшись подчиняться общемонгольским ханам, ойраты прочно обосновались на западе Монголии, где, управляемые своими ойратскими князьями, повели с начала XV в. самостоятельную внешнюю политику. Монгольские источники ничего не говорят о ней, но данные «Мин ши» свидетельствуют, что ойратские правители в эти годы стремились установить добрососедские отношения с Минской династией. Такая политика диктовалась общей внутренней и внешней обстановкой Западной Монголии. Важнейшей особенностью этой обстановки был разрыв традиционных торговых связей Монголии с Китаем, последовавший за изгнанием монгольских завоевателей и военными действиями между Минской династией и монгольскими ханами.

Восстановление торговли с Китаем было жизненной необходимостью для ойратских правителей; добиться этой цели они могли либо мирным путем, либо войной и предпочли решать задачу мирным путем. «Мин ши» содержит многочисленные упоминания об ойратских посольствах, прибывавших ко двору минского императора. Не приходится сомневаться, что эти посольства были не только и, пожалуй, не столько дипломатическими миссиями, сколько купеческими караванами. Забегая вперед, скажем, что так было не только в начале XV в., но и позже, вплоть до XVIII в. Посылка караванов свидетельствовала об объективно-экономической заинтересованности ойратов, так же как и восточных монголов и всех вообще кочевых скотоводческих народов, в налаженном торговом обмене с их оседлыми земледельческими соседями. Следует при этом отметить, что для ойратских князей военный путь решения задачи был в начале XV в. затруднен развернувшейся на западных рубежах их владений борьбой против могулистанских ханов, с конца XIV в. укрепившихся в Восточном Туркестане в районах между р. Или, Болором и Куньлунем. В это время владения ойратских феодалов располагались на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Могулистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Таким образом, ойратские владения оказались со всех сторон окруженными кочевыми скотоводческими ханствами и княжествами, широкой полосой отделившими их от оседлых земледельческих стран и народов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

1. ОТ СВЕРЖЕНИЯ ЮАНЬСКОЙ ДИНАСТИИ ДО КРУШЕНИЯ ДЕРЖАВЫ ЭСЕН-ХАНА

продолжение . . .

В этих условиях Китай действительно был единственно возможным рынком сбыта излишков скотоводческой продукции ойратов и источником снабжения продуктами земледелия и ремесленного производства. Мирный торговый обмен с Китаем облегчался еще и тем, что, как свидетельствует «Мин ши», минские императоры в начале XV в. стремились привязать к себе ойратских правителей в связи с борьбой за престол, начавшейся после смерти Чжу Юань-чжана (1399), и пытались использовать ойратов для борьбы против восточномонгольских ханов, представлявших в то время главную опасность для молодой Минской династии.

На западе, как мы видели, дорогу к рынкам оседлых земледельческих народов Средней Азии преграждали ойратам земли Могулистана.

Вооруженная борьба ойратских феодалов против Могулистана безусловно началась раньше, чем борьба против Китая. Тюркоязычные источники сообщают, что ойратские нападения на Могулистан происходили еще в конце XIV в., но тогда они успеха, по-видимому, не имели, ибо как раз в то время правитель Могулистана

Туглук-Тимур-хан полностью овладел всей территорией от Или до Болора и Куньлуня. Правда, в 1408 г. ойраты овладели Бешбалыком, но это еще далеко не закончило могулистано-ойратскую борьбу, которая, напротив, тянулась с переменным успехом в течение всего XV и начала XVI в. Экономической основой вооруженных столкновений между ойратскими и могулистанскими феодалами являлась борьба за торговые пути, за выход к рынкам сбыта и источникам снабжения ойратов. При этом играли роль и такие факторы, как стремление феодалов обеих сторон расширить сферу феодальной эксплуатации путем увеличения подвластной им территории и числа подданных, захватить военную добычу и т. д. Монгольские, китайские, тюркоязычные, а с начала XVII в. и русские источники содержат множество данных, свидетельствующих о том большом значении, которое имели эти факторы в военной истории монгольских феодальных владений в послеюаньский период, в их междоусобной борьбе и в их нападениях на пограничные районы Китая, России и т. д. Но факты тем не менее убедительно свидетельствуют, что главную роль во внешней политике монгольских феодалов играла борьба за пути к рынкам сбыта и источникам снабжения, за возможность бесперебойного обмена между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами и ремесленниками.

В годы правления Вейс (Увейс) - хана (1418—1429) между ойратами и Могулистаном шла непрерывная вооруженная борьба. В 1422 г. Вейс-хан занял Турфанский оазис, расположенный к югу от ойратских кочевий, и перенес в г. Турфан столицу Могулистана. Интересно отметить, что в том же году, когда Турфан был занят могулистанцами, произошло нападение ойратов на Хами. Не исключено, что это было не случайным совпадением, а отражало борьбу за господство над торговыми путями между ойратскими и могулистанскими феодалами. В. Бартольд, ссылаясь на «Тарих-и-Рашиди», сообщает, что за годы своего правления Могулистаном Вейс-хан дал 61 сражение ойратам, победив лишь однажды. В 1425 г. в Могулистан вторгся с севера Улуг-бек, внук знаменитого Тимура, располагавшийся со своей армией в зимние месяцы в горах Юлдуза — в непосредственном соседстве с южными и западными рубежами ойратских кочевий.

Каковы были в рассматриваемое время отношения ойратских правителей и их ближайших соседей — восточномонгольских ханов и князей?

Известные нам монгольские источники, к сожалению, небогаты фактическими данными, на основании которых можно было бы проследить ход событий в Восточной и Западной Монголии после убийства Эльбек-хана и развитие взаимоотношений между правителями обеих частей страны.

Автор «Алтан Тобчи» впервые упоминает об ойратах, лишь описывая годы правления пятого преемника Эльбек-хана — Адая, правившего страной с 1435 по 1449 г. «С давнишней ненавистью к ойратам,— говорится в ..Алтан Тобчи",— Адай-хан собрал своих монголов и предпринял поход против них». Перед сражением состоялся поединок, для участия в котором обе стороны выделили по одному богатырю. Лагерь Адай-хана представлял Шигустэй-багатур-нойон, от ойратов вышел Гуйлинчи-багатур. Заслуживает внимания указание источника, что оба богатыря были давнишними друзьями, побратимами, задолго до сражения

условившимися встретиться в поединке в случае войны ойратов с восточными монголами. После поединка произошло сражение, закончившееся поражением ойратов, гибелью сына Хутхай-Тафу Батула-чинсанга, пленением его жены и сына Тогона. Заканчивая рассказ об этом сражении, «Алтан Тобчи» делает такой вывод: «Вот каким образом владычество ойратов перешло к монголам». Вскоре, однако, Адай-хан по просьбе матери Тогона, ставшей женой хана, отпустил знатного пленника с почетом на родину, дав ему в сопровождение двух специальных послов. «Лишь только Тогон-тайши прибыл, как собрались ойраты, угулеты, багатуты и хойхаты — дурбэн-тумен». Вскоре Тогон-тайши убил Адай-хана. «Вот каким образом, — заключает "Алтан Тобчи",— власть над монголами была захвачена ойратами».

Ханы	«Алтан Тобчи	«Шара Туджи	«Эрдэнийн Тобчи"
Эльбек-хан	1394—1401	1392-1399	1393—1399
Тогон	1401—1405	не упоминает	не упоминает
Олой-Тэмур	1405—1418	не упоминает	не упоминает
Гун-Тэмур	не упоминает	1399—1407	1400—1402
Ульдзей-Тэмур	не упоминает	1407—1415	1404—1410
Дельбек-хан	1419—1424	1415—1420	1423—1428
Ойгатай-хэн	1424 — 1435	не упоминает	не упоминает
Адай-хан	1435 — 1449	В скоре после Дельбек-хана правил 12 лет	1426 — 1428

«Шара Туджи» несколько иначе излагает ход событий. Автор этого источника сообщает, что Батула-чинсанг, сын Хутхай-Тафу, был убит не в бою с восточными монголами, руководимыми Адай-ханом, а пал от руки своего брата Угэчи-хашиги в год смерти Дельбек-хана, т. е. в 1420 г. Сам Угэчи-хашига в том же году умер. Вскоре Адай-хан выступил против ойратов, у которых вспыхнула усобица, нанес им поражение, взял в плен сына Батула-чинсанга Бахаму и назвал его Тогоном. Через некоторое время Тогон освободился из плена, взял своих «дурбэн-ойратов», напал на Адай-хана и убил его". Описанный выше поединок между восточномонгольским и ойратским богатырями по «Шара Туджи» имел место не в данном случае, а значительно позже, при хане Дайсуне.

Что касается «Эрдэнийн Тобчи», то автор этой летописи почти полностью, иногда текстуально, воспроизводит рассказ «Шара Туджи». У него, однако, имеется интересное указание на факт тесной дружбы, связывавшей Адай-хана с двумя ойратскими юношами, Саймучином и Салмучином, которым Адай-хан оказывал исключительное доверие.

Итак, три наших монгольских источника возвращаются к теме об ойратах лишь в связи с событиями 1425—1438 гг., когда между восточными монголами и ойратами произошло сражение, коему, как рассказывает «Алтан Тобчи», предшествовал «рыцарский» поединок. Этот поединок служит новым подтверждением того, что у

восточных и западных монголов существовали тесные связи, о чем свидетельствует, между прочим, обычай побратимства. Следует отметить, что «Алтан Тобчи» здесь впервые называет ойратские тумены (ойрат, огулет, багатут и хойхат — по тексту Гомбоева и только багатут — по Боудэну); переход власти от ойратов к восточным монголам и обратно автор «Алтан Тобчи» связывает прямо и непосредственно с исходом тех или иных сражений между ними.

Сведения «Мин ши» о событиях первой четверти XV в. в одних случаях уточняют и дополняют данные монгольских источников, в других — расходятся с ними. Согласно «Мин ши», в 1400г. на ханский трон в Восточной Монголии сел старший сын Эльбек-хана Гун-Тэмур, которого в 1402 г. сменил Гуйлинчи, царствовавший до 1408 г., когда ханом стал Бэнь-я-ши-ли. Вооруженные столкновения между ойратами (которые, кстати сказать, именно в это время впервые упоминаются в «Мин ши») и восточными монголами начались еще при хане Гуйличи, т. е. в 1402—1408 гг. В 1409 г. император Чжу Ди наградил почетными титулами и ценными дарами трех ойратских правителей, уделив особое внимание Махаму. Вскоре ойраты совершили очередное нападение на восточных монголов, а в 1412 г. убили Бэнь-я-ши-ли и возвели на ханство Дельбек-хана. В 1413 г. главный ойратский правитель Махаму, недовольный установлением мирных отношений между восточными монголами и Минской династией, начал военные действия против Китая, но в 1414 г. потерпел поражение. Неудачно для ойратов закончились также бои с восточными монголами, имевшие место вскоре после событий 1413—1414 гг. В этих условиях Махаму начал переговоры о мире, направив в Пекин послов и дань. Переговоры затянулись, а Махаму тем временем умер. В 1418 г. в Пекин прибыли послы, отправленные уже сыном Махаму Тогоном. Тогон просил китайского императора пожаловать ему те почетные титулы, коими был удостоен его покойный отец. Пекин удовлетворил просьбу Тогона, который до 1422 г. не тревожил китайские рубежи.

Нам представляется наиболее существенным расхождение «Мин ши» с данными монгольских источников о времени, когда началась вооруженная борьба ойратов с восточными монголами. «Мин ши» считает, что бои между ними начались в годы правления Гуйличи, т. е. в первом десятилетии XV в., а монгольские источники, как мы видели, единодушно относят их начало к третьему десятилетию XV в. Мы склонны думать, что в этом вопросе монгольские источники ближе к истине. Трудно представить, чтобы авторы трех монгольских летописей, выходцы из среды восточномонгольской знати, ни словом не обмолвились о многочисленных сражениях, происходивших между их предками и ойратами в течение почти двух десятилетий, если бы эти сражения действительно имели место. Следует отметить и то, что власти Минской династии впервые встретились с ойратами и познакомились с ними лишь после смерти Эльбек-хана, т. е. не ранее начала первого десятилетия XV в. Более чем вероятно, что их первые сведения об ойратах были неточными.

Очередное упоминание об ойратах мы находим в «Алтан Тобчи», когда речь идет о правлении Дайсун-хана, пришедшего на смену Адай-хану. «Алтан Тобчи» повествует, что Дайсун-хан и его брат Накбарджи-джинонг условились с ойратами сойтись для битвы в местности Минган-хара. Когда восточные монголы прибыли в указанное место, то увидели, что ойраты уже ожидают их. Ойратское войско

возглавлял сын Тогона Эсен-тайджи. Ойраты напали на восточных монголов, но восточные монголы пожелали начать с ними переговоры о мире. Мир, видимо, был заключен, ибо автор «Алтан Тобчи» определенно утверждает, что ойраты покинули поле сражения и что последующие события развернулись уже посли их ухода. Вслед за указанным столкновением между Дайсун-ханом и его братом Накбарджи-джинонгом начались распри из-за отказа последнего вернуть хану одного из подданных, убежавшего от хана к джинонгу с конем и полным вооружением. Считая себя обиженным, джинонг решил отделиться от брата и объединиться с ойратами, к которым отправил послов с извещением о своем решении. Выслушав послов, ойрат-ские князья устроили совет, который решил предложить джинонгу стать ханом, а должность джинонга, т. е. соправителя, отдать им, ойратам. При этом условии ойраты соглашались объединиться с джинонгом. Джинонг принял предложение, откочевал от восточных монголов и соединился с оиратами. Вскоре объединенные силы ойратов и джинонга выступили в поход против Дайсун-хана. Последний не принял боя и бежал на Керу-лен, где был на 15-м году правления убит своим тестем. Через некоторое время ойратские князья стали напоминать джинонгу о заключенном между ними соглашении, в соответствии с которым он должен был занять ханский трон, а должность и титул джинонга передать Эсен-тайджи, сыну Тогона. Как реагировал Накбар-джи-джинонг на это обращение ойратских князей— не вполне ясно. «Алтан-Тобчи» говорит о пиршестве, устроенном оиратами, во время которого Накбарджи и все восточномонгольские сановники, пришедшие с ним, были убиты. «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», так же как и «Алтан Тобчи», рассказывают о конфликте Нак-барджи-джинонга и его брата Дайсун-хана, об отделении первого от второго, о соединении Накбарджи с оиратами, об их совместном походе против Дайсун-хана, об убийстве последнего и о гибели самого Накбарджи. Оба источника вводят, однако, в это столкновение эпизод с поединком двух богатырей, который «Алтан Тобчи» относит, как мы видели, к более раннему периоду — к войне ойратов против Адай-хана.

В «Мин ши» Дайсун-хан (пришел к власти в 1439 г.) именуется То-то-бу-хуа. В этом источнике содержится мало сведений о событиях ойратской истории в рассматриваемый отрезок времени. Он сообщает только, что в 1422 г. ойраты совершили свой первый вооруженный набег в пределы Китая, разграбив район Хами, но что немедленно после этого они направили в Пекин специальное посольство с извинениями по поводу хамийского происшествия, что через год, т. е. в 1423 г., они, руководимые Тогоном, нанесли поражение восточным монголам под командованием Алутая, которого ойраты в 1434 г. убили.

Сопоставляя данные наших источников о событиях третьего и четвертого десятилетий XV в., мы можем уверенно утверждать, что и в этот период взаимоотношения ойратов и восточных монголов отнюдь не сводились только и исключительно к вооруженной борьбе; в промежутках между вооруженными конфликтами у них развивались разносторонние, иногда довольно тесные связи — взаимные браки, побратимство, политическое и военное сотрудничество. Заслуживает внимания указание автора «Алтан Тобчи», что восточномонгольский Шигустэй-багатур, который нанес в единоборстве поражение ойратскому Гуйлинчи-багатуру, в дальнейшем оказался на службе у ойратских правителей. Что касается

взаимоотношений ойратов и Китая, то и здесь в рассматриваемый отрезок времени продолжала преобладать тенденция развития мирной торговли, нарушавшаяся изредка и на короткое время конфликтами местного значения вроде ойратского набега на Хами. Главная линия вооруженной борьбы ойратов в 30-х и 40-х годах XV в. проходила не на востоке, не в направлении Восточной Монголии и Китая, а на западе, в направлении Могулистана.

Особое место в истории ойратов середины XV в. занимают годы правления Эсена, сына Тогона. Все источники уделяют ему много внимания. Унаследовав от отца пост первого правителя ойратских владений, Эсен продолжал отцовскую политику укрепления централизованной власти, добиваясь от местных владетельных князей безоговорочного подчинения своей воле. Факты, сообщаемые «Алтан Тобчи», свидетельствуют о стремлении Эсена распространить власть за пределы ойратских владений и стать повелителем всей Монголии. Для этого он наряду с мероприятиями чисто военного характера систематически истреблял тех представителей восточномонгольской знати, которые противились или могли воспротивиться реализации его властолюбивых планов. Так, по данным «Алтан Тобчи», был убит Шигустэй-багатур, была предпринята попытка убить Харгацуг-тайджи (одного из соратников упоминавшегося выше Накбарджи-джинонга), а также новорожденного сына Харгацуга, был убит монгольский хан Мункэ и др. Сообщив об убийстве Мункэ, «Алтан Тобчи» заключает: «Вот как владычество монголов перешло к ойратам».

В дальнейшем Эсен пошел войной против Китая. «Взяв монголов и ойратов,— продолжает "Алта Тобчи",— он отправился против трех туменов усунских дзурчитов, которых и победил... Когда Эсен-тайджи, покорив дзурчитов, возвращался домой, китайский Джин-тей-хан, направлявшийся с войсками в Монголию, встретился с ним... Эсен-тайджи напал на них и разбил». Как известно, в результате этого сражения в руки Эсена попал император минского Китая Чжу Ци-чжэнь (1436—1450).

Вслед за этим знатнейшие ойраты Алак-Тэмур-чин-санг из Западной Джунгарии и Хатун-Тэмур из Восточной Джунгарии предложили Эсену занять трон хана, а звание тайджи отдать им. Эсен отклонил это предложение под тем предлогом, что звание тайджи он уже отдал своему сыну. Недовольные его ответом ойратские сановники составили заговор, напали на Эсена, нанесли ему поражение и принудили к бегству. Вскоре, рассказывается в «Алтан Тобчи», он был пойман и убит.

«Шара Туджи» в свою очередь весьма подробно описывает скитания Харгацуг-тайджи, искавшего спасения в бегстве из Монголии и обосновавшегося было у токмакского Ак-Мункэ-Баяна, где он и был в конце концов убит. Столь же подробно рассказывает автор «Шара Туджи» о том, как по приказанию Эсена пытались убить новорожденного сына Харгацуга, как его спасла от смерти мать младенца Сэцэг-бэйджи, дочь Эсена, привлекшая к этому делу ряд лиц, в том числе и ойратского латника Ухидэй-дайбу. Но «Шара Туджи» ни слова не говорит о военных предприятиях Эсена, о его походе на Токмак и против дзурчитов, о войне с Китаем, о пленении императора Чжу Ци-чжэня. «Шара Туджи» заканчивает свой рассказ об Эсене указанием на Алаг и Чинсана из ойратского правого крыла, напавших на

Эсена, заставивших его бежать, и сообщает, что Эсен был убит восточным монголом по имени Баху.

Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», не вносит ничего нового в историю Эсена по сравнению с летописью «Алтан Тобчи», рассказ которой о военных походах Эсена он с большой точностью воспроизводит. Из «Шара Туджи» Саган-Сэцэн взял изложение истории спасения малолетнего сына Харгацуг-тайджи.

Зато много важного и интересного сообщает нам «Мин ши». Этот источник прослеживает процесс сосредоточения власти в руках Тогона и особенно в руках его сына Эсена. Оба они, хотя и не были формально ханами и выполняли лишь роль первого министра при хане — потомке Чингисхана, фактически все более оттесняли ханов на задний план, превращая их в номинальных правителей Монголии. Реальным носителем власти был уже Тогон, но в гораздо большей степени им стал Эсен.

Много места «Мин ши» уделяет походу Эсена против Китая, завершившемуся пленением императора. Этому походу предшествовали годы постепенного увеличения требовательности ойратских правителей к пекинскому правительству. «Поведение Эсеня по отношению к китайскому двору никогда не отличалось особенной обходительностью, но в прежнее время он соблюдал, по крайней мере, некоторые формы приличия; так, посланцы его приходили с данью лишь в определенные сроки и число их было ограничено 80 человеками, теперь же они стали являться целыми полчищами и численность их доходила до 2000 и более человек».

Подобные посольства причиняли немало беспокойств минскому Китаю и его правительству, прибывая в Пекин из всех районов Монголии в разное время и в весьма многочисленном составе, приводя с собой скот и требуя за него соответствующих даров. Авторы «Мин ши» жалуются, в частности, на урянхайских монголов, которые одно время стали посылать столь частые и многолюдные посольства, что вынудили императора издать специальный указ, требовавший, чтобы посольства прибывали «лишь в особо торжественных случаях или же при неотложной надобности и должны были состоять из 3—5 человек». Но такие ограничения не устраивали кочевых соседей Китая, особенно их богатую и знатную верхушку, и толкали их на путь вооруженных вторжений.

Так действовал и Эсен, причем его претензии к Китаю росли по мере роста его могущества. «Мин ши» рассказывает: «Нуждаясь при своих постоянных перекочевках в запасном провианте, он послал требование о присылке его пограничным китайским властям». В 1448 г.Эсен отправил в Пекин посольство, состоявшее из 3 тыс. человек. Китайские власти его не приняли. В ответ на это Эсен в 1449 г. выступил в поход против Китая.

Важно отметить, что То-то-бу-хуа (Дайсун-хан), если верить «Мин ши», был против этого похода. По сообщению китайских хронистов, хан заявил Эсену: «Все — наши одежда и пища даны нам великими минцами, как же можно выказать им такую черную неблагодарность?». В этих словах мы видим признание того факта, что монгольская экономика находилась в большой зависимости от китайского

земледелия и ремесленного производства, что война с Китаем могла лишь ухудшить экономическое положение монгольских феодальных владений.

В 1450 г. по инициативе Эсена начались переговоры о мире между монголами и китайским правительством. Ход этих переговоров в изложении «Мин ши» представляет исключительный интерес, раскрывая истинную подоплеку войны. Китайский посол Ян-шань говорил Эсену: «Вы, тайши, посылали по два раза в год посольство с данью; число посланцев ваших доходило до трех тысяч человек, и все они были награждаемы несметным количеством золота и шелковых материй; каким же образом могли вы выказать столь черную неблагодарность?» Эсен на это ответил: «Зачем же вы уменьшили цены на лошадей и зачем часто отпускали негодный, порченый шелк? Кроме того, многие из моих посланцев пропадали без вести и вовсе не возвращались домой, и вы ежегодно уменьшали отпускаемые им награды». Отстаивая свои позиции, китайский посол Ян-шань сказал: «Не мы виноваты в том, что приходилось давать вам менее, чем следовало за лошадей, а вы же сами, так как с каждым годом вы приводили их все больше и больше. Мы не желали отклонять ваших приношений, но не имели возможности уплачивать за все полностью, а потому поневоле должны были уменьшить цену. Что же касается того, что вам часто отпускали порченый шелк, то в этом виноваты казенные поставщики... Ведь нельзя же винить вас самих, тайши, если иногда среди поставляемых вами лошадей попадали никуда не годные клячи». Приведенный нами диалог дает достаточно ясное представление об организации торговли Китая с его кочевыми соседями, о решающем значении торгового обмена во взаимоотношениях Монголии и Китая, об отношениях между покупающей и продающей сторонами. Речи Ян-шаня позволяют заключить, что тогдашний китайский рынок не мог поглотить ежегодно увеличивавшееся количество скота, пригонявшегося в Китай из Монголии. А так как Китай, как мы уже говорили, был в это время единственно возможным для Монголии рынком, то недостаточная его емкость не могла не оказывать влияния на внутреннюю жизнь ойратского общества и на внешнюю политику его господствующего класса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

2. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в

Правление Эсен-хана является важной вехой в истории Монголии. Опираясь на мощь объединенных под его властью ойратских владений, он выступил в роли объединителя всей страны, подавляя силой сопротивление противников. В основе его политики, разумеется, лежали своекорыстные интересы окружавшей его феодальной верхушки, стремившейся к расширению сферы феодальной

эксплуатации, к умножению своих богатств за счет грабежа соседей, к созданию наиболее выгодных условий торговли с Китаем и другими земледельческими странами. Но объективно деятельность Эсен-хана независимо от его субъективных планов и стремлений соответствовала интересам развития Монголии, ибо преодоление феодальной раздробленности и создание объединенного монгольского государства с достаточно сильной центральной властью было важнейшим условием и предпосылкой развития. И ему удалось на какое-то время создать такое объединенное государство, однако недолговечное, не пережившее своего создателя и распавшееся немедленно после его смерти.

Бурные события периода правления Эсен-хана, когда политический центр Монголии переместился с востока на запад, в ставки ойратских князей, привлекали внимание русских и зарубежных исследователей. Большая часть этих ученых, как мы уже говорили, приписывала Эсен-хану стремление восстановить империю, подобную чингисхановой, и искала причины борьбы ойратов с восточными монголами не в противоречиях экономических и политических интересов их феодальных верхушек, а в различиях их психологии, рассматривая эту борьбу как вековечную, каждодневную и непримиримую, исключавшую какое-либо сотрудничество, компромиссы и примирение. Нам представляется, что приведенные выше материалы и показания источников убедительно опровергают эти утверждения.

Большинство русских и зарубежных исследователей обычно отмечали, что со смертью Эсена закончился период ойратской гегемонии в Монголии, а сами ойраты перестали жить исторической жизнью и «исчезли в безвестность».

Н. Бичурин, например, писал, что со смертью этого ойратского деятеля умерло и могущество ойратов, закончился «первый, хотя краткий, но блистательнейший период Чжуньгарского ойратства. С падением Эсеня ойраты не в силах были поддержать своего влияния на Монголию; они принуждены были отказаться от участия в общих делах целого народа и ограничили круг действий своих пределами собственных владений. По сей причине внутренние происшествия их от Эсеня до Хара-хулы, в продолжение 150 лет, малоизвестны». По мнению Н. Бичурина, промежуток в полтора столетия «ойраты провели в отдохновении после бурного потрясения могущества своего. Посему-то с половины XV до XVII века история их почти ничего в себе не содержит, кроме имен некоторых ханов и владетелей поколений— без означения даже лет их царствования».

Известный русский востоковед В. Григорьев утверждал, что после блестящего периода Эсена ойраты (он их называл калмыками) в течение 150 лет, т.е. до самого конца XVI в., не участвовали в делах остальной Монголии.

В. Успенский, как и Н. Бичурин, называл первую половину XV в. героическим периодом истории ойратов, закончившимся со смертью Эсена, после чего центр общемонгольской жизни переместился на юг, в районы Чахара, куда была перенесена и ставка хана Монголии.

Г. Грум-Гржимайло, обобщая историю восточных монголов и ойратов после эсеновского периода, писал: «Такая непрочность ханского престола сопровождалась процессом децентрализации власти, усилением родовых старшин и

распадением монгольских племен. Такого распадения не избегли даже ойраты: часть их ушла на р. Гань-Гань, имея во главе сына Эсеня Хорхудая, часть же откочевала в Хами». В другом месте Г. Грум-Гржимайло отмечал: «Со смертью Эсеня кончилось на время и политическое могущество ойратов; на сцену вновь выступили восточные монголы, которым удалось свергнуть ненавистное иго, наложенное на них Тогоном».

Аналогичным было мнение исследователя истории и этнографии калмыков А. Попова. «Чжунгарцы,—писал он,— еще в половине XV столетия, по падении дома Чоросского, разъединившись с восточными монголами, начали жить своей внутренней жизнью, независимо от своих единоплеменников. Они не принимали тогда никакого участия в войнах между Китаем и халхасцами; им нужен был отдых после сильных потрясений, которые беспрерывно одни за другими следовали и наконец со смертью Эсеня (1453) нанесли роковой удар их могуществу. В этот промежуток времени, продолжавшийся около 150 лет, они, удалившись от шума военного, вступили в торговые сношения с подвластными им восточными туркестанцами».

А. Позднеев в свою очередь писал: «Находясь под управлением чингис-ханидов, ойраты были ничтожны до тех пор, пока в половине XV в. в среде их не появился предприимчивый и деятельный Эсень... Со смертью Эсеня этот короткий, но блистательнейший период жизни ойратов кончился: они снова раздробились на отдельные поколения, снова сделались бездеятельны и незначительны. Так прошло полтораста лет, пока в начале XVII в. не явились у них новые предводители».

Г. Ховорс, подобно русским востоковедам старой школы, также утверждал, что смерть Эсена положила предел героическому периоду истории западных монголов.

Таким образом, с полной ясностью вырисовываются общие и наиболее характерные взгляды старой русской и зарубежной литературы на историю ойратов второй половины XV — первой половины XVI в.: чрезмерное преувеличение личной роли Эсен-хана, которому приписывалось значение чуть ли не единоличного творца ойратской истории того времени, а также роли и значения вооруженной борьбы между ойратами и восточными монголами, изображение ее как непрерывной, непримиримой, имевшей якобы главной целью установление господства первых над вторыми; неправомерное противопоставление эсеновского периода ойратской истории послеэсеновскому. Первый характеризовался как героический, а второй — как исторически пустой и бессодержательный, как период «отдохновения» от бурных событий первого периода; поверхностно анализировались и обобщались факты; подлинные причинно-следственные связи не были раскрыты.

Как же в действительности развивалась история ойратских феодальных владений после крушения державы Эсен-хана?

«Алтан Тобчи» рассказывает, что после смерти Эсена на ханский трон был посажен семилетний сын Дайсун-хана Молон, которого сменил Мандугули. Мандугули умер в год свиньи (1467), и престол перешел к Баян-Мункэ-Болхо-джинонгу, матерью которого была одна из жен Мандугули, дочь ойратского Бэгэрсэн-тайши. Но и этот хан скоро умер. Правительницей Монголии стала знаменитая Мантухай-сайн-хатунь,

энергично взявшаяся за новое собирание монгольской земли, которое она начала с борьбы против ойратских князей. В обстановке еще не закончившейся войны против ойратов на ханский трон был посажен семилетний Бату-Мункэ, вошедший в историю под именем Даян-хана. В годы его правления было завершено начатое Мантухай-сайн-хатунь объединение всей Монголии, во главе которой оказался Бату-Мункэ-Даян-хан. Он подчинил своей власти не только всех восточномонгольских, но и ойратских князей. Последние верой и правдой служили Даян-хану в течение всех лет его правления. Автор «Алтан Тобчи», рассказывая о походе Даян-хана против туметов, сообщает, что среди влиятельных военачальников ханских войск находился ойратский полководец Сегус, сыгравший важную роль в успешном исходе этой кампании. Он выбрал место предстоящего сражения и убедил хана в его преимуществах. Сражение закончилось крупной победой Даян-хана, который щедро наградил участников похода, в том числе и Сегуса, издав указ об освобождении его и его потомков от податей и повинностей.

Таковы данные «Алтан Тобчи» о послеэсеновском периоде ойратской истории, которую этот источник прослеживает до начала второй половины XVI в. О дальнейших событиях ойратской истории «Алтан Тобчи» молчит. Хроника ограничивается туманным сообщением о покорении ойратов туметским Алтан-ханом, не указывая ни времени, ни места, ни других обстоятельств, связанных с этим событием.

«Шара Туджи» излагает события несколько иначе. По данным этого источника, ханом Монголии после смерти Эсена стал Мэргус, сын Дайсун-хана, возведенный на престол своей матерью Самор-Дайху под именем Угэгту-хана. Воцарению Мэргуса предшествовал поход против ойратов, организованный его воинственной матерью, нанесший ойратам серьезное поражение. Вернувшись из похода, Самор-Дайху возвела своего малолетнего сына на ханский трон. Но ханствовал Мэргус недолго. Через год он был убит и заменен Молон-ханом, который через два года тоже был убит. Молон-хана сменил на престоле его дядя Мандугули, матерью которого была ойратская княгиня, жена восточномонгольского Ачай-тайджи. У Мандугули, был соправитель — его племянник Баян-Мункэ-Болхо-джинонг, которого, как об этом говорилось выше, в младенческом возрасте намеревался убить Эсен. Баян-Мункэ-Болхо-джинонг избежал смерти благодаря помощи четырех сановников, доставивших ребенка в Восточную Монголию к Мандугули. Последний щедро наградил лиц, участвовавших в спасении ребенка, в том числе ойратского Ухидэй-дайбу, пожаловав им привилегии дарханов.

Сыном Баян-Мункэ-Болхо-джинонга был Бату-Мункэ, родившийся в год дерева — обезьяны (1464). Когда Бату-Мункэ исполнилось семь лет, его женой стала Мантухай-сайн-хатунь. В год тигра (1470) она возвела мужа на ханский трон, затем выступила в поход против ойратов и подчинила их власти Бату-Мункэ-Даян-хана, навязав при этом ряд законов и правил, подчеркивавших их неравноправное, зависимое от всемонгольского хана положение. Даян-хан умер в год зайца (1543), после непрерывного 74-летнего управления страной. Одна из его жен, княгиня Гуши-хатунь, была дочерью ойратского сановника Кэрия-Худжигэра.

Автор «Шара Туджи», как мы видим, не подтверждает сведений «Алтан Тобчи» о деятельности ойратского военачальника Сегуса и даже не упоминает его имени, но зато более подробно излагает события, предшествовавшие воцарению Даян-хана, Что касается «Эрдэнийн Тобчи», то его автор в основном и главном повторяет «Шара Туджи», не внося в изложение истории ойратов второй половины XV в. ничего нового и оригинального.

Таковы сведения монгольских источников об ойратах в послеэсеновское время. При всей их скудости из них явствует, что взаимоотношения ойратских и восточно-монгольских феодалов в указанное время существенно и принципиально не отличались от взаимоотношений в первые десятилетия XV в. В течение почти целого столетия после Эсена, как и до него, связи между восточными и западными монголами были достаточно тесными и разносторонними. Вооруженные конфликты, как и раньше, перемежались разнообразными проявлениями сотрудничества и дружбы, равно как и брачными союзами. Отметим, кстати, что Даян-хан — последний общепризнанный всемонгольский хан — был правнуком Эсен-хана ойратского. В рассмотренных нами монгольских источниках нет ничего, что могло бы подтвердить позицию тех исследователей, которые видели во взаимоотношениях восточных и западных монголов второй половины XV в., как и первой, одну лишь непримиримую вражду, взаимную ненависть и т.п.

Летопись Минской династии дает возможность более ясно представить общую обстановку, сложившуюся в Монголии после смерти Эсен-хана. «Мин ши» отмечает, что с 60-х годов XV в. появилась большая независимость друг от друга правителей местных феодальных владений в Монголии. В этом замечании нельзя не видеть отражения тех глубоких социально-экономических сдвигов, которые происходили в стране, в первую очередь дальнейшего усиления экономических и политических позиций местных владетельных князей, становившихся единственными и наследственными собственниками своих земельных угодий. На этой основе усиливалось их сопротивление централизаторским стремлениям ханской власти, углублялась феодальная раздробленность; вместо одной, общей для всей Монголии внутренней и внешней политики, проводимой всемонгольским ханом, появился, если можно так сказать, целый ряд монгольских политик, инициаторами и проводниками которых были местные владетельные князья. Именно это, на наш взгляд, имеет в виду «Мин ши», говоря как о новом явлении о независимости каждого монгольского местного правителя от других таких же правителей.

Но общим и наиболее важным в политике всех монгольских князей по отношению к Китаю по-прежнему оставался вопрос об условиях торговли и о рынках вообще. Решение его наталкивалось, как и раньше, на трудности, связанные с ограниченной емкостью китайского рынка, спрос которого не покрывал непрерывно возраставшее предложение монголами скота и продуктов скотоводства. Д. Покотилов, комментируя соответствующие показания «Мин ши», писал: «Уже ранее, т. е. в начале XV в., были устроены в пределах военных поселений рынки, на которые местные монголы могли приводить своих лошадей и получать от китайцев необходимые для них предметы, как-то: хлеб, одежды и разную утварь. Торг этот был не вольный, а носил унизительный для китайцев характер, так как они обязывались принимать лошадей по известной, заранее определенной цене, причем

оценка делалась чрезвычайно высокая, двойная и даже тройная против того, что лошади действительно стоили... рынки эти открывались правителями Срединной империи каждый раз по принуждению, причем открытие их ставилось монголами в виде необходимого условия мира». В этой же связи Д. Покотилов сообщал об указе императора Чжу Чжан-цзи, изданном в 1429 г., в котором прямо говорилось, что «учреждение рынков в Восточной Монголии делалось исключительно с благотворительной целью, дабы кочевники не нуждались в предметах первой необходимости».

«Мин ши» сообщает, что после смерти Эсена в Монголии выдвинулся сановник Болай, начавший переговоры о мире с правительством Китая и добивавшийся от него признания прав монгольских князей регулярно посылать в Пекин посольства определенной численности и по определенному, выгодному для монголов маршруту. Что же касается ойратов, то они, по словам «Мин ши», в течение некоторого времени после смерти Эсена продолжали самостоятельно сноситься с Китаем, направляя туда посольства и торговые караваны. «С возрастанием же могущества Болая они были отрезаны от Срединной империи сплошной стеной восточных монголов, с которыми у них происходили неоднократные столкновения».

Вполне возможно, что авторы «Мин ши» имеют в виду столкновения, происходившие в период между смертью Эсена и укреплением власти Даян-хана и о которых упоминают монгольские источники. В эти именно годы, как известно, началось перемещение центра монгольской политической жизни с берегов Толы, Орхона и Керулена на юг, в районы Чахара, куда была перенесена и ставка всемонгольского хана. Одновременно с этим началось проникновение восточных монголов в степные районы Ордоса и Кукунора, ставшие в дальнейшем местом их постоянного обитания. В результате западные монголы оказались совершенно отрезанными от рынков Китая, что не могло не вызвать с их стороны попыток прорвать окружение и обеспечить себе свободный доступ на восток. Но в этой борьбе ойраты потерпели поражение. Их связи с Китаем на целых полтора-два столетия полностью прервались. Вот почему китайские источники времен Минской династии прослеживают историю ойратов лишь до 70-х годов XV в.; о событиях XVI и трех четвертей XVII в. мы в этих источниках, равно как и в источниках начала Цинской династии, не находим никаких указаний.

Сначала, как мы видим, прервали повествование об ойратах монгольские летописцы, а потом замолчали и китайские. В нашем распоряжении остались лишь тюрко-язычные источники. Для столетия, охватывающего вторую половину XV и первую половину XVI в., эти источники являются единственными, в какой-то мере заполняющими разрыв, явившийся следствием того, что старые монгольские и китайские источники закончили, а новые — монгольские, китайские, ойратские, калмыцкие и русские — еще не начали фиксировать события ойратской истории. Тюркоязычная литература, как мы покажем ниже, убедительно свидетельствует об ошибочности позиции Н. Бичурина и других исследователей, утверждавших, что в послеэсеновское время ойраты сошли с исторической арены, перестали играть активную роль в истории и канули в безвестность. В действительности изменилось лишь направление их внешнеполитической активности. Отрезанные от Китая, потерпевшие поражение в борьбе за выходы на восток, ойраты стали весьма

активной силой на западе и севере, в Восточном Туркестане, степях Дешт-и-Кипчака и Средней Азии, оказав значительное влияние на сложные исторические события, происходившие в этом районе.

Важнейшие из событий того времени были связаны с завершением процессов формирования узбекского и казахского народов, боровшихся за создание и укрепление своей государственности, за развитие своей культуры и экономики. Эти процессы были связаны с борьбой против династии Джагатаидов, еще державшей в своих руках Мавераннахр и Могулистан, где оазисы старинной земледельческой культуры сосуществовали с кочевым скотоводческим хозяйством степей; внешним проявлением указанных исторических процессов была сложная борьба за свержение одних и утверждение других правителей и династических групп, за господство над торговыми путями, за обладание важными экономическими и культурными центрами.

В середине XV в. в Дешт-и-Кипчаке резко обострилась династическая борьба. Побежденные бежали на северо-восток, к границам Могулистана, правители которого оказали им поддержку и отдали во владение Чуйскую и Таласскую долины, где в 60-х годах XV в. была заложена основа первого в истории казахского феодального государства. Ханы Могулистана, не заинтересованные в укреплении складывавшегося узбекского государства, оказывали казахской знати некоторую помощь. На рубеже XV и XVI вв. узбекские феодалы овладели оседлыми районами Средней Азии, где в дальнейшем сложились и получили развитие различные узбекские феодальные ханства. Узбекско-казахская борьба продолжалась в течение всей второй половины XV и в XVI в. В этой борьбе важнейшее значение имело стремление сторон захватить, закрепить за собой сыр-дарьинские города Сыгнак, Сайрам, Туркестан и т. д., являвшиеся центрами меновой торговли кочевников с оседлыми земледельцами и ремесленниками Средней Азии. Жизненная необходимость обеспечения бесперебойного обмена излишков скотоводческой продукции на продукты земледелия и городского ремесла подогревала стремление казахской знати к овладению этими городами. Но ее усилия наталкивались на сопротивление узбекских феодалов, не желавших допускать казахов на рынки указанных городов.

Необходимость концентрации всех сил и средств казахских феодалов для борьбы против Абулхаир-хана узбекского, а затем против Шейбани и шейбанидов объясняет тот факт, что с другими своими соседями они в то время поддерживали мирные и добрососедские отношения. Так было и с ойратами, отношения с которыми целое столетие не были омрачены конфликтами.

Но если между казахскими феодалами и Могулистаном, с одной стороны, казахскими феодалами и ойратами, с другой — в течение второй половины XV и первой трети XVI в. сохранялись добрососедские отношения, то этого нельзя сказать о взаимоотношениях ойратов и Могулистана, который в середине XV в. разделился на восточную часть с центром в Турфане и западную с центром в Кашгаре; они фактически были друг от друга независимы, часто враждовали и объединялись только для борьбы против общего противника — складывавшегося узбекского государства. В этой обстановке ойраты были той силой, к помощи

которой прибегали боровшиеся в Могулистане группировки, облегчая ойратским феодалам достижение их собственных целей, сводившихся к овладению торговыми путями и военной добыче за счет соседей.

Источники единодушно отмечают начавшееся в середине XV в. усиление Восточного Могулистана с центром в Турфане. Между турфанскими правителями и ойратскими князьями развернулась длительная борьба, сопровождавшаяся частыми войнами. В 1452 г., еще при жизни Эсена, ойраты предприняли большой поход против Могулистана. В этом походе, закончившемся в 1455 г., уже после смерти Эсена, ойратские войска прошли через всю территорию Могулистана и вторглись в Семиречье, откуда повернули на юг. Двигаясь долиной Сыр-Дарьи, они достигли рубежей Мавераннахра, разграбили Ташкентский и другие оазисы, после чего повернули обратно. В это время правителем Восточного Могулистана был Эсень-буга (1446—1461), сын Увейс-хана, о котором мы говорили выше. Заслуживает внимания сообщение источников об ойратском посольстве, прибывшем в 1459 г. в Герат к султану Абу-Сеиду.

Одним из важных объектов ойрато-могулистанской борьбы был Хамийский округ, обладание которым оспаривали три силы: Могулистан, ойратские феодалы и Китай. Расположенный на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами Запада, Хами играл роль дверей, открывавших и закрывавших вход в Китай. Особая роль Хами была причиной многочисленных войн, которые с древних времен вел Китай, жизненно заинтересованный в прочном обладании этим районом. Но именно поэтому Хамийский округ во все времена привлекал к себе внимание кочевых и оседлых обитателей Восточного Туркестана. В конце XIV — начале XV в. правителями Хами были потомки императоров Юаньской династии. В 20-х годах XV в., как об этом говорилось выше, округом Хами владели ойраты, которых затем вытеснили турфанцы.

Против Турфана в середине XV в. выступил Китай. Трехсторонняя борьба за Хами приняла затяжной характер; она длилась с переменным успехом на протяжении всего XV столетия.

В 1470 г. войска могулистанского хана в очередной раз овладели Хами и напали на ойратские кочевья, захватив в плен около 10 тыс. ойратов. В от.вет на это ойраты в 1472 г. вторглись в Могулистан, разгромили на берегах Или армию хана Юнуса (1466—1496), пере правились через реку и преследовали своего противника до берегов Сыр-Дарьи.

Борьбу против ойратов продолжил сын Юнуса Ахмед-хан (1496—1504), прозванный за частые сражения и стычки с ойратами «Аладжи-хан» (алаху — убивать, аладжи — убийца; здесь в смысле «истребитель ойратов»). Преемник Ахмеда Мансур-хан (1504—1544) в свою очередь ревностно продолжал ставшую традиционной борьбу за Хами и против ойратов. В 1513 г. он снова захватил Хамийский округ, но через пять лет ойраты пошли войной против Мансур-хана. Война закончилась примирением, результатом которого явилось совместное нападение на китайский город Су-чжоу. Но мир этот длился недолго. В 30-х годах XVI в. могулистанские войска нанесли сокрушительное поражение ойратам, вынудив многих из них покинуть родные кочевья и бежать на юг, в степные районы Кукунора. К этому времени здесь уже

успел обосноваться восточно-монгольский тайджи Ибири и его союзники, бежавшие в Кукунор в 1509 г. после неудачного мятежа против Даян-хана.

К середине XVI в. Могулистан стал клониться к упадку. Против него поднялись новые силы — узбеки, начавшие освобождение оазисов и городов Средней Азии от могулистанских и тимуридских наместников и гарнизонов и приступившие к созданию и укреплению собственной государственности. Внутри Могулистана начали обостряться противоречия, участились вспышки междоусобной борьбы, к участию в которой борющиеся группировки приглашали ойратских князей. Тюркоязычные хроники полны описаниями таких случаев. Известно, например, что сын и преемник могулистанского хана Мансура Шах-хан (1545—1570) погиб в одном из сражений с ойратами.

Ойратские феодалы, как правило, удовлетворяли просьбы о помощи, с которыми к ним обращались враждовавшие в Могулистане феодальные клики, ибо это давало возможность без больших усилий поживиться за счет богатств могулистанской аристократии и главным образом за счет народных масс этого распадавшегося ханства.

Заслуживает внимания рассказ «Тарих-и-Рашиди» о восстании турфанского правителя Абд-ар-Рахима против хана Кашгарии Мухаммеда. Для подавления восстания был приглашен один из ойратских князей. Последний, подступив со своим войском под стены Турфана, разграбил его окрестности, а затем заключил соглашение с Абд-ар-Рахимом и дал ему в жены свою дочь; от этого брака родился сын Абдаллах, ставший впоследствии правителем Кашгара (1570—1598).

Как мы уже отмечали, взаимоотношения казахов и ойратов в течение почти целого столетия были мирными и добрососедскими. Положение резко изменилось в 30-х годах XVI в., когда началась двухвековая борьба между ойратскими и казахскими феодалами. Какие обстоятельства обусловили переход от мирных отношений к вооруженной борьбе, что лежало в основе ойратско-казахского антагонизма,— не вполне ясно. Известные нам источники не дают материалов для решения этих вопросов. Можно лишь предполагать, что немалую, возможно решающую, роль играли как стремление обеих сторон расширить свои пастбищные территории за счет соседа, так и стремление ойратских феодалов захватить в свои руки сырдарьинские города и подходы к ним. В пользу этого предположения говорит свидетельство известного английского купца и путешественника Дженкинсона, который в 1557г. пытался проехать из Средней Азии в Китай, но не смог этого сделать из-за войны между казахами и ойратами. По словам этого путешественника, причиной войны был спор из-за обладания Ташкентом. Известно лишь, что в середине и второй половине XVI в. казахские ханы получили перевес в борьбе против ойратских князей, ослабленных поражениями, понесенными от ханов Могулистана, и внутренними раздорами. Русский посол Данила Губин, отправленный в 70-х годах Иваном IV в ногайские улусы, доносил в Москву, что, по полученным сведениям, казахи весьма сильны и подчинили своей власти ойратов. Возможно, что автор «Тарих-и-Рашиди» имел в виду наряду с другими обстоятельствами победы казахов над ойратами, когда писал: «Эпохой, с которой

началась собственно власть султанов казацких, надобно считать год 870 (1465/6); впрочем, бог лучше знает».

Что же касается взаимоотношений ойратов и восточномонгольских ханов и князей в середине и второй половине XVI в., то о них можно судить лишь по тем немногим сведениям, которые содержатся в местных китайских хрониках северо-западных провинций Китая, использованных В. Успенским, Э. Бретшнейдером и Л. Шрамом. Во второй половине XVI в. в Восточной Монголии усилилась миграция населения на юг и юго-запад, главным образом в Ордос и Кукунор, «в поисках,— как говорит Г. Грум-Гржимайло, ссылаясь на китайские источники,— за водой и хорошими пастбищами». Решающую роль в этом играл Алтан-хан туметский, совершавший частые опустошительные набеги в пределы Китая, пока не добился легализации торговли между своими владениями и Минской империей и открытия рынков. Алтан-хан посадил правителями Ордоса и Кукунора своих сыновей.

В то же время в Кукунор стали проникать ойраты, вытесненные из их кочевий могулистанскими и казахскими противниками. Участившиеся набеги ойратских правителей на районы Сучжоу и Ганьчжоу угрожали позициям восточномонгольских ханов и князей в Куку-норе и Ордосе. Это вызвало новые вооруженные столкновения между восточными и западными монголами. Первое из них произошло в 1552 г., когда против ойратов выступил Алтан-хан. Исход столкновения по-разному освещается китайскими источниками и автором «Эрдэнийн Тобчи». Первые утверждают, что ойраты одержали победу над Алтан-ханом и принудили его отступить из Ганьсу к оз. Кукунор, тогда как второй говорит, что Алтан-хан разгромил ойратов, захватил улус хойтского правителя Мани-Мингату, его двух детей и жену, вынудив остатки данной ойратской группировки бежать к озерам Зайсан и Балхаш. Трудно сказать, которая из этих двух версий верна. Учитывая, однако, общую обстановку в Монголии того времени и события, последовавшие за сражением 1552 г., приходится признать более вероятной версию «Эрдэнийн Тобчи». В пользу этого предположения говорит и глухое упоминание автора «Алтан Тобчи» о покорении ойратов Алтан-ханом, который таким образом якобы отомстил им за Эльбек-хана, Адай-хана и Дайсун-хана. Но когда, где и как Алтан-хан покорил ойратов, автор «Алтан Тобчи» не говорит.

В 1562 г. против ойратов выступил правитель Ордоса Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, разгромивший на Иртыше кочевья торгоутов. Через 10 лет, в 1572 г., этот же Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, узнав, что его двоюродный брат Баян-Батур-хунтайджи воюет против ойратов, присоединился к нему и вместе с ним разгромил и подчинил хойтов, батутов и чоросов.

Середина и начало второй половины XVI в. были наиболее тяжелым временем в истории ойратов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

3. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ОЙРАТОВ В XV—XVI вв.

Сведения «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», а также китайской династийной хроники «Мин ши» дают нам основание считать установленным, как о том говорилось выше, что в конце XIV — первой половине XV в. ойраты представляли собой не только этническую, но и политическую общность — западную ветвь монгольской народности, основное население объединенного ойратского феодального владения. В этот период ойраты, как и все монголы, разделялись на тумены, тысячи, сотни и десятки, удачно сочетавшие военно-административные и социально-экономические принципы организации монгольского феодального общества. Каждый тумен и каждая тысяча были как определенными воинскими единицами, так и типичными феодальными владениями; тот, кто командовал воинской единицей, был вместе с тем и феодальным владыкой. Непосредственные производители зависели от него экономически, несли в его пользу целый ряд феодальных поборов и повинностей и подчинялись ему как воины военачальнику. Военачальник, послушный воле главнокомандующего (коим обычно был верховный правитель, хан), относился к нему как вассал к своему сюзерену. Стадия родо-племенной организации ойратского общества была давно пройдена.

Вторая половина XV в. положила начало иному типу организации ойратского общества. Место туменов и тысяч стали занимать особые группировки ойратов, получившие в литературе названия «поколения», «роды» или «племена» хошоутов, джунгаров, дэрбэтов, хойтов, торгоутов и т. д. Эти новые образования с течением времени начали выдвигаться на ведущее место в общественно-политической жизни ойратов, оттесняя на задний план старые тумены и тысячи.

Но чем же были эти образования, что можно сказать об их социально-экономической природе? Правомерно ли относить их к племенному или родовому типу объединений; как это делало большинство русских и зарубежных исследователей?

Вот вопросы, рассмотреть которые нужно в первую очередь. Все монгольские источники, начиная с «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, неизменно повествуют об ойратах как о едином народе. «Сокровенное сказание», как и Рашид-ад-дин, ни разу не упоминает ни о хошоутах, ни о хойтах, ни о других составных частях ойратского общества, если не считать их деления на тумены. Под «джунгарами» они подразумевают в полном соответствии со значением этого слова не какую-нибудь определенную этническую группу, а любое объединение монголов, находящееся на левом фланге. Таких «джунгаров» оказывается в «Сокровенном сказании» и в летописях Рашид-ад-дина довольно много. Что касается дэрбэтов, то в «Сокровенном сказании» мы встречаем указание на самостоятельный род или племя (омок, обок) под названием «дэрбэт» (dorbed), родоначальниками которого были четыре сына легендарного Дова-Сохора. Трудно сказать, существует ли какая-либо преемственная связь между этими дэрбэтами и теми, которые под таким же именем появились во второй половине XV в. среди ойратов в Западной Монголии. В известных нам монгольских и калмыцких источниках нет данных, подтверждающих такую преемственность. Источники дают основание предполагать, что между дэрбэтами XIII в. и дэрбэтами послеюаньской

эпохи нет никакой связи. Габан-Шараб, например, говорит, что дэрбэты и чоросы имеют общих предков.

Таково же мнение и другого летописца — Батур-Убаши-Тюмена. Приводимые этими авторами родословные таблицы позволяют заключить, что дэрбэты выделились из дома Чорос лишь при сыне Эсен-хана Бороайялху, т. е. не ранее начала второй половины XV в. Следует отметить, что и китайские источники считают дэрбэтов и чжунгаров (т. е. чоросов) выходцами из фамилии (иначе — омока) Чжо-ло-сы, т. е. Чорос. Столь же бездоказательными являются попытки вывести происхождение торгоутов от брата Чингисхана или от других его сподвижников. Первое упоминание о торгоутах в монгольских источниках относится к 1567 г. Не случайно Габан-Шараб, выходец из торгоутской аристократии, будучи добросовестным летописцем, осторожно и уклончиво говорит о происхождении своих предков, ссылаясь на отсутствие достоверных данных. Однако вопрос этот нельзя считать вполне выясненным.

Но если наиболее общим принципом организации ойратского общества до середины XV в. было его разделение на тумены и тысячи, то из этого не следует, что сами тумены и тысячи не делились на более дробные единицы. Об одной такой общественной единице очень определенно говорится в «Шара Туджи», где дважды отмечается факт принадлежности ойратского деятеля Хутхай-Тафу, о котором говорилось выше, к роду Чорос. Автор «Шара Туджи» пишет: «Эльбек-хаган велел Хутхай-Тафу из ойратского рода Чорос убить своего младшего брата». В другом месте наш летописец вновь отмечает: «Хутхай-Тафу из омока Чорос».

Можно считать, таким образом, вполне установленным, что в конце XIV—начале XV в. в одном из ойратских туменов существовал особый омок по имени Чорос, из рядов которого вышла плеяда известных ойратских деятелей от Хутхай-Тафу, Тогона и Эсена до Хара-Хулы,. Батур-хунтайджи и преемников последнего.

Но существование омока Чорос дает все основания считать, что у ойратов были и другие омоки, подобные чоросскому. И в самом деле, автор «Шара Туджи» говорит, что в его время, т. е. в начале XVII в., ойраты делились на шесть омоков, что во главе дэрбэтского омока стоял Далай-тайши, что Байбагас был соправителем омока Уджиэт, Хутхайту владел омском Чорос, Дзу-чинсанг управлял багатутовским омском, а Хи-Мэргэн-Тэмэнэ — хэрэитовским. Источники, таким образом, свидетельствуют, что к началу XVII в. омоки полностью вытеснили традиционные монгольские тумены, тысячи и сотни.

Что такое омок, каково его социальное и экономическое значение, какую роль он играл в общественном строе ойратов в XV—XVII вв. и позднее?

Монгольские источники убеждают нас, что первоначально этот термин означал род, родовую общину, общину кровных родственников, коллективно владевших важнейшим средством производства — землей, пастбищными угодьями, и возглавлявшихся одним из старейших и наиболее почитаемых сородичей. «Сокровенное сказание», излагая историю монголов XII—XIII вв., часто употребляет слово «омок», говоря о предках, положивших начало существовавшим в те времена родовым общинам. Б. Владимирцов об этом писал: «Монгольский род — obox

являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий... союзом, связанным институтом мести и особым культом». Но таким был древний монгольский омок — род. В эпоху Чингисхана эта родовая община в значительной мере уже утратила свои классические черты и разлагалась, уступая место другим, более сложным общественным институтам, подготовившим образование в начале XIII в. раннефеодального монгольского государства. Многочисленные данные, содержащиеся в монгольских источниках, главным образом в «Сокровенном сказании», позволили Б. Я. Владимирцову сформулировать следующий вывод: «В XII — XIII вв. то, что называлось obox — род, представляло собой сложное целое. Obox состоял прежде всего из кровных родовичей — владельцев, затем шли крепостные вассалы — unaqan bogol, затем „простые" прислужники — otolo bogol, jala'u. Род состоял, следовательно, из нескольких социальных групп. Можно говорить даже о двух классах, к высшему относились владельцы urux'u и наиболее видные и состоятельные unagan bogol'ы, к низшему — младшие крепостные вассалы и прислужники otole bogol'ы u jala'u. Одни были noyad, — "господа", другие xaracy — "черные", bogolcud — "рабы"».

В наши задачи не входит выяснение того, насколько нарисованная Б. Я. Владимировым картина внутренней жизни омока соответствовала реальным условиям XII — XIII вв. В советской исторической литературе Б. Я. Владимирцов не раз подвергался критике за преувеличение степени зрелости феодальных отношений в Монголии XII—XIII вв. Возможно, что эта критика не лишена оснований. Некоторые черты внутренней жизни омока, отмеченные Б. Я. Владимирцовым, следует, по-видимому, отнести не к XII—XIII, как это делает он, а к XIII—XIV или даже к XIV—XV вв. Но это нимало не колеблет той общей характеристики процесса становления и развития феодализма у монголов, которая дана Б. Я. Владимирцовым.

Невозможно, в частности, отрицать тот факт, что монгольский омок ко времени составления «Сокровенного сказания» и летописей Рашид-ад-дина уже мало походил на свой древний прообраз, что к этому времени он уже утратил многие первоначальные свои черты. Множество доказательств, подтверждающих это, приведено Б. Я. Владимирцовым. Дополнительное свидетельство серьезных изменений, происшедших внутри омока, мы видим в той небрежности, с которой автор «Сокровенного сказания» употребляет этот термин, применяя его к различным, иногда противоположным явлениям. Так, например, одни и те же этнические группы он часто называет то омоком, то аймаком, а иногда иргэном и омоком. Фамилия Ялавач, к которой принадлежал известный хорезмский купец Махмуд, перешедший на службу к Чингисхану, также представлена монгольским словом омок. Такое вольное обращение с термином возможно лишь при отсутствии прочно установленных норм и признаков, определяющих его содержание. Приведенные нами примеры свидетельствуют, что сам омок в описываемое время уже не был омоком в точном смысле слова, что за ним уже не скрывалась, как в древности, община кровнородственных семей со всеми присущими ей свойствами и

признаками в области производственных отношений и внутреннего управления тогдашнего ойратского общества.

Обратимся теперь к монгольским и калмыцким источникам XVII—XIX вв.— к «Алтан Тобчи», «Шара Туджи», «Эрдэнийн Тобчи», биографии Зая-Пандиты, к «Сказаниям» Габан Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, поищем в них материал для суждения о дальнейшей эволюции монгольского омока. Что говорят нам эти источники?

Как выясняется, все они, за исключением биографии Зая-Пандиты, более или менее подробно воспроизводят рассказы «Сокровенного сказания» об образовании омоков в древний период монгольской истории. Но ни один из них не отмечает ни одного случая образования какого-либо нового омока сверх тех, о которых говорит «Сокровенное сказание». Это приводит нас к выводу, что процесс родообразования у монголов, в том числе и у ойратов, в основном закончился до появления Чингисхана, хотя память об этом процессе была еще достаточно жива, что и нашло свое отражение в соответствующих разделах «Сокровенного сказания» и в летописях Рашид-ад-дина. В дальнейшем, в период империи и Юаньской династии, когда завершился процесс консолидации монгольской народности, поглотившей и растворившей остатки былой родоплеменной организации общества, ни о каких омоках в их первоначальном смысле не могло быть и речи. Авторам монгольских и калмыцких исторических сочинений XVII — XIX вв. просто нечего было говорить об омоках, ибо в их время таких омоков уже не было, да и память о них в народе уже стала стираться, а то и вовсе стерлась.

Если автор «Сокровенного сказания» для определения роли и значения той или иной этнической или социальной группы оперировал терминами омок, иргэн, аймак, улус, урук, ясун, часто смешивая и путая их, то в источниках XVII — XIX вв. мы уже не находим такого обилия более или менее однородных терминов. Авторы этих источников чаще всего пользуются термином улус — народ. Слово омок встречается здесь довольно редко и употребляется оно иногда в весьма оригинальном смысле. Так, например, авторы «Шара Туджи» и «Алтан Тобчи» говорят, что Буртэ-Чоно был родоначальником монгольского омока; в другом месте «Шара Туджи» сообщает, что отец одной из жен Чингисхана принадлежал к китайскому омоку У; в том же источнике сказано, что Чжу Юань-чжан, первый император Минской династии, происходил из китайского омока Чжу. Как видим, автор «Шара Туджи» вкладывает в понятие «омок» совершенно новое содержание; он называет омоком семью в, узком, индивидуальном смысле слова; фамилии китайских семей У и Чжу воспринимаются им как прозвания омоков. Возможно, что и Буртэ-Чоно выдается авторами «Шара Туджи» и «Алтан Тобчи» за первого носителя имени «монгол» и в этом смысле родоначальника монгольского омока.

Приведенные примеры дают нам основание заключить, что в XVII в. под словом омок подразумевалась уже не коллективно хозяйствующая община кровных родственников, не род в собственном смысле слова, а индивидуальная семья или группа индивидуальных семейств, связанных узами близкого кровного родства и ведущих обособленные хозяйства.

Мы не утверждаем, что процесс превращения омока - рода в омок -семью завершился к XVII в. во всей Монголии, но для нас несомненно, что процесс

развивался именно в этом направлении и что к XVII в. он продвинулся далеко вперед.

Что же в таком случае представляли собой те шесть омоков, которые, по словам автора «Шара Туджи», существовали в его время среди ойратов — дэрбэт, уджиэт, чорос, багатут и другие? На наш взгляд, в указанное время эти омоки выступали как совокупность некоторого, сравнительно небольшого числа родственных индивидуальных семей, носивших соответствующие фамильные прозвания. Разумеется, эти шесть омоков были группами не простых, не аратских семей, а семей аристократических, семей феодальных правителей, они были ханскими и княжескими династиями, в которых аккуратно и строго велись родословные записи. Но если были такие аристократические омоки-семьи, то не могло не быть и других, менее аристократических. Их, видимо, и имеет в виду автор «Шара Туджи», говоря о хариятском Гуйлин-чи-багатуре, о тэлэнгутском Абдулла-Сэцэне, об оргу-тах, хонхиратах и т. д. Что касается аратских омоков-семей, то о них, простых тружениках, непосредственных производителях, объекте феодальной эксплуатации, источнике накопления и могущества феодальных господ,— о них автору «Шара Туджи» нечего было сказать. Он не видел в их деятельности ничего выдающегося, ибо они просто трудились, шли в походы и воевали во имя интересов, своих владык, неся бремя всех поборов, повинностей, тягот феодальных войн и усобиц. Вполне возможно, что омоки—семьи простых аратов — были вообще безымянными и не имели собственных прозваний. Какие события из жизни этих омоков могли привлечь внимание автора «Шара Туджи», если столетием позже Габан Шараб, работая над своим «Сказанием», пришел к заключению, что в делах и жизни даже таких омоков, как элеты, хойты, батуты и т. п., нет ничего заслуживающего упоминания, «ибо дела их ничтожны». Вот почему мы не находим в «Шара Туджи» сведений об аратских омоках.

Что касается других монгольских, а также калмыцких источников, то они в общем и главном повторяют и подтверждают сведения «Шара Туджи». Отметим, однако, что «Алтан Тобчи» проводит четкое различие между понятиями кость и омок, рассматривая первое как часть второго. Хроника, например, три раза в разных вариантах говорит о происхождении Чингисхана и устанавливает, что отец последнего принадлежал к кости Киот, входившей в омок Борджигин. Это указание надо, видимо, понимать в том смысле, что во второй половине XII в. ясун (кость) представляла собой уже в значительной мере обособившуюся из кровнородственной общины группу индивидуальных семей (в данном случае с фамильным именем Киот), но еще входившую в состав родовой общины, т. е. омока (в данном случае Борджигин). В дальнейшем в связи с быстро прогрессировавшим разложением омока как общины кровных родственников понятия кость и омок все более сближались, становились тождественными. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что слово омок в монгольских и калмыцких источниках XVII — XIX вв. появляется все реже и в конце концов вовсе исчезает. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен, например, говоря в своих «Сказаниях» о происхождении и родственных связях древних и современных им монгольских и калмыцких ханов и князей, пользуются лишь двумя терминами — ясун и ок. Интересно отметить указание биографа Зая-Пандиты, что последний принадлежал" к кости хошутов; отоку

Гуручин, а в этом отоке — к семейству Шангас. Как видим, в этом детальном описании происхождения выдающегося деятеля Джунгарии первой половины XVII в. не нашлось места слову омок. Его место занял оток, в основе которого, как всем известно, лежали не кровнородственные, а территориальные связи. По своему характеру оток представлял собой феодальное владение, ханский или княжеский удел, получивший в цинскую эпоху название хошун, хотя по своей внутренней сущности хошун ничем не отличался от отока. Ясно, что оток (или хошун) мог появиться лишь в условиях сравнительно развитого феодализма. Естественно поэтому, что в XI, XII и даже XIII вв. стоков не могло быть,, вследствие чего они были неизвестны автору «Сокровенного сказания» — вот почему в данном памятнике мы не находим этого термина. Но к XVII в. положение существенно изменилось. В общественной структуре монгольского (ойратского в частности) общества отоки заняли прочное положение, что нашло свое отражение на страницах «Алтан Тобчи», Шара Туджи» и других монгольских и калмыцких источников, где об отоках говорится часто и обстоятельно. Интересно отметить, что множество омоков. упоминаемых в «Сокровенном сказании», в позднейших источниках вступают как отоки Тякпкя например, судьба омоков Солонгут, Онгут, Ингигут, Холбон и других, являвшихся омоками в «Сокровенном сказании» и ставших отоками в «Алтан Тобчи». Нельзя не согласиться с Б. Я- Владимирцовым, относившим утверждение отоков в общественном строе монголов к XV в. и считавшим, что «группа кочевых аилов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки, группа, на которую распадались ulus'ы, или тумены (tumen), называлась отоком — otog. Оток в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей... Монгольский (в том числе, конечно, и ойратский. — И. З.) оток основывался именно на территориальном единстве». В другом месте Б.Я. Владимирцов писал: «Монгольский оток никак не был союзом кровных родственников, а его предводители, тайши и т. д., вовсе не были родовыми старейшинами... На оток (и аймак) можно смотреть как на кочевой феод (feodum), кочевую сеньёрию, основную феодально-домэниальную единицу». Теперь наконец мы можем ответить на ранее поставленный вопрос о том, что собой представляли объединения хошоутов, дэрбэтов, хойтов, торгоутов, багатутов и т. д., совокупностью которых являлось ойратское общество XV — XVII вв.

После всего изложенного становится очевидным, что эти объединения не были ни родовыми, ни племенными, что в их основе лежали не кровнородственные, а исключительно территориальные связи. Мы можем утверждать, что все эти объединения представляли собой крупные феодальные ханства — улусы, делившиеся на более мелкие княжества — отоки. которые в свою очередь делились на крестьянские аилы (группа индивидуальных семей) и индивидуальные семьи. Таким образом, мы могли бы сказать, что Зая-Пандита был выходцем из ханства Хошоутовского, отока Гуручинского, аила Шангасского. Помимо улусов, отоков и аилов население ойратской земли знало и такие организации, как аймаки и хотоны,но о них мы будем говорить в главе, посвященной сложившемуся Джунгарскому ханству.

Ойратские феодальные владения различались по численности населения, по числу составляющих их отоков и аилов, значительности занимаемой ими территории, по

их экономической и политической мощи. Мы уже видели, что Габан-Шараб весьма пренебрежительно относился к багатутам, хойтам и некоторым другим ойратским владениям, удельный вес которых в политической жизни того времени был незначительным, что могло объясняться лишь их экономической и политической слабостью. Главную роль в исторических событиях XVI — XVII вв. играли улусы хошоутов, чоросов, дэрбэтов и торгоутов. Что касается багатутов, хойтов и других, то они, по-видимому, были поглощены более крупными и мощными отоками и улусами, вследствие чего с течением времени и вовсе, за исключением хойтов, перестали упоминаться в источниках.

Во главе улусов и отоков стояли наследственные правители, принадлежавшие к высшим аристократическим семьям, являвшимся или считавшим себя прямыми потомками братьев и ближайших сподвижников Чингисхана. Фактически они были правящими династиями, державшими в своих руках все отоки и аилы Западной Монголии. Ненасытная жажда обогащения толкала их на путь захватнических войн против соседей, равно как и на междоусобную борьбу за преобладание над другими улусами, за захват лучших пастбищных территорий, увеличение числа зависимых аилов, господство над торговыми путями и т. д. Мы могли бы согласиться с автором «Шара Туджи» и вместе с ним называть эти семьи, эти династии омоками с той, однако, оговоркой, что данные омоки объединяли лишь членов ханской или княжеской семьи, в руках которых находилась вся полнота экономической и политической власти над массой непосредственных производителей, что эти последние, находясь в экономической и политической зависимости от членов омока, сами в состав омока не входили.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

3. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ОЙРАТОВ В XV—XVI вв.

продолжение . . .

Габан-Шараб, например, излагая легенду о божественном происхождении зюнгарских (т.е. чоросских) и дэрбэтских нойонов, устанавливает, что десять сыновей Аманая и четыре сына Домоная явились основателями джунгарского и дэрбэтского улусов, что они некогда вместе со своими подданными образовали эти улусы. Из этих слов следует, что улусы включали в себя не однородную массу близких и дальних кровных родственников, а господ и подвластных, эксплуататоров и эксплуатируемых, причем первые были членами правящего омока, вторые к омоку не принадлежали, они были простым народом, харачу. В другом месте Габан-Шараб рассказывает, как ойратские нойоны увеличивали число подвластных им аилов. По его словам, торгоутский Дайчин вначале имел всего 160 семей албату (алба— повинность, албату — несущие повинности, податные, зависимые), но потом довел их число до 100 тыс.; джунгарский Зориктухунтайджи имел соответственно 7 и 40 тыс.; торгоутский Лубсан — 7 и 8 тыс. и т. д. Приведенные примеры, а их число

можно увеличить во много раз, свидетельствуют, что состав властвующего омока и преемственность власти в нем являлись постоянными и неизменными, а численный и персональный состав их улусов, т. е. подвластных членам омока аилов, был весьма изменчив. Члены омока относились к остальным членам улуса как помещики в странах Запада к подневольным крестьянам, как властвующий эксплуататорский класс к непосредственным производителям, как собственники основных средств производства к лишенным этих средств производства, как феодалы к зависимым крестьянам. Члены омока и остальные члены улуса были связаны узами не кровного родства, а отношениями господства и подчинения, основанными на том, что члены омока являлись монопольными собственниками и распорядителями всей земли улуса, всех пастбищных угодий, игравших роль главного средства производства кочевников-скотоводов.

Вопрос о земле и земельной собственности у монголов в эпоху феодализма в главных своих чертах был выяснен Б. Владимирцовым, который положил в основу своих выводов неоспоримые свидетельства первоклассных монгольских источников и летописей Рашид-ад-дина. Б. Владимирцов также доказал, что уже в XI—XII вв. монголы кочевали в пределах строго ограниченных территорий (нутугов), передвигались с пастбища на пастбище по вполне определенным маршрутам, перекочевывая с места на место в зависимости от сезона, травостоя и водоснабжения. В отличие от древних времен, когда пастбищные территории находились в коллективной собственности членов родовых общин, т. е. омоков, к XIII в. в основном завершился процесс лишения этих общин прав собственности на пастбища. Фактическим и единственным собственником этих земель становилась феодализировавшаяся знать. В период Чингисхана и его преемников верховными собственниками земли, пастбищных территорий были Великие ханы, раздававшие ее своим приближенным в качестве хуби в пожизненное условное владение на правах своеобразного акта или бенефиция вместе с людьми, кочевавшими на этой земле.

Б. Владимирцов писал: «Чингисхан создает уделы, отдавая во владение определенному лицу тот или другой клак, то или другое поколение в вознаграждение за верную службу... Древнемонгольские нукеры за свою службу военным вождям получают от своих предводителей в удел (xubi) то или другое количество кочевых ayil'ов, господами и правителями которых они становятся; вместе с этим они получают достаточное количество территории, на которой они могли бы кочевать вместе со своими людьми и охотиться... получение людей в управление налагало на него (нукера.— И.З.) обязательство продолжать военную и иную службу своему вождю вместе с известным контингентом воинов, которых могли выставить данные ему в управление аилы... Удел (xubi) состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (ulus) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (nutug). Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что nutug мог быть найден и другой; ввиду этого словом ulus и стали обозначать самый удел, выделенный тому или другому лицу».

Со времени опубликования исследования Владимирцова об общественном строе монголов прошло около трех десятилетий. За прошедшие годы советская наука

обогатилась рядом новых трудов, посвященных истории и общественным отношениям кочевых народов, как входивших в состав бывшей Российской империи, так и не входивших в нее. Особенно большой интерес представляют труды по истории Казахстана, Бурятии, Якутии и других республик СССР, народы которых еще в сравнительно недалеком прошлом были по преимуществу или целиком кочевниками-скотоводами. Обильный конкретно-исторический материал, многочисленные фактические данные, представленные в этих трудах, не оставляют места сомнению, что главные, принципиальные положения концепции Б. Владимирцова соответствуют историческим фактам не только в отношении Монголии, но и в отношении феодального (или феодализирующегося) общества всех кочевых народов, открывая тем самым надежный путь к выяснению закономерностей исторического развития этих народов.

Едва ли есть необходимость в новых доказательствах, подтверждающих тезис Б. Владимирцова о том, что в Монголии уже в XIII в. сложилась монополия собственности феодалов на землю, на пастбищные территории. Нельзя, однако, не отметить фактов, на которые исследователи до сих пор обращали мало внимания. «Сокровенное сказание», например, сообщая о распределении Чингисханом уделов между его родичами и сподвижниками, говорит, что в отношении Хорчи хан повелел: «Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов». Такой указ мог издать лишь собственник земли, имеющий власть переуступить на определенных условиях свое право собственности на данную территорию другому лицу. Важно еще и то, что лицо, получившее это пожалование, в свою очередь приобретало право «невозбранно» владеть пожалованной территорией, стать ее собственником на все время действия пожалования. Иное истолкование этого случая нам представляется невозможным.

Приведем еще один пример из «Сокровенного сказания». «"Какая же награда вам будет теперь по душе?" — спросил Чингисхан у Сорхан-Шира. Тот ответил: „Не благоволишь ли разрешить, пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге?" Указ Чингисхана гласил: „Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю и будьте вы ее невозбранными державными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших"». В данном случае идея собственности хана на все подвластные ему земли выступает еще более ясно и убедительно, равно как и его право переуступать определенную часть его собственности другому лицу, вследствие чего это лицо само приобретало качество собственника пожалованной ему земли.

Напомним также рассказы нашего источника о многочисленных случаях пожалования Чингисханом сородичам и соратникам в уделы различных улусов, тем, тысяч и т. п., причем считалось само собой разумеющимся, что каждое такое пожалование состояло не только из людей, аилов, составлявших эти улусы, тьмы и пр., но и из земли, из пастбищ, необходимых для их производственной деятельности, из кочевий, без которых они не могли существовать. Не будучи собственником земли, пастбищных территорий, на которых кочевали эти аилы, Чингисхан не мог бы жаловать людей, обитателей аилов.

Укажем, наконец, еще на один пример из «Сокровенного сказания», имеющий непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. Первый преемник Чингисхана, Угэдэй, издал указ, предусматривавший раздел земельно-кочевых и водных угодий. «Для этого дела,— говорится в указе,— представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нутугчинов — землеустроителей по отводу кочевий». Из текста указа следует, что земля, пастбищные территории уже как-то были разделены и речь шла о переделе пастбищных угодий, о новом отводе кочевий, о новом наделении ими пользователей. Такая операция была бы немыслима, если бы хан не был верховным собственником земли, если бы земля была ничьей или собственностью самих кочевников, их аилов, омоков и т.п. Содержание указа свидетельствует, что земля противостояла пользователям как чужая собственность, как нечто, находившееся в распоряжении и управлении хана и нойонов.

Но если в эпоху империи земля была собственностью самого повелителя империи — Великого хана, то в дальнейшем она стала превращаться в собственность местных удельных правителей. Процесс экономического и политического укрепления уделов создавал ту объективную основу, на которой возникла и выросла феодальная раздробленность, пришедшая на смену объединенному раннефеодальному государству монгольских нойонов. Этому же, с другой стороны, способствовало ослабление центральной ханской власти, вызванное военными неудачами, восстаниями и другими обстоятельствами. Что же касается самих местных правителей, то они, опираясь на свою возросшую мощь и используя ослабление центральной власти, стремились превратить пожалованные им земли, пастбищные территории в свою полную и наследственную собственность.

В соответствии с этим мы наблюдаем превращение пожалований типа хуби, т. е. условных пожизненных владений, в наследственную собственность правителей местных ханств и княжеств. В этой связи важно отметить, что термин хуби, много раз встречающийся в «Сокровенном сказании» для обозначения ханского пожалования, включавшего в себя пастбищные территории и кочующих на них скотоводов, к XVII в. исчезает, уступив место в источниках другому термину - умчи, выражавшему понятие собственности, передаваемой по наследству. Так, автор «Шара Туджи», повторяя рассказ «Сокровенного сказания» о раздаче Чингисханом уделов его братьям, называет эти уделы не хуби, а понятным ему и его современникам словом умчи. Этим же термином «Шара Туджи» называет уделы, выделенные тибетским Алтан-Сандалиту-ханом его братьям. Один из разделов «Сказания» Габан-Шараба озаглавлен так: «Повествование о том, как ойратские нойоны раздавали уделы сыновьям», причем и здесь понятие удел передано словом умчи. Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», сообщает, что один из внуков Даян-хана Билик-Мерген (1506—1550) имел девять сыновей, которые, получив в наследство отцовский улус, разделили его на девять частей. При этом Саган-Сэцэн, говоря об улусе, наследстве, разделе улуса на части, пользуется этим же словом умчи. Этим же словом пользовался и Батур-Убаши-Тюмен во всех случаях, когда он говорил о владениях ойратских и калмыцких ханов и князей, передававших их по наследству своим сыновьям.

Тот факт, что феодальные владения во всей Монголии в XVI—XVII вв. были наследственной собственностью правящих омоков, настолько очевиден и общеизвестен, что едва ли есть необходимость увеличивать число доказательств. Гораздо труднее ответить на вопрос: как развивался процесс превращения хуби в умчи и к какому времени можно отнести его завершение в основных монгольских районах, в частности в Западной Монголии, у ойратов? Известные нам источники не дают материалов для окончательного решения этого вопроса. Мы можем лишь высказать предположение, что этот процесс начался и развивался одновременно с распадом империи потомков Чингисхана, что изгнание монгольских феодалов из Китая дало мощный толчок к его ускорению, что в центральных и западных районах Монголии он полностью завершился на рубеже XV—XVI вв.

Выше мы уже приводили свидетельство «Мин ши», позволяющее заключить, что во второй половине XV в. наблюдалась возросшая самостоятельность владетельных князей Восточной и Западной Монголии. Нам представляется, что это свидетельство отражает превращение местных монгольских (в том числе и ойратских) правителей из пожизненных держателей ханской земли и кочевавших на ней аилов в полных и наследственных собственников этой земли.

Превращение земли и пастбищных территорий в монопольную собственность правящего класса феодалов имело своим естественным результатом превращение непосредственных производителей, трудящихся кочевников-скотоводов в экономически зависимый класс, в объект феодальной эксплуатации. Уже в эпоху «Сокровенного сказания» были широко распространены такие понятия, как «податной народ», «народ, выполняющий повинности» (albatu irgen), «наследственные подданные», «наследственные крепостные» (xariyatu omci-yin irgen), просто «крепостные» (xariyatu irgen), «подданные», «трудящиеся» (arad irgen). «Сокровенное сказание» говорит, что Чингисхан, разгромив Чжуркинский улус, превратил чжуркинцев и их подданных в своих собственных, наследственных крепостных (ober-un omci irgen), что Ван-хан, разбитый найманами, обратился к Чингисхану с просьбой помочь ему вернуть «податной народ и богатство» (minu albatu irgen ba ed korungge). «Сокровенному сказанию» известен и. такой общественный слой, как «челядь», «дворовые люди» (ger-un kumun).

Находясь в экономической и политической зависимости от правящих омоков, трудящийся народ Монголии выполнял всевозможные повинности в пользу своих господ и феодального государства. Источники мало говорят о характере и размерах этих повинностей, за исключением военной службы. Первый известный науке законодательный акт, призванный регулировать народные повинности, связан с именем Угэдэй-хана. «Сокровенное сказание» излагает содержание его указа, из которого видно, насколько велико было бремя поборов и повинностей, возложенных на народ. В указе Угэдэя говорится: «Не будем обременять государство... возрадуем народ тихим благоденствием... введем порядки необременительные для народа». Из дальнейшего текста выясняется, что «заботы» хана о благе народа свелись к следующему: а) каждое аратское хозяйство обязано было ежегодно сдавать для ханского стола одну двухгодовалую овцу, а в налог для содержания бедных и неимущих — по одной овце от каждой сотни овец; б) каждая тысяча обязана была выделить некоторое число кобылиц в казенные табуны и доильщиков для их подоя,

заведующих казенными пастбищами и кочевьями, стражей для охраны казенных складов, смотрителей почтовых станций (ямчинов) и верховых почтарей (улачинов) по 20 на каждую станцию, лошадей и баранов для продовольствия проезжающих, дойных кобыл, упряжных волов и повозки в установленном числе на каждую станцию.

Если таковы были «милости» хана Угэдэя, то можно представить, насколько более тяжелыми были государственные поборы до его указа. Следует к тому же иметь в виду, что указ Угэдэя регулировал повинности аратских хозяйств по отношению к государству и совершенно не вмешивался во взаимоотношения между аратами и их непосредственными владыками нойонами, на землях которых эти араты кочевали. Учтем также, что пребывание на военной службе и участие в походах не освобождало семьи воинов от обычных налогов и повинностей. Суммируя все это, мы ясно представим себе противоположность классовых интересов в монгольском обществе того времени и довольно высокий уровень феодальной эксплуатации народных масс. Конечно, острота классовых противоречий стушевывалась и смягчалась, с одной стороны, пережитками родовых отношений, весьма еще значительными в XIII—XIV вв., а с другой — успешными завоевательными войнами и эксплуатацией покоренных народов монгольскими феодалами, имевшими возможность выделять известную часть военной добычи и дани в пользу рядовых воинов и их семей. Однако такое «участие» в добыче не вело и не могло вести к ликвидации классового неравенства и классовых противоречий.

Крушение империи, резко ухудшившее военно-политические позиции монгольских феодалов, одним из своих результатов имело дальнейшее классовое расслоение монгольского общества, что в свою очередь повлекло за собой обострение классовой борьбы. «Мин ши» сообщает, что в середине XV в. один из монгольских владетельных князей обратился к императору Чжу Ци-чжэню с жалобой на подвластных ему аратов, из которых 1500 семей самовольно покинули его владения и откочевали. Не имея возможности своими силами вернуть беглецов, этот князь просил императора о помощи. Помощь была оказана и бежавшие возвращены их «законному» владельцу. Насколько нам известно, этот случай — первое прямое указание на классовую борьбу, которое мы находим в источниках. В дальнейшем сведения такого рода встречаются чаще; они позволяют сделать вывод, что самовольные, «незаконные» откочевки феодально-зависимого аратства от их господ являлись самой ранней и распространенной в монгольском феодальном обществе формой классовой борьбы. Не приходится сомневаться, что приведенный в «Мин ши» случай не был не только первым, но и единственным проявлением классовой борьбы аратов против феодальных владык.

Так обстояло дело во всей Монголии, так, в основном и главном, обстояло дело и у ойратов. Некоторые особенности и различия в общественном строе восточных и западных монголов несомненно существовали. Они касались главным образом форм землепользования. О них мы будем говорить ниже.

* * *

Итак, данные трех монгольских летописей XVII в. и «Мин ши» не подтверждают, а опровергают бытующие в литературе утверждения, будто сразу или вскоре после

изгнания монгольских завоевателей из Китая в западной части Монголии сложилось государство "Союза четырех ойратов", своим острием якобы направленное против Восточной Монголии и имевшее целью образование ойратской империи, подобной Юаньской.

Указанные источники устанавливают, что в конце XIV и в первой четверти XV в. ойратское население, кочевавшее в западных районах Монголии, представляло собой этническую и политическую общность, во главе которой стояли ойратские феодалы, считавшие себя вассалами общемонгольских ханов — потомков Чингиса, поддерживавших с восточномонгольскими феодалами разносторонние политические, экономические и бытовые отношения с характерными чертами, свойственными эпохе феодализма.

Монгольские и китайские источники не раскрывают всех сторон исторического развития Западной Монголии и ее основного населения — ойратов — в XV — XVI вв. Лишь привлечение тюркоязычных источников по истории Средней и Центральной Азии дает возможность всесторонне изучить историю ойратов и Джунгарии в рассматриваемое время. Данные, сообщаемые этими источниками, позволяют утверждать, что главные линии борьбы ойратских феодалов в XV и XVI вв. проходили не на востоке, не против Китая и Восточной Монголии, а на западе, против могулистанских ханов и князей.

Основным противоречием, обусловившим разрыв традиционных связей между феодалами Западной и Восточной Монголии и отказ первых от вассальной службы общемонгольским ханам — чингисидам, было соперничество в борьбе за торговые пути в Китай и торговые привилегии на китайских рынках. Указанное противоречие составляло главную экономическую основу войн между ханами и князьями этих двух частей Монголии.

Источники не подтверждают, а опровергают бытующие в литературе характеристики борьбы между феодалами двух частей Монголии как своего рода тотальной, непримиримой и непрерывной войны. В действительности же эта борьба обладала всеми чертами, типичными для войн феодальной эпохи, когда вооруженные столкновения перемежались отношениями политического и военного сотрудничества, династическими браками и союзами, свободным переходом из одного лагеря в другой, частыми превращениями союзников в противников, противников в союзников и т. д.

Социально-экономические процессы развивались более или менее одинаково как в восточной, так и в западной части Монголии. Важнейшей особенностью этого развития был повсеместный переход от государственной феодальной собственности на землю к частной феодальной собственности и соответственно от пожизненных пожалований земли (хуби) к наследственным (умчи). Этот процесс обусловил ликвидацию военно-ленной системы, созданной Чингисханом и существовавшей до конца династии Юань, способствовал экономическому и политическому укреплению местных феодальных владений, развитию феодальной раздробленности.

Параллельно происходило превращение древних родовых общин -омоков в сравнительно небольшие по численности группы индивидуальных семейств, связанных узами близкого родства и ведущих индивидуальное хозяйство. Игнорирование этого процесса исследователями влекло за собой глубоко ошибочное отождествление омоков XVI—XIX вв. с древнемонгольскими родовыми общинами и на этом основании утверждение, что, у монголов (и, в частности, у ойратов) сохранилась родо-племенная структура общества, что ойратские омоки. дэрбэтов, хошоутов, торгоутов, чоросов, хойтов и другие представители собой особые племенные общины.

В действительности же эти омоки были феодальными династиями, включавшими в себя членов правящей, фамилий. Подвластный народ, масса непосредственных производителей к этим омокам не имели отношения.

Источники свидетельствуют, что история ойратов в XV—XVI вв. является неразрывной составной частью истории монгольского народа, что исторические судьбы ойратов теснейшим образом переплетались с судьбой монголов, кочевавших в восточной части страны влияя на нее и обусловливая развитие страны в целом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

Конец XVI и первая половина XVII в. занимают особое место в истории Западной Монголии. События этого времени подготовили и обусловили образование Джунгарского ханства, которое возникло не вследствие тех или иных случайных причин, а как закономерный результат объективных процессов, развивавшихся в монгольском обществе. Характерные для рассматриваемого периода длительная борьба ойратских феодалов против их внешних противников и ожесточенная междоусобная борьба являются отражением указанных процессов и могут быть правильно поняты лишь в связи с ними.

Еще В. Котвич отмечал тот большой интерес, который проявляли исследователи к данному периоду ойратской истории. Однако «источники для освещения этого периода, обнимающего более 150 лет,— говорил он,— еще не только не использованы, но и не приведены в должную известность». В результате возникли значительные расхождения между исследователями по ряду важных проблем, связанных с историей образования Джунгарского ханства.

Одни из них видели в исторических событиях того времени отражение старых стремлений ойратских правителей восстановить империю Чингисхана и развернуть широкую экспансию против сопредельных стран, что стало якобы возможным тогда, когда во главе ойратов оказались энергичные вожди из дома Чорос, потомки Тогона и Эсена.

На этой точке зрения стояли Н. Бичурин, А. Позднеев, Н. Веселовский, С. Козин и др. Первому из упомянутых исследователей принадлежит следующее рассуждение: «По истечении такого времени (т. е. от Эсена до конца XVI в.— И. З.) пробудились они наконец от долговременного усыпления и бездействия и, чувствуя в себе новые силы, устремили внимание к восстановлению прежней своей славы; но недоставало

благоразумного единодушия, и потому действовали и избирали к тому средства по личным видам. Хан Хара-Хула, как глава ойратов, желал ввести единодержавие, а владетели поколений хотели отдельно царствовать». В другом месте Н. Бичурин писал: «По внимательном соображении обоесторонних сведений о переходе торготов от Алтая в Россию каждый убедится в истине, что сей переход, случившийся в одно время с переселением хошотов от Алтая же к Хухунору, произошел не от взаимных неудовольствий между ханами. В помянутых переселениях открывается новый и обдуманный план хитрых замыслов, которых в начале даже и Пекинский кабинет не мог приметить... Таким образом ойраты без кровопролития приобрели господство над обширными странами в Азии от Алтая на запад до Каспийского моря, на юг до пределов Индии. Из сих обстоятельств очевидно, что ойраты, размножившись в продолжении 150-летнего мира от Эсеня до Хара-Хулы, замыслили восстановить древнюю Чингисханову империю в Азии, и начало, увенчанное столь счастливым успехом, много обещало им в будущем». Вот как рисовались Н. Бичурину смысл событий рассматриваемого времени и их внутренний механизм.

А. Позднеев со своей стороны решительно возражал против точки зрения П. Рычкова, И. Лепехина, И. Георги, П. Палласа, Н. Страхова, Н. Нефедьева, Ф. Бюллера, К. Костенкова и других, утверждавших, что в начале XVII в. в среде ойратских (калмыцких) поколений в Джунгарии последовательно появлялись деятельные князья (Хара-Хула, сын его Батур-хунтайджи и другие), которые стремились сплотить эти разрозненные поколения в одно целое. «Не задумываясь особенно над внутренним смыслом этого сказания,— писал А. Позднеев,— у нас порешили, что зюнгарские князья начала XVII в. стремились к образованию степной монархии под своей властью и что Хо-Урлюк, не желая подчиниться этой власти, собрал 50000 кибиток своих данников и откочевал с ними в русские пределы».

Отвергая точку зрения указанных авторов, А. Позднеев, ссылаясь на не названные им сказания восточных историков, а также на «дух жизни и быта кочевых народов», излагал свое понимание процессов, происходивших в ойратском обществе на рубеже XVI—XVII вв. «Известно,— писал он,— что все кочевники живут отдельными поколениями, и каждое из этих поколений управляется своим родоначальником. Не менее обычным фактом в истории Востока является то, что кочевые поколения, действуя поодиночке, никогда не чувствуют себя настолько могущественными, чтобы начать какое-нибудь дело, помимо простого набега и грабежа, а проявляют свою силу во вне только в том случае, если явится у них предводитель, который соединит их мелкие поколения в единый союз». Так было и у ойратов, пока «в начале XVII в. не явились у них новые предводители в лице Хара-хулы и преемника его Батур-хун-тайчжи, которые снова начали объединять ойратские поколения. Это объединение совершенно не было стремлением к единодержавию и не походило ни на подчинение вассальных владений в Европе, ни на уничтожение уделов в России». Так представлял себе движущие силы истории кочевых народов А. Позднеев, по мнению которого все дело было в личных качествах и способностях предводителей. «Были у него (у предводителя.— И. 3.) способности административные (как у Батур-хун-тайчжия) — поколения скрепляли свой союз изданием гражданских постановлений; имел он у себя исключительные таланты полководца (как Чингис-

хан, Эсень и другие)—они ознаменовывали себя одними войнами... Таковы заключения, выводимые нами из наблюдений над исторической жизнью кочевников и дающие нам совершенно иной взгляд на причины перехода калмыков в пределы России».

Уход из Джунгарии торгоутов и хошоутов, по мнению А. Позднеева, не только не ослабил ойратский союз, но, напротив, весьма его усилил. «А между тем именно это — то время (т. е. 30-е годы XVII в.— И. 3.) и должно почитать за самый блестящий период усиления зюнгаров. Ойраты господствовали тогда над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на севере до пределов Индии к югу. Это могущество дало им возможность вслед за сим овладеть еще Восточным Туркестаном, а в конце XVII в. распространить свои завоевания на всю Монголию... Перекочевка Хо-Урлюка с его калмыками в Россию совершалась с общего ведома, одобрения и согласия всех ойратских поколений».

Такова позиция крупнейшего монголоведа конца XIX — начала XX в. Она может служить образцом упрощенного анализа исторических явлений, в результате чего этот анализ оказывается в полном противоречии с исторической действительностью.

Н. Веселовский в своих лекциях об истории монголов выражал согласие с точкой зрения Иакинфа на причины откочевки из Джунгарии торгоутов и хошоутов. Ссылаясь на авторитет Н. Бичурина, Н. Веселовский говорил, что «это был хорошо задуманный план для завоевания новых земель и восстановления империи Чингисхана, а вовсе не удаление из вражды».

С. Козин, исследуя исторические корни калмыцкого эпического сказания «Джангариада», в свою очередь писал: «Достаточно известны соображения Иакинфа Бичурина, а за ним профессоров Н. Веселовского и А. Позднеева, приписывавших ойратским предводителям идеи политического преемства наследия юаньских императоров, а также политические замыслы и планы восстановления в XVII столетии и, может быть, еще раньше, уже при Эсене в XV столетии, восстановления Юаньской империи; концепция эта получает неожиданное подкрепление в столь необычном источнике, как наша эпопея». Ниже мы постараемся доказать несостоятельность попытки подкрепить концепцию Н. Бичурина, А. Позднеева и их единомышленников с помощью «Джангариады».

Следует отметить, что и Б. Владимирцов, не разделявший указанной концепции, в некоторых своих работах давал двусмысленные характеристики общей обстановки в Монголии и, в частности, у ойратов в конце XVI — начале XVII в., когда, как он говорил, «вместе с укреплением некоторых монгольских ханств и племенных союзов начинается общее возрождение монгольской жизни ...начинают возникать новые духовные потребности. Монголов, в особенности их аристократию, перестает удовлетворять первобытный шаманизм». Что же касается ойратов, то Б. Владимирцов утверждал: «Буддийское возрождение в Монголии оказало свое влияние и на ойратов, которые как раз в ту эпоху переживали период большого национального развития и мечтали об организации сильного кочевого государства — последняя в истории попытка образования кочевой империи в Центральной Азии». Достоверные исторические факты не подтверждают мнения Б. Владимирцова

о буддистском возрождении монголов, о том, будто национальный подъем ойратов выразился в новой попытке создать кочевую империю в Центральной Азии.

Другие русские востоковеды представляли себе суть событий того времени иначе. Г. Грум-Гржимайло, например, связывал откочевку из Джунгарии торгоутов и хошоутов с военными неудачами ойратов в борьбе против внешних противников и обострением внутриойратской борьбы во второй половине XVI — первой трети XVII в. Он писал: «Лишившись надежды овладеть южной Джунгарией, калмыки, теснимые, по-видимому, с востока халхасцами, с одной стороны двинулись долиной Иртыша на северо-запад и там достигли рек Ишима и Тобола, с другой — устремились на юг, за Нань-шань, к Кукунору. Эти передвижения ойратов в поисках свободных земель особенно усилились в первой половине XVII в., когда к вызвавшей их причине присоединилась другая, а именно: во главе дурбэн-ойратов встал воинственный и энергичный потомок Эсеня, глава джунгарских улусов, Хутугайту Хара-хула, предпринявший объединение всех калмыцких племен под своей властью».

Конец XVI и первую половину XVII в. в истории ойратов В. Успенский выделяет как эпоху Хара-Хулы и Батур-хун-тайджи. Он отмечает, что в трудах китайских историков того времени встречаются лишь редкие упоминания об ойратах, главным образом о борьбе указанных двух правителей за укрепление центральной власти, т. е. за образование объединенного ойратского ханства.

Главная трудность, стоящая на пути исследования истории ойратов рассматриваемого времени, заключается в том, что до нас не дошли летописные и иные материалы самих ойратов, - хотя доподлинно известно, что каждый ойратский княжеский дом вел подробные генеалогические записи. Некоторые из них в XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства, попали в руки цинских властей, частично опубликовавших их в китайских историко-географических сочинениях, использованных в свою очередь Н. Бичуриным в его трудах о Джунгарии и ойратах. Кое-какие ойратские летописные материалы и генеалогические записи попали к калмыкам на Волгу, где с ними, по-видимому, ознакомились Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен. У ойратов в Джунгарии, как говорили П. Палласу правители и князья волжских калмыков, кроме генеалогических таблиц велись и исторические хроники. Известно, что подобная хроника велась при ставке Батур-хунтайджи и его преемников. Но все эти материалы до нас не дошли. «Испытанные ими превратности судьбы,— писал об ойратах В. Котвич,— не способствовали сохранению исторической литературы, которая несомненно у них существовала».

В основе нашего изложения истории образования Джунгарского ханства лежат «Сказания» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, биография Зая-Пандиты и, наконец, русские архивные материалы. Эти источники, взятые вместе, составляют значительную документальную базу. Об особенностях «Сказаний» и биографии Зая-Пандиты как источников по истории ойратов мы уже говорили во «Введении». Что же касается русских архивных материалов, то главное о них было сказано В. Котвичем в неоднократно упоминавшейся нами специальной работе. Остается лишь добавить, что в 1959 г. в Москве вышел в свет специальный сборник «Материалы по истории русско-монгольских отношений», в который вошли и систематически подобранные документы по русско-ойратским отношениям, охватывающие 1607—

1636 гг. и, следовательно, освещающие события первых лет существования Джунгарского ханства. Нужно отметить, что сведения об ойратах появились в России раньше, чем представителями русской государственной власти был составлен о них первый официальный документ. Об этом свидетельствуют старинные сибирские летописи — Есиповская, Строгановская, Ремезовская и Черепановская. Первые три опубликованы и достаточно широко известны, четвертая, к сожалению, еще остается в рукописи и хранится в фондах ЦГАДА. Между тем летопись Черепанова имеет немалую ценность как источник по истории народов Сибири и сопредельных народов, в том числе ойратов. Для нас ее значение определяется тем, что она доводит историю ойратов и русско-ойратских отношений до самого конца существования Джунгарского ханства и сообщает факты, проверенные летописцем. Данные Черепановской летописи по ойратской истории можно считать достоверными, так как они подтверждаются показаниями других источников.

Опираясь на указанные выше монгольские и русские источники, мы пришли к выводам, существенно расходящимся с концепцией Н. Бичурина, А. Позднеева, С. Козина, Н. Веселовского и их последователей в отношении того периода ойратской истории, который непосредственно предшествовал и закономерно обусловил образование Джунгарского ханства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

1. ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИКЕ XVI

Середина и особенно вторая половина XVI в. характерны значительными передвижениями монгольских кочевий, приведшими к общему расширению занимаемой ими территории. Начало этим передвижениям положил упоминавшийся выше восточномонгольский Ибири-тайджи, который в начале XVI в. восстал против Даян-хана, но потерпел поражение и бежал на запад, в район Кукунора. В это время монголы прочно обосновались в степях к югу от Гоби. К середине XVI в. восточномонгольские феодалы стали хозяевами Ордоса, откуда туметский Алтан-хан в 1559 г. проник в Кукунор и Амдо, которые он передал в наследственное владение своим сыновьям. Сюда же на свободные пастбищные территории вслед за ними прибывали и другие восточномонгольские князья.

Какова причина этих передвижений? Китайские источники объясняют их тем, что ханы и князья искали новых пастбищ, богатых травой и водой. Почему же они покинули старые кочевья, кормовые и водные ресурсы, которые до этого их удовлетворяли? Прямого ответа ни китайские, ни монгольские источники не дают. Мы находим в них лишь косвенные данные, свидетельствующие, что старые пастбищные территории оказались недостаточными вследствие роста стад, что ограниченность кормовых ресурсов стала лимитировать рост скотоводства, особенно в крупных феодальных хозяйствах. Рост поголовья скота требовал дополнительных кормовых угодий. Отмечаемые всеми источниками значительные

перемещения монгольских кочевий явились, видимо, прямым следствием указанных обстоятельств.

О росте численности стад в Монголии мы можем судить по данным, относящимся к XVI и XVII вв. Об этом, например, говорят упорство и настойчивость, с которыми монгольские владетельные князья добивались открытия Китаем меновых рынков. Лишь острая экономическая потребность в налаженном обмене излишков продукции растущего скотоводческого хозяйства на китайские земледельческие и ремесленные товары может объяснить политику туметского Алтан-хана — могущественнейшего в то время феодала Южной Монголии — по отношению к Минской династии Китая. Алтан-хан неоднократно обращался к китайским властям с предложениями об открытии рынков, подчеркивая, что при этом условии вдоль монголо-китайской границы воцарится устойчивый мир, китайцы смогут беспрепятственно заниматься земледелием, а монголы скотоводством. Заслуживает внимания указание «Мин ши» о том, что к 30-м годам XVI в. Алтан-хан «был весьма богат и силен, управляя многими десятками тысяч войска и обладая огромным количеством скота и другого имущества. Он стал воздерживаться от военных действий и, отделившись от многочисленных племен, пребывавших на северо-западной границе, откочевал на восток». Нам кажется несомненным наличие прямой связи и зависимости между крупными размерами хозяйства Алтан-хана, его отделением от других хозяйств, откочевкой на новые, никем не занятые территории и, наконец, его стремлением к миру и торговле. Вопросы меновой торговли составляли главное содержание переговоров между монгольскими правителями и китайскими властями, причем за неудачным исходом переговоров каждый раз следовало возобновление вооруженных вторжений монгольских феодалов и в первую очередь самого Алтан-хана в пределы Китая. По данным «Мин ши», в 1571 г., когда была легализована монгольская торговля в Китае, на четырех рынках (в Датуне, Синине, Чжанцзякоу и Шанси) в течение двух-трех недель монголы продали казне и частным купцам около 29 тыс. лошадей. Известно также, что в начале XVII в. правительство Китая ежегодно закупало только у наследников Алтан-хана около 52 тыс. лошадей; оно покупало скот и у других монгольских феодалов. Существовали частные закупки монгольского скота и китайскими купцами.

Рост численности стад в Монголии подтверждается и: данными о подношениях ханов и князей иерархам ламаистской церкви. Стада, принадлежавшие последним, в короткое время начинали исчисляться тысячами и десятками тысяч голов. Рост поголовья скота не мог не вызвать потребности в новых пастбищных территориях.

К этому же результату приводил и непрерывно развивавшийся процесс раздела ханств и княжеств между многочисленными потомками правителей, причем каждый из наследников требовал в качестве своей доли наследства особую территорию. Широко известен факт раздела Монголии Даян-ханом между его одиннадцатью сыновьями, которые в свою очередь делили доставшиеся им уделы между своими

наследниками. Безостановочное дробление уделов неминуемо вело к их измельчанию, к падению их экономического и политического значения. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен в своих «Сказаниях» приводят данные, свидетельствующие о том, что ханы и князья в XVI—XVII вв. сами были озабочены процессом дробления уделов и по этой причине стремились улучшить порядок наследования. Не имея, однако, возможности изменить древние традиции, зафиксированные в обычном и письменном праве монголов, ханы и князья искали новые территории, видя в этом средство задержать дальнейшее измельчание и ослабление уделов.

Таким образом, рост численности стад и процесс дробления уделов были, по-видимому, главными причинами того, что монгольские феодалы в XVI в. стали продвигаться в обширные северо-западные области застенного Китая, которые в те времена были очень слабо заселены. В середине XVI в. сильнейшим в восточной Монголии было владение туметского Алтан-хана. Естественно поэтому, что именно он стал фактическим собственником земель Ордоса, Кукунора и Амдо, которые он отдал, как мы уже отметили, в наследственное владение своим сыновьям.

Так обстояло дело в Восточной Монголии. Аналогичные процессы протекали и в западной части страны, у ойратских феодалов. Владения ойратов в XV—XVI вв. занимали сравнительно небольшую территорию, ограниченную на западе линией оз. Зайсан — г. Карашар, на востоке—западными склонами Хангайских гор; на юге их кочевья не доходили до Турфана, Баркуля и Хами. Что же касается северных рубежей ойратских владений, то о них в источниках мы не находим точных сведений; можно лишь утверждать, что эти рубежи не заходили за -линию южных границ владений казахов, киргизов и других народностей, кочевавших в верховьях Иртыша и Енисея.

Как мы уже говорили, одной из причин ойратско-казахских войн было стремление ойратских феодалов пробиться к сыр-дарьинским городам, а через них — к среднеазиатским рынкам, нужда в которых была тем более острой, чем большим было поголовье скота у ойратов и чем труднее становился доступ к рынкам Китая. Выше уже сообщалось, что Дженкинсон в 1557 г. не мог продолжить свое путешествие в Пекин из-за ожесточенной войны между ойратами и казахами. В дальнейшем, когда ойратские правители вступили в непосредственные сношения с властями Русского государства, они стали с той же настойчивостью добиваться права продавать скот и скотоводческое сырье на русских рынках в обмен на русские товары, с какой в свое время требовали у китайских властей открытия меновых рынков. И если русско-ойратские отношения развивались в общем в духе мирного соседства, то объясняется это в первую очередь тем, что обе стороны в равной мере были заинтересованы в развитии торгового обмена.

Сведения, сообщаемые биографом Зая-Пандиты, позволяют хотя бы приблизительно представить себе численность стад ойратских феодалов. В 1643г. Зая-Пан-дита получил в дар от дэрбэтского Хундулена-убаши 5 тыс. голов скота. В 1645 г. он и другие ламы получили от князей богатые дары: самому Зае досталось: 10 тыс. лошадей, другим высшим ламам — по 1000 и 500, рядовым — по 100, 60 и 10 лошадей. В 1647г. Эрдэни-хунтайджи подарил Зае 6 тыс. овец, в 1649 г. один из владетельных князей преподнес ему 100 быков, 1. тыс. овец и 40) лошадей. Приведенные цифры позволяют судить о количестве скота, принадлежавшего самим дарителям, т. е. светским феодалам. Источники сообщают, что в 1649 г. Очирту-Цецен-хан отправился в Тибет; для покрытия расходов собрал табун в 10 тыс. лошадей. Жена этого хана владела стадом, насчитывавшим более 20 тыс. голов крупного и мелкого скота.

Неизвестный иностранец, наблюдавший в XVII в. жизнь ойратов, писал: «У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец... этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай (с табуном) в 8 и 10 тыс. лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами являются они ежегодно в Тобольск и Томск и меняют все это на товары, как, например, на юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам». Мы можем рассматривать это описание как дополнительное свидетельство огромных размеров скотоводческого хозяйства ойратских феодалов. Правда, нельзя не учитывать того, что приведенные цифры относятся не к XVI, а к середине XVII в. Но какие бы поправки мы к ним не сделали, несомненным остается самый факт наличия крупного скотоводческого хозяйства феодалов и рост численности принадлежавших им стад, дававших продукцию, во много раз превышавшую личные потребности владельцев.

Рост численности стад и безостановочное дробление уделов толкали ойратских ханов и князей на путь территориальных захватов. Внутренние взаимоотношения и внешняя политика ханов и князей как Восточной, так и Западной Монголии к середине XVI в. стали определяться уже не только такими стародавними, можно сказать, традиционными, факторами, как борьба за рынки и за господство над торговыми путями, но и новыми — борьбой за пастбищные территории, необходимые для разраставшихся стад и для удовлетворения требований многочисленных наследников владетельных князей.

Указанные обстоятельства, как нам кажется, проливают свет на события, непосредственно предшествовавшие образованию Джунгарского ханства и обусловившие его рождение.

Монгольские источники «Алтан Тобчи» и «Эрдэнийн Тобчи» свидетельствуют, что в середине XVI в. началась новая серия вооруженных столкновений между

ойратскими и восточномонгольскими феодалами. Первое из них произошло в 1552 г., когда против ойратов выступил туметский Алтан-хан. Важно отметить, что этому столкновению предшествовало целое столетие мирных и бесконфликтных отношений между феодалами востока и запада Монголии. Годы правления Даян-хана, как мы видели, характеризовались тесным военным и политическим сотрудничеством этих феодалов, причем ойратские ханы и князья служили всемонгольскому правителю как верные вассалы своему сюзерену.

Что же явилось причиной конфликта 1552 г. и ряда последующих войн между восточными и западными монголами?

Есть все основания полагать, что это было связано главным образом с той своеобразной земельной теснотой, которая возникла и обострилась вследствие роста численности стад, необходимости удовлетворить притязания растущего числа наследников и, наконец, как результат военных неудач ойратских феодалов в борьбе против Могулистана и других противников.

Китайские источники говорят, что после разгрома, учиненного могулистанским Мансур-ханом в 1530 г., ойратские правители все чаще и чаще проникали в долины Ганьсу и Кукунора, что не могло не вызвать опасений у восточномонгольских ханов, уже привыкших рассматривать указанные области как свою территорию. Стремление ойратов обосноваться в этих областях и нежелание восточных монголов допустить их туда и явились теми главными причинами, которые привели к срыву мирных отношений и к возобновлению вооруженной борьбы.

Новое столкновение между ойратами и восточными монголами произошло через десять лет, в году черной собаки (1562), когда правнук Даян-хана Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи напал на торгоутов, принудил их к бегству и преследовал до берегов Иртыша. Еще через 12 лет, в году синей собаки (1574), развернулись военные действия между правителем Ордоса Буян-Батур-хунтайджи и ойратским Эсельбейн-хя, властвовавшим над хойтами. Последние потерпели поражение, а Эсельбейн-хя был взят в плен. В это же время Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, приходившийся двоюродным братом Буян-Батуру, вместе со своим сыном громил отоки батутов и чоросов. Вскоре, однако, Эсельбейн-хя освободился из плена; собрав силы, он напал на Буян-Батура, разбил его войско, а его самого убил.

О дальнейших вооруженных конфликтах между восточными и западными монголами повествуют летопись «Эрдэнийн эрихэ», оба ойратских «Сказания» и русские архивные материалы. Указанные источники единодушно свидетельствуют, что в этих конфликтах на стороне восточных монголов уже не участвовали ханы и князья Кукунора, Ордоса и других владений южнее Гоби. Место южногобийских

феодалов заняли в 70-х годах XVI в. ханы и князья Халхи, до этого не участвовавшие в борьбе с ойратами.

Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» сообщает, что правнук Даян-хана и внук Гэрэсэндзэ — родоначальника династии правителей Халхи - Абатай (1534—1586) дал бой ойратам в местности Кубкэр-гэрийн, нанес им поражение и навязал им в правители своего сына Субагатая. Точная дата этого события неизвестна; по данным А. Позднеева, оно не могло произойти позже 1577 г. В эти же годы против ойратов выступил другой халхаский правитель — Сайн-Лайхор-хан (основатель династии Дзасакту-ханов), который дал им бой в устье р. Эмель, но победы не одержал. В 1586 г. умер Абатай. Этим воспользовались ойраты, которые подняли восстание, убили навязанного им в правители Субагатая и восстановили свою самостоятельность.

Характерной чертой перечисленных здесь конфликтов является то, что во всех случаях против ойратов выступали те восточномонгольские феодалы, владения которых непосредственно соприкасались с кочевьями того или иного ойратского правителя. Все эти конфликты были локальными, пограничными, их участниками чаще всего были одно какое-либо восточномонгольское и одно ойратское феодальное владение. Такие столкновения имели место не только в той пограничной зоне, где кочевали ойраты и их восточномонгольские соседи, но и на территории всей Монголии. Естественно, что при таких локальных конфликтах решались только локальные задачи. Они сводились к захвату пастбищ, скота и крепостных, принадлежавших соседнему владетельному князю. Многочисленные показания восточномонгольских, ойратских, калмыцких и русских источников не оставляют места сомнениям в том, что подавляющее большинство междоусобиц, которых в рассматриваемое время было так много по всей Монголии, были в своей основе такими же локальными и преследовали такие же местные, ограниченные цели.

продолжение . . .

Рассматривая, однако, всю цепь конфликтов между ойратами и восточными монголами в конце XVI — начале XVII в., мы замечаем одну общую всем им тенденцию — стремление восточномонгольских феодалов оттеснить ойратские кочевья возможно дальше на запад, за линию Алтайских гор. По данным наших

источников, в 70-80-х годах XVI в. на восточном фланге ойратских кочевий, ближе всего к восточномонгольским владениям, находились кочевья хойтов, за которыми располагались торгоуты, а еще дальше — чоросы, дэрбэты и хошоуты. В дальнейшем в результате обострения халхаско-ойратских отношений и ряда войн порядок размещения ойратских кочевий стал довольно часто меняться. Первыми подверглись нападениям с востока правители хойтов. Вслед за хойтами пришла очередь торгоутов и чоросов. Источники не отмечают ни одного случая нападения восточномонгольских феодалов на дэрбэтов и хошоутов, кочевья которых в 70—80-х годах XVI в. располагались на западном фланге ойратов, равно как и участия в этих нападениях других восточномонгольских владетельных князей, кроме непосредственных соседей ойратов. Все это лишний раз свидетельствует, что тогдашние конфликты между ойратскими и восточномонгольскими феодалами имели весьма ограниченное, чисто местное значение, причем перевес в этой борьбе был, как правило, на стороне халхаских ханов и князей.

Между тем и на западе положение ойратов ухудшалось. Здесь против них продолжали выступать правители Турфана, с одной стороны, ханы и султаны Казахстана — с другой. Раздробленные и разобщенные ойратские феодальные владения не могли вести борьбу на востоке и западе одновременно. Они терпели неудачи.

В 1588 г. правители Турфана нанесли им очередное поражение и принудили бежать на восток, в Наньшань и район г. Синина. Столь же неудачно складывалась для ойратских феодалов и борьба с казахскими ханами. Об этом свидетельствуют слова, сказанные в Москве послом хана казахов Тевеккеля Кулмагметом в начале 1595 г. члену посольства Ураз-Мегмету. «Ныне, — говорил посол, — дядя твой Тевкел-царевич— царь учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шах-Магметя-царевича посадил на колмаках». О господстве казахов над ойратами говорится также в датируемой мартом 1595 г. жалованной грамоте царя Федора Ивановича хану Тевеккелю о принятии его в русское подданство. «Присылал еси,— говорится в грамоте,— к нашему царскому величеству человека своего Кулмагметя з грамотою, а в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси... учинился еси царем на дву ордах на Казатцкой да на Колматцкой. И нам бы, великому государю... тебя пожаловати, приняти под свою царскую руку с обеми вашими ордами и с Казатцкою и с Колматцкою... и вам бы, Тевкелю-царю и братье твоей царевичем Казатцкой и Колматцкой орды... в нашем царьском жалование и в повеление от нас неотступными быти».

Трудно сказать, в какой мере эти свидетельства правильны и отражают историческую действительность. Ни в одном известном нам монгольском, китайском, русском или тюркоязычном источнике мы не находим сведений, подтверждающих заявление казахского посла, воспроизведенное в грамоте царя Федора Ивановича, о подчинении ойратов власти казахского хана. Во всяком случае

следует решительно отвергнуть предположение о признании этой власти всеми ойратскими правителями. Речь может идти лишь о том, что в начале 90-х годов XVI в. одно или несколько ойратских княжеств, кочевья которых соприкасались с казахскими, в результате военного поражения оказались вынужденными признать власть хана казахов и в течение некоторого, вероятно непродолжительного, времени служить ему. Эти события, видимо, и отразились в заявлении Кулмагмета и грамоте русского царя. Временными подданными казахов могли быть жители владений торгоутских или дэрбэтских князей.

Тогда же началась и длительная, растянувшаяся на целое столетие вооруженная борьба халхаских правителей, известных в литературе и русских источниках под именем Алтын-ханов, против ойратов. В отличие от перечисленных выше вооруженных конфликтов второй половины XVI в. она вышла за рамки местных, пограничных инцидентов и превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские владения.

Держава Алтын-ханов располагалась в северо-западном углу Халхи, между озерами Хубсугул и Убса. Первоначально она представляла собой лишь часть обширного владения Дзасакту-ханов — один из его отоков, граничивший на севере с владениями урянхайцев, на юге — с кочевьями других дзасактухановских правителей, на западе — с ойратскими княжествами и на востоке — с отоками Тушету-хана. В дальнейшем, однако, Алтын-ханам удалось упрочить свое положение внутри отведенного им отока, подчинить ряд мелких племенных групп и народностей, обитавших в сопредельных районах Южной Сибири, и превратить их в своих данников. Умело используя выгоды своего географического положения, вытекающие из непосредственного соседства с Русским государством, с которым они — первые среди восточномонгольских правителей — вступили в разносторонние деловые сношения, Алтын-ханы стали проводить самостоятельную внешнюю политику, мало считаясь с интересами и волей своего сюзерена — Дзасакту-хана.. Превратившись в довольно мощную военно-политическую силу, держава Алтын-ханов в течение примерно трех четвертей XVII в. играла заметную роль в истории Южной Сибири.

Первым Алтын-ханом был правнук Гэрэсэндзэ и двоюродный брат упоминавшегося выше Сайн-Лайхор-хана Шолой-убаши-хунтайджи. Он же был зачинателем халхаско-ойратской войны. О первом сражении этой войны нам рассказывают два ойратских источника: «Сказание о дэрбэн-ойратах» Батур-Убаши-Тюмена и «История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами» анонимного автора.

Эти источники говорят, что Шолой-Убаши-хунтайджи, действуя в союзе с правителем Урянхая Сайн-Маджиком, в году свиньи (1587) выступил из урочищ Хангая в поход против ойратов с войском, состоявшим из восьми тем (80 тыс.)

воинов. Шесть с половиной тем были его собственные, а полторы тьмы — урянхайского правителя. С этой армией союзники вторглись в пределы ойратских владений. Маршрут их нам точно неизвестен. Мы знаем лишь, что они переправились через гору Налха-Ухэр и пришли в местность Нал-Хара-Бурок, откуда разослали разведчиков с заданием установить местопребывание ойратов. Разведчики вернулись, не найдя противника. Тогда Шолой-Убаши-хунтайджи устроил совещание представителей «высших, средних и низших сословий», т. е., надо полагать, военачальников различных категорий, для решения вопроса о дальнейшем движении. «Где найдете кочевья их? — говорил Шолой.— Может быть, они кочуют на севере, может быть, на юге, их кочевья неопределенны». Сайн-Маджик возразил, что «все-таки они кочуют постоянно на одной стороне».

Взяв отряд разведчиков (200 человек), Сайн - Маджик поднялся с ними на высокую гору и сказал: «Идите в эту сторону; дойдете до реки Иртыш, идите по ее течению. Когда дойдете до места между черным лесом, растущим на нагорной стороне, и желтым камышом, растущим на низменной, найдете борд, называемый Мани, переправьтесь здесь через реку и ищите там ойратов по течению и против». Разведчики вернулись через несколько дней, приведя с собой ойратского мальчика, захваченного у устья Эмели и назвавшегося подданным хошоутского Байбагас-хана. На допросе у Шолой-убаши-хунтайджи мальчик сказал, что ближе других от войск Шолоя расположены кочевья торгоутского князя Сайн-Сэрдэнги,. за ним в истоках Иртыша кочует хойтский князь Сайн-хя (сын Эсэльбейн-хя), дальше идут владения чоросского Хара-Хулы, дэрбэтского Сайн-Тэбэнэ, который кочует в истоках Нарын-гола, и, наконец, хошоутского Байбагас-хана.

Все эти сведения позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, Шолой-убаши и Сайн-Маджик вторглись в ойратские пределы, видимо, со стороны Урянхая; во-вторых, в момент вторжения все ойратские владения оказались на левом, низменном берегу Иртыша, доходя кочевьями до Иссык-куля; в-третьих, хойты, в 1552 г. кочевавшие по р. Кунге, в 1587 г. оказались в верховьях Иртыша; в-четвертых, хошоуты в 1587 г. занимали своими кочевьями местности к западу от Тарбагатая по берегам рек Эмель и Или.

В описываемое время у ойратов, как об этом уже неоднократно говорилось выше, существовало большое число самостоятельных владений; каждое из них фактически было совершенно независимым и никому не подчинявшимся «государством». Однако частые войны и связанное с ними длительное политическое и хозяйственное напряжение сделали необходимыми периодические съезды («чулганы», или «хуралы») владетельных князей и вызвали к жизни институт «чулган-дарги» (руководителя, председателя чулгана), в задачу которого входило согласование действий владетельных князей. Этот институт не представлял собой никакой исполнительной власти; лицо, занимавшее должность чулган-дарги, было всего лишь выборным «согласователем». Ю. Лыткин называет его «первенствующим членом сейма». В 1587 г. чулган-даргой был правитель хошоутов Байбагас-хан.

Угроза потери самостоятельности и превращения в подданных халхаского Шолой-убаши и урянхайского Сайн-Маджика потребовала от ойратских князей мобилизации сил. Они выставили в поле войско из пяти тем, которое должно было отразить натиск восьми тем восточных монголов. В состав этого войска вошли 30 тыс. хошоутов, 8 тыс. дэрбэтов, 6 тыс. чоросов, 4 тыс. хойтов и 2 тыс. торгоутов. Как видим, наибольшее войско выставил хошоутский Байбагас-хан, который был самым могущественным; он постоянно держал при себе отряд в 16 тыс. воинов и считался среди ойратских правителей наиболее влиятельным и авторитетным в вопросах религии и управления.

Как же развертывались события, связанные с походом Шолой-Убаши-хунтайджи? В источниках нет полного освещения этих событий, там путают даты и факты, нередко подменяя объективное изложение вымыслами. Ю. Лыт-кин сообщает, что в подлинном тексте переведенного им «Сказания о дэрбэн-ойратах» имеется примечание, написанное не Батур-Убаши-Тюменом, а кем-то другим: «Хан халхаских монголов Убуши-хунтайчжи, желая взять ойратов в плен и уничтожить правление их и религию, вместе с урянхайским Сайн-Мачжиком с большим войском прибыл к р. Емнель (Эмель? — И. З.). Ойратские нойоны начиная от хана Байбагаса собрали мужественных воинов и сразились: ойратский витязь по имени Сайн-Серденкой (сын Манхая, торгоут) убил монгольского хана Убуши-хунтайчжия на берегу реки Иртыша при переправе Мани».

Ю. Лыткин свидетельствует о том, что в двух калмыцких улусах на Волге (в хошоутском и малодэрбэтском) ему довелось слышать предание, согласно которому сын Убаши-хунтайджи Мухур-Маджик, став взрослым, решил отомстить ойратам за убийство своего отца. Он собрал большое войско, напал на ойратов, нанес им поражение и хотел уничтожить самое имя ойратов и их самостоятельное правление. Но благодаря мудрости хойтского князя Сайн-хя эта угроза была предотвращена. Мухур-Маджик был взят в плен ойратами, заставившими его дать клятвенное обещание соблюдать мир. Нет сомнений, что в этом предании историческая правда перемешана с вымыслом, но тем не менее оно в известной мере отражает характер взаимоотношений ойратских владетельных князей с халхаскими в конце XVI — начале XVII в.; в основе этих отношений помимо других обстоятельств лежала борьба за обладание пастбищными территориями.

Ю. Лыткин считает войну 1587 г. поворотным пунктом в истории ойратов; она, по его мнению, отразила тот факт, что низшая точка падения военного могущества ойратов осталась позади, что началась новая страница их исторической жизни, восстановление их былой славы. До этого времени восточные монголы, как и ойраты, испытывали одинаковые следствия крушения империи; как там, так и здесь владетельные князья не подчинялись никакой объединяющей власти. Ойратские правители «не оказывали должного уважения Чоросскому дому, первенствовавшему (после смерти Эсена.— И. З.) на ойратском сейме, и следовали своим личным интересам... Образовалось множество владельцев, которые самостоятельно и независимо распоряжались в своем улусе, отнимали друг у друга улусы, увеличивали свои силы и снова падали перед сильнейшим; лишь только в общих

делах, касавшихся всех ойратских поколений, они соединялись вместе». Как только общая опасность проходила, внутренняя борьба возобновлялась. В конце XVI— начале XVII в. среди ойратов боролись две главные группировки: во главе одной стоял хошоутский правитель Байбагас, во главе другой — чоросский правитель Хара-Хула. Последний, «желая восстановить прежнее влияние Чоросского дома и быть первенствующим на ойратском сейме, старался увеличить свои силы за счет мелких владельцев, нападая на них, как „куцый серый волк утром на заре нападает на овец", и взирая на прочих сильных владетелей поколений, как „голодный беркут"».

Иначе представлял себе общее положение ойратских владений С. Козин, который видел в войне 1587 г. доказательство того, что «разрозненности и взаимной вражде халхаских князей противостоял мощный ойратский союз, располагавший 50-тысячным корпусом одних только княжеских дружин». Правда, известны и другие характеристики, противоречащие приведенной выше и тоже принадлежащие С. Козину. Он, например, писал: «В результате блестящих, но в конечном счете бесплодных военных предприятий ойратские предводители, нажив себе смертельных врагов в лице монголов, китайцев и казахов, теснимые с юга, востока и запада, очутились к началу XVII в. в очень тяжелых стратегических и внешнеполитических условиях, выход из которых они пытались найти в продвижении на запад, с одной стороны, и в достижении мирного соглашения с монголами, с другой стороны».

Факты, сообщаемые источниками, убедительно говорят о том, что характеристика Ю. Лыткиным внутренней и внешнеполитической обстановки, сложившейся к концу XVI в. в ойратском обществе, является правильной. И в самом деле, окруженные со всех сторон сильными кочевыми и оседлыми феодальными ханствами и княжествами, стремившимися преградить им пути к меновым рынкам, овладеть их территорией и богатствами, ойратские феодалы, как мы видели, в течение второй половины XVI в. терпели военные неудачи, с трудом отстаивая свою самостоятельность и феодальные привилегии. Отступая под натиском одного противника, они попадали под удар другого. Остро нуждаясь в меновых рынках, наглухо отрезанные от рынков Китая, ойратские ханы и князья пытались пробиться к рынкам Средней Азии, но встречали отпор могулистанских и казахских ханов и султанов. Положение усугублялось растущей нехваткой пастбищ как в связи с возросшими внутренними потребностями, так еще больше в связи с неудачами на полях сражений.

Ойратское феодальное общество находилось в состоянии кризиса. Выход из него мог быть найден лишь на пути преодоления раздробленности и разобщенности, на пути объединения разрозненных ойратских владений к одно феодальное ханство с достаточно твердой центральной властью. Образование объединенного ойратского государства было объективной необходимостью. Без такого государства у ойратских феодалов не было шансов отстоять самостоятельность своих владений и расширить пастбищные территории, без чего хозяйство ханов и князей не могло развиваться, а их многочисленные отпрыски— получить желаемое наследство. Объективная обстановка содействовала, таким образом, появлению деятелей, способных возглавить борьбу за преодоление кризиса. Одним из них оказался Хара-

Хула, правитель Чоросского княжества, сыгравший крупнейшую роль в объединении ойратских владений и образовании Джунгарского ханства. Что касается расширения пастбищных территорий, то выход был в конечном счете найден в откочевке ряда владетельных князей и подвластного им ойратского населения в новые районы, овладение которыми требовало минимальных потерь и жертв. Такими районами оказались для одних князей низовья Волги, для других — степи Кукунора.

Но положительное решение указанных задач было достигнуто лишь в ходе и результате чуть ли не полувековой борьбы.

Источники весьма скупо говорят о событиях внутренней истории ойратского общества в конце XVI в., но из того, что они сообщают, ясно видно обострение внутренней борьбы между владетельными князьями и крушение всех попыток найти путь к примирению. Батур-Убаши-Тюмен, например, пишет о неоднократных съездах ойратских князей, на которых они клятвенно обязывались, что «не только они сами, но и потомки их из рода в род, из поколения в поколение не будут наносить вред друг другу». Однако эти клятвенные обязательства нарушались так же легко, как и давались.

Данные, сообщаемые источниками, позволяют утверждать, что в основе ойратских межфеодальных усобиц конца XVI — начала XVII в. лежала борьба за долю каждого в общей массе феодальной ренты и других феодальных доходов, получаемых от эксплуатации ойратского крестьянства. Тенденция сокращения феодальных доходов как результат указанного выше кризиса имела своим неизбежным следствием дальнейшее обострение этой борьбы. Каждый участник феодальных усобиц стремился найти выход из кризиса за счет других феодалов путем их вытеснения или даже полного уничтожения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

2. ОБРАЗОВАНИЕ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

Важные сведения по истории западных монголов начиная с последней трети XVI в. содержатся в сибирских летописях.

Самое раннее упоминание об ойратах в русских источниках мы находим в Строгановской летописи, излагающей указ царя Ивана IV от 30 мая 1574 г. на имя Строгановых, которым повелевалось: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и инных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно». Эта же летопись рассказывает о нападении в 1582 г. остяков и вогуличей на царя Кучума, который «не веде, где от них детися, и побеже в колмацкия улусы и бегая подсмотри тамо конские стада и отгна... калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва у них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю».

Другая летопись, Есиповская, в своем кратком описании Сибири сообщает, что по берегам Туры, Тобола, Иртыша, Оби «жительства имеют мнози языцы: Тотаровя, Колмыки, Мугалы... Тотаровя закон Моаметов держат; колмыки же, которой закон, или отец своих предание [держат], не вем, понеже бо писмени о сем не обретох и ни испытати возмогох».

Сведения об ойратах имеются и в Есиповской и в Ремезовской летописях. В последней мы встречаем указания на то, что во времена царя Кучума в устье Ишима стоял городок Кулары, который был «опасной крайной Кучюмовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет».

Ойраты, по свидетельству летописцев, имели некоторое отношение к событиям, связанным с крушением царства Кучума. Ремезовская летопись сообщает, что в 1591 г. Кучум «не со многими татары и з женами и з детми своими от неначаяния рати руской утече на калмытской рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оши и Камышлова... поблизу Тарского города». Здесь Кучум был разгромлен ополчением тарского воеводы Масальского, после чего Кучум «не со многими людми убежа... к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-нор и похитил у калмыков коней многое число... Калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отъяша».

Таковы данные об ойратах, сообщаемые сибирскими летописями и относящиеся к концу XVI в. Они свидетельствуют о том, что первые сведения об ойратах стали поступать в Русское государство задолго до установления непосредственных контактов русских с обитателями Западной Монголии. Источником этих сведений могли быть как «кучюмляне», так и ногайцы и казахи, политические и экономические связи с которыми у Русского государства установились раньше. Данные сибирских летописей свидетельствуют вместе с тем, что уже в 90-х годах XVI в. рубежи некоторых ойратских владений оказались в верховьях Ишима и Оми, в непосредственной близости от основанного в 1594 г. русского города Тары, что кочевья ойратов помимо собственно Западной Монголии охватили к этому времени обширные пространства левобережья Иртыша от оз. Зайсан до линии современной транссибирской железной дороги (между городами Петропавловском и Новосибирском), занимая в среднем течении Иртыша степи его правого и левого берегов. Возможно, что это первое документированное свидетельство пребывания ойратов в степях Западной Сибири отражает уже начавшуюся откочевку из Джунгарии тех 50 тыс. семейств, принадлежавших дэрбэтским, торгоутским и некоторым другим владетельным князьям, которые примерно через четыре десятилетия окончательно остановились в низовьях Волги, где образовали Калмыцкое ханство, подвластное русскому царю. Упоминание сибирского летописца о крепости Кулары, предназначенной охранять державу Кучума от ойратов. видимо, следует понимать в том смысле, что ойратские князья не имели постоянных кочевок в верховьях Ишима, а лишь иногда совершали набеги на районы, подвластные Кучуму. Обращает на себя внимание и то, что новые ойратские кочевья оказываются отделенными от основных районов Монголии территорией, на которой обитали

племена и народы Южной Сибири и Алтая, что едва ли было бы возможным в нормальных условиях.

Движение на северо-запад диктовалось ойратским владетельным князьям самой обстановкой. Дорога на север была для них закрыта владениями Алтын-хана, на восток — восточномонгольских феодалов, путь на запад им преграждали казахские феодалы, стремившиеся полностью вытеснить ойратов из Семиречья и прилегающих к нему областей. Лишь одно направление — северо-западное — было более или менее открыто для ойратских перекочевщиков. И они по нему пошли, освоив в первую очередь районы, прилегающие к современным городам Семипалатинску, Павлодару и к северо-востоку от Акмолинска, в то время почти совершенно незаселенным. Да и во всей тогдашней Северо-Западной Сибири «а площади, насчитывающей около 300 тыс. кв. км (на которой в конце XIX в. проживало 2 млн. человек), в описываемое время кочевало всего лишь несколько сот человек. Интересно отметить, что натиск казахских феодалов на ойратов объяснялся, видимо, тем, что и они испытывали нехватку пастбищных территорий, покрыть которую рассчитывали за счет владений ойратских ханов и князей. Обстановка в конце XVI в. благоприятствовала казахам. Объединенные под властью хана Тевеккеля, они добились значительных успехов в борьбе против тогдашних своих главных противников — ханов Могулистана и Бухары, упрочили свои позиции в долине Сыр-Дарьи, овладели Ташкентом и Туркестаном; кроме того, они разгромили и, по-видимому, подчинили себе некоторые ойратские княжества. В подобных условиях изгнание ойратов из долины Иртыша должно было стать первоочередной задачей казахских правителей. В этой связи заслуживает внимания указание современника Шейбани-хана, автора «Тарих», Махмуда Шарас о той земельной тесноте, которую в XVI в. испытывали все кочевые народы Средней и Центральной Азии. «Ходжа-Али-бахадур сделал доклад хану,— писал Махмуд Шарас,— о том, что монголы количественно увеличились, их скот — тоже, им теперь в Кашгарских степях тесно, и что если хан разрешит, то он, Ходжа-Али-бахадур, взяв с собой Баба-султана, пойдет и завоюет Могулистан.. Вскоре скончался Ходжа-Али-бахадур, и это важное дело досталось на долю Рашид-хана. При справедливом правлении хана благоденствие и богатство народа разрослось до того, что в степях и горах Кашгара корма не стало хватать для скота». Казахские, узбекские, монгольские (в том числе и ойратские) феодалы в равной мере испытывали нужду в расширении пастбищных угодий, что дополнительно стимулировало их вооруженную борьбу.

Что касается ойратских владетельных князей, то их положение в последние годы XVI в. было, как мы видели, крайне тяжелым; в ойратском обществе резко обострились внутренние противоречия. Факты, сообщаемые источниками, рисуют яркую картину столкновения противоречивых интересов ойратских князей и борьбу между ними. Главными ставками в этой борьбе были, с одной стороны, захват чужих улусов, то есть аратских хозяйств, скота и пастбищ, принадлежавших другим владетельным князьям, с другой стороны, оборона наследственных и «благоприобретенных» улусов от других ханов и князей.

Приведем несколько примеров. Брат упоминавшегося выше Байбагас-хана Гуши-хан говорил одному из торгоутских князей: «Если кто и обессилит тебя, так это твой

старший брат, а ты останешься всего с 5 или 6 аратскими семействами». Хойтский Султан-тайша (сын Сайн-хя) жаловался на случаи нарушения князьями клятвенных обязательств. «О будущем мы не заботимся... нам, ойратам, ничего не остается, как преклонить свои головы (т. е. покориться чужой власти.— И. З.)». Широко известен факт многолетней борьбы между двумя братьями, сыновьями Байбагас-хана, Очирту-Цецен-ханом и Аблаем за дележ отцовского наследства, за пастбища, скот и аратов. Один из хошоутских князей по имени Цукер захватил много чужих улусов. «Многие нойоны,— пишет Габан-Шараб,— лишились своих улусов во время междоусобиц». Очирту-Цецен-хан, имея в виду положение дел в ойратском обществе, в весьма мрачных красках представлял себе будущее. Он предсказывал, что все ойратские владения перейдут под власть чужеземцев: хойты покорятся мусульманским правителям, хошоуты— китайским и тибетским, зюнгары (чоросы) подчинятся Китаю, торгоуты — России и т. д. Много фактов подобного рода приводит в своем «Сказании» и Батур-Уба-ши-Тюмен.

Единственным органом, имевшим возможность как-то регулировать внутренние противоречия и конфликты князей, был чулган, время от времени собиравшийся по инициативе дарги чулгана, коим на рубеже XVI — XVII вв. был хан хошоутов Байбагас. Источники свидетельствуют, что эти ханские и княжеские чулганы (или хуралы), являясь традиционной формой феодальной демократии, феодального самоуправления, допуск к которому представителям простого народа был наглухо закрыт, в описываемое время играли заметную роль в общественном устройстве Монголии.

Батур-Убаши-Тюмен приводит постановление одного из таких съездов, которым строго запрещалось прибегать к помощи чужих, в частности халхаских, князей в решении внутренних споров и конфликтов, унижать достоинство представителей ойратской знати принуждением к черной работе, «хотя бы он был обессилен и сделался подвластным», отдавать их в приданое дочерям, выходящим замуж, продавать, убивать и т. п. «Прочее,— говорится в этом решении, — да будет так, как было постановлено на прежних монгольских сеймах». Постановление было подкреплено клятвенным обещанием участников выполнять его. В источнике нет прямых указаний о времени созыва чулгана, принявшего это решение, но, по расчетам Ю. Лыткина, это было в 1616 или 1617 г. Обращает на себя внимание имеющаяся в тексте ссылка на решения предшествующих съездов. Свое наиболее яркое выражение идея чулганов получила в 1640 г. на так называемом Джунгарском съезде ханов и князей всей Монголии. Но об этом съезде речь пойдет ниже.

Постановления всех известных нам чулганов конца XVI — начала XVII в. отражают характерные черты кризисной обстановки того времени; они призывали ханов и князей к единству, внутреннему миру, сотрудничеству и взаимопомощи. Но будучи единственно возможной формой обсуждения очередных вопросов жизни ойратского феодального общества, эти чулганы не могли сколько-нибудь заметно влиять на ход событий, особенно в периоды резкого обострения внутренних противоречий и междоусобной борьбы, когда их постановления утрачивали какую бы то ни было принудительную силу и никем не выполнялись. В этих условиях лишь реальная сила

главы чулгана могла принудить местных князей к послушанию. Такой реальной силой, как мы видели, обладал чулган дарга Байбагас-хан, личное войско которого было более чем достаточным, чтобы навязать свою волю правителям княжеств. Но он, по неизвестным нам причинам, не сумел подчинить их своей власти; в источниках нет данных, которые свидетельствовали бы о его попытках применить силу против нарушителей постановлений чулганов. Иную политику проводил чоросский Хара-Хула Располагая меньшим войском, он медленно, но неуклонно укреплял свою власть, силой оружия и средствами дипломатии принуждая к подчинению правителей соседних ойратских владений.

В источниках, к сожалению, очень мало сведений о том, как развивалась борьба между Байбагас-ханом и Хара-Хулой. Мы знаем только, что она постепенно занимала все более важное место во внутриполитической жизни ойратского общества на рубеже XVI и XVII вв. Габан-Шараб в своем «Сказании» глухо упоминает о каком-то выступлении ойратских князей против Хара-Хулы. Он пишет: «Многие ойратские нойоны сделали попытку захватить Хара-Хулу, не дававшего им никакого покоя, но Далай-тайша удержал их, сказав, что груз взрослого верблюда годовалый верблюжонок не может осилить». Нам неизвестна ни дата, ни подробности этого выступления. Однако участие в нем Далай-тайши, главы дэрбэтского дома, дает основание полагать, что оно имело место в 90-х годах XVI в., когда дэрбэты кочевали еще на своих обычных местах или только начали перекочевку на северо-запад. Далай-тайша признавал возросшее могущество Хара-Хулы, называя его зрелым и полным сил верблюдом, которому противостоят малосильные верблюжата — выступившие против него князья.

Биограф Зая-Пандиты сообщает, что Байбагас-хан умер глубоким стариком в 1640 г. К этому времени ойратское общество управлялось уже не одним, а двумя равноправными руководителями чулгана: одним из них был хошоутский Байбагас-хан, а после его смерти — Очирту-Цецен-хан, сын Байбагаса, другим — чоросский Хара-Хула, после смерти которого этот пост перешел к его сыну и преемнику Батур-хунтайджи. Но к этому времени ойратский сейм как орган управления делами ойратского общества стал утрачивать свое значение, ибо Хара-Хула и особенно Батур-хунтайджи все более превращались в единодержавных правителей, в фактических ханов Джунгарии.

Так складывалась внутренняя и внешнеполитическая обстановка в Джунгарии в те годы, когда ойратские ханы и князья впервые вошли в соприкосновение с Русским государством.

Начало непосредственных русско-ойратских отношений связано с заключительными операциями русских ратных людей против «кучюмлян». Мы уже приводили указания сибирских летописей на взаимоотношения Кучума и его людей с ойратами. Русские архивные материалы в свою очередь свидетельствуют о том, что ойратские князья то конфликтовали и сражались с Кучумом и его потомками, то блокировались с ними для совместной борьбы против общих врагов. Так, из текста грамоты на имя тарского воеводы Елецкого, посланной из Москвы 1 января 1597 г., мы узнаем, что в июне 1596 г. из Тары в степь были отправлены на разведку два человека. Через

месяц они вернулись и доложили, что в районе оз. Иссык-Куль между ойратами и «кучюмлянами» произошло сражение.

В 1598 г. новый тарский воевода Воейков получил от своих разведчиков донесение о том, что к р. Обь прикочевали с юга 500 калмыков. С этого времени ойраты становятся на несколько лет постоянными обитателями, меняющими места кочевок в зависимости от времени года и общей военно-политической конъюнктуры, но не покидающими Западную Сибирь. Не случайно ремезовские карты отмечают «край калмыцкой степи» у Омска. Находясь в непосредственном соседстве с владениями Русского государства, ойратские князья некоторое время вели себя лояльно, избегая конфликтов с населением и московскими властями.

Начало официальным русско-ойратским отношениям было положено посольством, отправленным по распоряжению Москвы в январе 1607 г. тарским воеводой Гагариным к кочевавшим невдалеке ойратским князьям, чтобы предложить им перейти в русское подданство. В июне того же года это посольство вернулось в сопровождении ойратского посла, представлявшего, по его словам, 5 правителей главных и 45 зависимых от главных, у которых вместе было якобы 120 тыс. подвластного ойратского населения. Ойратские послы от имени своих правителей просили: «Воевати их не велети, и велети им быти под нашею царскою высокою рукою, и кочевати на нашей земле вверх по Иртишу к соленым озерам, а что де нам с них, с колмацких людей, имати годно коньми или верблюды или коровами, и они де тем нам бьют челом».

Из материалов посольства видно, что эта группировка ойратских владетельных князей возглавлялась дэрбэтским Далаем и торгоутским Дзорикту, что брат последнего Хо-Урлюк тремя годами раньше, т. е. в 1604 г., отделился от них и самостоятельно кочевал со своим сыном Кирасаном в верховьях Иртыша.

Тарский воевода согласился удовлетворить просьбы ойратских правителей. Это было одобрено Москвой, предложившей Гагарину направить к ойратам еще одно посольство, которое уже от имени русского царя должно было передать им «наше царское жаловальное слово, что мы, великий государь, их пожаловали, велели им по их челобитию кочевати вверх по Иртишу и в-ыных местах, где похотят, и держати их велели под нашею царскою высокою рукою, и велели их ото всех недругов от Казацкие орды и от Нагаи и от иных недругов беречи и обороняти... а ясак велели есмя имати с них лошедьми и верблюды или иным чем, чтоб им не в нужу».

21 сентября 1607 г. в Тару прибыло второе посольство от Далая, повторившее прежнюю просьбу князей разрешить им кочевать «на нашей земле вверх по Иртишу к соляным озерам и по Камышлову, и от Алтына-царя и от Казацкие орды велели их оберегати». Вместе с посольством прибыл от ойратов купеческий караван, пригнавший на продажу 550 лошадей в обмен на платье, деньги и писчую бумагу. Тарские власти освободили эти операции от пошлинных сборов, а самих послов отправили в Москву для представления царю.

В январе 1608 г. тарский воевода докладывал Москве, что Хо-Урлюк и его сын с улусами прикочевали в район Тары и кочуют на расстоянии трех дней пути от

города, что дэрбэтский тайша Далай вновь присылал к воеводе представителей с просьбой разрешить ему кочевать по Оми, тогда как другие тайши продолжали кочевать по Иртышу. Ойратские тайши по-прежнему просят «от Алтына-царя велети их оберегати, и ратных людей на него велети им давати, и город бы велети поставити на Оми реке от Тары 5 днищ, чтобы им тут кочевати было от Алтана-царя безстрашно. И будет тому городку учнет быти теснота от Алтына-царя, и они того города учнут оберегати вместе с нашими людьми». Тайши, кроме того, соглашались давать ясак скотом, «а собольми бы и лисиц черных пытати на них не велеть, потому что в их земли того зверя нет, а бьют де они зверь, только что съесть».

Получив эту информацию, правительство Москвы предложило тарскому воеводе отправить к Далаю и другим ойратским правителям, в том числе и к Хо-Урлюку, новое посольство с Заданием убедить тайшей лично прибыть в Москву к русскому царю, который гарантирует им защиту от Алтын-хана, от нагаев, казахов и других недругов. Следует отметить необычайный интерес, проявленный Москвой к возможности визита ойратских правителей для переговоров с русским царем. «И будет они не поверят,— говорилось в грамоте на имя тарского воеводы,— и к нам, великому государю, ехати не похотят, и вы б им для веры дали закладных людей, сколько человек пригож, и сами б естя им слово прямое на том дали, чтоб они ехали к нам безо всякого опасения, и ласку и привет к ним держали, и задору б им от наших людей ни в чем не было».

20 сентября 1607 г. в Тару прибыл представитель Хо-Урлюка, выражавшего готовность жить с Русским государством в мире и дружбе, просившего позволения кочевать по Ишиму и Камышлову, а также присылать людей для торговли в Тару. Тарский воевода велел передать Хо-Урлюку, что тот, не приняв русского подданства, не имеет права кочевать на русской земле и должен ее покинуть, если же присягнет на верность царю, то ему будет разрешено кочевать в русских пределах. При этом выяснилось, что улус Хо-Урлюка насчитывает всего 3 тыс. человек

Из донесения томского воеводы в Москву, датируемого мартом 1609 г., мы узнаем, что посольство к Алтын-хану и в Китай во главе с Иваном Белоголовым, отправленное из Томска шестью месяцами раньше, возвратилось в Томск, не выполнив поручения, чему причиной была война между Алтын-ханом и ойратскими правителями. Самый факт военных действий между главой алтынхановой державы и группой ойратских правителей не может вызывать сомнений: сведения об очередной вспышке халхаско-ойратской войны находят подтверждение в ряде документов. К сожалению, источники не приводят почти никаких подробностей. Мы знаем лишь, что война началась осенью 1608 г., что победителями оказались ойраты, которые «отгнали де от зимнево ево кочеванья далече, где он преж сево кочевал. И ясашные люди алтыновы от Алтына-царя отступили и с ним воюютца», что в этих боях участвовали многие ойратские владетельные князья, включая тех, кто кочевал в районе Тары и группировался вокруг дэрбэтского Далая, что какое-то участие в войне против ойратов принимали казахские ханы и султаны, что единство ойратских князей было непродолжительным и вскоре сменилось новой вспышкой междоусобной борьбы. В марте 1609 г. из Тары было отправлено посольство к ойратским правителям во главе с Голубиным. В июле оно вернулось в Тару и

доложило, что «кочуют де колмацкие тайши все вместе», их возглавляют вдова тайши Узенея по имени Абай и ее соправитель тайша Кошевчей (Хошучи?), что в присутствии русских послов состоялся съезд всех владетельных князей, входивших в эту группировку, что руководили съездом Абай и Кошевчей. Съезд обсуждал предложения русской стороны, чтобы ойратские правители присягнули на верность царю, заключили соответствующий договор, а главные тайши посетили г. Тару, регулярно платили ясак и т. д. Но съезд отклонил эти предложения по той причине, что «ныне в Казачье орды промеж собя люди секутца, и они де идут на них войною». Со своей стороны ойратские правители предложили, чтобы тарский воевода сам прибыл к ним в верховья Иртыша с торговыми русскими людьми, «а был бы де воевода и люди все нарядны, и гостей бы к ним (к ойратам.— И. З.) было много з дорогими товары, и они де с ними учнут торговати». Что касается ясака, то они «ясаку никому не давывали, и сами з Белых Колмаков ясак емлют, и вперед де ясаку давати никому не хотят». Столь же определенным был их ответ по вопросу о кочевании на русской земле. «А люди де они кочевые, а не месные, где похотят, тут и кочюют». На предложение русской стороны не трогать обитателей Барабинской и других волостей, подданных русского царя, а передавать жалобы на них, если таковые будут, на рассмотрение властей в г. Тару правительница Абай заявила: «Посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами».

Материалы этого посольства отражают укрепление позиций ойратских феодалов, связанное с их победами над халхаским Алтын-ханом и казахскими правителями. Изменившаяся обстановка отразилась и на отношении ойратских правителей к России. Они уже не просят у русского царя защиты от недругов и разрешения кочевать на его земле, не заявляют о своем согласии стать его верными подданными, платить ясак и т. д. В переговорах с Голубиным они держатся заносчиво и вызывающе.

Обращают на себя внимание и некоторые изменения, происшедшие внутри этой группировки ойратских князей. Раньше она возглавлялась Далаем, а теперь — вдовой Узенея и Кошевчеем, сам же Далай в материалах посольства Голубина даже не упоминается; раньше Хо-Урлюк кочевал отдельно от группировки Далая, теперь же он оказался одним из ее участников и кочевал вместе со всеми. Русским послам бросилось в глаза единство и согласие, царившие между правителями владений, входивших в группировку, объясняемые, видимо, только что одержанными победами и подготовкой нового похода против казахов. Заслуживает внимания и рассказ Голубина о роли княжеского съезда, созванного главными правителями объединившихся владений для определения их внешней политики.

Отдельно от этой группировки кочевала другая группа ойратских феодалов во главе с Байбагасом хошоутским и Хара-Хулой чоросским. Эта группа кочевала в верховьях Иртыша, к юго-востоку от первой, и включала в себя основную массу ойратского населения и большую часть владений. Ни Байбагас, ни Хара-Хула и никто иной из этой группировки до конца второго десятилетия XVII в. не вступал в сношения с властями Русского государства, что и объясняет отсутствие каких-либо сведений о них в русских источниках. Из калмыцких источников мы знаем, что между обеими группировками ойратских феодалов поддерживались близкие и

разносторонние связи: заключение брачных союзов, участие в обще-ойратских съездах и военных походах.

Важнейшим событием было принятие в середине второго десятилетия XVII в. всеми владетельными князьями Западной Монголии буддизма-ламаизма в качестве их официальной религии. Это произошло почти на полстолетия позже, чем в ханствах и княжествах Халхи и Южной Монголии. Учитывая, однако, его важность, мы позже остановимся на этом событии специально.

Относительно мирная обстановка, наблюдавшаяся в течение почти всего второго десятилетия XVII в. в ойратских владениях, находит подтверждение в материалах посольства Михаила Тиханова, посланного царем Михаилом Федоровичем в 1613 г. к персидскому шаху Аббасу. Знающие люди, привлеченные властями к участию в составлении маршрута, советовали направить посольство на Самару, затем ногайской степью к Яику, а оттуда к Ургенчу и дальше в Персию. «И тою дорогою,— говорили эти люди,— ехати мочно и безстрашно, только беречись надо на станех одних облавников колматцких людей... А иных никаких людей ныне на Ногайской стороне нет... А как де только, государь, на реках лед вскроется и снеги последние сойдут, и конской корм будет, тогды де, государь, колмыки и ногаи лошади откормят, и без людей в степи не будет, потому меже себя колмыки и ногаи учнут подъезды чинить, тогды, де, государь, дорогою будет не проехать».

Все это свидетельствует, что огромные пространства между излучиной Волги (в районе современного Куйбышева) и южной оконечностью Аральского моря были почти необитаемой пустыней, лишь изредка посещаемой ойратскими охотниками. Летом же и осенью эта пустыня становилась ареной взаимных мелких набегов ойратов и ногаев с целью угона скота. В рассматриваемые годы эти набеги были единственным проявлением военной активности ойратских правителей.

Возникает вопрос, какая же из двух ойратских группировок участвовала в набегах на ногаев? Источники не дают на него прямого ответа. Имея, однако, в виду, что ойраты, принадлежавшие к группировке Хара-Хулы и Байбагаса, могли проникнуть в ногайские улусы лишь через территорию казахских владений, можно утверждать, что организаторами набегов были по преимуществу правители северо-западной группы.

продолжение . . .

На случай возможной встречи Тиханова с ойратами ему была вручена царская грамота, адресованная «Колматцкие орды тайшем и всем лутчим и улусным

людем», которые извещались о воцарении Михаила Федоровича и командировании Тиханова в Персию. «И где им лучитца ехати вашею ордою или мимо вашие орды, а случей им где будет с вашими людьми, и вы б, помня прежнюю свою присылку и службу при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Русии, как есте обещались служити нам, великим государем царем росийским, ныне нам, великому государю, службу свою и радение оказали, нашего посланника Михаила Тиханова да подъячего Олексея Бу-харова и брата нашего Абас-шахова посла Амир-Алибека с их людьми и з животы своею ордою и мимо своей орды велели пропущати безо всякие зацепки со всеми их людьми и з животы и проводити их велели до коих мест будет пригож».

Между тем северо-западная группировка ойратских феодалов медленно, но неуклонно распространяла свое влияние на запад, на так называемую Ногайскую степь, бескрайние просторы которой могли полностью удовлетворить их потребности в пастбищах, обещая к тому же привольную, ни от кого не зависимую жизнь.

Положение дел в Ногайской степи в рассматриваемое время благоприятствовало реализации планов ойратских перекочевщиков. Здесь обитала одна из трех крупных ногайских группировок, так называемая Большая ногайская орда, кочевавшая в пространстве между Волгой и Эмбой.

Интересно отметить некоторые общие черты экономической структуры и общественных отношений ногаев и монголов, определившие и некоторое сходство их исторических судеб. Как кочевники-скотоводы, нога и были жизненно заинтересованы в рынках сбыта своей продукции и в источниках снабжения необходимыми им продуктами земледелия и ремесла. В этом отношении они после ликвидации Казанского и Астраханского ханств так же зависели от Русского государства, как монголы в XV—XVI вв. от Китая. «Рынком сбыта лошадей для ногайцев,— писал историк саратовского края А. Гераклитов,— служила главным образом Москва, а для рогатого скота и овец — Казань, хотя впоследствии русское правительство старалось и этот товар направлять также в Москву». С течением времени торговые связи Большой ногайской орды с Москвой ширились и крепли. Ногайские правители убеждались в том, что «торговые выгоды оказались значительнее и заманчивее неверной добычи, которую можно было получить во время набега или открытой войны с Русью».

С. Соловьев сообщает, что в Москву из ногайской степи пригоняли табуны, иногда до 50 тыс. голов. Он же рассказывает, что в годы правления Ивана IV ногайский мурза Исмаил отклонил предложение своего брата порвать связи с Москвой, мотивируя свое решение так: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и мне ходить нагому, да и мертвым

не на что будет саван сшить». Ногаи получали из России оружие, зимнее и летнее платье, сукно, бумагу, седла, гвозди и т. п.

Русско-ногайские отношения отличались от китайско-монгольских главным образом тем, что Русь была экономически заинтересована в меновой торговле с ногаями, обеспечивая им практически не ограниченный сбыт скота, тогда как Китай экономически был заинтересован в широком торговом обмене с монголами значительно меньше. Различие экономических интересов обусловило и различный характер политических взаимоотношений Московского государства и Китая с их кочевыми соседями. Мирные русско-ногайские отношения прерывались и уступали место вооруженным столкновениям только тогда, когда ногайские правители оказывались втянутыми в борьбу Московского государства с Турцией и Польшей, часто перераставшую в открытые войны.

Ногайское общество, как и монгольское, было в XVI— XVII вв. феодальным. Земля находилась в собственности владетельных князей, что и превращало их в господствующий класс. «Князья и мурзы,— писал А. Гераклитов,— в зависимости от себя имели улусы, которые состояли из улусных людей, или простых ногайцев... По-видимому, дело здесь обстояло приблизительно так же, как и у калмыков в позднейшее время, т. е. существовало нечто вроде крепостного права».

Немалую роль во внутренней и внешнеполитической жизни ногайского общества, как и у монголов, играли многочисленные потомки владетельных князей, жаждавшие получить свою долю феодальных доходов. А. Новосельский, лучший знаток истории ногаев XVI—XVII вв., характеризуя обстановку в Большой орде, отмечал «бурные выступления размножившихся "молодых мурз", лишенных улусов, против мурз старших поколений».

Нескончаемая междоусобная борьба и стихийные бедствия наносили огромный урон хозяйству ногаев в конце XVI— первые десятилетия XVII в. Ногайские улусы метались по степи, часто покидая привычные заволжские кочевья и переселяясь, несмотря на противодействие русских властей, в приазовские и даже хивинские степи, теряя людей и скот. Большая ногайская орда находилась в состоянии упадка; ее силы таяли и не могли противостоять натиску ойратов. «Уже во втором и третьем десятилетиях XVII в. калмыки,— пишет А. Новосельский,— совершили несколько коротких налетов из-за Яика на ногайские улусы, и каждый раз Большие ногаи в страхе перед этой грозной для них силой, бороться с которой они не были в состоянии, откатывались за Волгу».

В марте 1614 г. самарский воевода докладывал Москве, что ногайский мурза Иштерек, кочевавший по правому берегу Волги, опасаясь калмыцкой активности,

отправил на левобережье в разведку отряд в 1700 человек. В июне 1622 г. астраханский воевода доносил, что отправка в Москву ногайских послов и продажных лошадей задерживается из-за того, что «мурзы и их улусные люди чаяли на себя приход калмыцких людей».

Многочисленные показания источников не оставляют места сомнениям в том, что у ойратов, двигавшихся к Волге, в ногайской степи не было серьезных противников. Но ойраты не спешили овладеть этой степью. Они завершили свое движение к Волге не раньше середины 30-х годов XVII в. Что же удерживало их почти три десятилетия на берегах Иртыша и Ишима? Если их правители вынашивали великодержавные планы создания новой монгольской кочевой империи, как это утверждали некоторые исследователи, то почему ойраты медлили с реализацией этих планов, когда все условия как будто им благоприятствовали?

У нас есть основание утверждать, что столь медленное продвижение к Волге отражает сложность процесса перекочевки ойратских владений, испытывавших влияние различных, иногда противоречивых обстоятельств. Они не хотели покидать родные кочевья, не хотели рвать узы, связывавшие их с основной массой ойратского общества. Недостаточность пастбищных территорий и необходимость их расширения ощущалась более остро в неблагоприятные годы и менее остро в благоприятные, что не могло не оказываться на темпах перекочевки. Междоусобная борьба толкала князей на путь откочевки в периоды обострения и, наоборот, не требовала этого в периоды затишья и внутреннего мира. В этом же направлении действовали и внешние войны, благоприятный исход которых располагал к стабильности, неблагоприятный — к откочевке. Для второго десятилетия XVII в. характерно ослабление влияния факторов, требовавших от ойратских князей, кочевавших по берегам Иртыша, Оми и Ишима, ускорения темпов их движения в ногайские степи Заволжья. Если даже в иной год они и проникали в эти степи, доходили до Яика и Эмбы и даже переправлялись через эти реки, то надолго там не оставались и возвращались туда, где могли кочевать в непосредственном соседстве с остальными ойратскими владениями. Что же касается версии о планах образования ойратскими феодалами в XVII в. кочевой империи, то нам остается лишь повторить, что в источниках нет ни одного факта, подтверждающего ее.

После посольства Голубина, о котором мы говорили выше, в русско-ойратских отношениях наступил перерыв, длившийся около пяти лет. В источниках мало сведений о событиях внутренней и внешнеполитической истории ойратов в эти годы. Однако документы более поздних лет говорят, что за это время ойратские правители укрепляли свои позиции в занимавшихся ими районах. Они подчинили соседние более мелкие племенные группы и народности. Группировка Абай-Кошевчея, например, подчинила барабинских и кузнецких татар, взимая с них албан (подать) продуктами земледелия, охоты и железоделательного промысла. Ее правители объявили себя собственниками соляных озер в районе среднего и

верхнего течения Иртыша, ограничили добычу соли русскими и пытались использовать это как средство давления на власти русских городов. В результате между русскими и ойратами возникали конфликты, приводившие иногда к вооруженным столкновениям. Повод к конфликтам давали также нередкие случаи насилия и алчности местных сибирских властей, равно как и ойратских владетельных князей.

1616 год можно рассматривать как начало нового оживления официальных русско-ойратских отношений. Весной этого года из Тобольска к ойратам было отправлено посольство Томилы Петрова и Ивана Куницына. Цель была все та же — убедить ойратских правителей перейти в русское подданство и приходить с торгом в сибирские города. По возвращении в Тобольск эти послы были направлены в Москву, где доложили об итогах переговоров. Выяснилось, что они были приняты тем же дэрбэтским Далай-тайшой, вновь оказавшимся во главе крупной ойратской группировки, в которую входили четыре родных брата Далая, торгоутский Хо-Урлюк и чо-росский Чохур. «А начальной тайш у всей Колмацкой земли тот Багатырь Талай-тайш. И называют ево всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет. А у него 4 брата родных под ним... а двоюродных братьи и племянников в тайшех у него много». Чохур и Хо-Урлюк состояли у Далая в качестве «думчих ближних тайш». Подчеркивая силу этой ойратской группировки, Петров и Куницын говорили, что «ехали до их большово тайша до Богатыря все жилыми месты месяц, а вдаль сколько, того им не ведомо. А в розговорах они у колмацких людей слышали, что на бои збираютца 4 человеки больших тайшей, а с ними боевых людей по 10 000 человек».

Петров и Куницын не упоминают о Кошевчее и Абае возглавлявших данную группировку во время посольства Голубина. Видимо, внутри нее произошли какие-то новые раздоры, в результате которых у власти опять оказался Далай-тайша.

Послы установили, что «к Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли преже сего пойманы были в полон в Колматцкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдает им без окупу. А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают».

Особенно интересно свидетельство Петрова и Куницына о том, что при них в ойратских улусах происходило обращение князей и простых людей в ламаизм. «И ныне де они и колматцких людей к вере приводят к своей и грамоте учат своей»,— рассказывали русские послы, имея в виду проповедников, приехавших к ойратам из Халхи. Как мы увидим ниже, это свидетельство подтверждается прямыми указаниями монгольских и калмыцких источников.

Рассказ русских послов, кроме того, свидетельствует о существенном упрочении внутреннего и внешнеполитического положения далаевской группировки. Власть Далай-тайши была признана торгоутским Хо-Урлюком и чоросским Чохуром; ойратским правителям подчинились феодалы казахского Большого жуза и енисейские киргизы; внутри этой группировки царили мир и согласие. Выше мы уже упоминали о всеойратском съезде владетельных князей, состоявшемся в 1616 или 1617 г. с участием правителей далаевской группировки. Это событие можно рассматривать как свидетельство того, что Далай и вассальные князья поддерживали традиционные связи с основной частью ойратских феодалов, во главе которых стояли Байбагас и Хара-Хула.

При таком внешнем и внутреннем положении ничто не вынуждало правителей далаевской группировки спешить с перекочевкой на Волгу. И они оставались на месте, кочуя в районе среднего и верхнего течения Иртыша, по Ишиму и Оби, откуда время от времени совершали набеги на ногаев, кочевавших по Яику и Эмбе. Что касается их взаимоотношений с халхаским Алтын-ханом, то об этом можно судить по рассказу Василия Тюменца и Ивана Петрова, которые летом 1616 г. видели у Алтын-хана послов Далай-тайши. Русские послы присутствовали при беседе хана с этими послами. «Как они были у Алтын-царя, и при них де у него были колматцкие послы Баатыря-тайши и Учин-тайши. И царь... колмацким послом [говорил: под] государевы сибир[ские городы] учнете приходить, и твоих государевых служилых людей... или ясачные волости воевать, и я де на вас пойду войною. А от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии пойдут на вас же, и вам де, колмаком, нигде не избыть». Эта беседа свидетельствует о том, что тогдашнее соотношение сил державы Алтын-хана и ойратской группировки Далай-тайши было неблагоприятным для ойратов. Их послы вынуждены были терпеливо слушать назидательные речи Алтын-хана и его угрозы наказать ойратов, если те осмелятся пойти против его воли. Алтын-хан явно афишировал свою близость к русскому царю, войска которого якобы будут обязательно сотрудничать с войсками хана.

Далай-тайша и другие ойратские правители, учитывая это и опасаясь вызвать войну, прилагали все усилия к поддержанию мира с Алтын-ханом. Второй важной для них внешнеполитической задачей было налаживание добрососедских отношений с Россией.

Об этой второй задаче нам рассказывают материалы, относящиеся к началу 1618 г., когда в Москву прибыли послы Далай-тайши. Сопровождавший посольство Иван Савельев рассказывал в Посольском приказе, что в мае 1617 г. он был командирован тобольским воеводой к Далай-тайше выяснить действительные намерения его относительно перехода в русское подданство. И. Савельев, около двух месяцев

добирался до ставки Далая, помещавшейся в районе оз. Зайсан. Свидетельством мирных казахско-ойратских отношений того времени служит сообщение И. Савельева, что путешествие по казахским степям прошло без каких-либо затруднений. Все ойратские владетельные князья, через улусы которых он проезжал, узнав о целях посольства, тепло его встречали и провожали. В первой половине августа он достиг ставки Далая, у которого в это время находились послы от казахских и киргизских правителей, ведших переговоры о выкупе пленных, захваченных ойратами в недавних сражениях. Отвечая на вопросы и предложения русской стороны, Далай говорил, что «он под государевою рукою быти готов, и царской милости жаден, и послов своих бити челом государю о ево государской милости с ними вместе пошлет, и на непослушников государевых стоять готов, где ему царского величества повеление ни будет».

Далай-тайша послал с Савельевым своих представителей, которые и были препровождены в Москву. 20 марта они были приглашены для переговоров в Посольский приказ, где по поручению Далая заявили: «Третьенатцатой год тому, как оне учали царского величества с отчиною с Сибирью и с сибирскими пригороды знатца и к бояром и воеводам царского величества в городы приезжать. И ныне у них про Московское государство вести и добрые и худые, и Богатырь-тайша с товарыщи прислали их ныне проведать про Российское государство подлинно». Послы отметили также, что истекшие 13 лет «оне с тех мест ездят беспрестанно и в государевы городы лошадей и коров и всякие животины пригоняют по 200 и по 300 и тем государевы городы полнят». Когда послам напомнили прежние заявления ойратских правителей об их желании быть в российском подданстве для защиты от недругов, они ответили: «И ныне оне то ж объявляют: только Богатыря-тайшу с товарыщи царское величество под свою царскую высокую руку примет, и оне со всею Колматцкою землею под государевою высокою рукою быти хотят и во всем царском повеление, куды им царское повеление на недругов его не будет, стоять готовы».

Переговоры закончились 14 апреля 1618 г. вручением послам царской жалованной грамоты на имя Далая. Грамота приветствовала желание Далая быть в российском подданстве, «служить и прямить» царю, посылать ратных людей на «ослушников царских» и «в сибирские города в Тобольск и в-ыные наши городы с лошедьми и со всякою животиною и со всякими товары, что у вас в Колматцкой орде ведетца, людей своим ходить велел безо всякого опасения». Со своей стороны царь обещал Далаю защиту и оборону от всех его недругов, любовь и дружбу сибирских властей, которым будет указано, чтобы они «бед вам и задоров никаких чинити не велели. А к торговым вашим людем велели во всем береженье держати, чтоб им отнюдь ни от кого ни в чем обид и безчестья не было».

Приведенные нами материалы отчетливо характеризуют политику Далай-тайши по отношению к России в конце второго десятилетия XVII в., равно как и политику

России по отношению к Далаю. Обе стороны проявили заинтересованность в поддержании и развитии доброго соседства и мирной торговли. Далай искал возможности опереться на помощь Русского государства против Алтын-хана и казахских феодалов, угрожавших его интересам; в этих целях он стремился выяснить подлинный характер отношений между Москвой и державой Алтын-хана, что видно из некоторых заявлений, сделанных его послами дьякам Посольского приказа во время переговоров 20 марта 1618 г. Когда дьяки, желая убедить послов в выгодности служения русскому царю, сослались на пример Алтын-хана, послы Далая выразили сомнение в том, чтобы сам Алтын-хан принял русское подданство, ибо «Алтын-царь живет далече, ходу до него годы с 3, не что будет у государя были послы алтынова брата, а от Алтына послом итти далече».Эти сомнения были дьяками решительно опровергнуты. Переговоры свидетельствуют и о том, что Москва по-прежнему видела в Далае полновластного правителя ойратских улусов, кочевавших в непосредственном соседстве с тогдашними окраинными владениями России. Добровольное подчинение Далая русскому царю обеспечивало укрепление позиций России в Сибири и открывало возможность новых территориальных приобретений без применения оружия.

Вскоре, однако, между ойратами и Алтын-ханом вспыхнула новая война. Она коренным образом изменила внутреннее и внешнее положение всего ойратского общества и оказала серьезное влияние на обстановку в Центральной Азии, Южной Сибири и Нижнем Поволжье. Известные нам монгольские и калмыцкие источники о ней молчат; сведения об этой войне дают пока только русские архивные материалы; однако и в них нет сколько-нибудь подробных данных о начале и ходе военных действий, об их участниках. В документах 1619—1624 гг. они встречаются в виде отдельных, разрозненных сообщений о том или ином эпизоде или частном случае. Но в целом русские архивные материалы все же дают представление о конфликте.

В мае 1619 г. халхаский Алтын-хан направил русскому царю письмо с предложением объединить силы для совместного удара по группировке Хара-Хулы. «А прошение мое,— писал он,— чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людем дорога в твое государство и твоим людем к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие... и тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеление свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людем, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили... И как от тех воров дорога очиститца. и тобе, государю, и мне будет прибыль и добра много».

Это письмо интересно во многих отношениях. Оно свидетельствует прежде всего о том, что к концу второго десятилетия XVII в. влияние Хара-Хулы в ойратском обществе чрезвычайно возросло; Алтын-хан не счел нужным даже упомянуть о хошоутском Байбагасе, который формально все еще был главой всеойратского

чулгана, или о дэрбэтском Далай-тайше, возглавлявшем северо-западную группировку ойратов. Антиалтынхановскую борьбу ойратских феодалов в это время возглавлял Хара-Хула, которого Алтын-хан не случайно считал своим главным противником. И, наконец, реальные силы Хара-Хулы были уже настолько значительны, что Алтын-хану пришлось просить помощи русского царя. Содержащееся в письме утверждение о «немногих людях» Хара-Хулы находится в очевидном противоречии с предложением направить против него всех русских ратных людей Томска. Тары и Тобольска.

Это письмо в известной мере отражает процессы, развивавшиеся внутри ойратского общества. Основным их содержанием было преодоление сепаратизма местных владетельных князей и постепенная централизация власти в руках главы Чоросского дома. Об этих процессах говорит и конфликт между Хара-Хулой и одним из его сыновей — Чохуром. Не поладив с отцом, Чохур покинул его и в 1614 г. присоединился к группе Далай-тайши, сделавшего Чохура, как мы уже говорили, своим «думчим ближним тайшей».

Алтын-хан и Хара-Хула готовились к войне. Важным звеном этой подготовки явилась попытка хана заключить союз с Москвой. Но не терял времени и Хара-Хула. Он тоже попытался заручиться русской военной помощью для борьбы против Алтын-хана, направив с этой целью специальную миссию в Москву. То было первое посольство основателя Джунгарского ханства Хара-Хулы в русскую столицу. Интересно отметить, что послы Алтын-хана и Хара-Хулы одновременно отправились из Сибири, вместе проделали весь путь до Москвы, в один и тот же день - 10 января 1620 г.- прибыли в столицу, а 29 января вместе были на приеме у русского царя.

Послы Хара-Хулы говорили царю Михаилу Федоровичу о желании их повелителя быть в российском подданстве, пользоваться царской защитой и обороной от недругов. «И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскою высокою рукою в своем царском милостивом жалованье и в повеленье и от недрузей наших во обороне и в защищение».

24 апреля 1620 г. в Москве послам Алтын-хана был вручен ответ на это письмо. Предложение о совместных военных действиях против Хара-Хулы было Московским правительством отклонено, но защита от возможного нападения со стороны ойратского правителя была хану обещана: «Жалея тебя, Алтына-царя, наше царское повеление к сибирским воеводам и приказным людем послати велели, а велели тебя и твоей земли от колматцкого Каракулы-тайша и от его людей оберегать». Спустя месяц, 25 мая 1620 г., послу Хара-Хулы была вручена царская жалованная грамота о принятии его повелителя в российское подданство. «И мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайша, и твоих улусных людей пожаловали, в нашу царскую милость и во

оборону приняли, и в нашем царском жалованье и в призрение держать вас хотим, и от недругов ваших сибирским воеводам нашим оберегать велели есмя».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

2. ОБРАЗОВАНИЕ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

продолжение . . .

В отличие от других случаев сношений Москвы с монгольскими правителями материалы этого посольства и цитированная жалованная грамота ни слова не говорят о делах торговых, что подчеркивает военное значение миссии.

Когда начались военные действия между войсками Алтын-хана и Хара-Хулы? Прямого ответа на этот вопрос мы в источниках не находим. Можно лишь утверждать, что они начались не позже 1619 г. Об этом свидетельствуют сообщения, полученные в октябре 1620 г. в Уфе от людей, незадолго до этого вернувшихся из ойратских улусов. Толмач Пятунька Семенов, например, рассказывал: «Слышел де он у колмацких людей, што приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь... Да нынешнево году перед их приходом приходили на них воинские люди Алтына-царя... и улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили, а взяли де живых дву тайчей, а 3-ей де тайча Байбагишев брат Тегурчей утек и прибежал при нем, Пятуньке, в кочевье к брату своему Байбагишу». Как видно из этого сообщения, Байбагиш — один из сыновей Хара-Хулы — вместе со своим братом чоросским Чохуром, торгоутским Урлюком и дэрбэтским Далаем кочевал в верховьях Ишима и Иртыша. Байбагиш, Чохур и Урлюк имели в своем распоряжении по тысяче, а Далай — 2 тыс. улусных людей. Заслуживает внимания указание Семенова, что названные четыре правителя съехались на совещание к Чохуру, где решили просить у русского царя разрешения кочевать по Тоболу и приходить с торгами в Уфу.

Одновременно сведения об ойрато-халхаской войне были получены в Тюмени, в окрестности которой прикочевала небольшая группа ойратов, говоривших: «Все де колмацкие люди кочюют по Камышлову, потому что де их теснят Алтына-царя люди». Возможным отголоском войны является и неожиданное появление ойратов во главе с братом Хара-Хулы Девникеем и тайшой Сенги-лом в районе между оз. Чаны, Омью и Иртышом, к востоку от современного Омска.

В 1621 г. в Тобольске стало известно, что «иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины, сибирских городов, и кочюют ныне вверх по Ишиму промежю Тоболом... А прикочевали де, государь, те

колмацкие тайши блиско твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колмацких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда».

Башкиры, находившиеся в плену у ойратских тайшей и в октябре 1620 г. возвратившиеся в Уфу, сообщили, что «колматцким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя; побил де у них многих людей, а Олтына де, государь, царя люди побили у них многих людей и дву де тойчей с улусы з женами и з детьми поймали в полон».

Летом 1621 г. многие ойратские тайши кочевали между Обью и Иртышом в районе оз. Ямышева «потому, что де задрали черные колмаки Каракул-тайша, да Мерген-Теменя-тайши Алтына-царя. И Алтын де царь их побил и идет де на чорных калмаков войною». Тогда же в Томск поступили сведения о том, что многие ойратские улусы с их тайшами прикочевали к Оби и в устье Чумыша построили укрепленный лагерь, собираясь зимовать и кочевать между Томском и Кузнецком. «А сошлися де они на Обь и гарадок зделали, что их побил Алтын-царь и у Карагуля жен и детей 'поймал. А слажился де Алтын-царь с Казадцкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де ане в степех кочевали, и с тех с их кочевья збили... а ждут де на себя вскоре Казачьи орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына-царя».

Таковы наши сведения о событиях 1619—1621 гг. Из них видно, что ойратским правителям в эти годы пришлось почти одновременно отбиваться от казахских феодалов и от Алтын-хана; первые сражения произошли летом или осенью 1619 г.; ойраты терпели поражения, в результате чего их кочевья рассеялись от Уфы до Томска. Традиционная группировка улусов по таким крупным феодальным объединениям, как торгоуты, дэрбэты, хошоуты, чоросы и т. д., оказалась нарушенной, все кочевали вразброд, вперемежку и чересполосно. Возможно, что инициатором войны был Хара-Хула, но он потерпел неудачу; вслед за этим в войну были втянуты все ойратские улусы, включая и те, которые входили в группировку Далай-тайши.

1622 год был, по-видимому, годом передышки. Во всяком случае ни в одном из документов не говорится о сражениях этого года. Можно полагать, что стороны залечивали раны и готовились к будущим боям. В 1622 г. в Москве стало известно, что ойратские князья подчинили население Кузнецкого района, занимавшееся добычей железной руды, выплавкой и переработкой железа, и принудили его платить дань железными изделиями: «И в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи, рогатины, и сабли и всякое железное, опричь пищалей; и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людем на лошеди и на коровы и на овцы, и иные есак дают колмацким людем железом же... А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецково острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют собольми и железом всяким деланным».

Получив эту информацию, Москва строго приказала местным властям принять меры для защиты кузнецкого населения и не допускать впредь продажи ойратам оружия и соболей.

Военные действия возобновились в конце 1622 или в начале 1623 г. Об этом в Тюмени узнали от людей, ездивших в улус тайши Зенгила, где им сказали, что главные тайши «воюют де ныне с алтыновыми людьми и с мугальцы, и з бухарцы, и с нагайцы и промеж де собою у тайшей война есть, и им де от ал[тын]овых людей и от мугальцев, и от бухарцов, и от нагайцов теснота великая, для того под сибирские городы прикочевали».

Летом 1623 г. тюменский воевода получил интересные сведения о походе Хара-Хулы против Алтын-хана. «Ходил де колмацкой тайша Каракул к Алтын-царю войною, а людей с ним ходило 4000 и улус де у Алтына-царя повоевал, и полону взял много, и взяв де, пошел назад. И Алтын-царь послал на перёём к тому Каракуле-тайше 4000 людей, а 3000 ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном». Остается пожалеть, что источник этой информации не уточняет времени события — относится ли оно к начальному году халхаско-ойратской войны, т. е. к 1619 г., или произошло в 1622—1623 гг.?

Весной 1623 г. из Уфы к ойратским тайшам были отправлены послы во главе с Василием Волковым. 29 мая этого года посольство прибыло к Мангиту, брату дэрбэтского тайши Далая, который сообщил, что «брат его Талай с товарищи ныне пошли битись против муганского Алтына-царя». Как рассказывали русские послы, во-время их пребывания в улусе тайши Мангита «были у него, Мангита, от мугальского царя людей частые всполохи... И оне, де, тайши, кочюют от того мугальского Алтына-царя к Ыртышу, а жон своих и детей возят за Иртыш». В дальнейшем выяснилось, что Далай-тайша и другие ойратские князья выступили в поход за 19 дней до прихода русских послов к Мангиту, т. е. 10 мая.

На этом сообщения об операциях 1623 г. обрываются. Они свидетельствуют, что и в этом году все ойратские (владетельные князья, включая входивших в группировку Далая, выступали единым фронтом против Алтын-хана и его союзников, что внутренние противоречия, разделявшие ойратских правителей, отошли на задний план перед внешней угрозой, что все они независимо от места кочевания поддерживали тесную связь и участвовали в обще-ойратских предприятиях. По всем данным, операции 1623 г. не принесли решающего успеха ни ойратам, ни Алтын-хану; ойраты покидали поля сражений, уводя с собой немало пленных халхасов. Документы говорят, что в 1625 г., когда у ойратов вспыхнула острая междоусобная борьба, «из их улусов побежали в Мунгалы многия мунгальские полонянники».

Усобица 1625 г., о которой рассказывают почти все русские документы этого года, серьезно осложнила внутреннее положение в ойратских владениях. В основе усобицы лежал конфликт из-за дележа наследства между двумя братьями, владетельными князьями Чохуром и Байбагишем, третий брат которых умер, не оставив прямых наследников. Яблоком раздора стала тысяча аратских хозяйств, принадлежавших умершему. Байбагиш не захотел делиться с Чохуром и забрал всю тысячу. Началась драка. Мирить развоевавшихся братьев бросились все влиятельные ойратские правители, не без основания опасавшиеся, что Алтын-хан воспользуется сумятицей и разгромит все улусы ойратов. В роли главных примирителей были Хара-Хула чоросский и Далай дэрбэтский. В результате их усилий братья пошли на соглашение, по которому Чохуру досталось 600 хозяйств, а Байбагишу — 400. Вскоре, однако, Чохуру захотелось отобрать у Байбагиша и эти 400 хозяйств. Началась новая война. Чохур с 10-тысячным войском в союзе с некоторыми другими владетельными князьями пошел на брата Байбагиша, у которого было всего 2 тыс. воинов. Сражение произошло на берегу Иртыша, в районе оз. Ямышева. Байбагиш потерпел поражение, потерял половину воинов и переправился на левый берег Иртыша. Здесь он укрепился, но был осажден. Теперь в роли главного примирителя выступил Далай, прибывший к месту сражения с отрядом в тысячу воинов. Улусам далаевской группировки было предложено кочевать в верховьях Ишима и Тобола, «блюдясь от мунгальских людей войны».

Брат Далая Ирке-Илдень-тайша в апреле 1625 г. был вызван- Далаем на съезд, «для того что учинилась меж калмыцких тайшей Чокура и Байбагиша великая война. И к ним учали приставать друг за друга иные тайши о улусных людех и о животах колмыцково Чина-тайши, а Чин-тайша умер, а Чокур да Байбагиш-тайши ему братья. И Талай-тайши и Ирка-Илденя пошли Чокура и Байбагуша мирить, чтобы услыша то, мугальские люди, что меж колмацкими тайшами война, не пришли на них войною».

В конце 1624 г. посол тобольского воеводы Яков Буголаков был на приеме у Далая и вел с ним переговоры по поводу набега, учиненного ойратскими людьми на Тарский уезд. Далай отклонил претензии русской стороны, ибо «ходили де в Тарской уезд на государевы ясачные волости Карагулы-тайши братья, а Карагула де тайша сам своим улусом кочюет, ему, Талай-тайше, унять не уметь. А государев де изменник Ишим-царевич Чокуру-тайшю племя, и кочюет с Чокуром же, а не с ним, Талай-тайшею».

Это сообщение интересно тем, что с полнейшею ясностью устанавливает самостоятельность и взаимную независимость владений Далая и Хара-Хулы, равно как и крайнюю текучесть ойратских княжеских группировок,. Недавно еще Чохур-тайша состоял при Далае в качестве «ближнего думчего тайши», а теперь он кочевал вполне самостоятельно.

Наступившая зима вынудила тобольского посла Буголакова зимовать у Далая. «А весною пришла к нему весть, что Чокура да Байбагиша тайшей брат Чин-тайша. умер, а животы ево и улусных людей поймал себе Чокур-тайша, а брату своему Байбагишу воли не давал. И Байбагиш-тайша, пришод, изгоном Чина-тайши улусных людей и животы поймал. И за то де у Чокура-тайшн з Байбагишом учинилась рознь, и быть может ими войне, И Талай-тайша, послыша то, пошол к ним на мир, а взял с собою 1000 человек... А ево де, Якуньку (Якова Буголакова.— И. 3.}, взял с собою для того, что де у Чокура з Байбагишом учинитца, чтоб было ведомо, что сказать в Тобольску. И пришод де Талай-тайша к Чокуру-тайше, брата их Чина-тайшу животы поделил было пополам, по пятисот человек и послал к Байбагишу-тайше, чтоб он отослал к Чокуру Чина-тайши людей 500 человек... И Чокур захотел взята всех людей — 1000 человек и, собрався с колмацкими тайши с Мерген-Теменею, с Куяном, с Табытаем, пошол на Байбагиша войною, а с ними силы с 30 000... А Чокур-тайша, сошед Байбагишу-тайшу ниже соляных озер, многих людей побил и живот поймал, а з достальными людьми осадил в луке... И послыша то Каракул-тайша, что Байбагиш от Чокуру в осаде, пришол к Байбагишу на помочь против Чокура стояти, а с ним силы тысяч з 10. И Чокур-тайша пошол прочь и с погромом». После этого Буголаков был отпущен в Тобольск.. «А отпустя его, Талай-тайша хотел за ним же кочевать на Итык... он чает нынешние осени мугальцов приходу.. А и то де он слышал в Колмаках, что кочевать всем калмыцким тайшам к Нагайской стороне на Чорные пески, хотя меж ими и война не поминуетца. А только де Каракул-тайша от Байбагиша не отстанет... меж колмацкими тайши быть войне великой и миру меж ими не бывать».

Мы привели столь обширные выдержки из рассказа Бутолакова потому, что они с большой полнотой рисуют подоплеку внутренней борьбы среди ойратских феодалов, роль дэрбэтского Далай-тайши в ликвидации конфликта, его заинтересованность в поддержании мира и единства среди ойратских владетельных князей как условия успешного отпора Алтын-хану. Далай-тайша действовал в том же направлении, что и Хара-Хула, энергичное вмешательство которого, по-видимому, предотвратило перерастание конфликта в большую междоусобную войну. Что касается достоверности рассказа Буголакова, то он едва ли может быть взят под сомнение, поскольку рассказчик в значительной мере был очевидцем указанных событий.

Данные Буголакова находят подтверждение и в сообщении ногайца Девлетова, в течение пяти-шести лет находившегося у ойратов в плену, бежавшего от них и в мае 1630 г. доставленного в Москву. Он был свидетелем войны между Байбагишем и Чохуром, начавшейся вскоре после захвата его в плен, причем Байбагиш, по его словам, был тогда убит. «А на его Байбагошово место учинился тайшею брат его Чекур»).

События 1625 г. положили начало глубокому расколу северо-западной группировки ойратских владетельных князей, от которой начал отходить и в конце концов совершенно отделился дэрбэтский Далай-тайша. Его место занял торгоутский Хо-Урлюк. Имеющиеся источники не раскрывают всех обстоятельств, связанных с этим расколом. Русские архивные материалы говорят о событиях 1625—1635 гг. отрывочно, со значительными перерывами. Еще меньше сведений об этом периоде ойратской истории мы находим в монгольских и ойратских источниках. Мы можем более или менее уверенно говорить лишь об основных событиях этого десятилетия, приведших к становлению Джунгарского ханства.

Русские источники дают основание утверждать, что после 1625 г. Далай-тайша, опираясь на основные дэрбэтские владения, окончательно порвал с торгоутской группировкой Хо-Урлюка и начал сближаться с юго-восточной группировкой Хара-Хулы, тогда как Хо-Урлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей ускорили свое продвижение в район Астрахани, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним неторгоутских правителей.

В русской и зарубежной литературе в течение многих лет обсуждался вопрос о том, когда именно произошло отделение торгоутов Хо-Урлюка от остальной массы ойратов и началась их откочевка на Волгу. Если мы обратимся к «Сказаниям» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, то увидим, что они вносят в этот вопрос полную ясность. Габан-Шараб включил в свое «Сказание» специальный раздел, который он озаглавил «В каком году произошло отделение от дурбэн-ойратов». Раздел начинается так: «В году земли-дракона (1628.—И. З.) было сообщено (торгоутами.-И, З.) дурбэн-ойратским нойонам об их намерении отделиться. В следующем году земли-змеи (1629.—И. З.) отделились» ио. Автор другого «Сказания», Батур-Убаши-Тюмен, писал, что ойраты получили впоследствии прозвание «халимак» («калмыки»), что в 1627 г. расстроился ойратский союз: елёты (т. е. калмыки) поспешно ушли на запад, хошоуты - в Тибет, а зюнгары (т. е. чоросы) остались в зюнгарском нутуке (т. е. в Джунгарии).

Итак, оба автора единодушно утверждают, что отделение торгоутов от остального ойратского общества произошло в 1627—1628 гг. У нас нет оснований им не доверять: Габан-Шараб сам был одним из торгоутских нойонов и писал свое «Сказание» всего лишь через столетие после прихода торгоутов на Волгу. Что же касается Батур-Убаши-Тюмена, то он был одним из хошоутских нойонов, недавние предки которых находились в тесной родственной связи с дэрбэтами и чоросами. Все это позволяет нам с полным доверием отнестись к сообщению авторов обоих сказаний.

Русские источники со своей стороны подтверждают свидетельство Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена. В апреле 1630 г. в Москве были приняты послы Далай-тайши,

которые в Посольском приказе сообщили, что их тайша кочует в Кара-Куме «один з детьми своими, а детей де его 4 сына... а иных де калмытцких тайшей с ними вместе нет. А калмытцких воинских людей у Талай-тайша 16 000, а у детей его 20 000».

В эти годы между Далаем и группировкой Хо-Урлюка— Чохура — Мерген-Тэмэнэ происходили вооруженные столкновения. Послы Далая говорили в Москве, что Чохур и Мерген-Тэмэнэ являются исконными вечными недругами Далая. Враждебные отношения между этими группировками проявлялись не только в вооруженных столкновениях, но и в попытках каждой из них натравить на другую русские власти, сваливая друг на друга вину за нападения на русские поселения и на русские ясачные волости.

Мы ничего не знаем об обстоятельствах, разделивших группировку Далая и Хо-Урлюка, о причинах вражды между ними. Но нельзя не обратить внимания на свидетельство Габан-Шараба, писавшего, что правители торгоутов сначала поставили в известность «дурбэн-ойратов» (главных ойратских правителей) о своем намерении отделиться и лишь после этого отделились, т. е. ушли на Волгу. Этот факт доказывает, что, несмотря на бесконечные конфликты, раздоры и междоусобную борьбу, ойратские правители в вопросах общеойратского значения чувствовали свою взаимосвязанность и взаимозависимость, опасаясь действовать в одиночку и тем более вразрез с общей волей ханов и князей. Мы не знаем, давали ли «дурбэн-ойраты» Хо-Урлюку свое согласие на отделение, но его присутствие с сыновьями на общемонгольском съезде 1640 г. подтверждает наш вывод.

Источники сообщают очень мало сведений о перемещениях, происходивших в эти годы в юго-восточной группировке. Можно только уверенно утверждать, что в 20—30-х годах XVII в. непрерывно росли сила и влияние чоросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой. Важно отметить также, что ни в одном русском документе того времени не упоминается имя «первенствующего члена» ойратского чулгана Байбагаса хошоутского; после 1616 г. ни слова не говорят о нем и монгольские, в том числе ойратские, источники. Факты свидетельствуют, что в этот период все общеойратские кампании против Алтын-хана и казахов возглавлялись Хара-Хулой; он же являлся непременным участником всех крупных внутренних конфликтов, навязывая их участникам свой арбитраж.

В 1630 г. в Посольском приказе в Москве уфимский толмач Федор Кондратьев рассказывал о своей поездке к Далай-тайше, состоявшейся годом раньше. Он говорил, что «есть за Иртышем еунгарского (Джунгарского.— И. 3.) улуса калмаки многие ж люди, и те бьютца с мугалы Алтына-царя с людьми с калмыки ж. И при них де у Талай-тайши в улусех были мугальские послы и про то им сказывали, да и Талай-тайша то ж, что у них у мунгал с еунгарским улусом война... А мунгальские де

послы о том к Талаю-тайше приходили, чтоб он еунгарским калмаком не помогал, людей своих на помочь им не давал».

Как видим, в 1628—1629 гг. ойраты вели очередную войну с Алтын-ханом, но уже не с Шолоем, который к этому времени умер, а с его сыном Омбо-Эрдени. Далай-тайша в ней не участвовал. Послы Алтын-хана прибыли к нему, уговаривая его сохранить нейтралитет. В источниках нет прямых указаний об исходе этой войны, но косвенные данные позволяют заключить, что она принесла успех ойратским феодалам. Видимо, поэтому вслед за этой войной началось массовое возвращение ойратских владетельных князей в степи Джунгарии и Восточного Туркестана, которые вновь стали их нутугами и основной территорией Джунгарского ханства.

Укрепление внутреннего и внешнеполитического положения ойратского общества в конце 20 — начале 30-х годов XVII в. сказалось, между прочим, в том, что вместо характерного для начала XVII в. распада, разброда, распыления и беспорядочного кочевания ойратских улусов на огромных пространствах Южной и Западной Сибири, Приуралья и Заволжья началась их концентрация на правом берегу Иртыша под эгидой чоросских князей. Озеро Ямышево, которое двумя-тремя десятилетиями раньше было одним из центров ойратских кочевий, ныне вновь стало их пограничным пунктом. Экспедиция, отправленная осенью 1634 г. из Тобольска к этому озеру за солью, встретила войско Куйши-тайши, сына Хара-Хулы, пытавшегося преградить русским путь.

Кризис конца XVI — начала XVII в., угрожавший самому существованию ойратского общества, постепенно изживался. Противоречия, обусловившие его возникновение и развитие, были в основном разрешены. Пастбищный голод был преодолен в результате откочевки значительной части ойратского населения (около четверти миллиона человек) в низовья Волги. Это в свою очередь способствовало смягчению и ликвидации конфликтов между владетельными князьями, облегчило их объединение для решения общеойратских задач. На этой основе наметился перелом и в борьбе с внешними противниками, в первую очередь с Алтын-ханом и казахскими ханами и султанами.

Мы не можем сказать, какую роль в этих успехах играли личные качества Хара-Хулы. Сведения, сообщаемые нашими источниками, недостаточны для ответа на этот вопрос. Несомненно одно: приведенные нами вполне достоверные фактические данные, во-первых, убедительно опровергают предположение, что образование Джунгарского ханства обязано только и исключительно личным талантам главы чоросского омока Хара-Хулы, и, во-вторых, доказывают, что преодоление кризиса и консолидация разрозненных ойратских владений в объединенное ханство происходили стихийно, а личные способности Хара-Хулы, возможно, сыграли

некоторую положительную роль, облегчив и обусловив сосредоточение в его руках ханской власти.

В 1634 г. Хара-Хула умер, оставив своему сыну и преемнику Хото-Хоцин-Батуру пост второго (наряду с Байбагасом хошоутским) «первенствующего члена» ойратского чулгана. Далай-лама пожаловал Батуру титул Эрдэни-Батур-хунтайджи; под этим именем Батур и вошел в историю Центральной Азии. Фактически Батур-хунтайджи стал единодержавным правителем всех ойратских владений, за исключением тех, которые вслед за Хо-Урлюком ушли на Волгу, где в это же примерно время заложили основу другого ойратского ханства — калмыцкого.

1635 год был первым общепризнанным годом существования Джунгарского ханства. Сибирский летописец Черепанов писал: «В сих летах начало свое возимело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Кара-Кулы тайши сын Батур тайша благоразумием и храбростью своей, как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил, и часть Бухарин завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур тайша, стал именоваться контайша».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАМАИЗМА СРЕДИ ОЙРАТОВ

Монголы, как известно, впервые познакомились с буддизмом еще в XIII в. В годы империи Юань буддизм пользовался поддержкой Великих ханов, всячески способствовавших его распространению среди монгольской аристократии и народных масс. Но, несмотря на эту поддержку, успехи буддизма в то время были минимальны. С падением империи его влияние рухнуло; среди монголов вновь возобладали традиционные шаманистские верования. Так продолжалось до последней четверти XVI в., когда началось стремительное превращение буддизма-ламаизма в единственную и безраздельно господствующую религию всех слоев монгольского общества. Первыми, проложившими путь победному шествию этой религии в степи Монголии, были восточномонгольские ханы и князья. К ойратам ламаизм пришел на четыре десятилетия позже, но утвердился среди них так же быстро, как и в Восточной Монголии.

Монгольские источники говорят, что первым монголом, вступившим в контакт с руководителями ламаистской церкви Тибета, был упоминавшийся выше правитель Ордоса Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи. В году красного тигра (1566) он вторгся в Тибет и отправил к трем главным ламам посольство с заявлением, весьма напоминавшим ультиматум. «Если вы нам подчинитесь,— гласило заявление,— мы примем ваше

религиозное учение и станем его последователями; если же вы нам не подчинитесь, мы поступим с вами как с врагами (мы вас покорим)».

Автор «Эрдэнийн Тобчи» рассказывает, что верховные ламы Тибета, получив этот ультиматум, долго колебались, не зная на что решиться. По истечении трех суток они капитулировали. Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи вернулся в Ордос в сопровождении трех тибетских лам.

Прошло десять лет. В 1576 г. хунтайджи посетил туметского Алтан-хана, приходившегося ему родным дядей. Отмечая большие военные и политические успехи, достигнутые ханом во взаимоотношениях с Китаем и ойратами, племянник убеждал дядю, что для закрепления и развития этих успехов необходимо опереться на религию, которую уважал и поддерживал сам Хубилай-хан, что опора на эту религию особенно важна ввиду преклонного возраста хана. Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи советовал Алтан-хану пригласить в Монголию верховного ламу Тибета Содном-Джамцо. По соглашению с другими владетельными князьями Алтан-хан отправил в Тибет специальное посольство с заданием пригласить к нему Содном-Джамцо. Верховный лама Тибета охотно принял приглашение и вскоре отправился в путь. В 1577 г. он прибыл в Кукунор, торжественно встреченный и щедро одаренный правителями местных монгольских владений. Не менее торжественно его встречали на всем пути до ставки Алтан-хана, куда он прибыл в 1578 г. Здесь в первом летнем месяце состоялся съезд князей и духовенства, на котором впервые в послеюаньский период монгольской истории были установлены и узаконены принципы взаимоотношений монгольской светской власти и ламаистской церкви. Эти принципы были сформулированы в постановлении, состоявшем из пяти пунктов и получившем название «arban buyantu nom-un ca?ajin» (учение о десяти добродетелях буддизма»). Один из этих пяти пунктов был посвящен правам и привилегиям церковных иерархов; за оскорбление их словом или делом виновные подлежали наказанию соответственно званию оскорбленного. Другой пункт запрещал принесение в жертву духам покойников лошадей, верблюдов и других домашних животных, принадлежавших умершим; раньше этот скот убивали и хоронили вместе с покойниками в количествах, определяемых общественным положением и богатством умершего. Новый порядок требовал, чтобы отныне жертвенный скот не убивали, а дарили монастырям. Все миряне обязывались соблюдать установленные постные дни, не убивать, не брать чужого, не лгать и т. д.

Алтан-хан дал верховному ламе Тибета титул далай-ламы. С тех пор этот титул прочно закрепился за главой ламаистской церкви Тибета. В свою очередь и далай-лама щедрой рукой раздавал монгольским феодалам светские и духовные титулы и звания. Так было положено начало союзу, просуществовавшему до победы народной революции 1921 г. в Монголии.

«Эрдэнийн Тобчи» сообщает о попытках некоторых светских феодалов сопротивляться росту влияния и привилегнй ламаистской церкви. Так, в 1582 г., когда Алтан-хан заболел, туметские князья и чиновники потребовали изгнания лам из Монголии, мотивируя свое требование тем, что если уже хану ламы не в состоянии помочь, то на какую помощь лам могут рассчитывать другие люди? Но попытки такого рода были редкими и нетипичными. Не они определяли отношения монгольских ханов и князей с церковью. Для этих отношений, наоборот, характерны полное совпадение интересов, взаимная помощь и классовое сотрудничество. Монгольские ханы и князья делали все, для того чтобы ламаистская церковь могла в наикратчайший срок овладеть сознанием народных масс, свирепо подавляя и преследуя шаманизм, шаманов и их последователей, развертывая широкое строительство монастырей и храмов, поощряя переход аратов в ламы, полностью освобождая их в этом случае от податей и повинностей. Ламаистская церковь со своей стороны убеждала народ в бесполезности и греховности классового сопротивления, классовой борьбы, в неизбежности смирения и покорности, в божественном происхождении власти ханов и князей. Руководители церкви к тому же широко открыли доступ на руководящие церковные посты представителям класса феодалов, в частности младшим сыновьям ханов и князей, не имевшим шансов стать владетельными князьями. Не случайно после смерти Содном-Джамцо (1586) верховным ламой Тибета, т. с. главным руководителем ламаистской церкви, далай-ламой, стал правнук Алтан-хана Иондон-Джамцо, оказавшийся на этом посту единственным монголом за всю историю ламаистской церкви. Что же касается церкви, то ее руководящие круги были весьма заинтересованы в помощи монгольских феодалов в связи с борьбой за власть, которая длительное время велась в феодально-теократическом Тибете между различными феодальными группировками и приняла форму борьбы двух главных сект в ламаизме - «красношапочников» и «желтошапочников».

Монгольские князья с самого начала активно использовали церковь и ее влияние в своей борьбе за личные привилегии. Церковь не отказывала никому, кто к ней обращался за подобного рода помощью, видя в этом добавочное средство укрепления своего влияния в Монголии и увеличения своих богатств. Руководители церкви щедро раздавали громкие титулы и почетные звания, подчеркивавшие значительность и заслуги ханов или князей. Они широко открыли двери ламаистского пантеона, объявляя того или иного феодала хубилганом (перевоплощением) какого-нибудь буддийского святого. В результате в Монголии очень скоро оказалось больше хубилганов, чем в самом Тибете. Для наблюдения за положением дел в Монголии верховные ламы Тибета в 1604 г. направили на берега Толы своего представителя, Цаган-номун-хана, известного также под именами Майдари-хутухта и Очир-Дара-хутухта. Он превратился фактически в политического советника монгольских ханов и князей. Все это способствовало исключительному успеху ламаизма в ханствах и княжествах Восточной Монголии.

Несколько иначе протекал этот процесс в западной части страны, среди ойратов. Здесь ламаизм начал свое победное шествие лишь в середине второго десятилетия XVII в. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен приписывают инициативу обращения к религии ламаизма торгоутскому нойону Сайн-Тэнэс-Мерген-Тэмэнэ, примыкавшему в то время к юго-восточной ойратской группировке и кочевавшему вместе с чоросами. Около 1610 г. он обратился с соответствующим предложением к главе ойратского чулгана Байбагасу хошоутскому, к его братьям и другим владетельным князьям. Байбагас был склонен принять предложение, но этому препятствовало отсутствие непосредственного контакта с Тибетом. Враждебные отношения с восточномонгольскими правителями, видимо, исключали возможность воспользоваться кратчайшим путем в Тибет — через Кукунор, дорога же через горный хребет Куньлунь была исключительно трудной. Отсутствие непосредственных связей с Тибетом и неприязненные отношения с восточномонгольскими правителями явились, по-видимому, главными причинами сравнительно позднего распространения ламаизма в Западной Монголии.

По данным Габан-Шараба, дорога в Тибет была проложена все же через Аксу и Баркуль, т. е. в конечном счете через Куньлунь. К ойратам в качестве представителя далай-ламы прибыл из восточной Монголии Цаган-номун-хан. Габан-Шараб рассказывает, что вначале сам Байбагас решил было отречься от мирских дел и принять посвящение в тойны (лама-аристократ), ибо он «много раз слышал от Цаган-номун-хана о том, что наш внешний и внутренний мир имеет свойство пустоты и разрушимости». Однако другие ойратскпе правители стали возражать. Имея в виду положение Байбагаса как главы чулгана, они говорили ему: «Без вас нам трудно будет поддерживать единство государства». Источники не сообщают, какие правители возражали против отстранения Байбагаса от руководства ойратским чулганом, какой смысл они вкладывали в слова о единстве государства. Едва ли в числе этих правителей был Хара-Хула чоросский, властолюбивые планы которого могли лишь выиграть от ухода Байбагаса. Возможно, что против ухода Байбагаса выступили главным образом те, кто не хотел усиления позиций Хара-Хулы. В этом случае становится понятным значение их слов о единстве ойратского государства.

Ойратские правители, возражавшие против отставки Байбагаса и его ухода в ламы, обратились за содействием к Цаган-номун-хану, прося его разъяснить, важнее ли и полезнее для дела церкви, чтобы ламой стал один Байбагас или по одному сыну каждого из нойонов? Цаган-номун-хан ответил, что заслуга многих важнее заслуги одного.

После этого дэрбэтский Далай-тайша, чоросский Хара-Хула, торгоутский Хо-Урлюк, хошоутский Хунду-лен, чоросский Чохур и многие другие ойратские владетельные князья посвятили в тойны по одному из своих сыновей. Что же касается Байбагаса, то у него в то время не было детей; он усыновил одного из сыновей хошоутского

нойона Баба-хана и тоже посвятил его в ламы. Байбагас остался на посту, главы ойратского чулгана, а его приёмный сын стал впоследствии видным деятелем ламаистской "церкви, вошедшим в историю Монголии под именем Зая-Пандиты.

Из биографии Зая-Пандиты видно, что он родился в 1599 г. а его посвящение в тоны состоялось, когда ему исполнилось 17 лет. Из этого следует, что описанное выше официальное провозглашение ламаизма религией ойратских феодалов произошло около 1616.Т. Так подтверждается и упомянутое выше свидетельство русских послов Томилы Петрова и Ивана Куницына, которые в 1616 г. были очевидцами приведения ойратского населения к новой вере ламами, прибывшими из восточной Монголии. В 1617 г. Зая-Пандита прибыл в Тебет где изучал буддийскую «науку», теорию и практику ламаистской церкви. В 1639 г. Зая-Пандита он вернулся на родину, развернув там широкую и разностороннюю идеологическую и политическую деятельность.

Выше мы уже говорили, что вытеснение шаманизма и утверждение ламаизма в западномонгольских улусах происходили такими же быстрыми темпами, как и в Восточной Монголии. Однако распространение ламаизма среди ойратов отличалось некоторыми важными особенностями, наложившими отпечаток на всю последующую историю ламаистской церкви в ойратских ханствах и княжествах: в Западной Монголии не утвердился институт хубилганства, число же монастырей и лам здесь было во много раз меньшим, чем в восточномонгольских улусах. В результате влияние ламаистской церкви в массах ойратского населения при всей его исключительности все же не было таким абсолютным и всепроникающим, как на востоке страны.

Объяснение этому следует, на наш взгляд, искать в тех особенностях военно-политического и географического положения ойратских владений в конце XVI — начале XVII в., о которых мы уже говорили выше. Они обусловили менее тесные связи ламаистской царкви Тибета и ойратских феодалов, их меньшую в то время взаимную заинтересованность в союзе и взаимной помощи. На взаимоотношениях церкви и светской власти не мог, кроме того, не отразиться такой факт, как постепенная централизация светской власти в руках единодержавного ойратского хана, ставшего во главе складывавшегося Джунгарского ханства.

Вот почему в дальнейшем ни в Джунгарском, ни к Калмыцком (на Волге) ханствах не сложилось централизованной организации ламаистской церкви, подобной той, которая возникла на востоке Монголии.

* * *

Образование Джунгарского ханства является результатом действия ряда факторов внутреннего и внешнеполитического характера. Основные из них следующие.

Естественный рост поголовья скота создавал относительную земельную тесноту, которая усиливалась в результате бесконечного дробления феодальных владений. Процессы экономического развития повелительно требовали ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. Отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь взаимной борьбы и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе с соседями вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что в свою очередь обостряло внутреннюю-межфеодальную борьбу, обессиливавшую как ее непосредственных участников, так и ойратское общество в целом. Так возник кризис, угрожавший самому существованию ойратских феодальных владений. Возможно, что именно в это время ойратские феодалы использовали благоприятную обстановку, созданную окончательным распадом Могулистана, и стали обосновываться в долине Или.

Попыткой вырваться из этого кризиса и явилась откочевка части ойратских феодалов на северо-запад, в малонаселенные и почти не обороняемые кулундинские, иртышские и ишимские степи, начавшаяся в последние годы XVI или в первые годы XVII в.

Важным событием внутренней истории ойратского общества в рассматриваемое время была борьба за власть между династией хошоутских правителей во главе с ханом Байбагасом и домом Чорос во главе с Хара-Хулой. В этой борьбе Байбагас представлял, по-видимому, интересы одной части феодальной знати, противившейся усилению центральной власти, тогда как Хара-Хула опирался на другую, добивавшуюся объединения ойратских владений и создания крепкой центральной власти. Последняя была важнейшим условием успешного сопротивления натиску извне и успешной экспансии во вне с целью овладения чужими пастбищными территориями, чужим скотом и крепостными. Но напряжение этой борьбы нарастало лишь постепенно. Властолюбивые планы Хара-Хулы. особенно вначале, не были главной и тем более единственной причиной, толкнувшей дэрбэтского Далай-тайшу, торгоутского Хо-Урлюка и ряд других владетельных князей на переселение в пределы Русского государства, хотя и эта причина играла немалую, а с течением времени и все более важную роль.

Главной причиной, вынудившей эту группу правителей откочевать из западных районов Монголии, была уже отмеченная земельная теснота, появившаяся в результате роста стад, дробления уделов и неудачных войн (под влиянием этих же факторов некоторая часть восточномонгольских ханов и князей в свое время

покинула центральные области Монголии и обосновалась в Алашане, Ордосе и Кукуноре). В дальнейшем, в 20—30-х годах XVII в., нежелание местных правителей подчиниться централизованной власти Хара-Хулы и Батур-хунтайджи вызвало очередное обострение междоусобной борьбы и откочевку (1635—1637 гг.) новой группы владетельных князей во главе с хошоутским Туру-Байху (Гуши-ханом) в прилегающие к Тибету районы Кукунора.

На первых порах откочевка Далая, Хо-Урлюка и других владетельных князей происходила с ведома и согласия чулгана ойратских ханов и князей. Откочевавшие правители не теряли связи с ними, неизменно участвуя в решении всех общеойратских дел, в общих походах против Алтын-ханов и казахов, в принятии буддизма-ламаизма, в общеойратских съездах и т. д. Ошибочным является утверждение некоторых исследователей, что откочевавшие образовали особый «ойратский союз» с целью якобы сломить сопротивление сил, стоявших на их пути к Волге, союз, направленный, по мнению одних — против Хара-Хулы, по мнению других — против русских властей. На самом же деле в рассматриваемое время, как и в более ранние периоды, ойратские феодалы то образовывали союзы, то расторгали их, становясь врагами своим вчерашним союзникам; эти союзы были весьма кратковременны, а их состав крайне текуч. Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерной феодальная раздробленность.

Источники не дают ни малейших оснований утверждать, что откочевка Хо-Урлюка, Далай-тайши и Гуши-хана была следствием великодержавных планов ойратских феодалов, ставивших якобы целью восстановление державы Чингисхана, создание новой кочевой империи. Откочевки следует рассматривать не как наступательную операцию с завоевательными целями, а как попытку найти выход из неблагоприятной экономической и внешнеполитической обстановки.

Вопреки мнению А. Позднеева и некоторых других исследователей, внешнеполитическая активность ойратских ханов и князей во второй половине XVI и начале XVII в. отнюдь не сводилась только и исключительно к войне с халхаскими феодалами. По данным источников, войны между восточномонгольскими и ойратскими правителями происходили в 1552, 1562, 1574, 1587, 1608/09 и 1618/20 гг., причем эти войны лишь в самом конце XVI в. стали выходить за рамки малозначительных, местных, пограничных конфликтов и приобрели характер серьезных междоусобных войн. Упадок и полный распад Могулистанской державы привел к сокращению, а затем к полному прекращению вооруженных конфликтов между ойратскими владетельными князьями и княжествами Восточного Туркестана. Однако участились конфликты между ойратами и правителями казахских феодальных владений, в свою очередь испытывавших недостаток пастбищ и стремившихся к полному изгнанию ойратов из Семиречья. В начале рассматриваемого периода казахские правители, имея в своем распоряжении силы и средства объединенного раннефеодального казахского государства, одерживали

верх над разъединенными и раздробленными ойратскими владениями, нанося им поражения. Наметившееся в XVII в. единство действий казахских феодалов и восточномонгольских Алтын-ханов создавало непосредственную угрозу ойратским ханам и князьям, толкая их на путь преодоления политической раздробленности и создания объединенного государства.

Исключительно важное значение и серьезные последствия имело принятие ойратскими феодалами буддизма-ламаизма как официальной религии. В основе этого события лежали военно-политические интересы ханов и князей, на опыте восточномонгольских феодалов убедившихся в важном значении союза с ламаистской церковью Тибета, для которой приобретение новых адептов в свою очередь сулило огромные преимущества. Особенности конкретно-исторической обстановки обусловили как более позднее по сравнению с восточномонгольскими владениями приобщение Западной Монголии к ламаизму, так и ряд существенных отличий церковной организации у ойратов. Данные источников не подтверждают точку зрения Б. Владимирцова, преувеличивавшего культурно-историческое значение перехода ойратов к ламаизму. Но эти же данные опровергают и утверждения, начисто отрицающие какое-либо положительное значение отказа от шаманизма и принятия ламаизма монголами. Единство религиозной идеологии в то время не могло не способствовать укреплению идеи общемонгольского единства, создавая некоторую идеологическую основу, способную облегчить преодоление раздробленности и при наличии других благоприятных условий объединить страну. Прямым следствием принятия ламаизма явились также некоторые новые успехи в развитии письменности и литературы монголов, знакомство с древними культурами Индии и Тибета, отказ от некоторых диких обрядов шаманизма и т. д.

Политика Русского государства по отношению к ойратским владениям была объективно благоприятной для их правителей: Москва разрешала им кочевать свободно, «где похотят», обещала защищать и оборонять их от любых недругов, шла навстречу в вопросах торговли, сбора ясака и т. п., требуя, однако, в обмен на все это перехода в русское подданство, обязательства служить русскому царю «вечно и неотступно». Именно такая «либеральная» политика соответствовала интересам правящих кругов тогдашней России, рассчитывавшей при помощи таких методов без применения силы укрепить и расширить свои владения в этом крае.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Общей тенденцией развития ойратского феодального государства в период правления Батур-хунтайджи и его первого преемника Сенге, т. е. с 1635 по 1671 г., была его внутренняя консолидация и упрочение внешнеполитических позиций. Это развитие, однако, не было последовательным и непрерывным, ему были присущи колебания и зигзаги.

В отличие от более ранних периодов ойратской истории эти десятилетия сравнительно богато представлены в источниках. Биография Зая-Пандиты, «Сказания» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, китайские произведения, собранные, переведенные и обобщенные в трудах П. Попова, В. Успенского, В. Васильева, Л. Шрама и других, наконец, русские архивные материалы из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и Архива Академии наук СССР (ДАН), взятые вместе, создают базу для более или менее полного изучения хода исторических событий.

Несмотря на это, приходится констатировать, что в целом события указанного периода истории Джунгарского ханства изучены и освещены в литературе недостаточно. Историки XIX — начала XX в. существенно расходились между собой по ряду важных как общих, так и более частных вопросов ойратской истории рассматриваемого времени.

А. М. Позднеев, ознакомившись с дневником путешествия в Джунгарию И. Унковского, опубликованным Н. И. Веселовским, писал последнему: «Оказывается, что исторические показания этого путешественника совершенно расходятся с показаниями Жербильона; последние в свою очередь различествуют от показаний китайских историков... Чтобы разобраться в этой путанице известий, мне по поводу Вашего издания захотелось пересмотреть как толкуют об этом периоде собственные монголо-ойратские сказания, которые, замечу мимоходом, до сего времени еще и вовсе не были разработаны в Европе... Оказалось, что все это, давая новый и обильный материал, в то же время опять-таки расходится с прежде известным».

Главной фигурой, стоящей в центре событий ойратской истории того времени, был основатель Джунгарского ханства и его первый правитель Эрдэни-Батур-хунтайджи, внутренняя политика которого во многих отношениях носила несомненно прогрессивный характер. Однако исследователи по-разному оценивали историческую роль этого деятеля. Н. Бичурин, например, склонен был поставить его в один ряд с Петром I. Он писал: «Батор-хонь-тайцзи был то же для элютов, что Петр I для России, но не имел ни образования, ни примеров, ни руководителей» Иным было мнение К. Пальмова, утверждавшего, что «властолюбие Джунгарского Батур-хунтайджи, вообразившего себя чуть ли не новым Чингисханом и задавшегося подчинить себе всю Монголию, не только препятствовало прочному объединению западномонгольских племен, но повело к полному разрыву между восточной и западной Монголией, тем более что в среде восточных монголов оказался столь же властолюбивый человек, которому не давала покоя мечта стать во главе всей Монголии, это — Ликдан, хан чахарский». Так радикально расходились эти два исследователя в оценке деятельности Батур-хунтайджи. Следует при этом отметить, что попытка провести аналогию между Батур-хунтайджи и чахарским ханом Лигданом несостоятельна уже по той причине, что вступление на ханский

трон первого совпало по времени с гибелью второго. Мнения других историков располагались между крайними позициями Н. Бичурина и К. Пальмова.

Немало разногласий вызывало установление даты смерти Батур-хунтайджи. П. Паллас относил это событие к 1665 г., Г. Грум-Гржимайло — к 1663 г., Г. Миллер и И. Фишер полагали, что Батур-хунтайджи умер в 1660 г., а Байков в своем статейном списке датировал кончину этого правителя Джунгарии 1650 г. Указанные расхождения объясняются тем, что в русских источниках смерть Батур-хунтайджи не нашла сколько-нибудь заметного отражения. Как мы покажем ниже, полную ясность вносит биография Зая-Пандиты, оказывающаяся единственным и вполне достоверным свидетельством о смерти и погребении первого правителя Джунгарского ханства.

Не меньше споров вызвал и вопрос о том, кто и когда стал преемником Батур-хунтайджи. А. Позднеев, например, возражая Жербийону, И. Унковскому, Н. Бичурину и многим другим, утверждал, что между годом смерти Батура и воцарением Галдана главную роль в жизни ханства играл не Сенге, а его старший брат Цецен-тайджи (которого А. Позднеев почему-то именует Цецен-ханом). «Всматриваясь в историю ойратов того времени,— писал, А. Позднеев,— нетрудно заметить, что по смерти Батура-хунтайджи главным действующим лицом в среде зюнгарских князей является Цецен-хан, а никак не Сенге, который представляется какою-то бесцветною личностью, исполняющей только второстепенные роли... Сенге по смерти Батура-хун-тайчжия, т. е. с 1653 и до сего времени (до 1659 г.— И. З.), едва ли был признаваем за законного владетеля зюнгарских поколений, и что если он и почитался таковым впоследствии, то власть эту он приобрел себе путем сравнительно долгой борьбы и усилий. Но опять-таки... власть над зюнгарскими поколениями (т. е. над владениями дома Чорос.— И. З.) не совмещала в себе главенства над всем ойратским союзом и в этом отношении... трудно представить то, чтобы Сенге считался когда-либо старейшим в общей семье ойратских князей».

Г. Грум-Гржимайло также не решался ответить на вопрос о первом преемнике Батур-хунтайджи и считал, что Сенге вступил на ханский трон лишь в 1665 г.

Указанные расхождения объясняются, видимо, особенностью источников, которыми пользовались упомянутые авторы. Жербийон, как известно, имел дело только с официальными маньчжурскими документами и устными монгольскими преданиями. Н. Бичурин как обычно, руководствовался исключительно китайскими историческими сочинениями, написанными, как правило, через много десятилетий после описываемых событий на основании расспросных данных. Что касается А. Позднеева, то он исходил только из показаний монгольских летописей, упуская из виду, что авторы большей части этих летописей находились под сильным влиянием

официальной китайской историографии и ламаистской церкви, к середине XVIII в. превратившейся в орудие политики Цинской династии.

Главными нашими источниками для этой главы явились три ойратских исторических сочинения (биография Зая-Пандиты и два «Сказания») и русские архивные документы. Одним из ценных преимуществ ойратских материалов является то, что они, отражая интересы и идеологию феодалов Джунгарии, вместе с тем вполне независимы от посторонних, китайских или русских, влияний.. Что же касается русских архивных документов, то они как это будет видно из дальнейшего, в ряде случаев существенно дополняют и уточняют показания монгольских, в том числе и ойратских, источников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БАТУР-ХУНТАЙДЖИ

Общее положение ойратского общества к середине 30-х годов XVII в., когда к власти пришел Батур-хунтайджи, по сравнению с концом XVI — началом XVII в. заметно улучшилось. Ему уже не угрожали противники с запада и юга, где еще так недавно располагались владения могущественного Могулистана. Их место заняли многочисленные ханства, бекства и султанства, непрерывно враждовавшие и воевавшие друг с другом, причем борющиеся стороны, как и раньше, не останавливались перед приглашением на помощь ойратских владетельных князей с их войсками. Вмешательство последних имело своим результатом лишь дальнейшее ослабление Турфана, Кашгара, Хотана, Яркенда и других мусульманских владений Восточного Туркестана. Источники часто приводят случаи, когда те или иные ойратские владетельные князья оказывались «на службе» у какого-либо мусульманского правителя, боровшегося против другого такого же правителя, и, наоборот, когда отдельные мусульманские правители состояли на такой же «службе» у того или иного ойратского владетельного князя, боровшегося против своих соперников. Следует вместе с тем отметить, что в источниках XVII в. почти не упоминаются случаи нападений восточнотуркестанских ханов и султанов на ойратские владения.

Существенно изменились и взаимоотношения между ойратскими и казахскими феодалами. Если в конце XVI — начале XVII в. относительно объединенному казахскому государству противостояли разъединенные, малосильные ойратские княжества, терпевшие поражения на полях сражений, то в дальнейшем соотношение сил стало меняться в пользу ойратских ханов и князей. Это объясняется постепенным объединением ойратских владений под властью Хара-Хулы, ослаблением ханской власти преемников Тевеккеля и распадом Казахстана на ряд самостоятельных владений.

Ослабела угроза и со стороны Алтын-ханов, хотя представители этой династии еще долго оставались главными противниками ойратских феодалов в Восточной Монголии. Соотношение сил здесь клонилось не в пользу державы Алтын-ханов, хотя в 30-х годах XVII в. они еще удерживали в своих руках значительную территорию к западу от Монгольского Алтая, которая до 80-х годов XVI в. принадлежала ойратским феодалам. Об этом свидетельствует рассказ одного из русских послов, направленных тобольскими воеводами летом 1640 г. к Батур-хунтайджи. По словам этого посла, «поставил де он, контайша, на мунгальской границе в урочище в Кибоксарах городок каменной и заводит пашню и хочет в том городке жити». Указанное урочище (его правильное наименование Кобук Саур), признававшееся, как видим, самим Батур-хунтайджи границей между Восточной Монголией и его собственными владениями, находится южнее реки Черный Иртыш, между озерами Зайсан и Улюнгур, несколько к югу от них.

В целом внешнеполитическое положение Джунгарского ханства ко времени воцарения Батур-хунтайджи было довольно устойчивым.

Гораздо более сложной была обстановка внутри ханства. Откочевка на Волгу большинства торгоутов и части дэрбэтов уменьшила численность ойратского населения Западной Монголии, по данным источников, примерно на 50 тыс. семейств, что составляло, предполагая среднюю семью в 4 человека, не менее 200 тыс. человек. Откочевка в Кукунор хошоутов, начавшаяся вскоре после прихода к власти Батур-хунтайджи, еще больше сократила население ханства. Есть основания полагать, что не менее 300 тысяч человек покинули родные кочевья и переселились в степи Поволжья и Кукунора. Это не могло, конечно, не ослабить молодое, еще только складывавшееся ойратское феодальное государство.

Другим не менее важным обстоятельством, определявшим внутреннее положение Джунгарии, было нежелание некоторых местных правителей подчиняться центральной ханской власти, их стремление сохранить или восстановить утрачиваемые феодальные вольности.

Ко всему сказанному следует добавить нараставшую опасность маньчжурской экспансии. В 1634 г., т. е. почти одновременно с воцарением Батур-хунтайджи, маньчжурские завоеватели сокрушили крупнейшее в южной Монголии Чахарское ханство; вслед за этим началась подготовка к провозглашению императора маньчжуров Абахая владыкой южномонгольских феодалов, что и было осуществлено в 1636 г.

Что же касается Русского государства, то с erg стороны Джунгарское ханство встречало известную поддержку, поскольку русские власти, не имея сил проводить в этом районе активную экспансионистскую политику и стремясь в то же время обезопасить пределы России от набегов, были заинтересованы в укреплении ханской власти. Вместе с тем русские власти стремились мирными средствами превратить ойратских князей и правителей в своих подданных, подвластное этим князьям и правителям население — в поставщиков ясака для русской казны, а районы их обитания — в территорию России.

В такой внутренней и внешнеполитической обстановке Батур-хунтайджи начал свою деятельность в качестве правителя ханства. Для его 20-летнего правления характерны не войны, не внешнеполитическая активность, а мероприятия по преимуществу внутреннего характера, направленные к консолидации ханства, к его экономическому и политическому укреплению, к ликвидации междоусобной борьбы с восточномонгольскими владетельными князьями, к объединению сил всей Монголии для отражения нараставшей угрозы со стороны маньчжурских феодалов. Разумеется, что в основе внутренней и внешней политики Батур-хунтайджи лежали классовые интересы ойратских феодалов, заинтересованных в сохранении независимости как главного условия монопольной эксплуатации трудящегося населения ханства.

Крупнейшим событием первых лет правления Батур-хунтайджи был конфликт с правителем хошоутов Туру-Байху (впоследствии — Гуши-хан), младшим братом Байбагас-хана, кочевавшим вместе с другими братьями к западу и югу от Тарбагатайских гор, в долинах Или и Эмели. Источники не говорят о причине этого конфликта и как он развивался. Известно лишь, что между Батур-хунтайджи и Туру-Байху обострились отношения, что привело к вооруженному столкновению, которое, однако, быстро закончилось примирением. Но вскоре после этого Туру-Байху и большинство других хошоутских правителей оставили насиженные места в Тарбагатае и двинулись на юго-восток, к Кукунору, где и образовали самостоятельное хошоутское государство.

Когда это произошло? Монгольские источники не дают прямого ответа; по данным же китайских источников, хошоуты обосновались в Кукуноре между 1636 и 1638 гг., из чего следует, что их откочевка из Джунгарии началась не позже 1635 г.

Батур-хунтайджи стал изыскивать средства вернуть на родину хошоутов или — если бы это оказалось невозможным — хотя бы установить и укрепить с ними тесные дружественные связи и сотрудничество. Источники свидетельствуют, что войска Батура участвовали в тибетской экспедиции Гуши-хана, в результате которой во - главе господствующего класса Тибета оказались церковные феодалы желтошапочного толка и хошоутские князья. Батур-хунтайджи породнился с домом

хошоутов, выдав свою дочь за сына Байбагас-хана Очирту-тайджи (убедив к тому же последнего вернуться в Джунгарию). В 1639 г. Очирту-тайджи уже принимал у себя, на старых хошоутских кочевьях, вернувшегося из Тибета Зая-Пандиту, проведшего у него зиму 1639/40 г. Очирту-тайджи оставался неизменным другом и союзником Батур-хунтайджи на протяжении всех лет правления последнего. Именно с этого времени, по свидетельству биографии Зая-Пандиты и «Сказания» Габан-Шараба, во главе ойратского чулгана стояло уже не одно лицо, а два, «хоёр тайджи» — чоросский Батур-хунтайджи и хошоутский Очирту, которому впоследствии далай-лама пожаловал титул Очирту-Цецен-хана. Его владения в 40-х годах XVII в. располагались между озерами Зайсан и Балхаш реками Чу, Или и Аягуз, вплоть до гор Юлдуза, где кочевал хойтский Солтон-тайша.

Батур-хунтайджи урегулировал более или менее удовлетворительно свои взаимоотношения не только с хошоутами, но и с Хо-Урлюком и другими торгоутскими правителями, обосновавшимися к тому времени в низовьях Волги. Он породнился с торгоутским домом, женившись на одной из дочерей Хо-Урлюка. Отчетливое отражение примирительной политики Батур-хунтайджи мы находим в материалах посольства тобольского сына боярского Вл. Клепикова, ездившего к нему в 1644 г. В ответ на предложение русской стороны выступить против Хо-Урлюка, действия которого в районе Астрахани беспокоили русских властей, повелитель Джунгарии сказал, что тот ему «не недруг; дочь де его, урлюкова, за ним, контайшею,— на отца де дети коли войною ходят? И чтоб де ты, государь, его, контайшу, пожаловал, велел бы мимо его, контайши, над ним, Урлюком, промышлять, а ему де на Урлюка войною не хаживать. Да и иные де тайши, друзья его, на Урлюка войною не пойдут же».

Политика Батур-хунтайджи давала свои плоды. Торгоутские правители в массе своей платили ему взаимностью. По данным Габан-Шараба, Хо-Урлюк говорил сыновьям, что он был неизменным участником всех ойратских сеймов, что князья ждали его, если он почему-либо запаздывал.

Русские источники свидетельствуют, что в середине 40-х годов XVII в. под влиянием уговоров Батур-хунтайджи и военных поражений торгоутские правители всерьез готовились покинуть Поволжье и вернуться в Джунгарию. Об этом писал в Москву астраханский воевода Б. Репнин, докладывая многочисленные сведения, поступавшие к нему от различных людей в промежутке между октябрем 1645 г. и январем 1646 г. Один из информаторов говорил воеводе: «Зовут де их (калмыков.— И. З.) дальние большие калмыки (ойраты.— И. З.) кочевать к себе на старые свои кочевные места. А как де они пришли кочевать к Волге, и они де только людей перетеряли... А от дальних де, государь, калмыков ближние калмыки приходу на себя не опасаютца, и посол де дальних калмыков лаба (лама.— И. З.) живет у Шункея да у Мамереня тайшей». Другой сообщал: «Слышал де, государь, он от калмыцких людей в розговорех, что калмыцкие все тайши, посоветовав меж себя,

хотят кочевать к дальним калмыком, потому, что де, государь, к ним от дальних калмыков присланы послы с угрозою, и велят де дальние калмыки прикочевать им к себе вскоре». Третий докладывал, что «калмыцкие тайши с улусными своими людьми с урочища от реки Сакпары учали кочевать к дальним калмыком с послом их, с лабою... А от калмыцких де, государь, людей в переговорех он слышал,— только б де у них не было от дальних калмыков посла, а из Асторахани б их калмыцкие послы приехали к ним с тем, что твои государевы асторахaнские люди будут с ними в миру», то бе они не думали о возвращении в Джунгарию. Четвертый и пятый информаторы говорили воеводе: «А дальних де, государь, калмыков посол лаба... жил в калмыцких улусех у Эльденя да у Шункея тайшей. И просят де, государь, дальние калмыки у ближних калмыков себе три тысечи дворов с людьми и з животиною. И Шункей де да Ельден тайши тому дальних калмыков послу лабе говорят, что они три тысечи дворов им дадут». Сообщений подобного рода к русским властям поступало в то время много. Не приходится сомневаться, что они отражали план возвращения «ближних» ойратских владетельных князей на их старые кочевья к «дальним» ойратам, действительно вынашивавшийся правителями и в первую очередь самим Батур-хун тайджи, который направил на Волгу специальных послов с соответствующим заданием. Он, как видим, уже не опасался, что возвращение торгоутов и хошоутов вызовет снова земельную тесноту. Более того, он говорил торгоутским правителям, что, покинув Джунгарию, они потеряли лишь множество людей. Все это можно рассматривать как свидетельство существенного укрепления внешнеполитического положения ханства, которому были уже не так опасны вооруженные столкновения с соседями, и улучшения внутреннего положения в связи с тем, что степи всей Джунгарии к этому времени вновь стали пастбищной территорией ойратских владений. Но планы возвращения торгоутских князей остались нереализованными по причинам, о которых мы скажем ниже.

Батур-хунтайджи старался возможно крепче привязать к себе дэрбэтов Далай-тайши. Судя по всему, сближение между ними происходило не без трудностей. В начале 1636 г. Батур-хунтайджи весьма осторожно высказывался о своем влиянии на правителя дэрбэтов. Когда русский посол Томила Петров по поручению тобольского воеводы требовал, чтобы ойратские власти разыскали и вернули на родину русских людей, захваченных в плен дэрбэтскими и другими князьями, Батур-хунтайджи ответил, что «он о том полону пошлет к Куйше и к Талай-тайше говорить послов своих. Да и сам он Куйше и Талай-тайше, где с ними съедетца, о том полону и о службе говорити учнет... А будет де Куйша и Талай-тайши его, контайши, не послушают, тарского и тюменского полону не отдадут... и ему де уняти их не уметь, только де от него, контайши, з государевыми людьми войны не будет». Однако советы Батур-хунтайджи, видимо, оказали соответствующее влияние на Далая, ибо последний вскоре прислал в Тобольск своих послов со всякого рода объяснениями и заверениями. Посланцы заявили, что «Талай и Куйша тайши с ними, с контайшею в свойстве и в дружбе». По данным русских источников, Далай-тайша умер в 1637 или 1638 г., сохраняя свою лояльность к Батур-хунтайджи и сотрудничая с ним.

Одним из наиболее важных событий времени правления Батур-хунтайджи был съезд ханов и князей Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья, состоявшийся в начале сентября 1640 г. в Тарбагатае, на территории Джунгарского ханства. На этот съезд прибыли 44 виднейших деятеля феодальной Монголии. Халха была представлена Дзасакту-ханом Субуди и Тушету-ханом Гомбо; престарелый Цецен-хан Шолой прислал вместо себя двух сыновей; были и другие халхаские князья. Из Кукунора прибыл Гуши-хан с несколькими сыновьями и родственниками. С Волги приехал Хо-Урлюк с сыновьями. Большая группа князей представляла собственно Джунгарское ханство. В работах съезда участвовали и церковные феодалы. Не было лишь представителей южномонгольских феодалов, но они в это время уже были формальной фактически подданными маньчжурских императоров.

Известные нам монгольские (в том числе ойратские) и русские источники содержат мало сведений о том, как готовился Джунгарский съезд и как проходила его работа. Возможно, что тибетские источники богаче сведениями, но они исторической науке еще недоступны. Монгольские летописи XVII—XIX вв., равно как и китайские источники, а также оба ойратских «Сказания» даже не упоминают о съезде. Биография Зая-Пандиты лишь однажды и весьма лаконично говорит, что в году дракона(1640) собрался съезд хошунов (т.е. Халхи) и четырех ойратов, на котором присутствовали Дзасакту-хан, «хоёр тайджи» (ойратские Очирту-Цецен-хан и Батур-хунтайджи) и другие. Вот все, что мы можем почерпнуть из упомянутых выше источников. Но если мы не знаем подробностей съезда, то известно, что он закончился утверждением целого ряда правил, называемых в литературе «Монголо-ойратскими законами 1640 г. (Цааджин бичиг)». Участники съезда торжественно поклялись свято соблюдать утвержденные правила. Текст монголо-ойратских законов попал в калмыцкое ханство на Волге, где был в XVIII в. обнаружен, переведен на русский язык и опубликован.

Не будет преувеличением сказать, что эти законы представляют собой первоклассный источник, облегчающий понимание как внутренней жизни монгольского общества, так и его тогдашнего внешнеполитического положения. В их основе лежала троякая цель: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимною помощь в борьбе против возможной внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть Ханов и князей над трудящимися.

Первые статьи «Цааджин бичиг» посвящены обеспечению внутреннего мира в Монголии. Ими устанавливалось, что в случае нападения одного из правителей на какое-либо крупное монгольское владение все остальные «монголы (т. е. халхасы.— И. 3.) и ойраты должны соединиться» и наказать нарушителя мира, конфисковав все его имущество и скот; одну половину конфискованного надо отдать потерпевшим от нападения, а другую половину, разделив пополам, раздать ойратским и

монгольским (халхаским) правителям. В случае нападения на небольшое владение виновный должен был уплатить штраф — «сто панцирей, сто верблюдов и тысячу лошадей», а все захваченное нарушителями имущество должно быть возвращено или возмещено потерпевшим. Различие в санкциях за нападения на крупное и мелкое владение объясняется, видимо, тем, что в первом случае законодатели усматривали опасность возникновения серьезной междоусобной войны, способной потрясти страну, а во втором — только конфликт местного значения.

Особое место в «Цааджин бичиг» занимали меры борьбы против внешней опасности. Смертная казнь угрожала тем, кто, узнав о неприятельском вторжении, не сделает всего необходимого для широкого оповещения о возникшей опасности. «Кто увидит или услышит о неприятеле и не сообщит, того, изгнавши с потомками потомков, убить, разорить». Смертной казни подлежали также лица, не явившиеся по вызову на место сбора для участия в походе, равно как и те, кто не оказал князьям, находившимся в опасности, помощи в бою. Важно отметить, что законодатели, утверждавшие «Цааджин бичиг», сочли возможным карать смертью лишь за эти три вида нарушений. Все остальные проступки и преступления рассматривались ими как менее тяжкие, не требовавшие столь сурового возмездия. За трусость в бою следовало виновного нарядить в женское платье и предать осмеянию. Подлежали различным наказаниям и те, кто во время сражений кидался за добычей, нарушив порядок. Доблесть и мужество, проявленные в боях, поощрялись и награждались.

Ряд законов предусматривал необходимость урегулирования старых споров и взаимных претензий, постоянно таивших в себе возможность вооруженных конфликтов и междоусобных войн. Съезд решил аннулировать и предать забвению взаимные претензии, возникшие до 1628 г. «Баргуты, батуты и хойты,— говорит «Цааджин бичиг»,—находящиеся с года огня-змеи (1617) до года земли-дракона (1628) у монголов (т. е. у халхаских правителей.— И. З.), должны оставаться во владении монголов, а находящиеся у ойратов — во владении ойратов. Впредь все перебегающие семейства должны быть выдаваемы друг другу без задержки. Нарушающие подлежат штрафу в размере 20 лошадей и двух верблюдов за каждого задержанного перебежчика... Если к кому придут перебежчики, отнять у них половину имущества, а самих возвратить... Кто из князей, приютивших беглых, откажется их выдать, того оштрафовать».

Нет сомнения в том, что в основе этих законов лежало стремление ликвидировать халхаско - ойратские противоречия. В этом смысле указанные законы можно рассматривать как своеобразный мирный договор, подводящий итог прошлым халхаско - ойратским войнам. Его авторы проявили заинтересованность в аннулировании старых споров и взаимных претензий, расчистив таким образом почву для новых, добрососедских и даже союзнических отношений между феодалами Халхи и Джунгарии.

Заметное место в «Цааджин бичиг» занимают статьи, посвященные ламаистской церкви. Они узаконивали ламаизм как официальную государственную религию всей Монголии, всех ее ханств и княжеств; они объявляли войну шаманизму и шаманам, поощряя в то же время переход аратов в ламы. Давно уже сложившийся фактически союз ламаистской церкви и монгольских феодалов получил в монголо-ойратских законах 1640 г. очерёдное юридическое оформление.

Значительная часть этих законов была прямо и непосредственно направлена на укрепление крепостнического строя и власти феодалов над трудящимися. Ими предусматривалось суровое наказание за самовольные откочевки аратов от их феодальных владык, за несвоевременное выполнение установленных поборов и повинностей, за неподчинение распоряжениям князей и чиновников, за нанесение им оскорблений, за кражу у них скота и т. п. «Кто оскорбит главного князя,— гласит текст закона,— того разорить; кто оскорбит чиновников князей или табунанов (табунан — зять хана или князя. - И. З.), с того взять один девяток (9 голов скота.— И. З.); кто ударит, с того взять 5 девятков. Кто оскорбит малых князей или табунанов, с того взять пять (5 голов скота И. З.)... Человек, перешедший от другого владельца, возвращается в место своего прежнего жительства... Если будет перерыв в продовольствии главных князей (т. е. в поставках продуктовой ренты.— И. З.), то с виновного взять 9 девятков; если будет перерыв в продовольствии для чиновных людей или табунанов, то взять один девяток; если будет перерыв в продовольствии малых князей и табунанов, то взять лошадь». Законы разрешали применять телесные наказания за нарушения аратами воли их господ, причем не считалось преступлением забить наказываемого до смерти — повинные в его смерти не привлекались к ответственности: «Кто из чиновных князей и табунанов, сановников (управителей), из малых князей и табунанов, дэмчиев и шуленг побьет кого-либо ради [исполнения] распоряжений, приказаний и законов государя, то в этом вины нет; если кто после побоев и умрет, то и тогда в вину не ставить».

продолжение . . .

«Цааджин бичиг» охватывал широкий круг важных вопросов внутренней жизни монгольского общества и его внешнеполитического положения. Его статьи убедительно свидетельствуют о стремлении ханов и князей укрепить феодальный строй Монголии, объединить ее на началах своеобразной федерации ханств и княжеств, связанных общими классовыми интересами их правителей и узами взаимной помощи для борьбы против общих внешних врагов.

"Источники не говорят о том, кто был инициатором созыва Джунгарского съезда, кто разрабатывал статьи «Цааджин бичиг», как шло их обсуждение и т. д. Нельзя поэтому считать вполне доказанным бытующее в литературе утверждение, что автором этого документа был Батур-хунтайджи. Но нельзя вместе с тем и Отрицать возможность того, что Батур-хунтайджи играл главную роль этой попытке преодолеть разобщенность и раздробленность страны с целью объединить ее силы для отпора внешним врагам. Для решения этой задачи было избрано не насильственное подчинение местных правителей Центральной ханской власти, как это было при Эсене и Даян-хане, а метод переговоров и соглашений. Нам неизвестно в деталях отношение Батур-хунтайджи к маньчжурской экспансии. Источники, однако, устанавливают, что он до конца жизни не вступал в контакт с завоевателями, несмотря на все их успехи, несмотря на то, что ко времени Джунгарского съезда регулярные сношения с маньчжурскими-императорами уже поддерживали халхаские феодалы, что вскоре после съезда на этот же путь встали правители Кукунора и сам далай-лама. Даже заинтересованность в торговом обмене с Китаем не вынудила Батур-хунтайджи хоть раз вступить в сношения с цинским правительством. Нам представляется несомненным, что мирное и объединительное направления деятельности Джунгарского съезда в основе своей совпадали с характером внешней внутренней политики Батур-хунтайджи, искавшего надежные пути к укреплению феодальных порядков в Монголии и к обеспечению ее политической самостоятельности. Вот почему мы считаем оправданным предположение о руководящей роли Батур-хунтайджи в подготовке текста монголо-ойратских законов и в созыве съезда, утвердившего их. Дополнительным свидетельством в пользу этого предположения служит и тот факт, что съезд проходил не в Халхе, не в Кукуноре, не на Волге, а в центре Джунгарского ханства, в кочевьях Батур- хунтайджи и его друга и союзника хошоутского Очирту-Цецен-хана.

Заслуживает внимание сообщение биографа Зая-Пандиты, что после съезда Зая по приглашению халхаского Дзасакту-хана Субуди поехал в халку. После Цаган Сара год змеи (т.е. в самом начале 1641 г.) выехал Зая Пандита… от Дзасакту-хана он поехал к пригласившему его Туше-хану. Затем он получил приглашение от маха Самади Цецен - хана. Удовлетворив их святым учением, Зая-Пандита сделался ламой трех ханов Семи Хошунов (т.е. Халхи. – и.з.)». Халхатские ханы убеждали Зая-Пандиту остаться на два три года в Халхе, но он не согласился и в 1642 г. вернулся в Джунгарию.

Мы имеем основание предполагать, что Зая-Пандита как гость трех ханов Халхи проводил там линию, принятую на Джунгарском съезде: едва ли можно сомневаться в том, что он, как и Батур-хунтайджй, был противником Цинской династии и отрицательно относился к политике заигрывания с ней. Его биограф сообщает, что через десять лет после съезда, т. е. в 1651 —1652 гг., возвращаясь из своей второй поездки в Тибет, Зая-Пандита имел беседу с правителем Кукурона, сыном и преемником Гуши-хана, Далай-хунтайджи. Последний весьма почтительно

отзывался об императоре Цинской династии и советовал Зая-Пандите просить у того содействия в распространении религиозного учения. «Гэгэн,— пишет биограф, — отвечал: «Возможно, что ты прав, но хан высокомерен. По возвращении домой выясню». Впоследствии Зая-Пандита говорил, что он убедился в греховности этого хана» (т. е. императора маньчжуров.— И. З.). Это свидетельство дает нам основание считать, что Зая-Пандита Батур-хунтайджи придерживались одной линии в отношении Цинской династии. Надеемся, что тибетские источники, когда они войдут в научный оборот, внесут в этот вопрос полную ясность. Станет яснее и содержание бесед Зая-Пандиты с высшими иерархами ламаистской церкви во время его поездок в Тибет в 1651 и 1661 гг.

Следует подчеркнуть, что Зая-Пандита активно способствовал претворению в жизнь идей и решений Джунгарского съезда. Его биограф, фиксируя чуть ли не каждый поступок Заи, рисует его бурную деятельность, его непрерывные разъезды как по территории ханства - от одного владельца к другому так и за пределы ханства — в Халху, На Волга, в Кукунор. Эти поездки имели целью истребление шаманизма, содействие ликвидации то и дело вспыхивавших между феодалами ссор и конфликтов. Усилиями Батур-хунтайджи и Зая-Пандиты Джунгарское ханство, а в нем — ставка Батура стали на короткое время центрами притяжения для всей Монголии, для всех ее ханств и княжеств.

Но умиротворение, наступившее в стране, не было и не могло быть длительным. Оно рушится с середины 40-х годов XVII в., уступая место новой полосе междоусобных конфликтов и битв как внутри Джунгарии, так и в других частях Монголии.

Однако прежде чем перейти к освещению военной и дипломатической истории ханства в 1634—1654 гг., остановимся на некоторых важных и заслуживающих внимания экономических мероприятиях Батур-хунтайджи — развитии земледелия и ремесленного производства, строительстве оседлых поселений городского типа.

В декабре 1638 г. Батур-хунтайджи обратился к тобольскому воеводе П. И. Пронскому через своего посла Уруская с просьбой прислать ему 20 свиней и 10 собачек. Через год, в декабре 1639 г., в Тобольск вернулся казак Абрамов, командированный тобольским воеводой к Батур-хунтайджи. Вместе с Абрамовым прибыли от Батура послы Урускай и Ноедай, которые вновь передали просьбу своего повелителя прислать ему помимо панциря, пищали и свинца «для плоду на завод 10 свиней, да 3 вепря, да петуха, да курицу индейских, да 10 собачек постельных». Абрамову же хунтайджи лично говорил, что эти животные ему необходимы «для тово, что поставил де он, контайша, на мунгальской границе в урочище Кибаксарах (Кобук-Саур.— И. З.) городок каменной и заводит пашню и хочет в том городке жити». Абрамов слышал, будучи в Джунгарии, что в этом городке «живет у него, у

контайши, лаба и заводит на кон-тайшу пашню; а пашют де, государь, пашню бухарские люди; сеют пшеницу и просу, и семена де завезены из Бухары; а кон де тайша в том городке еще не живал, кочюет около кочевьем».

Другой русский посол, Лука Неустроев, вернувшись в конце 1641 г. в Тобольск, доложил, что в кочевье хунтайджи он прибыл 5 августа, «а кон де тайши в те поры в улусе не было: был у себя в городе, где у нево хлеб сеют. И жили они в улусе без контайши две недели. И кон де тайша велел им быть к себе в город. А как де они к городу приехали, и кон де тайши стоит у города на лошади у пашни и, увидя их, с лошади сшол и учал их спрашивать про государское многолетное здоровье».

Летом 1642 г. русские власти передали Батур-хунтайджи две курицы и одного петуха индейских, четыре свиньи и два борова, десять собачек малых. В этом же году в Кобук-Сауре хунтайджи принимал еще одного русского посла, Лариона Насонова.

Новые сведения о «городовом строительстве» в Джунгарском ханстве доставил казак Гр. Ильин, ездивший по делам службы к Батуру и в феврале 1644 г. возвратившийся в Тобольск. Он доложил: «А кон де тайша ныне кочюет у своих городов в Кубаке (все тот же Кобук-Саур.— И. З.). А у кон де тайши три города кйрпишных: один белой, а четвертой де город заводит внове. А от города де до города езду по днищу. А в тех де ево городех живут ево, контайшины лабы и пахотные ево люди. А он де, контайша, кочует около тех своих городов».

В том же 1644 г. Батур-хунтайджи отправил письмо русскому царю Михаилу Федоровичу, в котором просил о присылке дополнительно десяти больших кур и пяти малых, семи свиней и трех боровов. В 1645 г. куры, свиньи и боровы были пересланы Батуру.

В конце 1650 г. у хана Джунгарии был из Тобольска послом Вл. Клепиков, который по возвращении доложил, что хунтайджи просил прислать ему «для деревянного дела двух человек плотников, да двух человек каменщиков, да двух человек кузнецов, да для пищального дела двух человек бронников... да 20 свиней, да 5 боровов, 5 петухов, 10 куриц».

Таковы наши сведения о хозяйственной деятельности Батур-хунтайджи. У нас есть все основания считать его инициатором и первым организатором этих новых в Джунгарии видов хозяйственной деятельности. Его преемники на ханском троне, равно как и некоторые подчиненные ему владетельные князья, как мы увидим ниже, в той или иной мере следовали его примеру, развивали земледелие и

промыслы или старались их восстановить, если почему-либо эти занятия прекращали свое существование.

Что собой представляли города, которые строил Батур-хунтайджи? Приведенные выше русские архивные документы говорят о том, что первыми жителями, а возможно и строителями городов были ламы. Из этого следует, что Батур строил в первую очередь монастыри. До него в Джунгарии не было стационарных ламаистских монастырей; он положил начало их строительству. Монастырь, построенный из камня или кирпичей, как и всюду в Монголии, становился очагом оседлости. Около него располагалась ставка хана или князя со всеми службами; сюда приезжали купцы, создававшие склады товаров и занимавшиеся торговлей; в окрестностях монастыря-города повелитель Джунгарского ханства вводил хлебопашество. По свидетельству русских источников, Батур-хунтайджи за короткое время создал четыре таких города. Учитывая его стремление получить из России плотников и каменщиков, можно думать, что он предполагал развивать и дальше строительство монастырей-городов.

Чем можно объяснить заботы Батура о хлебопашестве? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Удовлетворение потребностей ханства в продуктах земледелия за счет собственного производства составляло, как мы увидим дальше, предмет забот почти всех преемников Батур-хунтайджи. Очевидно, развитие собственного земледелия диктовалось серьезными экономическими и политическими соображениями, стремлением ликвидировать зависимость ханства от чужестранных рынков в снабжении земледельческими продуктами,— а в них оно нуждалось всегда. В середине XVII в. положение было в этом отношении особенно тяжелым. Экономические связи Западной Монголии с Китаем оборвались примерно за два столетия до описываемых событий, на пути к рынкам Средней Азии располагались владения казахских феодалов, русская Сибирь в XVII в. не обеспечивала хлебом местного производства даже себя и, конечно, не могла снабжать им население Джунгарии. Лишь мусульманские владения Восточного Туркестана могли взять на себя роль поставщика хлеба для ойратов и их ханства, однако неустойчивость военно-политической обстановки в этом районе делала и этот источник снабжения малонадежным. В таких условиях ханы и князья Монголии не могли не думать о развитии хлебопашества в собственных владениях. И хлебопашество появилось, как только внутреннее и внешнеполитическое положение ханства стало достаточно стабильным. Что касается хлебопашцев, то ими были, по свидетельству источников, не ойраты, а так называемые бухарцы, т. е. выходцы из Восточного Туркестана и Средней Азии, захваченные в плен ойратскими феодалами или добровольно перебежавшие в Джунгарское ханство.

Русский посол Федор Байков, проехавший почти через всю Джунгарию по пути в Китай в 1654 г., в своем статейном списке отметил: «А на той речке Теми-чюрги живут бухарцы — пашенные контайшиных детей». Эти бухарцы обрабатывали землю во владениях детей хунтайджи. В другом месте Байков записал полученные им сведения о городе, построенном Батуром. «А городок, сказывают, глиняной, а в

нем две палаты каменные, бурханные, а живут в том городке лабы да пашенные бухарцы».

Но Батур-хунтайджи был не единственным организатором земледелия и строителем городов. Почти одновременно с ним это же стал делать хошоутский князь Аблайтайджи, брат Очирту-Цецен-хана. Федор Байков видел город, построенный Аблаем: «А живет тут калмыцкий лама... А поставлены у того ламы две палаты бурханные Великие, кирпич жженой, а избы у них, в которых живут, глиняные, а хлеба родится у того ламы пшеницы и проса много, а пашут бухарцы».

Таковы наши данные об основных направлениях и результатах внутренней политики главы Джунгарского ханства. Они свидетельствуют об известных успехах, одержанных им на пути умиротворения и объединения всей Северной Монголии как западной, так и восточной ее частей, как ойратов в Кукуноре, так и ойратов на Волге. Ему не удалось вернуть в Джунгарию из Кукунора всех хошоутов, а с Волги — торгоутов, но он добился укрепления сотрудничества со всеми ойратскими владениями независимо от места их расположения.

Основное направление внешнеполитической деятельности Батур-хунтайджи — укрепление связей с Русским государством, с Казахстаном и с владениями восточно-монгольского Алтын-хана Омбо-Эрдени.

Глава Джунгарского ханства придавал большое значение налаживанию добрососедских отношений с Москвой и стремился устранить препятствия к этому. Он весьма ценил проявления доброжелательности со стороны Московского правительства, рассматривая ее вместе с тем как одно из средств укрепления своих позиций внутри ханства. В начале 1644 г. Батур-хунтайджи говорил послу тобольского воеводы казаку Гр. Ильину, что очень дорожит своей дружбой с русским царем, «что он де, контайша, твоею государскою милостью всем колмацким тайшам хвалитца, что де ты, государь, ево, контайшу, своим государевым жалованием жалуешь и держишь ево в своем царском милостивом призрении».

Годы правления Батур-хунтайджи отмечены интенсивным обменом посольствами между русскими властями и Джунгарским ханством. В источниках сохранились достоверные данные о 33 посольствах, причем от самого Батура и лично к нему не менее 19. Есть основания полагать, что в действительности их было гораздо больше.

Какие же дела связывали Джунгарское ханство с Русским государством, какова цель этих посольских разъездов? Главной целью политики хана Джунгарии по

отношению к России было использование мощи и влияния последней в интересах укрепления своей власти внутри ханства, а также усиления позиции ханства в отношении его соседей и в первую очередь владетельных князей Халхи. Что касается России, то ее политика ставила своей главной целью обеспечение неприкосновенности русских рубежей и прерогатив русских властей зоне, смежной с владениями Джунгарского ханства. Приведем несколько примеров. Уже упоминавшийся нами Томила Петров, ездивший весной 1636 г. в Джунгарию с требованием прекратить сбор ясака с русских подданных и выдать захваченных ойратскими князьями в плен в Тарском и Тюменском уездах, по возвращении в Тобольск доложил о содержании своих бесед с Батур-хунтайджи. Последний говорил: «Отец ево, Каракула-тайша государю служил, под городы и на уезды и на волости сам войной не ходил и людей своих не посылал. И за то де отцу ево было государево жалованье. А он де, контайша, потому ж государю служит, государевых изменников, барабинских татар... которые к нему приходили сами в улусы своей волею, а не полоном взяты, и которых полоном взял без ево, контайшияа ведома Кула-тайша,— отдал. Да и достальных изменников... сыскав, отдаст, и впредь иных таких в улусы к себе принимать не велит. И у Ямыша озера з государевыми людьми людей своим соль в суды возить и верблюды свои давать велит... А что де было с тех барабинских татар довелось контайше на себя ясаку имать, и ныне де контайша тем ясаком бьет челом государю и вперед с тех барабинских татар ясаку на себя имать не велит». В этом заявлении Батур-хунтайджи весьма определенно демонстрирует свое стремление заслужить благосклонность русского царя; ради этого он готов не только вернуть всех русских подданных, находившихся в плену в его владениях, но и дать рабочую силу, транспортные средства для добычи и отгрузки соли, а также отказаться от сбора ясака с пограничного населения в пользу русской казны.

В 1636 г. Батур-хунтайджи через посредство русского посла Плотникова и своего представителя Кумяна прямо предложил тобольскому воеводе свою военную помощь для отражения возможных набегов на русские города и селения. В ответ тогдашний воевода Темкин-Ростовский поручил своему послу Томиле Петрову похвалить хунтайджи за его желание служить России и со своей стороны пообещать, что «будет ему, контайше, з братьею от кого будет какое утеснение, и он бы о том посылал послов своих в Тоболеск, и по твоему государеву указу учнут к нему твоих государевых ратных людей из городов на помочь посылати и от недругов его также обороняти».

Добиваться милостей русского царя заставляло еще и соперничество с халхаским Алтын-ханом. Об этом убедительно свидетельствует статейный список Василия Старкова, который осенью 1638 г. ехал к Алтын-хану с «государевым жалованьем». В киргизских улусах Старков неожиданно встретил сотню вооруженных ойратов под командованием какого-то молодого тайши, подвластного Батур-хунтайджи. Тайша, отказавшийся назвать свое имя, говорил Старкову: «Государь де жалует Алтын-царя, присылает к нему многое свое государево жалованье... а Алтын де царь чем больши нашего Багатыря-контайши ...Алтын де царь государю чем выслужил, и что

добро зделал, и какая от него прибыль? А от нашево от Багатыря-контайши и от иных наших тайш великому государю и прибыль есть: присылает в городы с коньми и с коровами и со всяким скотом, и ваши городы сибирские от нашего калмацкого скота наполняютця и кормятца, и с мяхкими товары приезжаем и со всяким с торгом. И в том от нас государю прибыль». Ойраты угрожали отобрать ценности, которые Старков вез Алтын-хану, но реализовать эти угрозы не попытались. Старков объясняет ойратскую демонстрацию тем, что «им то, черным калмаком (т. е. ойратам.— И. З.), всем за беду, что государево жалованье великое посылаетца к Алтыну-царю, а к ним, к черным калмаком, ни к одному тайше государево жалованье не присылаетца, то им черным калмаком и забедно на Алтына-царя».

Объяснение Старкова не лишено основания. Батур-хунтайджи был действительно уязвлен предпочтением, отдававшимся в те годы Москвой Алтын-хану. Эта тема вновь и вновь возникала в переговорах представителей хунтайджи с русскими властями. В конце 1639 г. Урускай, посол Батура, говорил в Тобольске: «И ты де государь, Алтына-царя жалуешь, послов ево велишь отпущать к себе, ко государю, к Москве, а контайшины де, государь, службы к тебе, ко государю, много, а ты де, государь, ево не пожаловал, не велишь послов ево к себе, государю, к Москве отпустить. А только ты, государь, контайшу пожалуешь, велишь послов ево к себе, ко государю, к Москве отпущать и кон де тайша тебе, государь, учнет служить свыше прежнего». В ответ на это представление Москва отменила наконец свой прежний запрет и разрешила пропускать в столицу послов Батур-хунтайджн.

Но и до этого разрешения, невзирая на обиду, глава Джунгарского ханства продолжал «служить» русскому царю. Еще в 1635 г., вскоре после своего прихода к власти, он приказал владетельному князю Кула-тайше вернуть захваченных им во время набега русских подданных, а также ясачных людей, изменивших царю и откочевавших в Джунгарию, причем «и впредь де государевых изменников контайша в улус к себе приимать не велел»47. В последующие годы Батур-хунтайджи неоднократно заверял русских послов, что его «службы» умножатся, если он увидит «милость» русского царя. Одному из послов, Дружине Кулагину, он в 1639 г. сказал, что «отец ево, Каракула-тайша государю служил много лет, и государева де милость и жалованье к отцу его было многое, и послы де отца его наперед сего у государя на Москве бывали. А ныне де и мугальских послов к государю к Москве пропущают, а ево де контайшиных послов к государю к Москве ис Тобольска не отпускают».

продолжение . . .

Аналогичные претензии он излагал в 1640 г. русскому послу Абрамову. Через Абрамова хунтайджи просил, «чтоб де ево, контайшу, ты, государь, пожаловал, велел к нему, к контайше, послати своих государевых торговых людей с русскими товары. А он де, контайша, прикажет Кулетайши итти на весну к соляным озерам (к Ямышеву.— И. З.) и то твое государево жалованье велит ему принять у соляных озер и велит у соляных озер тебе, государь, служить, в суды соль возить, а для той воски и под торговых людей в подводы пошлет с ним, с Кулою, 100 верблюдов».

Русские источники позволяют утверждать, что Батур-хунтайджи за все годы своего правления ни разу не выступил враждебно против России. Он строго требовал того же и от всех владетельных князей Джунгарии. Некоторые князья, а также наследники царя Кучума не раз обращались к нему с предложениями о совместных действиях против тех или иных русских городов, но он решительно отклонял такие предложения, добиваясь сохранения мира на границах с Россией.

Из сказанного, однако, не следует, что интересы Русского государства и Джунгарского ханства нигде не сталкивались, что между ними не было противоречий и конфликтов. Основным противоречием, порождавшим постоянные конфликты, был вопрос о подданстве племен и народов, обитавших в пограничной зоне, о том, кто является их сувереном, кто обладает правом собирать с них ясак. Как сказано выше, глава Джунгарского ханства заявил однажды, что готов отказаться от сбора ясака и признать за русским царем исключительное право на этот сбор. Дальнейшие события, однако, доказали, что то был только жест, сделанный Батур-хунтайджи в первый год правления. В последующие годы вопрос о сборе ясака с енисейских киргизов, тувинцев, барабинцев и других обитателей Южной и Западной Сибири ставился послами обеих сторон почти при каждой встрече. В ходе переговоров Батур-хунтайджи предложил этим послам, чтобы обе стороны — Русское государство и Джунгарское ханство — могли беспрепятственно собирать в свою пользу ясак с указанных племен и народов. Так возникла идея двоеданства и двоеподданства, воплотившаяся в реальных отношениях, сложившихся в дальнейшем в этом районе и просуществовавших около ста лет. Автором идеи, как видим, был Батур-хунтайджи, впервые высказавший ее в октябре 1640 г. представителю тобольского воеводы Меньдому-Ремезову. Батур весьма решительно заявил, что «киргизы де ево контайшины ясачные люди... Будет де государь поволит с киргиз и ныне нмать ясак, и государь б де с них ясак имать велел, а он де, контайша, ем-лет с них свой ясак». Тут же он сделал замечание о двойственности русской политики, выразившейся в том, что «ты де, Меньшой, пришел ко мне з государевым жалованьем, с подарками, а з другую де сторону ево контайшиных людей государевы люди идут воевать».

Спустя год послы Батур-хунтайджи жаловались тобольскому воеводе, что тогда же, в 1640 г., весною, «шли к нему, контайше, ево контайшины ясашные люди, киргизы, с ясаком». Томские служилые люди на них напали, захватили одного киргиза и

посадили его в томскую тюрьму. Хунтайджи просил принять меры, .чтобы подобные случаи не повторялись. В августе 1641 г. Батур-хунтайджи говорил тобольскому послу Неустроеву, что «барабинские де татаровя были государевы ясачные люди и государю изменили и к нему приехали. А он де, контайша, к себе их не звал, и он де, контайша, тех барабинских татар государю отдал, а ему де те татаровя хотели ясак платить Орловым перьем. И он де, контайша, для тово с них ясак и емлет Орловым перьем».

Следует отметить, что вопрос о подданстве и ясаке был в Сибири в описываемое время довольно сложным и запутанным. В течение столетий отношения между обитавшими там племенами и народами регулировались исключительно правом сильного. Поражение на поле боя ставило побежденного в зависимость от победителя, превращало его в так называемого кыштыма, обязанного платить ясак победителю. До конца XVI в. наиболее могущественными в этом районе были феодальные владения енисейских киргизов, в кыштымной зависимости от них находился ряд других, более слабых племен и народов. Образование державы монгольского Алтын-хана и ее экспансия изменили сложившееся соотношение сил; киргизы и их кыштымы стали кыштымами Алтын-хана. Появление новых соседей — Джунгарского ханства и Русского государства — еще более усложнило обстановку, обострив борьбу за обладание ясачными людьми. В качестве примера приведем события, изложенные 22 августа 1644 г. в грамоте Сибирского приказа тобольскому воеводе Г. "С. Куракину. Эта грамота обязывала тобольские власти искать новые волости, «которые нашего ясаку не платят, и тех захребетных людей под нашу царскую высокую руку приводить. А буде которых волостей люди иод нашею царскою высокою рукою быть не похотят и ясаку с себя не дадут»,— принудить их к этому силой. Воевода выполнил указание, причем мандуйскйе, тутошские и кезегецкие захребетные люди не захотели быть в российском подданстве и давать ясак. Для того чтобы они подчинились, пришлось применить силу. Вскоре выяснилось, что раньше они платили ясак «на контайшу и на киргиз и иные де землицы с них ясак имали ж».

Не мудрено, что в этих условиях тез и дело возникали споры и взаимные претензии, таившие опасность серьезных конфликтов между сторонами, жаждавшими ясака. Батур-хунтайджи жаловался Вл. Клепикову, что русские отняли у него Керсагальскую волость, издавна поставлявшую ему ясак, и просил волость вернуть.

Приведенных данных, как нам кажется, вполне достаточно для выяснения характера противоречий между Джунгарскнм ханством и Русским государством в вопросео подданстве местных племен и народов и о сборе с них ясака. Хотя эти противоречия и были, как мы видим, довольно серьезны, они в годы правления Батур-хунтайджи не привели к вооруженному конфликту, если не считать таковыми несколько мелких инцидентов чисто местного значения. Разрешение противоречий

пошло по линии фактического признания обеими сторонами двоеподданства и двоеданства.

Уступчивость Батур-хунтайджи объясняется, видимо, тем, что он понимал полную невозможность и бесперспективность войны с Россией. Такая война могла не только сокрушить его власть, но и обессилить самое ханство. Русские власти также не были заинтересованы в развязывании войны против ойратов. Об этом весьма красноречиво говорит грамота Сибирского приказа от 20 января 1645 г. Г. С. Куракину, предлагавшая ему отправить к хунтайджи послов, «чтобы ему все неправды ево выговорить, а в большой задор с ним не войти».

Каждая из сторон не только не хотела войны, но не теряла надежды получить военную помощь другой стороны для борьбы против своих противников.

Выше мы уже говорили о предложении, сделанном в 1639 г. Батуром русским властям через Томилу Петрова — направить воинских людей хунтайджи против тех, кто будет совершать набеги на русские города. Это предложение было принято тобольским воеводой Пронским, который в свою очередь пообещал Батуру свою военную помощь, когда тот будет в ней нуждаться. И вот в феврале 1641 г. послы Батура обратились в Тобольск с просьбой: «Чтобы ты, государь, ево, контайшу, пожаловал, как ему, контайше, понадобятца твои государевы ратные люди против ево недругов, велел бы ты, государь, датн ему своих государевых ратных людей тысечю человек с вогненным боем. А кон де тайша против тово тебе, государю, на твоих государевых изменников и нёпослушников твоим государевым ратным людей даст своих ратных люден, сколько ты, государь, укажешь». В конце того же 1641 г. Батур вернулся к этому вопросу в беседе с русским послом Иеустроевым, которого он спросил о судьбе своего предложения. Неустроен ответил, что в Тобольск указания из Москвы еще не поступили. Выслушав этот ответ, Батур сказал: «В том де государская воля, как он, государь, укажет».

В 1644 г. вопрос о военном сотрудничестве возник снова, но на этот раз по инициативе русской стороны. Вл. Клепиков, командированный к Батур-хунтайджи, предложил последнему вернуть перебежавших к нему тарских и тюменских ясачных татар, изменивших русскому царю, обещая за это, что государь будет его «жаловать», от недругов оборонять. Клепиков пытался убедить хунтайджи выступить вместе с русскими ратными людьми против торгоутского Хо-Урлюка, вызвавшего гнев царских властей своими операциями в районе Астрахани, но успеха не имел. С аналогичным предложением русские власти обратились к крупному ойратскому владетельному князю Аблаю, сыну хошоутского Байбагас-хана.

Русские архивные материалы свидетельствуют, что переговоры о военном сотрудничестве между Джунгарским ханством и Россией не привели к положительному результату. Ни одного случая, когда бы русские и ойратские войска выступили совместно в какой-либо операций, нам неизвестно.

Как уже было отмечено, Батур-хунтайджи обижало и раздражало упорное нежелание Москвы допустить его послов в столицу Русского государства. За 20 лет своего правления он лишь дважды имел возможность вести переговоры непосредственно с правительством России в Москве: в 1645 и 1647 гг. В первый раз в Москву были пропущены два ойратских посланника, именуемые в документах Тюна и Сырян. Материалов, освещающих деятельность этого посольства, сохранилось очень мало. Мы знаем лишь, что послы, прибыв в Москву, уже не застали в живых царя Михаила Федоровича и были приняты Алексеем Михайловичем. Их пребывание в Москве было Недолгим и завершилось вручением 16 декабря того же 1645 г. жалованной грамоты русского Царя Батур-хунтайджи. Грамота была составлена в самых общих выражениях и не содержала в себе ничего конкретного: «Из давных лет,— говорилось в грамоте,— калмыцкие тайши со всеми своими калмыцкими улусными людьми были в повеленье и в послушанье, а они, великие государи, их жаловали и берегли... и николи от отца нашего, великого государя, вы отступны не бывали». Отметив, что Михаил Федорович умер и на престол вступил его сын и наследник Алексей Михайлович, авторы грамоты от имени нового царя хвалили хунтайджи за службу, обещая «жаловать» его, «оберегать», давать «повольные и беспошлинные торги», как это было и раньше, при царе Михаиле Федоровиче. Новым было лишь то, что Москва разрешила тобольским воеводам пропускать в столицу России послов Батур-хунтайджи, если он будет настаивать.

Что же касается второго ойратского посольства, то о нем известно лишь, что оно 27 января 1647 г. выехало из Тобольска в Москву, имея в своем составе двух человек, Ноедая и Сыряна. Никаких иных сведений об этом посольстве мы не имеем. Оно было последним. Москва вновь запретила тобольским властям пропускать в столицу послов Батура, предлагая рассматривать и решать возникающие вопросы на месте, в Тобольске, лишь информируя Москву о ходе и результатах переговоров: Такая позиция Москвы, разумеется, не устраивала Батура. В конце 1651 г. он жаловался тобольскому послу И. Байгачеву, что послов Джунгарии Москва принимать не желает. При этом он добавил: «А только де государь не пожалует ево, контайшу, послов ево к себе, государю, к Москве отпустить из Тобольска не велит, и их бы де в Тобольску воеводы не задержали, отпустили их назад в Калмыки к нему, контайше, да и послов бы де к нему, контайше, не присылали».

Среди спорных вопросов, осложнявших русско-ойратские отношения, не было таких, которые были бы связаны с организацией взаимной торговли. Обе стороны были в равной мере заинтересованы в торговом обмене. В качестве иллюстрации приведем

следующий эпизод. В июле 1647 г. в Тюмени стало известно, что туда двигается торговый караван с лошадьми, коровами, овцами и т. д., а с караваном идет ойратское посольство в составе 32 ойратов и бухарцев. По указанию Москвы тюменский воевода отказался впустить караван в город и предложил ему идти на Тобольск, где торговля с ойратами была разрешена. Три раза приходили ойратские послы с караванами к Тюмени и каждый раз вынуждены были возвращаться. В четвертый раз, приблизившись к городу, они заявили: «А только де ныне их послов на Тюмень не примут и торгу де им повольного не дадут, и то де знатно, что де без ссоры и без войны не будет». До войны, однако, дело не дошло. В поддержку требований ойратов выступили чуть ли не все слои населения Тюменского уезда. Об этом воевода И. Тургенев в июле 1647 г. писал в Сибирский приказ: «А в нынешнем, государь, во 155 г. били челом тебе, государю... тюменские головы стрелецкой и татарской, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, литва и немцы, и черкасы, и конные и пешие казаки, и стрельцы, и юртовские служилые тотаровя, и ямские охотники, и посадцкпелюди, и пашенные и оброчные крестьяне, а мне, холопу твоему, в съезжей избе подавали челобитные за руками не но одно время, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел на Тюмень ис калмыцких улусов калмыцких послов с торгом примать и торг им давать с ними повольней против прежнего, чтоб от безлошадства б им не погинуть вконец и твоей бы царской им службы, а пашенным крестьяном пашни, не отбыть». Через полгода «Москва разрешила открыть Тюмень для торговли с ойратами.

Этот эпизод интересен своими типичными чертами, убедительно раскрывающими закономерности, определявшие экономические взаимосвязи оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих народов. Наряду со многими другими, ему подобными — о некоторых из них мы уже говорили, о других скажем ниже,— он свидетельствует, что кочевое скотоводство невозможно без налаженного обмена с народами оседлых культур, а при наличии взаимной заинтересованности в налаженном обмене исчезает и экономическая основа для вооруженных конфликтов между кочевниками и оседлыми земледельческими обществами.

Так складывались и развивались отношения между Русским государством и Джунгарским ханством в 1634—1654 гг. В целом их можно характеризовать как отношения мирного соседства и взаимной торговли. Но положение сторон было, конечно, неравным. Батур-хунтайджи гораздо больше нуждался в России, чем Россия в Джунгарском ханстве. Первый пытался опереться на помощь России, чтобы укрепить свою власть в ханстве и превратить его в мощное, объединенное и самостоятельное феодальное государство. Русские же власти хотели главным образом, чтобы Батур-хунтайджи и подвластные ему князья не вторгались в пределы российских владений и не мешали эксплуатировать местное сибирское население в пользу казны и царской бюрократии. Единственным источником конфликтов были вопросы, связанные с подданством нерусского населения Сибири и сбором с него ясака. Но и эти конфликты возникали довольно редко.

Выяснение взаимоотношений Джунгарского ханства и державы Алтын-ханов в рассматриваемое время затрудняется скудостью источников.

Батур-Убаши-Тюмен п своем «Сказании» говорит: «В году гал хул у гуи (огня-мыши, т. е. 1636 г.— И. З.) хан Мухур-Мучжпк (некоторые называют его Мухур-Уизанг. — И. З.), желая уничтожить правление и религию дэрбэн-ойратов п желая самих их взять в плен, прибыл с большим войском, сразился с ойратами, победил их и хотел самый ойратский нутук сделать военной добычей». Но осуществить этот план ему не удалось из-за военной хитрости хойтского правителя Эсельбейн-Сайн-хя, которого поддержали остальные ойратские князья. В результате дэрбэн-ойраты не только освободились от подчинения Мухур-Мучжику, но и его самого взяли в плен. Вскоре, однако, его освободили и отпустили на родину, получив клятвенное обещание, что впредь «монголы не будут наносить вред ойратам».

Об Эсельбейн-Сайн-хя и его хитрости говорит и Габан-Шараб, но в отличие от Батур-Убаши-Тюмена он более лаконичен, не приводит никаких подробностей и даже не датирует описываемого им события, хотя соответствующий раздел его «Сказания» назван: «Как дур-бэн-ойраты освободили свои отоки из монгольского плена».

Все остальные монгольские источники не говорят ни слова об ойратско-халхаском конфликте 1636 г. Тем не менее такой конфликт действительно имел место; о нем кое-что сообщают русские источники.

Весной 1636 г. Батур-хунтайджи говорил Томиле Петрову, что он не может нынче направить людей к оз. Ямышеву для оказания содействия русским в добыче соли, «потому што шли на них (ойратов.— И. З.) мугаль-ские люди войною. И они де все колмацкие тайши идут против мугальскпх людей»67. Весной 1637 г. казачий голова Н. Жадовскнй, посланный тарским воеводой М. М. Темкпным-Ростовским, прибыл в ставку тайши Куйши, но «Куйша-тайша и другие поехали на войну на мунгал осенью 1636 г.»68. Н. Жадовский пробыл в ставкё Куйши более двух месяцев. «И пришла де к ней (к жене Куйши.— И. З.) весть, что Куйшу-тайшу и контайшу мунгальские люди побили, а иных осадили. И она де хочет кочевать к Иртышу и к Ямышу озеру, блюдяся мунгальских людей».

Вот и все, что говорят об этом конфликте русские документы. Показания ойратских и русских источников позволяют считать установленным лишь то, что в 1636г. между ойратскими феодалами и их восточномонгольскими соседями произошло вооруженное столкновение. Ничего больше мы не знаем. Неизвестно, что именно явилось причиной конфликта, кто из халхаских феодалов в нем участвовал, где произошло сражение и чем оно закончилось. Но отсутствие упоминания о войне в монгольских и ойратских летописях, а также в русских документах дает основание

полагать, что конфликт 1636 г. не имел большого значения и серьезных последствий.

Основываясь на показаниях ойратских, монгольских и русских источников, мы можем утверждать другое: после 1636 г. и до самого конца правления Батур-хунтайджи между Халхой и Джунгарским ханством не было ни одного столкновения. Нельзя, конечно, утверждать, что былая вражда уступила в эти годы место дружбе. Напротив, для взаимоотношений Халхи и Джунгарии были характерны прежние недоверие, подозрительность, постоянная настороженность, порождавшие иногда необоснованные слухи о начавшейся между ними войне. Укажем для примера на письмо Алтын-хана русскому царю, написанное в начале весны 1639 г. и врученное адресату ханским послом Мерген-Дегой. Алтын-хан писал Михаилу Федоровичу, что в свое время между ними была договоренность о взаимной военной помощи. «И ныне де,— сообщал Алтын-хан,— на нево хотят приходить колмаки войною, и ему люди надобе, а о кою пору люди надобе, и он для того пришлет». Мы не можем сказать, насколько основательны были сведения Алтын-хана о готовившемся против него походе ойратских феодалов, но достоверно известно, что его опасения не оправдались: ни один из князей Джунгарского ханства против него не выступил. Напротив, в это именно время началась подготовка к созыву всемонгольского съезда владетельных князей, который и состоялся, как известно, в сентябре 1640 г. Тем не менее каждая из сторон ожидала нападения. Напряженность отношений между державой Алтын-хана и Джунгарским ханством отчетливо проявилась в эпизоде, связанном с возвращением в 1639 г. посольства Мерген-Деги из Москвы на родину. Посольство было задержано в Томске воеводой Ромодановским, получившим сведения о появлении ойратских войск в районах, лежавших на пути следования алтын-хановых послов. Опасаясь за сохранность «государева жалованья», предназначенного Алтын-хану, Ромодановский спросил Мерген-Дегу: «И ныне в Томском весть есть, что прошли в Киргизы черных колмаков (ойратов.— И. З.) многие люди, и им без обсылки и не проведав про калмацких людей, и есть ли в Киргизах царя Алтыновы люди, з государевым жалованьем пройти мочно ли?» На это Мерген-Дега ответил: «Будет есть в Киргизах колматцкие люди, и им з государевым жалованьем пройтти немочно, а будет колматцких людей в Киргизах не будет, и им в Киргизы итти мочно, хотя в Киргизах не будет Алтына-царя людей». Пробыв в Томске около трех месяцев в ожидании ухода ойратов из киргизских кочевий, послы Алтын-хана направились домой. Этот эпизод, равно как и приведенное выше обращение Алтын-хана к московскому царю с просьбой о помощи в случае наступления ойратских войск, свидетельствуют об изменившемся в пользу Батур-хунтайджи соотношении сил.

Аналогично развивались отношения между ойратскими и казахскими феодалами. За годы правления Батур-хунтайджи между ними было три вооруженных столкновения: одно — в 30-х годах, другое — в 1643 г. и третье —в 1651 —1652 гг. О первом из них мы знаем очень мало. В историческую литературу указание об

ойрато-казахской войне 1635 г. первым ввел автор «Сибирской истории» И. Фишер. Вслед за И. Фишером и ссылаясь на него, об этой войне писали А. Левшин, Н. Бичурин, В. Вельяминов-Зернов, М. Красовский и другие. Но И. Фишер не указывает источника, на основании которого он сделал это сообщение. Известные нам монгольские источники, за исключением (биографии Зая-Пандиты, о войне 1635 г. умалчивают. В русских архивных материалах мы тоже не нашли о ней никаких сведений. Что же касается биографии Зая-Пандиты, то в ней содержится глухое упоминание об ойратском походе 1643г. против владевшего г. Туркестаном казахского хана Есима. Этому предшествовало пленение ойратами сына Есима Янгира, которому, однако, удалось из плена бежать. Мы не можем пока сказать, когда и при каких обстоятельствах Янгир-султан стал ойратским пленником, но в самом факте его пленения едва ли можно сомневаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БАТУР-ХУНТАЙДЖИ

продолжение . . .

Русские источники рассказывают, что в сентябре 1640 г. в ставке Батур-хунтайджи находился посол казахского царевича Янгира, дожидавшийся возвращения главы Джунгарского ханства. В своем статейном списке Меньшой-Ремезов писал: «А были у контайши в те поры, как он, Меньшой, отдавал государево жалованье, Ильдентайша Урлюков сын да четверы послы бухарские, Казачьи орды Янгиря-царевича, да Далай-лабы». К сожалению, об этом казахском посольстве Меньшой-Ремезов ничего больше не сообщает, оставляя нас в неведении о цели его приезда, содержании и результатах переговоров с ойратским правителем.

Русские и монгольские источники много и довольно обстоятельно говорят о конфликте 1643 г. и его последствиях. Первым, кто принес весть о нем, был Г. Ильин, в феврале 1644 г. возвратившийся в Тобольск из поездки к Батур-хунтайджи. Он доложил воеводе Куракину: «Как де они пришли х контайше в улусы, и кон де тайши в те поры в улусех не было: ходил де войною з зятем своим с Кочюртою (Очирту-Цецен-хан.— И. З.), да с Абулаем (Аблай — брат Очирту.— И. З.), да с меньшим своим братом с Чокуром тайшами, да с Кою-салтаном (может быть, хойтский Солтон-тайши.— И. З.), да черных мугалов с Алтыновым сыном и с мелкими тайши на Янгира-царевича Казачьи орды, да на Ялантуша, да на алатав-киргизов. А ходило де с ними воинских людей 50 тысяч... И жили де оне в том улусе у контайшиных жон до ево контайшина приезду 4 месяца. А как де тайша с той службы приехал при них после Ильина дни (т. е. после 20 июля.— И. З.)».

Рассказ Г. Ильина свидетельствует о том, что поход против казахов начался зимой 1643 г. и длился до середины лета 1644 г., что в походе участвовали ойратские

владетельные князья, образовавшие целую коалицию во главе с Батур-хунтайджи. К этой коалиции примкнул даже сын халхаского Алтын-хана Омбо-Эрдени, в ее распоряжении была значительная армия. Но результаты похода оказались не вполне удовлетворительными для Батура и его союзников. Г. Ильин рассказывает: «Как де он, контайша, ходил на Янгира-царевича и на Ялантуша войною, и взял де он, контайша, две землицы алатай-киргизов да токмаков тысяч з 10. И после де того учинилась весть Янгиру-царевичу. И Янгир де к контайше пошел навстречю с войском, а войска де было с Янгиром 600 человек. И Янгир де, покопав шанцы меж каменей, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам с тремя стами став в прикрытье за камнем. И кон де тайша с воинскими людьми приступал к шанцам и ис шанцов де у контайши побили многих людей. И з другую де сторону на нево ж, контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч з 10. И в ту ж де пору на тот бой Янгиру-царевичу пришли на помочь Ялантуш, а с ним пришло воинских людей тысяч з 20. И кон де тайша, увидя тех воинских людей, пошел назад, а тех де людей, которых он, контайша, взял у Янгира, увел с собою, И ныне де те землицы за ним же, контайшею. А нынешные де весны контайша хочет итти войною на нево ж, Янгира, и на Ялантуша».

Эта длинная выдержка довольно красочно изображает развитие операции и ход самого сражения. Сведения, сообщаемые Г. Ильиным, находят подтверждение и некоторое дополнение в рассказе посла ойратского Аблая-тайши — Бахтыя, прибывшего в феврале 1644 г. в Тобольск.

Источники ничего не говорят о причинах ойратско-казахской войны 1643—1644 гг. Эта война имела важные последствия для ойратского общества, вызвав новую вспышку междоусобной борьбы. В беседе с воеводой Куракиным посол Аблая Бахтый, подтвердив, что Батур-хунтайджи вернулся из похода против казахов с большим уроном, добавил при этом, что в походе участвовали и «урлюковы люди немногие. А как де он, контайша, пришел ис походу, и тех де урлюковых людей отпустил к Урлюку с аблаевыми да с тайчиновыми тайшей людьми, а с ними де послал лист, чтоб Урлюк-тайша с ним, контайшею, пошел заодно на Талайтайшиных детей да на Кунделеня войной за то, что де Талайтайшины дети и Кунделен с контайшею на Янгира не пошли и ево де, контайшу, выдали. И тех де ево контайшиных послов с листом на дороге, не допустя до Урлгока, Кунделентайша изымал и держит у себя и лист де у них взяли. И ныне де у него, контайши, с Талайтайшиными детьми и с Кунделенем в том стала большая ссора и без войны де у них, чает, не будет». Аблай прислал Бахтыя в Тобольск с заявлением о своей готовности служить русскому царю, «как де служил тебе, великому государю, отец ево Байбагиш-тайша. И ныне де он, Абулай-тайша, с Кунделенем-тайшею готов идти на твою государеву службу на Урлюка-тайшу войною».

Из слов Бахтыя видно, что Батур-хунтайджи удалось достаточно прочно привязать к себе правителя складывавшегося калмыцкого ханства на Волге Хо-Урлюка и обеспечить его участие в общеойратском походе против казахов. Наследники дэрбэтского Далай-тайши, занятые своей борьбой за раздел отцовского наследства, уклонились от участия в этом походе, вызвав гнев Батур-хунтайджи; Хундулен-тайша, брат хошоутского Байбагас-хана, старый противник Батура, также уклонился от участия в походе и занял открыто враждебную по отношению к нему позицию. Что же касается Аблаятайши, племянника Хундулена, то у него были претензии как к собственному брату Очирту-Цецен-хану в связи с разделом наследства их отца Байбагасхана, так и к Батур-хунтайджи, в тесной дружбе и союзе с которым находился Очирту. Старые внутриойратские межфеодальные противоречия, ликвидировать которые было не под силу нч «Цааджин бичиг», ни централизаторским тенденциям власти Батур-хунтайджи, стали прорываться наружу, угрожая взорвать внутренний мир и относительное единство, достигнутые в результате политики Батура.

Сведения, сообщенные Бахтыем в Тобольске, получили подтверждение в докладе Г. Ильина. Находясь в ставке Батур-хунтайджи, Г. Ильин установил, что Батура от Хо-Урлюка отделяет огромное расстояние, равное пяти месяцам езды, что сношения между ними затруднены, ибо «меж де ими кочуют многие тайши, которые с ним во брани: Кунделен-тайши и Талайтайшины дети и Янгир-царевич и Ялантуш... И в нынешнем де во 152 г, (1644 г.— И. 3.), пришед не походу, контайша послал к тестю своему к Урлюку-тайше людей своих 40 человек с листом, чтоб де Урлюк-тайша дал ему, контайше, людей своих на помочь и велел бы де людем своим итти на Кунделеня-тайшу войною. А он де, контайша, пойдет з другую сторону на Янгира-царевича и на Ялантуша для того, что де с ним, контайшею, Кунделен-тайша на Янгира и на Ялантуша войною сам не ходил, и людей своих не посылал, и стоит за Янгира, и называет ево названым сыном. И тех де ево контайшиных послов Кунделен-тайша на дороге перенял и лист у них отнял и к Урлюку-тайше их не отпустил». Батур-хунтайджи не знал, что в это время Хо-Урлюка уже не было в живых, что он был убит в боях с черкасами на правобережье Волги.

Батур-хунтайджи был полон решимости отомстить казахскому Янгиру, равно как и ойратским князьям, Хундулену и другим, уклонившимся от участия в походе. Документы свидетельствуют об организованной им закупке оружия и предметов военного снаряжения в Кузнецком уезде, куда он направил своих представителей, которые «у государевых ясачных людей покупают куяки (род кольчуги.— И. 31.), и шеломы, и стрелы, и копья и всякое железо». Он послал также своих людей к киргизам, «а велел просить у киргиз на себя ясаку и лошадей, потому что у него лошади на боях побиты».

Источники не дают ясного ответа, состоялось ли намеченное Батуром-хунтайджи на весну 1645 г. новое выступление против казахского Янгира. Учитывая, что в это

именно время заканчивалась подготовка к активным операциям против группировки Хундулена-тайши, можно думать, что это выступление не состоялось, что оно было отложено. По данным биографии Зая-Пандиты, очередная ойратско-казахская война имела место 1652 г., причем в этой войне отличился 17-летний сын Очирту-Цецен-хана Галдама, который в единоборстве поразил Янгира.

Таковы свидетельства источников об ойратско-казахских отношениях в годы правления, Батур-хунтайджи. Несмотря на их скудность, они все же позволяют судить о дальнейшем изменении соотношения сил в пользу ойратского государства.

Что же касается внутриойратской усобицы, то она, возникнув в 1646 г., сразу приняла довольно острую форму и тянулась несколько лет. Автор биографии Зая-Пандиты рассказывает, что весной 1646 г. Хундулен-тайша выступил против двух дэрбэн-ойратских тайджи (чоросского Батур-хунтайджи и хошоутского Очирту-Цецен-хана). Собрав войска, он прибыл в район Хара-Тала при р. Хуху-усун. Туда же прибыли и войска «хоёр тайджи», перевалившие через гору Боро-ходжир. Сражение произошло в местности Ухарлик. На стороне хошоутского Хундулен-тайши выступали и сыновья дэрбэтского Далай-тайши. В сражение втягивались все новые участники. Бой закончился поражением Хундулена и его союзников. На обратном пути Хундулен был встречен Зая-Пандитой, возвращавшимся от торгутских князей с р. Урал.

Узнав о происшедшем, Зая вызвался примирить противников. Зимой 1647 г. состоялось свидание Хундулена с Очирту Цецен-ханом и Батур-хунтайджи, не принесшее, однако, результатов.

По свидетельству Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, Хундулен-тайша в конце 40-х годов ездил на богомолье в Тибет, посетив по дороге своего брата Туру-Байху (Гуши-хана), которому говорил: «Не возбуждай зависти к богатству во мне, обедневшем, не возбуждай тщеславия во мне, потерявшем уважение».

Борьба между Батур-хунтайджи и Хундулен-тайшой оставила известный след и в русских источниках. О ней в своем статейном списке говорил тобольский посол Данила Аршинский, ездивший по разным пограничным делам к Батур-хунтайджи, к которому прибыл в конце мая 1646 г. Аршинский отметил, что незадолго до его приезда между Батуром и Хундуленом было сражение «и убил контайша у Кунделеня 250 человек, а у контайши Кунделен убил 20 человек, да за тем боем меж собя помирилися». Показания источников свидетельствуют, что глава ханства и его союзник Очирту-Цецен-хан принимали меры к восстановлению мира и внутреннего единства в ханстве. Ф. Иванов и Б. Якшагулов, ездившие в конце 1648 г. к брату Хундулена Эрдэни-хунтайджи и пробывшие в его ставке на Иргизе семь

месяцев, по возвращении в Тобольск рассказывали, что «Ирдени-кон-тайша с урлюковыми людьми и с контайшею, Каракулиным сыном, меж собою воюютца. А при них де... приезжали к нему в улус для миру Кунделен да Доен-Онбо тайши с своими людьми и иные многие тайши, чтоб ево, Ирденю-контайшю, с урлюковыми людьми и с контайшею каракулиным помирить. И Ирдени де контайша миритца не хочет. И Кунделен де и Доен-Анбо тайши [с] своими людьми и иные тайши, которые с ними на миру были, поехали от Ирдени-контайши для того же миру к урлюковым людем в улус». Но мира не получилось. Возвращаясь в Тобольск, Иванов и Якшагулов узнали, что «Ирдений контайша урлюковых людей с их кочевий збил и стал на тех кочевьях сам он, Ирденя, своим кочевьем».

Конфликты и открытые вооруженные действия на путях, связывавших кочевья ойратских князей на Волге с территорией Джунгарского ханства, оказались главными причинами, сорвавшими план возвращения ойратов с Волги в Джунгарию. Габан-Шараб рассказывает, что в 1632 г. ставка правителя торгоутов Дайчина впервые расположилась на Волге. «Прошло 14 лет. Вспомнив клятву, данную дэрбэн-ойратам, стали возвращаться на родину к своим ойратам». Его слова подтверждают приведенные выше показания русских источников о готовившейся в 1646 г. откочевке ойратских владетельных князей с Волги обратно в Джунгарию. Но туда они не дошли. Слишком уж длинной и трудной оказалась дорога для ослабленных военными неудачами преемников Хо-Урлкжа. Они должны были собственными силами пробивать путь к владениям Батур-хунтайджи, преодолевая сопротивление враждебных группировок Аблая, Хундулена и пр. Однако Батур-хунтайджи, видимо, до конца своих дней не переставал думать о возвращении ойратских князей с берегов Волги. Об этом свидетельствует рассказ уфимского толмача В. Киржатцкого астраханскому воеводе Пронскому о беседе с правителем торгоутов Мончаком в 1653 г. «Слышел он,— говорил Киржат-цкий,—от самово Мончака-тайши и от ево улусных людей, что де в нынешнее вешнее время с отцом ево, Мончаковым, з Дайчином-тайшею будут к ним дальние калмыцкие люди Батыр-контайша Каракулин со многими своими калмыцкими воинскими людьми. А в какову пору они придут и куды их поход будет, того не ведомо».

Смерть Батур-хунтайджи и последовавшая за ней новая междоусобица ойратских феодалов заставили, по-видимому, отказаться от планов возвращения ойратов с Волги в Джунгарию. Об особой близости между джунгарским ханом и торгоутскими правителями на Волге свидетельствует тот факт, что правнук Хо-Урлюка, впоследствии Аюка-хан, с младенчества жил и воспитывался при ставке Батур-хунтайджи и лишь после смерти последнего в возрасте 12 лет был доставлен на Волгу.

Наши источники приводят и некоторые сведения о положении ойратских народных масс в годы правления Батур-хунтайджи. Эти сведения заслуживают серьезного внимания, отражая наличие классовых противоречий в ойратском обществе.

Документы свидетельствуют, что в 1644 г. в Джунгарском ханстве был голод, вынудивший владетельных князей разрешить трудящимся временно откочевать в русские пределы. Об этом доложили тарскому воеводе братья Костелецкие, ездившие в Барабинскую, Чуйскую и Теренинскую волости для сбора ясака и видевшие «в Теренинской волости контайшиных ясачных людей з женами и з детьми 9 изб, живут с нашими с теренинскими ясачными людьми вместе. А прислал де их контайша в Теренинскую волость кормитца, потому что у него, у контайши, голод. Да иные де многие контай-шины люди от Теренинской и от Барабинской волостей кочюют неподалеку, в полуднище и во днище и в дву днищах, во многих в розных местех изб по ш[ес]тидесяти и больши, и ясак де с них, с теренинских и з барабинских ясачных людей на контайшу емлют».

По приказанию Москвы местные сибирские власти приняли меры к выдворению из русских пределов подданных Батур-хунтайджи, направив к ним и к хану Джунгарии послов с соответствующими предложениями. В конце июля казак Плотников и один из Костелецких, ездившие в степь, вернулись в г. Тару, где доложили, что на прежних местах они ойратов не обнаружили, но, возвращаясь назад, «в Барабинской де, государь, волости наехали они контайшина дворового человека Бугачка з женами и з детьми. И они де ево спрашивали, по контайшину ли велению живет он в твоей государеве в Барабинской волости или самовольством. И говорили ему, чтоб он из Барабинской волости ехал на свою землю. И им де, Гарасиму и Федьке, тот контайшин человек Бугачка сказал,— живет де он в Барабе собою, кормитца, а не по контайшину веленью, а обиды де он и тесноты твоим государевым Барабинским ясачным людем никоторые не чинит». Опрошенные Костелецким и Плотниковым местные русские обитатели подтвердили, что Бугачка действительно живет мирно и никого не обижает.

Как выясняется из дальнейшего, подобные случаи не были единичными актами, выражавшими недовольство одиночек, — они свидетельствуют о недовольстве народных масс, страдавших от гнета феодальной эксплуатации и бесконечных войн, приносивших семьям трудящихся лишь разорение и смерть. Подавление этого недовольства растянулось на ряд лет, о чем свидетельствует доклад в Москву томского воеводы О. И. Щербатого, представленный летом 1647 г. Он писал, что еще в 1644 г. в русских ясачных волостях появились «беглые черные колмаки (т. е. ойраты в отличие от «белых» или «выезжих» калмыков, обитателей Алтайских гор. — И. З.) розных тайш и в их урочищах обжились». Русские власти потребовали, чтобы эти «черные колмаки» покинули пределы России. «И те, государь, черные колмаки ево государева указу не послушали и с ево, государевой земли, а из их займища (русских ясачных людей.— И. З.) не пошли». Вслед за этим Щербатой высказывает предположения о возможной концентрации ойратских и других беглых людей, вследствие чего может возникнуть опасность для интересов российского престола. «А будет, государь, к тем беглым черным колмаком учнут такие ж беглые черные колмаки или иных каких земель воры приставать... или будет учнут бегать к тем же вором чатцких и томских мурз и тотар киштымы, и их умножится, чтоб де,

государь, от тех воров твоему государеву Томскому городу дурна какова не дождаться и твоею б государевою многою землею не завладели».

В этих условиях томские власти решили применить против ойратских перебежчиков силу оружия. Захваченные в плен беглые ойратские труженики показали: «Бывали де они Талайтайшины да Урлюковы, и от них де, тайш, збежали, и бегая от них, жили на твоей государеве земле, на Барабинской и на Теренинской и на Черных водах 5 лет». Томский воевода пытался выяснить, на что перебежчики надеялись, принимая бой с русскими ратными людьми. Пленные отвечали: «Как де пришел Петр Сабанский с ратными людьми, и они де в том перед тобою, государем, виноваты, вышед из юрт и по них из луков стреляли, а надежи де у них ни на ково не было».

Интересно отметить, что в борьбе против ойратских трудящихся русские власти выступали в союзе с ойратскими феодалами. Щербатой сообщал: «А после де твоих государевых ратных людей ходил войною контайшин двоюродной брат Кула на тех же схожих людей, на дербетов, и их побили, и ясырь, и лошади, и коровы, и всякой скот поймали. А после де тово, государь, Кулы ходил на тех же на достальных схожих колматцких людей войною контайшй человек князец Мачик и тех де достальных схожих колматцких людей, дербетев, побил, и улус весь в полон поймал, и лошади, и коровы отогнал». В заключение своего доклада Щербатой писал: «А те де колмаки беглые Талай-тайшины да Урлюковы... А в прежних де годех у Талай-тайши и у Урлюка с контайшею бывала меж ими война. И от той де войны те черные колмаки розбежались и жили на твоих государевых... землях лет с 6 и больши».

Так раскрывается драматическая история жизни и борьбы ойратских трудящихся, страдавших от феодальных поборов и повинностей, становившихся невыносимыми в военные годы. Не выдержав тяжелых условий жизни, ойратские труженики покинули своих феодальных владык и бежали во владения русского царя, наивно полагая, что здесь они будут избавлены от феодальных войн и эксплуатации, получат возможность мирно трудиться. Не надеясь ни на чью помощь, они вступили в неравный бой с русскими ратными людьми, по воле царской администрации выдворявшими их из русской земли. Вслед за этим араты несколько раз подвергались атакам войск ойратских феодалов и были в конце концов разгромлены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

2. ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В 50—60-х годах XVII в.

Автор биографии Зая-Пандиты пишет: «Зимою 1653 года скончался Батур-хунтайджи». Для участия в погребальной церемонии в ставку джунгарского хана

прибыл Зая-Пандита, совершивший все положенные ритуалом религиозные обряды над умершим.

Мы не знаем, что происходило внутри Джунгарского ханства в первые два года после смерти Батур-хунтайджи. Ни один из известных нам источников ничего не говорит о событиях 1655 и 1656 гг. Мы можем лишь предполагать, что смерть главы ханства непосредственно и в первую очередь отразилась на прочности центральной власти, фактически находившейся в руках князей Чоросского дома, усилив центробежные силы в среде владетельных князей Джунгарии, и ее кыштымов. Мы можем судить об этом по русским архивным документам, говорящим о затяжной войне белых калмыков с ойратскими князьями, о длительном, почти десятилетнем отсутствии дипломатических связей русских властей с преемником Батур-хунтайджи, носителем центральной ханской власти, об участившихся набегах отдельных ойратских князей на владения России и т. д.

В марте 1657 г. в Тобольск прибыли послы от вдовы Батур-хунтайджи Дарибанчи, от ее детей Ончона и Цзотба-батура, от Очирту-тайджи и Аблай-тайджи, от хойтского Солтона-тайджи, от Галдамы и Малая. Послы просили направить их в Москву. Через некоторое время тобольский воевода А. И. Буйносов-Ростовский докладывал Сибирскому приказу о прибытии к нему новых послов от Очирту-тайджи и его сына Галдамы, а также «от Аблая и от сына ево Аюки, от Ирки, от Тархана, от Йшкепа, от Алдара, от Малая, от Даена с сыном, от Зорокту, от Даши таиши... от всекого тайши по два человека и зимуют в Тобольску для своих торговых промыслов». Как видим, среди множества князей, приславших своих представителей в Тобольск, нет Сенге, наследника и преемника Батур-хунтайджи. Следует учесть, что вдова Батура, Дарибанчи, не была родной матерью Сенге; ее родными сыновьями были Ончон и Цзотба-батур. Непосредственный контакт путем обмена посольствами между Сенге и русскими властями был впервые установлен лишь в 1664 г.

Все это говорит, по-видимому, о расколе семьи Батур-хунтайджи на враждующие группировки; их борьба началась немедленно после смерти хана и не прекращалась в течение всех лет правления Сенге. О ней обстоятельно рассказывают ойратские источники. «Батур-хунтайджи,— пишет в своем «Сказании» Габан-Шараб,—разделил свой улус на две части. Одну он отдал одному сыну, вторую прочим восьми сыновьям». Батур-Убаши-Тюмен в свою очередь говорит: «Батур-хунтайджи разделил своих подвластных на две равные части, одну половину отдал одному сыну (Сенге), а другую половину прочим восьми сыновьям своим (Галдан был десятый сын)». Наши источники не объясняют причин такого неравного раздела наследства, тем более странного, что Сенге даже не был старшим сыном умершего главы ханства. Но каковы бы ни были эти причины, многочисленные братья Сенге считали себя несправедливо обойденными. Естественно поэтому, что они только выжидали удобного момента, чтобы попытаться силой перераспределить отцовское наследство соответственно эгоистическим интересам каждого. Так в дополнение к

старым возник новый очаг опасных междоусобных конфликтов, на этот раз в доме чоросских владетельных князей. В своем развитии новые конфликты тесно переплелись с давнишним — между сыновьями хошоутского Байбагас-хана, Очирту и Аблаем, о чем мы говорили раньше, Борьба между различными группировками ойратских князей за передел феодальных владений составила одну из важных сторон внутренней истории Джунгарского ханства в 50—60-х годах XVII в.

Автор биографии Зая-Пандиты, закончив подробное описание похорон Батур-хунтайджи зимой 1653/54 г. и, пропустив 1655 и 1656 гг. сразу же переходит к рассказу о том, как к лету 1657 г. владение Чоросского дома разделилось два крыла, образовавших два враждебных лагеря,— на правое, или южное (барун-гар), и левое, или северное (дзун-гар). В северный лагерь входили старшие братья Сенге (Цецен-тайджи, Цзотба-батур и другие), недовольные разделом наследства и преимущественным положением их младшего брата, к которому по наследству перешел и отцовский пост «первенствующего члена» ойратского чулгана; в южный лагерь входили сторонники Сенге.

Братья Сенге развернули активную деятельность, стремясь привлечь на свою сторону возможно больше владетельных князей. К ним, в противовес своему брату Очирту, вставшему на защиту Сенге, примкнул хошоутовский Аблай-тайджи. Такое размежевание между Аблаем и Очирту не было случайностью. Враждуя в течение многих лет из-за раздела отцовского наследства, каждый из них считал друзей и союзников брата своими врагами. Выше мы отмечали дружбу и союз, установившиеся между Очирту-тайджи и Батур-хунтайджи. После смерти Батура Очирту перенес их на Сенге, ставшего мужем его дочери. Этого оказалось достаточным, чтобы Аблай-тайджи, брат Очирту, примкнул к лагерю противников Сенге. Так конфликт внутри Чоросского дома начал перерастать в общеойратскую междоусобную борьбу.

Летом 1657 г. войска враждующих лагерей сошлись для битвы на берегах р. Эмель. Но кровопролитие было на этот раз предотвращено вмешательством двоюродных братьев, сыновей Очирту и Аблая — Галдамы и Цагана, которые были связаны узами многолетней тесной дружбы. Они прибыли к месту сражения со своими дружинами, потребовав прекращения войны и заключения мира. Усилия братьев увенчались успехом. Мир был восстановлен. В результате этого Сенге остался владельцем доставшейся ему по наследству южной половины чоросского владения и «первенствующим членом» ойратского княжеского чулгана, деля этот пост, как и его отец, с хошоутским Очирту-тайджи.

Есть основание полагать, что Сенге пользовался поддержкой и Зая-Пандиты, который, как пишет его биограф, полюбил Сенге еще тогда, когда тот сватался к

дочери Очирту. Он почитал Сенге, как, «великого нойона», как преданного сына ламаистской церкви и как родственника.

Несмотря на все это, положение Сенге было весьма непрочным и борьба против него была еще далеко не закончена. Пользуясь ослаблением центральной власти в Джунгарском ханстве, от него начали отделяться кыштымы. Первыми на путь борьбы против кыштымной зависимости встали белые калмыки, правитель которых Кока Абаков говорил тобольскому представителю Д. Вяткину летом 1658 г.: «Ныне де он, Кока, завоевался с черными калмыками и з братьями своими». Кока возил Вяткина с собой, и тот 26 июля 1658 г. был свидетелем сражения, в результате которого «черные калмыки белых калмыков ево, Кокиных, улусных людей многих побили и разогнали». По всем данным, это сражение было далеко не первым между белыми и черными калмыками и тем более не последним. Об этом свидетельствует доклад томского воеводы в Посольский приказ от 14 сентября 1659 г., сообщавший о прибытии в Томск послов Коки Абакова, который просил защитить белых калмыков от ойратских князей. «И мы, холопи твои,— писали авторы отписки,— без твоего государева указу, в Белые Калмыки... ратных людей послать не смели потому, что ныне у нево, Коки, ссора с черными калмыки, и чтоб с ними ссоры не учинить. А посланцы, государь, ево перед нами, холопи твоими, словесно говорили, что он, Кока, с теми недрузьями своими, с черными калмыки, хочет управливатца. А у черных, государь, калмыков улусы великие, а по се число от них твоим государевым людей дурна никаково не бывало».

Правители белых калмыков были не единственными, кто взялся за оружие против домогательств ойратских князей. В 1661 г. татарское население Тарского уезда выступило с оружием в руках против дэрбэтского князя Ишкепа, вторгшегося в их пределы, и нанесло ему поражение. Тогда на татар пошел один из братьев Сенге Essential Ончон, но и тот был разбит, причем сам Ончон едва спасся бегством в сопровождении шести оставшихся в живых воинов.

Наиболее тесные и регулярные связи с русскими властями в эти первые после смерти Батур-хунтайджи годы поддерживал лишь хошоутский Аблай-тайджи, владение которого лежало на тогдашних путях из России в Китай.

Он оказал гостеприимство и ряд услуг первому официальному русскому послу в Китай Ф. Байкову, благодаря чему пользовался в России некоторыми преимуществами по сравнению с другими ойратскими князьями. Его послы время от времени пропускались в Москву. В январе 1662 г. посол Аблая Ирки-мулла был принят в Посольском приказе в Москве, где сообщил, что владение Аблая находится в шести неделях езды от г. Тара, что в его распоряжении имеется 40 тыс., а в распоряжении его брата Очирту — 60 тыс. войска, что «была де у Облая-тайши ссора з братом Сейкулом-тайшею за отзывные улусные люди, только де ныне они

живут в миру». В мае 1662 г. он получил для Аблая жалованную грамоту царя Алексея Михайловича.

Ирки-мулла правильно указал место обычных кочевьев аблаевых улусных людей, но основательно преувеличил численность войск своего повелителя, равно как и его брата Очирту. Что же касается сообщения о ссоре Аблая с братом Сейкулом, то оно, несомненно, является недоразумением. У Аблая, как известно, был всего один брат — Очирту, с которым он действительно годом раньше воевал. Кое-какие сведения об этой войне мы находим у Габан-Шараба в его «Сказании»; в биографии Зая-Пандиты о ней также имеются прямые указания. В разделе, посвященном действиям, противоречащим добрым ойратским обычаям, Габан-Шараб записал: «Цецен-хан и Аблай, родные братья, сражались друг с Другом». Зая-Пандита прилагал много усилий, чтобы примирить хошоутских правителей, как, впрочем, и других владетельных князей Джунгарии. Он проявлял большую активность, непрерывно разъезжая по стране, выступая в роли посредника и стараясь предотвратить вооружённые столкновения. Летом 1656 г. он жил в ставке Аблая, где в его присутствии состоялась встреча Аблая, сына Очирту — Галдамы и торгоутскога Дайчина, сына Хо-Урлюка. От Аблая Зая поехал к торгоутам, от торгоутов летом 1658 г. он прибыл к хошоутскому Очирту, весной 1659 г. оказался в ставке дэрбэтского владетельного князя Гомбо, летом 1660 г. присутствовал на чулгане хошоутских и чоросских князей, а осенью того же года с его участием состоялось непродолжительное свидание между хошоутскими Очирту и Аблаем.

Было бы, конечно, ошибкой предполагать, что примирительная деятельность была единственной целью бесконечных разъездов Зая-Пандиты. Его биограф рассказывает, что в 1647 г. Очирту-тайджи спросил Заю: «По какой причине вы всюду езлите?». На что тот ответил: «Первой причиной является распространение святого учения, второй - собирание даров и пожертвований с целью отблагодарить Далай-ламскую, казну, оказывавшую мне великие милости в годы моего учения». Действительно, разъезжая по ойратским владениям, Зая проповедовал ламаизм, искоренял шаманизм, организовывал обучение грамоте на основе составленного им нового алфавита, переводил сам и поручал грамотным ламам переводы канонической литературы с тибетского на монгольский язык и, наконец, собирал в огромных количествах дары и пожертвования скотом, драгоценными металлами и другими ценностями. И тем не менее, если Джунгарское ханство после смерти Батур-хунтайджи не развалилось совершенно в результате всеобщей войны феодальных правителей друг против друга, то этим оно в немалой степени обязано личным усилиям и влиянию Зая-Пандиты.

Однако попытки Зая-Пандиты примирить Очирту и Аблая не имели успеха. Война стала неизбежной. Зимой 1660 г. Очирту-Цецен-хан с 30-тысячным войском выступил в поход против своего брата, находившегося в долине р. Аягуз. Зая-Пандита и другие деятели церкви попытались еще раз убедить Очирту

воздержаться от войны. «Склоняюсь перед вашими советами, - сказал Очирту,— пусть Аблай приедет на свидание». Но Аблай на примирение не пошел. И тогда в первом летнем месяце года быка (1661) на берегу р. Эмель войска двух братьев вступили в бой. Армия Аблая насчитывала тоже 30 тыс. воинов: на его стороне, кроме того, воевали его двоюродные братья, дети хошоутского Хундулен-тайши.

Но и к Очирту подошло подкрепление в лице чоросского Сенге и хойтского Солтон-тайджи. Равенство сил обусловило затяжной характер операций. Очирту-Цецен-хан построил укрепленный лагерь. В конце концов Аблай, преследуемый войсками брата, стал отходить. При переходе через перевал Хамар-Дабан его группировка понесла крупные потери; вынужденный перейти к обороне, Аблай начал отступать к построенному им на Иртыше городу-монастырю, известному в русских документах под названием Аблай-хит и торжественно освященному Зая-Пандитой в 1657 г. В этом городе Аблай был осажден армией противника, державшей его в осаде около полутора месяцев. Осажденные терпели большой урон от болезней, косивших людей и скот. Мать Аблая (она же мачеха Очирту) Сайхан-Чжу, выйдя из осажденного города, направилась к Очирту и стала его убеждать мириться с Аблаем. В результате ее посредничества состоялось новое свидание враждовавших братьев, после чего в лагере победителей начались длительные совещания, на которых обсуждался вопрос о том, что делать с Аблаем. В конце концов, преодолев разногласия, решили вернуть ему в нетронутом виде все его владения, все захваченное у него имущество и всех пленных. Так закончилась война Очирту-Цецен-хана и Аблай-тайджи, которую, видимо, и имел в виду посол последнего Ирки-мулла в разговоре с чинами Посольского приказа в Москве в начале 1662 г.

Важно отметить зафиксированное источником отношение ойратских народных масс к этой войне. Не имея возможности влиять на политику своих правителей, трудящиеся ойраты с тем большей радостью встречали окончание войны и возвращение к мирной жизни. Так было и в данном случае. Армия Аблай-тайджи и население осажденного Аблай-хита с восторгом встретили весть об окончании войны. Биограф Зая-Пандиты пишет: «Во время свидания Аблая с Цецен-ханом Галдама с 4—5 человеками поехал, в осажденный монастырь. Так как многие простые люди перенесли много страданий, то приезд Галдамы без войска был для них счастьем. Все радовались, говоря: «Взошло солнце веселья!».

Прошло восемь лет после смерти Батур-хунтайджи. Эти годы были, как мы видели, заполнены борьбой двух главных группировок ойратских феодалов за власть — группировки чоросского Сенге, прямо поддержанного хошоутским Очирту-тайджи и косвенно Зая-Пандитой, и группировки старших братьев Сенге, поддержанных хошоутским Аблай-тайджи. В результате побед, одержанных на полях сражений, положение Сенге к середине 60-х годов окрепло. Пришло время восстановить нормальные отношения с Русским государством, так как посольские отношения с начала 50-х годов фактически прервались. За это десятилетие в города Сибири

лишь изредка приходили посланцы того или иного местного ойратского владетельного князя, а из сибирских городов посылались ответные посольства, имевшие весьма ограниченное, чисто местное значение. Обмен послами со ставкой хана Джунгарии полностью прекратился.

И вот осенью 1664 г. в Томск прибыл сначала купеческий караван, а затем и послы от Сенге, от его дяди Чохура-убаши и от «кутухты». Как выясняется из документов, этим «кутухтой» был не кто иной, как младший брат Сенге Галдан, впоследствии вошедший в историю под именем Галдан-Бошокту-хана. Русские архивные материалы позволяют установить, что Галдан родился в 1645 г. и в детстве был посвящен в духовное звание, почему, вероятно, и стал именоваться «кутухтой». Таким образом, имя Галдана впервые стало известно в России в 1664 г., когда ему было около 20 лет.

Указанное ойратское посольство во главе с Ирка-Чечень-Янзаном, как его именуют русские документы, по поручению пославших его правителей просило о возобновлении посольского обмена и о разрешении ойратам торговать в Томске. В ответ на посольство томский воевода И. Бутурлин направил к хану Джунгарии Сенге, к Чохуру и к «кутухте» сына боярского Василия Бубенного.

Бубенной прибыл к Сенге в июне 1665 г. Сенге ему сказал: «В прежных де в давних летех при отце ево, контайше, воры, изо многих орд собрався, воевали государевых ясашных людей Тарскова уезду боробинцов». Отец Сенге выслал тогда из своих улусов всех барабинцев, «а после де отца своего, контайши, ныне владею всеми улусы я, Сенге; и отъехали де от голоду в Томский город кыштымы ево, Сенгины, ясашные колмыки Кокина улусу телеуты и ныне де живут в Томском, а царского величества воеводы тех кыштымов моих не выдают и посланцов моих к великим государем к Москве не отпущают, а хотя де великие государи тех моих кыштымов, ясашных людей, и не велят отдать, и я де, Сенга, теми людьми не буду скуден».

Из слов Сенге следует, что именно его Батур-хунтайджи оставил главой Джунгарского ханства и что сомнения, высказывавшиеся по этому поводу А. Позднеевым и другими исследователями, являются неосновательными. Из слов Сенге можно также сделать вывод, что он и раньше отправлял своих послов в Томск, однако в русских источниках никаких сведений о них не обнаружено. Деловая часть заявления Сенге была посвящена вопросу о кыштымах; с этого времени и до самого конца правления Сенге вопрос о кыштымах стоял в центре русско-ойратских отношений, приобретая временами исключительно острый характер.

На обратном пути в Томск В. Бубенной по распоряжению Сенге был задержан и целый год не мог вернуться на родину. В июне 1666 г. он вновь был принят ханом Джунгарии. Сенге объяснил задержку русского посла полученными в предыдущем году сведениями, будто войска халхаского Алтын-хана Лубсан-тайджи совместно с отрядом русских войск идут походом против Джунгарского ханства. Сведения эти, однако, не подтвердились, и В. Бубенному было разрешено возвратиться домой.

Тем временем летом 1665 г. в Томск прибыло новое посольство от Сенге, Чохура и чохуровых детей. Часть этого посольства была в Москву пропущена, а другая — отправлена обратно в сопровождении русского посла В. Литосова. В ноябре В. Литосов прибыл в улус Чохура, но дома его не застал; Чохур уехал в Тибет, поручив управление улусом своим сыновьям Баахану и Цагану. В апреле 1666 г. Литосов добрался до ставки Сенге. «Стоит ево улус,— докладывал В. Литосов,— промеж высокими горами на речке Кусутан на урочище Джаир Шера Моудун». Литосову Сенге сказал: «В прежних годех были под царьскою высокою рукою калмыцкие тайши — дед мой Карагула и отец мой Баатырь-контайши и от великого государя с Москвы было присылано к ним государьское жалованье большое. А после де отца моего Баатырь-контайши от великого государя ко мне, Сеньге, ни ис которых государевых городов послы не бывали». В присутствии Литосова Сенге послал строгий приказ правителям белых калмыков Коке и Мачику, требуя от них прекращения набегов на русские владения.

Летом 1666 г. от Сенге, Чохура и Галдана в Томск прибыло третье посольство, с которым вернулся и В. Бубенной. Это посольство во главе с Урянкой было отправлено в Москву.

Очередным русским послом в Джунгарию был Павел Кульвинский, отправленный осенью 1666 г. к Сенге, Чохуру и сыну последнего Баахан-Манжи с царскими грамотами, жалованием и дарами. Сын Чохура Цаган, приняв у себя Кульвинского, сказал ему, что отец еще не вернулся из Тибета, «а Сенга-тайша и брат ево Баахан Манжи из улусов своих пошли воевать мугальского царя Лоджана и велели им дожидатца». Сенге вернулся с этой войны лишь летом 1667 г. В июле того же года он принял русского посла, вручившего грамоту царя Алексея Михайловича и подарки. Кульвинский был отпущен домой, а с ним Сенге отправил в Россию новое посольство.

Война с Алтын-ханом, центральное событие 1667 г., была вместе с тем и последней войной между ним и Сенге. Решительная победа, одержанная правителем ханства, подвела окончательный итог вековой борьбе этих двух групп монгольских феодалов. Держава, созданная на северо-западе Халхи знаменитым Шолоем-убаши-хунтайджи, в результате поражения 1667 г. фактически перестала существовать, а династия Алтын-ханов сошла с исторической сцены.

Монгольские источники об этой войне не упоминают, но показания русских документов не оставляют места сомнениям не только в достоверности самого факта войны, но и дают достаточный материал для суждения о вызвавших ее причинах. Они позволяют сделать вывод, что в основе войны лежала борьба за обладание кыштымами и за сбор ясака. Известно, что Алтын-ханы в XVII в. не раз силой оружия принуждали киргизских князей к подчинению и к ясачной повинности, не встречая при этом противодействия ойратских феодалов. В 1667 г. третий представитель династии Алтын-ханов — Лубсан - тайджи в очередной раз вторгся в киргизские кочевья с целью закрепить кыштымную зависимость киргизов и собрать с них ясак. Получив сведения об этом, Сенге, сам претендовавший на господство над киргизами, обрушился на Алтын-хана и разгромил его.

Финал этой драмы разыгрался на глазах П. Кульвинского, который в своем статейном списке записал: «Июня в 12 день Сенга-тайша с мугальской службы в свой улус приехал, а с собою Сенга привез мугальского царя Лоджана, детей ево — трех сынов: один лет в 20, а другой лет 15, а третей лет 10, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану-царю Сенга велел руку правую по завить отсечь, и собачья мяса Лоджану велел в рот класть и отдал ево, Лоджана, с двема женами олгонотцкому царю. Да он же, Сенга, привез с собою мугальского полону добрых ближних людей и кыштымов з женами и з детьми тысячи з две. И Сенга-тайши лутчих людей скотом наделил и велел жить подле себя, а держать в береженьи».

Приведенная нами выдержка из статейного списка Кульвинского интересна не только фактическими данными, подчеркивающими значение победы ойратских феодалов над их старинным, когда-то таким грозным противником, но и фактами, иллюстрирующими отношения классового союза между феодалами той и другой стороны. Только классовым родством и общностью классовых интересов можно объяснить наделение побежденных «лутчих людей» скотом, приближение их к персоне повелителя ханства и разрешение находиться при ханской ставке. В этих фактах можно заметить осуществление принципов, непрерывно провозглашавшихся всеми известными нам чулганами монгольских князей, обязывавших поддерживать и крепить союз и сотрудничество между людьми «одинаковой кости», т. е. феодалами.

Победа Сенге толкнула его на путь активных наступательных операций с целью восстановления господства ойратских феодалов и над теми их бывшими кыштымами, которые в свое время перешли в подданство русского царя и платили ясак русской казне. Для реализации этих планов Сенге оставил в Киргизии отряд своих войск, насчитывавший 4—5 тыс. воинов, под командованием дяди Сенге Даньдзина и двоюродного брата Баахана.

О том, как развивались события, мы можем судить по челобитной красноярских служилых людей на имя царя Алексея Михайловича и по словам самого Сенге. Красноярские челобитчики писали: «И в нынешнем, государи, во 175 (1665) г. пришли калмыцкие многие воинские люди Сенга-тайша на Киргискую землю для мугальсково Алтынова сына Лоджана-сайн-контайши. И они, колмацкие люди... Лоджана развоевали. И прислал калмацкой Сенга-тайша в Красноярской острог посланцов своих к воеводе... и говорили они о киргиских и о тубинских людях, чтоб их отпустить на свои урочища и из аманатов и ясак бы де с себя... Сенге-тайше попрежнему дали... что де преж Красноярсково острогу с качинцов и с аринцов отцу ево, Батуру-контайше, давали. И воевода Алексей Сумароков в том им во всем отказал... Да они ж, калмацкие посланцы, говорили,— не отпустишь де киргиз и тубинцов на свои урочища, и калмацкой де Сенга-тайша, конечно, пошлет под Красноярской острог калмацких и киргиских многих воинских людей войною». И действительно, в мае 1667 г. войска Сенге осадили Красноярск, а его окрестности опустошили. Осаждающие кричали осажденным: «Отдайте де нам всех киргиских людей и из аманатов выпустите, и мы де воевать не станем, а буде не отдадите киргиз и из аманатов не отпустите, и мы де от Красноярского острогу, не взяв, не отойдем».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

2. ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В 50—60-х годах XVII в.

продолжение . . .

Так обстояло дело в освещении красноярцев. Иную оценку событиям давал сам правитель Джунгарского ханства, подробно изложивший ее в разговоре с русским послом В. Былиным в начале апреля 1668 г. Следует отметить, что хан Джунгарии принял русского посла весьма холодно и решительно отказался выполнить ставшие уже традиционными требования этикета, выражавшие уважение к русскому царю. Излагая претензии русской стороны, В. Былин говорил о походе Сенге в Киргизию, где его люди грабили многих русских ясачных людей Томского уезда, отнимали у них скот и собирали с них ясак; о том, что Сенге, покинув киргизскую землю, оставил в ней свои войска, которым приказал идти войной на Красноярск; о том, что эти войска нападали на качинцев и аринцев, разграбили их скот и имущество, побили многих красноярских служилых русских людей, а некоторых из них взяли в плен; о том, что позднее от Сенге и Чохура приходили в Томск послы, которые требовали выдачи белых калмыков «и грозили они, посланцы, войною приходить под Томской и под Кузнецкой. И посланцы ваши, Сенгины и Чохуровы, были на Москве двожды, а великим государем о выезжих белых колмыков не бивали челом, и о том в Томской великих государей указу не было».

На это Сенге ответил: «Томсково уезду никаких государевых ясашных людей люди мои не воевали... посылал де я на Красной Яр послов своих к воеводе, что живет под

Красным Яром деда и отца моево есашные люди, и воевода де в том на меня не посердился, что велел я с них есаку просить против прежнево, как они деду и отцу моему давали. И есак и посла моево воевода посадил в тюрьму. И посол де мой сидел три дни в тюрьме. И я де как пошел ис Киргиской земли назад, а людей своих послал с аринцов и с качинцов есак збирать силою, и как де люди мои пришли под Красноярской острог, и воевода де выслал служилых людей, и ночью служилыя люди на мои люди напустили и почали людей моих побивать и колоть. И люди мои побoронились. И великие бы государи велели бы сыскать в руских людех от ково задор учинился, а я де в своих людех стану сыскивать».

Сенге категорически отрицал, что поручал когда-либо своим послам давать за него шерть (присягать) на верную службу и подданство русскому царю. «То де руские люди,— говорил он,— затевают сами, которые преж сево приходили ко мне в послах». Он проявил большую заинтересованность в возвращении ему белых калмыков, заявляя при этом: «Ведаю де я то, что государь по моих телеутов войны не посылал и силою их не взел, збежали они от меня сами, и их бы в Томском и в Кузнецком не велел бы, великий государь, держать и за них своим государевым людем приставать, а я де сам их под Томским и под Кузнецким острогом возьму... а будет де пристанут великово государя люди за тех калмыков — и на меня б не жаловались».

В. Былин предупредил Сенге о возможных тяжелых последствиях такой политики. На это Сенге ответил: «Уж де я шестова посла посылаю к великому государю о телеутах своих, и будет де великий государь не выдаст телеутов моих, и я де буду воевать Томской и Кузнецкой острог, чтоб на меня не жаловались».

В заключение Сенге сообщил В. Былину, что отправляет еще одного посла, Ярему Тарсухая, которого просит пропустить в Москву для переговоров с царем по вопросу о телеутах. Если ему и на этот раз их не выдадут «и впредь бы государева гнева на меня не было, и я де сам стану их доставать, и пойду пот Томской и под Кузнецкой острог войною».

Так объяснял Сенге события 1667 г., так формулировал он свое отношение к вопросу о кыштымах и сборе ясака. Больше всего поражает при этом тон его разговора с посланцем, говорившим от имени русского царя. Таким тоном до Сенге не говорил ни один правитель, ни один владетельный князь Монголии. Чем объясняется такая позиция? Причинами этого являются не только сокрушительный разгром Алтын-хана Лубсан-тайджи, но и несомненное укрепление в ханстве самого Сенге.

В этой связи представляет определенный интерес разговор В. Былина с братом Сенге — «кутухтой» Галда-ном. 6 апреля 1668 г. Галдан пригласил Былина к себе и, узнав от него содержание речей Сенге, сказал: «Мы де, кутухты и лабы, не воинския люди. Во своей Калматцкой земле да усоветана де у нас о том, у всех кутухт и у лаб, чтоб ни в коих землях наши калматцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали, а к великим де государем за наши телеуты выезжия стоять нечево». Но Сенге, как мы видим, не был согласен с мнением своего брата. В ханской ставке В. Былину рассказывали: «Как де наш Сенга-тайши пришел в свою землю, взял Лоджана-царя, и розослал послов своих ко всем тойшам колматцким с похвалою своею и под Астрохань к Урлюка-тайши детем и призывал к себе, чтоб им ити с ним вместе подо все великих государей городы сибирский. И ему де, Сенге, многия люди на токое дело потокнули, а Урлюкая-тайши дети прислали к нему, Сенге, послов своих и велели говорить, что де ты затеваешь не дело, с великим государем хочешь воеватца, что де тебе в поле травы не выкосить и лесу не вырубить, то де тебе у великих государей людей не вывоевать, а притчею де великий государи велят по Иртишу и по Обе-реке свое великих государей городы поставить, а самаму де тебе где будет деватца».

Сообщение В. Былина, по-видимому, правильно отражает борьбу мнений и настроений в среде ойратских феодалов в описываемые годы; нельзя также отказать в дальновидности и в реалистическом понимании обстановки тем, кто здесь назван «урлюкаевыми детьми».

Былин вернулся в Томск в июле 1668 г. С ним действительно прибыл посол от Сенге с письмом на имя царя. Посол заявил воеводе Вельяминову, что прислан за выезжими белыми калмыками. «Будет де государь ис Томсково выезжих белых калмыков не отпустят, и Сенга де тайша под Томской и под Кузнетцкой острог будет войною, а учнет де под Томским городом стоять три годы».

Можно было ожидать, что после столь категорических и решительных заявлений правитель Джунгарского ханства, не получив удовлетворения своих требований, перейдет от слов к делу и начет войну против русских владений в Сибири. Не для этой ли цели оставил он в районах, прилегающих к реке Кемчик, отряды под командованием Даньдзина и Баахана, остававшиеся там до конца жизни Сенге? Но война тем не менее не началась. Мы не знаем причин, помешавших Сенге реализовать свои угрозы. После посольства В. Былина в русско-джунгарских посольских сношениях наступил двухлетний перерыв. Если за четырехлетие с 1664 по 1668 г. было 4 крупных русских посольства к Сенгё, то после В. Былина к хану никого не посылали до 1670 г. Этим в известной мере объясняется отсутствие в источниках сведений о событиях, имевших место в указанные годы. Но как бы то ни было, несомненно, что Сенге не рискнул начать военные действия против России, что никакой войны в смежных с Джунгарией районах Сибири не происходило. Более того, казак Скибин, командированный из Тобольска в начале 1670 г. для вручения

Сенге царского жалования, по возвращении доложил, что хан Джунгарии принял у него это жалование «чесно», т. е. с соблюдением всех требований этикета. Сенге только просил Скибина, чтобы ему вернули шесть подданных, бежавших в пределы России, угрожая в противном случае задержать Сеиткула Аблина, когда тот будет возвращаться из Китая, и повторив свои угрозы пойти войной под Томск, Красноярск и Кузнецк. Вместе со Скибиным в Тобольск прибыли послы от Сенге, от Чохура и от сына последнего. Осенью 1670 г. эти послы были направлены в Москву.

Источники небогаты сведениями об экономическом положении Джунгарского ханства в годы правления Сенге, о его торговых связях с соседними странами. От Сеиткула Аблина, вернувшегося в 1672 г. из Китая, мы узнаем, что в улусе Чохура, дяди Сенге, стали заниматься земледелием. К сожалению, Аблин не говорит ни о площади обрабатывавшихся земель, ни о хлебопашцах. Можно полагать, что и у Чохур-тайши земледелие основывалось на труде крестьян, переселенных или добровольно переселившихся из земледельческих областей Восточного Туркестана, Средней Азии и России. Во всяком случае появление земледелия в улусе Чохура позволяет думать, что эта отрасль сельского хозяйства по сравнению с временем правления Батур-хунтайджи не сократилась, а продолжала расширяться.

Что касается торговых связей Джунгарского ханства, то вполне устойчивыми они были в эти годы только с Россией. Можно без преувеличения сказать, что ойратское население Джунгарии и его хозяйство в рассматриваемое время уже не могли существовать и развиваться без торгового обмена с Русским государством. Каждый случай более или менее длительного перерыва торговли между русскими и ойратскими людьми болезненно отражался на положении обеих сторон, причем в большей степени на положении обитателей Джунгарского ханства, создавая условия для всякого рода политических осложнений. В этом отношении характерен эпизод, имевший место в августе 1672 г. в районе оз. Ямышева, куда из Тобольска прибыла экспедиция за солью во главе с письменным головою Львом Поскочиным. Как выяснилось, ойраты прибыли сюда раньше и ожидали прибытия русских, чтобы начать торговый обмен. «И как из займища на степь ратные люди вышли и хановы, собрався, многие люди, конные и пешие, с ружьем и с копьи, и с луками, и с пищальми дорогу заняли и ратных людей к соли пропустить и соли дать не хотели, а говорили, чтоб им дать торг и купить б у них всякие товары по их цене». Лев Поскочин вынужден был подкрепить ушедшую вперёд группу русских ратных людей полусотней человек, а ойратам велел объявить: «Чтоб они ваших, великих государей ратных людей к озеру пропустили без зацепки, а торг им повольней дан будет в то время как ваши великих государей ратные люди на Ямыш-озере соль возьмут и покупать у них товары станут как цена обдержит... И калмыки смирились, по соль пропустили, и с вашими, великих государей, ратными людьми торговали смирно, безо всякие зацепки».

Иной характер имели торговые отношения Джунгарии с мусульманскими ханствами Центральной и Средней Азии. Купечество этих ханств в течение столетий специализировалось на торговле шелком и другими дорогостоящими товарами, производившимися в Китае, в странах Южной и Передней Азии, а также в Европе. Караванную торговлю с Китаем и русской Сибирью мусульманское купечество вело через территорию Джунгарии, снабжая ойратских феодалов своими товарами (главное место среди них занимали предметы роскоши) в обмен на скот и продукты скотоводства, сбывавшиеся купцами в прилегающих к Джунгарии районах Сибири. В конце концов почти вся торговля Джунгарии, особенно ее владетельных князей, оказалась в руках мусульманского купечества, «бухарцев», как их именуют русские архивные документы. Этим объясняется тот факт, что почти каждое ойратское посольство в Россию имело в своем составе одного-двух мусульманских купцов, доверенных лиц джунгарского хана и владетельных князей.

Торговые связи Джунгарского ханства с Китаем в годы правления Сенге оставались по-прежнему случайными. Биограф Зая-Пандиты сообщает, например, что в 1647 г. хошоутский владетельный князь Торгун-Эрдэни-хунтайджи, собираясь поехать в Тибет на поклонение далай-ламе, приказал собрать много скота, часть которого велел отправить на продажу в Китай. Так же поступил в. 1653 г. Очирту-тайджи, который отправил в Китай 10 тыс. лошадей, чтобы на вырученные от их продажи средства совершить поездку в Тибет.

Эти и подобные случаи лишь подчеркивают тот факт, что между Джунгарским ханством и Китаем торговых отношений фактически не было. Более того, можно смело утверждать, что между ними все еще не было никаких отношений. Это обстоятельство заслуживает быть отмеченным, ибо государство ойратов оставалось единственным монгольским владением, которое упорно отказывалось от каких-либо контактов с Цинской династией, пришедшей к власти в Китае.

К концу 60-х годов XVII в. все владетельные князья Халхи имели уже вполне устойчивые связи с цинским правительством, успевшим к этому времени учредить довольно действенный контроль над их внешней и внутренней политикой. В результате халхаские князья постепенно теряли свою политическую самостоятельность. Ойратские владетельные князья Кукунора во главе с Гуши-ханом еще в 40-х годах встали на путь сотрудничества с Цинской династией, которая всеми мерами старалась привлечь их на свою сторону, подкупая вниманием и щедрыми дарами. Даже ламаистская церковь Тибета во главе с самим далай-ламой вместе и одновременно с Гуши-ханом установила контакт с новой династией, очень быстро уяснившей, что дружба и союз с ламами открывают надежный путь к установлению и упрочению господства маньчжурских феодалов во всех ламаистских странах и в первую очередь в Монголии.

В нашу задачу не входит подробное изложение исторических событий в Тибете в середине и второй половине XVII в., сложных взаимоотношений и борьбы различных феодальных группировок, выступавших в религиозной оболочке двух главных сект — желтошапочников и красношапочников. Эти вопросы, равно как и вторжение в Тибет хошоутского Туру-Байху, установившего господство и стране «желтых» во главе с далай-ламой и его министра по делам светского управления дипы, уже получили более или менее обстоятельное освещение в русской и зарубежной литературе.

Отметим лишь, что Цинская династия с самого начала стремилась превратить ламаистскую церковь в орудие завоевания Монголии. Эта политика проводилась представителями династии весьма последовательно на протяжении всей истории завоевания Монголии. Рокхил, основываясь на китайских источниках, сообщает, что далай-лама, приглашенный цинским правительством, в середине 1652 г. прибыл в Ордос и послал императору маньчжуров Чжу Ю-цзиню письмо с предложением прибыть в Куку-Хото или в Датун для встречи его, далай-ламы. Предложение вызвало переполох в правящих кругах Пекина. В результате был издан указ следующего содержания: «В годы правления императора Тайцзуна (1627—1644) Халха (Монголия) не была подчинена. Учитывая, что все тибетцы и монголы повинуются словам своих лам, далай-ламе было послано приглашение. Но император Тайцзун умер прежде, чем его посол доехал до далай-ламы. В дальнейшем, во время регентства принца Юй далай-ламе было послано новое приглашение... сейчас он находится в пути, сопровождаемый свитой в 3000 человек. Мы желали бы выехать за наши границы для его встречи, но опасаемся, что если он прибудет в страну с такой огромной свитой в год, когда у нас плохой урожай (как нынешний год), то народу будет причинен ущерб. С другой стороны, если мы, послав ему приглашение, не поедем его встречать, то он может вернуться с полдороги в Тибет... В результате этого, Халха откажется нам подчиниться». Далее в указе говорилось, что император предложил своим советникам высказать мнение по существу вопроса. Китайские сановники высказались против поездки императора за пограничную линию (т. е. за Великую стену) для встречи далай-ламы, а маньчжурские сановники — за такую поездку, мотивируя свою позицию тем, что «если император лично встретит далай-ламу, халхасы нам подчинятся, что будет иметь очень положительные последствия; но если далай-лама, будучи приглашен, не будет встречен (лично императором), это будет нехорошо».

В этом документе позиция цинского правительства сформулирована с такой предельной ясностью, что едва ли возникает необходимость каких-либо пояснений. Эта позиция может быть сведена к следующим главным пунктам: а) Халха необходима Цинской династии, Халху надо подчинить; б) ламы вообще, далай-лама в особенности, пользуются исключительным влиянием среди монголов; в) чтобы подчинить Халху, а за ней и всю остальную Монголию, надо привлечь на свою сторону ламаистскую церковь и в первую очередь далай-лам.

Но если важность союза с ламаистской церковью понимали государи Цинской Династии, то в не меньшей мере понимали это и их противники. Укажем для примера на У Сань-гуя, который регулярно в течение ряда лет посылал в Лхасу своих представителей с дарами, стремясь использовать влияние церкви в интересах готовившегося им антиманьчжурского восстания. И это ему в известной мере удалось. Лхаса в 70-х и 80-х годах оказывала тайную поддержку чуть ли не каждому антиманьчжурскому выступлению. Это говорит о том, что среди приближенных далай-ламы были не только сторонники, но и противники Цинской династии.

Ойратские источники изобилуют фактами, свидетельствующими, что ламаистская церковь в Джунгарском ханстве пользовалась не меньшими привилегиями и влиянием, чем в ханствах и княжествах Восточной Монголии. Габан-Шараб рассказывает, что после победы Гуши-хана над противниками далай-ламы все ойратские нойоны как крупные, так и мелкие во главе с Гуши-ханом, Хо-Урлюком и его шестью сыновьями, Батур-хунтайджи, Хундулен-тайшой, Аблаем и дэрбэтовским Тойном «признали далай-ламу своим ламой», т. е. объявили себя приверженцами желтошапочников. Тут же было решено предоставить всем вообще тибетцам свободу передвижения по Джунгарии. В дальнейшем было поставлено предавать смертной казни независимо от титула и звания каждого, кто осмелится похитить что-либо у людей из Тибета. У всех слоев ойратского общества непререкаемым авторитетом пользовался Зая-Пандита. Его биограф сообщает, что Зая-Пандита в конце 40-х годов издал постановление, направленное против шаманов и шаманских обрядов, требуя строго штрафовать как шаманов, так и лиц, пользующихся их услугами; все ойраты почитали Зая-Пандиту «как лучшее украшение страны» за то, что он возвеличил религию Будды и значение Тибета как религиозного центра.

Ойратские владетельные князья и даже их жены наперебой стремились в Лхасу на поклонение далай-ламе которому подносили богатые дары, взамен получая различные почетные титулы. Так Очирту-тайджи стал в 1657 г. Очирту-Цецен-ханом. Но за все годы правления Батур-хунтайджи и Сенге не было ни одного случая посылки кем-либо из владетельных князей Джунгарии своего представителя в Пекин. Источники, правда, рассказывают, что в 1650 (или 1651) г. в составе посольства, отправленного далай-ламой и Гуши-ханом из Тибета в Пекин, каким-то образом оказался представитель хошоутского Хундулен-тайши по имени Соном. но эпизод этот, если он и имел место, прошел незаметно и бесследно.

Нам уже известна антиманьчжурская позиция Зая-Пандиты. Весьма возможно, что отрицательное отношение владетельных князей Джунгарии к вопросу о контактах с Цинской династией было результатом влияния их первосвященника. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что Зая-Пандита предпринял свою вторую поездку в Тибет именно тогда, когда далай-лама собирался в Пикин (1652), причем в дороге они встретились и беседовали. Хотя содержание их бесед нам неизвестно, но нельзя себе представить, что собеседники не затронули вопроса о целях

путешествия далай-ламы и, следовательно, о политике по отношению к Цинской династии вообще. В этой связи невольно возникает вопрос: не является ли высокомерное требование далай-ламы, чтобы маньчжурский император лично явился встретить его далеко за пределами столицы Китая, равно как и бросающаяся в глаза непродолжительность его визита, результатом бесед с Зая-Пандитой? Мы этого не знаем. Но мы знаем твердо, что Зая-Пандита имел немало влиятельных единомышленников при лхасском дворе. Иначе было бы невозможно назначение на пост дипы известного своими антиманьчжурскими взглядами Сандзай-Джамцана, сыгравшего весьма важную роль в событиях конца XVII в., о которых пойдет речь в следующей главе.

Антиманьчжурская направленность внешней политики правителей Джунгарского ханства нам представляется несомненной. Не приходится сомневаться и в том, что такая политика в немалой степени вдохновлялась некоторыми руководящими кругами ламаистской церкви. Это подтверждается и приведенным выше заявлением хутухты Галдана, брата Сенге, русскому послу В. Былину, о том, что среди ойратов всеми хутухтами и ламами твердо решено, чтобы «ни в коих землях наши калмытцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали». Особый интерес этому заявлению придает то, что оно принадлежит Галдану, человеку, который двумя десятилетиями позже был объявлен Цинской династией самым опасным ее противником. Антиманьчжурская направленность внешней политики Джунгарского ханства, т. е. стремление ойратских феодалов сохранить политическую самостоятельность своего государства, неминуемо вела к конфликту, который должен был тем быстрее привести к взрыву, чем быстрее Цинская династия подчиняла своему влиянию Халху.

В этих условиях укрепление внутреннего единства Джунгарского ханства превращалось в одно из важнейших условий успешной подготовки к будущей борьбе за независимость. Мы уже видели, как ламаистская церковь в лице Зая-Пандиты стремилась примирить соперничавших, уладить споры и конфликты, не допустить взрыва междоусобной борьбы. Зая-Пандита поддерживал Батур-хунтайджи, он не отказал в поддержке и его сыну Сенге. Опираясь на помощь церкви и своих союзников из дома хошоутских князей, Сенге удалось преодолеть сопротивление противников и укрепить свою власть в ханстве. Но все его успехи, конечно, не могли разрешить коренных внутренних противоречий, питавших центробежные силы в ханстве и разъедавших его единство. В конце концов Сенге пал жертвой этих противоречий.

В начале 1671 г. в Тобольск, Красноярск и другие сибирские города стали поступать сведения об убийстве Сенге. Житель Кузнецкого уезда, вернувшийся из Джунгарии, сообщил местным властям, что «Сенга-тайши убит в прошлом во 178 (1670) году до ево... приезду, а убил де ево, Сенгу, брат ево родной Маатыр-тайши у нево, Сенги, в юрте, ночью, сонново. И после де ево, Сенги, брат же ево другой Кеген-кутухта

собрався с воинскими людьми, и того убойца брата своего Маатыря-тайши убил и другово брата своего Чечен-тайшу и Чокуровых тайшиных детей побил всех».

В феврале 1671 г. вернулся в Тобольск служилый человек А. Бурчеев, командированный воеводой И. Репниным сопровождать на родину посла Сенге — Аблая. Бурчеев доложил воеводе, что «не дошед де Сенгина дальнего улуса, в Тарском уезде в Барабинских волостях сказывали им Сенгина улуса кочевные люди, что де тайшу их, Сенгу, в улусе брат ево родной Баатыр-тайша убил, а Сенгины де люди ево, Баатыря, и с сыном убили ж, а большой де ево, Сенгин, брат Чечен-тайша из улуса убежал к мугальскому Сайн-контайше с тридцатью человеки, а меньшой брат ево Галдам-кутухта после смерти брата своево Сенги взял за себя жену ево, Сенгину, с людьми и повоевал Чокура-убаши-тайши сына ево Булат-манжи, убежал в улус к тестю своему к Учюрте-тайше, да и люди де ево, Сенгины, кочевные и улусные калмыки розбежались по розным кочевьям и улусам все без остатку».

Убийство Сенге в конце 1670 г. и воцарение Галдана находят подтверждение во многих русских документах. Так, например, тобольский воевода И. Репнин в одной из своих отписок в Москву сообщает, что в Красноярск в конце 1671 г. «присылал ис Черных калмыков ис Сенгина улусу Кеген-кутухта, которой владеет Сенгиным улусом, посланцов своих, а ему де, Алексею (красноярскому воеводе Сумарокову.— И. 3.), на съезжем дворе говорили, что Сенга-тайша убит, а убил брат ево Батур, а Батура убил Кеген-кутухта, и ныне владеет Сенгеным улусом. А мугальской де Лоджан (т. е. Алтын-хан.— И. 3.) стоит на Мугальской земле на Кемчюге, а от ево, Лоджана, стоят в одном днище калмыцкие тайши Должин-Кошючи да Абабан-хан... да он же де, Кутухта Кеген, прислал в Киргизскую землю Ейзана своего Байту-хана, для всякой розправы».

Из показаний наших источников следует, что Сенге был убит в конце 1670 г. в результате заговора, организованного его старшими братьями — Цецен-тайджи и Цзотба-батуром. Имена других заговорщиков и их программа нам неизвестны. Мы знаем только, что заговор имел характер типичного дворцового переворота и народные массы никакого отношения к нему не имели. Наоборот, опасаясь новой вспышки междоусобной борьбы и новых связанных с этим тягот, ойратские трудящиеся предпочли покинуть улус убитого правителя ханства и разойтись в разные стороны в поисках мира и спокойствия. Наибольшего внимания заслуживает факт необыкновенно быстрой, почти молниеносной реакции младшего брата убитого, хутухты Галдана, на действия заговорщиков. Как сообщают монгольские источники, он с согласия далай-ламы или его приближенных снял с себя духовный сан и обрушился на убийц Сенге, не дав им опомниться и организовать какое-либо сопротивление.

* * *

Самыми характерными чертами истории Джунгарского ханства в период правления Батур-хунтайджи и его первого преемника были, во-первых, установление новых форм связи и сотрудничества между центром ойратских владений в Джунгарии и новыми ханствами, образовавшимися в Кукуноре и на Волге; во-вторых, стремление к ликвидации междоусобной борьбы и объединению сил владетельных князей для отражения внешних угроз и для укрепления феодально-крепостнического строя; в-третьих, дальнейшее распространение и внедрение ламаизма, сопровождавшееся усилением влияния церкви, превращавшейся в могущественную экономическую и политическую организацию.

В области внутренней политики Батур-хунтайджи выступил поборником развития на территории ханства собственного земледелия и ремесла, а также строительства очагов оседлости в виде монастырских поселений, добившись в этом деле известных успехов. Наряду с этим он всеми мерами стремился к сохранению мирных взаимоотношений с другими владетельными князьями и к укреплению сотрудничества с ними. В области внешней политики он также не стремился к войнам.

Внешнеполитические цели Джунгарского ханства в рассматриваемое время сводились к борьбе за обладание кыштымами и сбор ясака, с одной стороны с Русским государством, с другой — с державой Алтын-ханов. Не имея возможности навязать свою волю России, правители ханства выдвинули идею двоеданства и двоеподданства, согласно которой обе стороны получали право собирать ясак с местного пограничного населения. Правительство России, также не располагавшее достаточными силами, чтобы навязать джунгарским ханам собственную волю, вынуждено было фактически терпеть этот двоеданнический режим. Что касается Алтын-ханов, то этой династии в ходе борьбы был нанесен сокрушительный удар, от которого она уже не могла оправиться и сошла с исторической арены.

Наиболее важным событием внутренней жизни Джунгарского ханства было принятие так называемых монголо-ойратских законов («Цааджин бичиг»), имевших целью укрепить феодально-крепостнические порядки и господство монгольских феодалов над массой монгольского крестьянства, а также объединить силы и средства ханов и князей для отражения угрозы их политической самостоятельности со стороны маньчжурских завоевателей.

В эти годы растет внутренняя консолидация ханства и укрепляется его внешнеполитическое положение. Кризис конца XVI — начала XVII в. был преодолен. Но именно в это время возникла и стала быстро нарастать угроза со стороны маньчжурских феодалов, пришедших в 1644 г, к власти в Китае и образовавших

Цинскую династию. Владетельные князья Джунгарии были в Монголии в эти годы единственными, кто упорно уклонялся от контактов с цинским правительством. Даже заинтересованность в налаженном торговом обмене с Китаем не могла заставить их изменить отрицательную позицию в этом вопросе. Антиманьчжурская политика правителей Джунгарии поддерживалась и ламаистской церковью Джунгарского ханства и влиятельными ламами Лхасы. Уже в это время в Тибете и Джунгарии зародились и стали развиваться идеи своеобразного панмонголизма и панламаизма, выразившиеся в дальнейшем в планах образования самостоятельного государства под эгидой ламаистской церкви Тибета. Так складывались условия, сделавшие войну между Джунгарским ханством и Цинской империей неизбежной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

Последние три десятилетия XVII в. в истории ойратов — да и не только ойратов, но и многих других народов Центральной и Восточной Азии — связаны с именем Галдана, родного брата Сенге. Редкий автор работ по истории Монголии, Восточного Туркестана, Китая, Сибири, Калмыкии и отчасти Средней Азии не останавливался на личности Галдана и на его роли в истории этих стран. Но подавляющее большинство исследователей вольно или невольно подходило к оценке деятельности Галдана с позиций его противников, с позиций тех, против кого он боролся и воевал. В этом смысле мы можем уверенно сказать, что история жизни и деятельности Галдана еще ждет своего объективного исследователя, который откажет в доверии господствующим в литературе и ставшим почти традиционными представлениям и оценкам, положит в основу своего исследования проверенные, вполне достоверные факты, раскрывающие взаимоотношения Галдана с руководителями ламаистской церкви в Тибете, с владетельными князьями Джунгарии, Халхи и Кукунора, с Цинской династией Китая и властями Русского государства, руководствуясь при этом показаниями надежных источников на китайском, маньчжурском, монгольском, русском и непременно на тибетском языках. Лишь при этих условиях станет возможным объективное освещение исторической роли Галдана, равно как и правильное решение вопроса о характере и историческом значении его войн с халхаскими феодалами в 1688 г. и с Цинской династией в 1690—1697 гг.

Выше мы отмечали, что главным недостатком работ Н. Бичурина об ойратах является его некритическое отношение к китайским источникам, которые он считал единственно возможной базой изучения монгольской истории. Поэтому страницы его труда об ойратах, посвященные Галдану, изобилуют, как мы это покажем ниже, фактическими неточностями и ошибочными оценками. Тем не менее он, заключая обозрение деятельности Галдана, писал: «Галдан Бошохту, образованный в Хлассе для духовного звания, известен остался в истории как-просвещенный государь и

законодатель. Он пополнил Степное уложение («Цааджин бичиг».— И. З.), изданное отцом его Батором-хонь-тайцзи: составил новую систему феодального разделения земель, которым нарочито ограничил и власть и силу прочих трех ханов ойратских, и первый, сколь известно, в Монголии начал отливать медную монету».

А. Позднеев в своих трудах об ойратах базировался главным образом на монгольских, точнее на халхаских, источниках. Его концепция о Галдан-Бошокту-хане и о галдановых войнах, с наибольшей полнотой изложенная в материалах для истории Халхи, основана на показаниях халхаских аймачных хроник, именуемых «Илэтхэль шастра», а также хроники Цинской династии «Шэн у цзи». Но А. Позднеев не обратил внимания на то, что указанные хроники не могут в данном случае претендовать на роль вполне объективных свидетельств, ибо представляют интересы и взгляды открытых противников Галдана; уже одна эта особенность должна была насторожить исследователя и внушить ему необходимость критической проверки их показаний. По собственным словам А. Позднеева, «Илэтхэль шастра» по своему характеру есть не что иное, как сборник формулярных списков всех монгольских князей с обстоятельным перечислением всех их деяний, заслуг, проступков, отличий и пожалований. Дополняемая время от времени, как и формулярные списки наших чиновников, местным начальством, т. е. советом целого сейма халхаских князей, «Илэтхэль шастра» представляется потом к утверждению маньчжурскому министерству, а засим становится официальным документом для суждений о том или ином князе».

Как видим, этот источник обладает специфическими особенностями, вытекающими из его служебного назначения. Они приобретают тем большее значение, что «Илэтхэль шастра» появилась на свет тогда, когда халхаские феодалы уже превратились в верноподданных Цинской династии — хроники были составлены в 1780г., а изданы в 1796 г., после чего дополнялись и переиздавались в 1803 и 1840 гг. пекинской Палатой внешних сношений (Ли фань юань), ведавшей делами застенных владений Китая. Совершенно очевидно, что такие хроники отражали интересы и взгляды не только халхаских феодалов, но и Цинской династии. Вот почему излагать историю ойратов и Галдана, руководствуясь показаниями только этого источника, значит заранее отказаться от объективного рассмотрения событий того времени.

О другом своем источнике — летописи Цинской династии «Шэн у цзи» — А. Позднеев писал: «Считаю долгом сказать, что сочинение это буквально служило для меня руководящей нитью, держась за которую единственно и была возможность разобраться в массе фактов, бессвязно и отрывочно изложенных во всех вообще монгольских летописях». Нет необходимости доказывать, что официальная хроника Цинской династии, написанная через полтора столетия после интересующих нас событий, еще менее, чем «Илэтхэль шастра», может претендовать на роль

объективного источника, свободного от влияний общественных сил, противостоявших ойратским феодалам и их предводителю Галдан-Бошокту-хану.

Не придав значения указанным особенностям своих главных источников, А. Позднеев оказался у них на поводу и дал в целом ошибочное освещение событий монгольской истории конца XVII в., связанных с деятельностью Галдан-Бошокту-хана. Концепция А. Позднеева в основных чертах сводится к следующему. Галдан, с малых лет воспитывавшийся у далай-ламы, в 1671 г. получил разрешение оставить духовный сан и отомстить убийцам своего брата Сенге. Галдан напал на них и предал смерти, «а потом овладел всем имением и землями Сенге, прямой наследник которых Цэван-Рабдан с семью приближенными слугами своего отца бежал в Турфан». Из Турфана Цэван-Рабдан отправил к императору Сюань Е послов с просьбой принять его в подданство. В дальнейшем Галдан, движимый властолюбием, завершил «объединение под своей властью племен древнего ойратского союза», преследуя и истребляя всех, кто пытался воспротивиться его воле. Усилившись, он овладел Восточным Туркестаном, после чего стал готовиться к завоеванию Халхи. В 1688 г. он напал на нее. Цинское правительство всеми мерами старалось удержать Галдана от нарушения мира, а когда война все же стала фактом — прилагало усилия к скорейшему примирению враждующих сторон. Но Галдан не хотел мира. Вторгнувшись в пределы Китая, он принудил Сюань Е взяться за оружие. Так началась маньчжуро-ойратская война, закончившаяся разгромом Галдана него самоубийством. В результате агрессивной политики Галдана Халха была вынуждена отказаться от политической самостоятельности и перейти в подданство Цинской империи. Упрекая халхаских феодалов за их неспособность прекратить междоусобную борьбу, А. Позднеев писал: «Но не от взаимной междоусобной смуты суждено было, однако же, пасть Халхе, потерять свою независимость и признать себя рабою чуждого владычества. Падение ее, совершившееся не далее как в следующием 1688-м году, обусловливалось внешнею причиною и именно новым нападением со стороны чжунгаров; что же касается усобицы, то она только ослабила Халху и тем дала возможность неприятелю с большею легкостью покорить ее». В одном из своих писем к Н. Веселовскому А. Позднеев возвращается к этой теме: «Что разорило Халху вконец, как не чжунгарские походы? Что привело халхасов к совершенной потере самостоятельности и к подчинению маньчжурам, как не те же нападения соплеменных чжунгаров».

Итак, джунгарские походы, единственной причиной которых были властолюбие и страсть Галдана к завоеваниям, обусловили разорение Халхи и ее подчинение власти Цинов; если бы не было Галдана с его властолюбием и агрессивной внешней политикой, Халха могла бы сохранить свое благосостояние и политическую самостоятельность. Лишь такой вывод возможен из рассуждений А. Позднеева.

Но эти рассуждения ошибочны. Им явно не хватает глубины и широты анализа, они сужают проблему, сводя ее по сути дела к вопросу об особенностях характера Галдана и о его личных отношениях к тому или иному владетельному князю; они идеализируют личность и политику императора Сюань Е, наделяя его идеальными чертами справедливого, миролюбивого и мудрого монарха— отца своих подданных.

Мы остановились более или менее подробно на концепции А. Позднеева потому, что она наиболее последовательно развивает мысли, господствовавшие в литературе XIX и отчасти XX вв. Его общая эрудиция, превосходное знание монгольского языка, несомненные заслуги в развитии русского и мирового монголоведения послужили причиной того, что многие авторы с доверием отнеслись к приведенным выше рассуждениям и в собственных работах воспроизводили их и ссылались на них. Так, в частности, обстоит дело с соответствующими разделами в трудах Г. Грум-Гржимайло, В. Бартольда, К. Пальмова и некоторых других.

Забегая вперед, мы должны сказать, что не разделяем концепции А. Позднеева. Мы не считаем Галдана, особенности его характера, его личные симпатии и антипатии, его взаимоотношения с тем или иным монгольским правителем главной и тем более единственной причиной драматических событий, обусловивших войну 1688 г. и включение Халхи в состав Цинской империи. Мы считаем его не столько автором и творцом этих событий, сколько исполнителем воли и планов других, гораздо более могущественных сил, стремившихся к образованию независимого от Цинской династии объединенного монгольского государства, которое включало бы в себя все или почти все районы с населением, говорившим на монгольском языке и исповедовавшим ламаистскую религию. Центр и главный штаб этих сил находился в Лхасе, в ближайшем окружений далай-ламы. Решающей силой, противостоявшей этим планам, была Цинская династия. Не халхаскпе феодалы были главным препятствием на пути реализации планов Галдана и его вдохновителей, а Цинская империя. Если Лхаса, как это будет видно из дальнейшего, направляла деятельность Галдана, то императорский дворец в Пекине в такой же мере являлся центром, поддерживавшим сепаратизм халхаских феодалов, стремившимся использовать раздробленную Халху с целью сорвать планы создания объединенной Монголии под эгидой верховного ламы Тибета. Перед нами несомненный конфликт двух противоположных сил и тенденций: с одной стороны — панмонгольские, а возможно и панламаистские устремления некоторых руководящих кругов церкви в Тибете, с другой — экспансионистские планы маньчжурских и китайских феодалов, заинтересованных в захвате всей Монголии и в первую очередь Халхи. Выражением этого конфликта и явились политика и конкретная деятельность Галдан-Бошокту-хана, с одной стороны, и его халхаских противников во главе с Тушету-ханом Чихунь Доржи — с другой.

Таково наше понимание смысла и внутреннего механизма исторических событий в Монголии в конце XVII в. Главным источником, дающим обильный фактический

материал для такого обобщения, является официальное маньчжурское описание войны против Галдана—коллективный труд, выполненный непосредственно после окончания войны коллегией ученых и сановников, специально назначенных именным указом Сюань Е. Этот труд был лично просмотрен и одобрен императором, снабдившим его собственноручно написанным предисловием. Предисловие датировано 1709 годом (12-й месяц 48 года Канси). Объем труда огромен: в нем более 3 тыс. страниц, разделенных на пять частей и 48 книг. Главная ценность этого источника заключается в том, что он совершенно свободен от каких-либо авторских рассуждений, предположений и оценок. В нем нет ничего, кроме официальных документов—императорских указов, личных писем Сюань Е к его сыну и наследнику, множества донесений военных и гражданских должностных лиц, не исключая всякого рода тайных агентов, переписки Сюань Е с далай-ламой и другими высшими иерархами ламаистской церкви, с Галданом, Цэван-Рабданом, Тушету-ханом и множеством других лиц. Изложение событий начинается с 1677 г. и доводится до 1698 г. Две главные особенности выгодно отличают этот труд от «Шэн у цзи» и многих других китайских исторических сочинений: он написан по свежим следам недавно закончившейся войны и является собранием громадного документального материала, приводимого не в выдержках, а полностью и, как правило, без каких-либо пропусков.

Этот источник известен нам в неопубликованном переводе, выполненном в Петербурге в 1750 г. прапорщиком Илларионом Россохиным, озаглавившим его «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» 12. Официальный характер издания — его явно пропагандистская направленность, рассчитанная на прославление Цинской династии вообще, императора Сюань Е в особенности, на принижение и всяческое разоблачение противников Цинского дома и в первую очередь Галдана — служит достаточной гарантией, исключающей возможность просачивания в него каких-либо монголофильских и тем более ойратофильских настроений. Это дает нам право с полным доверием относиться к подавляющему большинству фактов, сообщаемых «Историей о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа».

У нас есть основания полагать, что указанный источник был известен и А. Позднееву. В предисловии к «Эрдэнийн эрихэ», говоря о маньчжурской литературе по истории монголов, он в числе других называет «Варги амарги ба-бо нэцихэмо токтобуха бодохони битхэ» («Умиротворение и присоединение Северо-Западного края»), которое «представляет собой капитальнейший источник для исследований о маньчжуро-халхаскпх войнах с чжунгарами, или собственно с Галданом-бошокту в царствование императора Канси. Сказания о войнах с Галданом это сочинение начинает с 16 года правления Канси и доводит их по 38 года того же правления». Судя по содержанию и хронологическим рамкам, указанное А. Позднеевым произведение представляет собой маньчжурский оригинал сочинения,переведенного И. Россохиным на русский язык. Непонятно только, почему А. Позднеев сам не использовал этот «капитальнейший источник», почему он

предпочел ему «Шэн у цзи», впервые изданный в 1842 г., в котором, как отмечал он сам, история монголов занимает всего лишь одну главу, а истории похода Сюань Е против ойратов отведен в этой главе всего лишь один раздел из четырех?

Упомянутая выше история маньчжуро-ойратских войн была вначале написана на двух языках — маньчжурском и китайском. Это видно из донесения, адресованного императору составителями.

Если И. Россохин перевел от начала до конца это грандиозное по объему произведение с маньчжурского текста, то другой русский востоковед XVIII в. А. Леонтьев, имея дело с китайским текстом, сделал из него сравнительно небольшое извлечение, которое перевел на русский язык и издал в 1777 г. под названием «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами». Работа А. Леонтьева довольно широко известна специалистам, в литературе на нее делались и делаются ссылки, тогда как труд И. Россохина остается до сих пор труднодоступным и очень мало кому Известным. Интересно, что даже А. Позднеев в своих материалах для истории халхасов, ссылаясь иногда на «Уведомление» А. Леонтьева, ни разу не использует «Историю» И. Россохина.

Вторым важным источником, использованным нами, являются русские архивные документы, которые здесь, как и в других случаях, дополняют или уточняют сведения из монгольских, маньчжурских, ойратских и других источников, а иной раз служат им подтверждением.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГАЛДАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ. ВОИНА 1688 г.

Источники не раскрывают полностью событий первых пяти-шести лет правления Галдана. Нам известны пока далеко не все обстоятельства, способствовавшие приходу к власти 26-летнего молодого человека, вчерашнего ламы, не имевшего ни собственного домена ни своих войск. Мы не знаем, кто именно и в каких конкретных формах оказал ему помощь в борьбе против других претендентов на ханский трон, среди которых были достаточно влиятельные и могущественные правители хошоутских, дэрбэтских, чоросских и других владений. Несомненно лишь, что Галдан не мог бы рассчитывать на победу в этой борьбе, если бы не пользовался поддержкой и помощью церкви, Только благодаря ей Галдан уже осенью 1671 г. смог в качестве правителя Джунгарского ханства принять возвращавшегося из Китая в Россию Сеиткула Аблина и отправить с ним своих послов в Россию.

Аблин, прибыв в октябре 1671 г. в Тобольск, представил воеводе Репнину доклад, в котором писал, что еще в пути он узнал об убийстве Сенге, но что он и его спутники были должным образом встречены и приняты Галданом и Араптаном (т. е. Цэван-Рабданом). Воевода Репнин в свою очередь докладывал в Москву о возвращении Аблина, добавляя со слов последнего, что «для провожания вышние великих государей казны послали с ними до Тобольска и до Москвы тайши Гаган да Араптарь посланцев своих Маметелипа да Чадыра... И на посольстве те калмыцкие послы Маметелип и Чадыр сказали: — Прислали де тайши их с листом и проводить вашу государеву казну и Сеиткула Аблина с товарыщи до Тобольска и до Москвы, а листа де им в Тобольску подать нельзя для того, что велели им тайши их тот лист подать вам, великим государям, на Москве».

Тайша Раптарь, или Араптан, упоминаемый рядом с Галданом,— это Цэван-Рабдан, сын Сенге и племянник Галдана. А отсюда следует, что лишена основания и версия А. Позднеева, будто Галдан отнял трон у Цэван-Рабдана, являвшегося прямым наследником Сенге, после чего тот принужден был бежать в Турфан. В первые годы после убийства отца Цэван-Рабдан поддерживал Галдана. Их размолвка и начало вражды относятся к более позднему времени, что подтверждается, как мы увидим ниже, и показаниями самого Цэван-Рабдана.

Одной из первых забот Галдана было достижение соглашения с правительством России по вопросу о сборе ясака. Еще в своем первом письме красноярскому воеводе Сумарокову летом 1671 г. Галдан, сообщая об убийстве Сенге, отстаивал свое право собирать ясак с населения, бывшего когда-то кыштымами ойратских владетельных князей добавляя при этом, что не имеет ничего против того, чтобы и русские власти получали с этого населения ясак. В одной из своих отписок Сумароков докладывал Сибирскому приказу: «В прошлом, государь, в 175 (1667.— И. З.) году приходил калмытцкой Сенга-тайша с воинскими людьми на мунгальского царя Лоджана-Саин-кон-тайшу и его де, Лоджана, взял и людей его побил. И на той Лоджанове земле Сенга-тайша оставил дву тайш своих Донжина Кожечю да Абахан-хан, а Воинских людей, калмыков, с ними оставил 5000, и стояли те тайши за рекою Кемчюгом. И в нынешнем, государь, во 180 (1672 — И. З.) году перелезли р. Кемчюк те тайши с воинскими людьми и стали по сю сторону реки, от Киргиской земли во шти днищах... И до нынешнего, государь, 180 года те тайши Донжин Кожечи и Абахан-хан в Красноярской посланцев своих не присылывали, а в нынешнем, государь, во 180 году те тайши присылали трижды в разных месяцах посланцев своих, и те их посланцы двои говорили речью, а тре[тей] посланец подал мне на съезжем дворе Донжина Кожечи письмо... и в письме написано и речью говорили то ж мне, холопу твоему, чтоб Донжину Кожечи и Абахану подгородные татаровя качинцы и аринцы, и камасинцы, и канские, и со всех землиц тайшам дали ясак». В противном случае эти военачальники угрожали применить оружие. Документы этих лет подтверждают, что в начале правления Галдана вопрос о сборе ясака оставался столь же острым, как и в конце правления его предшественника — Сенге.

Домогательства ойратских правителей, подкрепленные демонстрацией мощи 5-тысячного гарнизона, имели своим результатом фактическое сокращение ясачных поступлений в русскую казну. Осенью 1672 г. новый красноярский воевода Хрущов докладывал, что к нему прибыл посол от тайши Донжина, вручивший письмо от Кегеня (т. е. от Галдана) с извещением об отправке купеческого каравана. Посол говорил также, что «контайша Кегень пришол со своей земли на Мугальскую землю с калмыцкими людьми и стал де на Кемчюге реке от Красноярского в 10-ти днищах, и стоять Де ему тут и зимовать... И то дё знатно, что им, калмыцким тайшам, с киргизы и с тубинцы приходить под Красноярской острог и на уезды войною, потому что присылают они, тайши, посланцов своих безпрсстанно, чтоб ясашные люди качинцы и аринцы, и канские, и камасинские, и удинские им, тайшам, ясак платили».

Летом 1673 г. из Красноярска вновь писали, что туда прибыл от «кеген-кутухты» посол Мыш, который заявил воеводе, что «Кеген учинился на сенгино место и пришол со всеми своими воинскими людьми на Мугальскую землю, где стоял Лоджан, а воинских де людей с ним 10 тысяч. Да посланец же де говорил Алексею: которые ясачные люди ясак платят великому государю в Красноярской, и те б люди ясак платили ему, Кегеню, а будет платить не станут, и Кегень будет под Красноярской войною». Из этого документа видно, что осенью 1673 г. Галдан покинул берега Или и перебрался в верховья Енисея, откуда продолжал сноситься с местными сибирскими властями, отстаивая свое право на сбор ясака с местного населения, не возражая в то же время против того, чтобы и русская казна взимала с этого населения свой ясак.

Местные русские власти опасались, что Галдан сконцентрирует войска в пограничной зоне, желая вторгнуться в русские пределы и силой оружия решить вопрос о ясаке в свою пользу. Но эти опасения были неосновательны. Галдан не хотел войны с Россией. Напротив, он искал возможности договориться с русскими властями, предлагал узаконить двоеданство, т. е. право обеих сторон собирать в свою пользу ясак с бывших ойратских кыштымов, перешедших в подданство России. В декабре 1672 г. в Тобольск вернулся И. Карвацкий, который годом раньне был командирован для сопровождения на родину посла Сенге Неуруса, возвращавшегося из Москвы, а также для вручения царского жалованья хану Джунгарии. И. Карвацкий доложил, что Сенге был убит до их приезда и что жалованье, ему предназначавшееся, было передано гэгэну. «И Гаган-тайша ваше великих государей жалование принял честно». Галдан просил, чтобы ему были возвращены подданные, откочевавшие в прошлые годы от ойратских князей в пределы России. Он жаловался также на то, что сибирские власти не желают пропустить в Москву его посла Девлет Шиха, несмотря на его службу русскому царю, на оказанную им помощь Сеиткулу Аблину. «Да он же говорил: б уде де ево, Девлет Шиха, и прежних посланцов Зайсана и Чадыра к вам, великим государям, к Москве с листы и с подарки не отпустят, и впредь де вашим государевым послом, хто будет к тайше их посланы и которые приедут для торгу, быть задержанным».

Москва приказала не задерживать послов Галдана и отправить их в столицу. Будучи на приеме в Посольском приказе, они жаловались: «Приехали де они в Тобольск в прошлом во 179 (1671.— И. 3.) году, и в Тобольску де боярин и воевода князь Иван Борисович Репнин с товарыщи держали их 3 года». 1 августа 1673 г. послы вручили Посольскому приказу в Москве два письма от Галдана. В одном из них было написано: «Род де их издавна прежним великим государем царем и великим князем Росийским служили и послов своих безпрестанно присылали. И он, тайша, последствуя предком своим, к великому государю посла своего Зайсана послал о том, чтоб великий государь пожаловал ево, не велел сибирским боярам и воеводам людем ево никаких налог чинить, чтоб о том в ыных гоударствах ведомо не было». Во втором письме Галдан писал: «После де смерти брата ево, Сенги-тайши, учинился тайшей он, Галдан-тайша, и послал к великому государю посланника своего Зайсана, и его вскоре к Москве не отпустили и учинили задержание в Сибири. И как ему о том учинилось ведомо, и он послал к великому государю другово своего посланника Иркебека проведать подлинно о Зайсане и от кого задержание ему учинилось».

Мы располагаем весьма скудными данными об этом посольстве. Отсутствие материалов не позволяет нам проследить ход и установить исход переговоров между послами Галдана и правительством России. В одном из документов дается, однако, более подробное изложение писем Галдана и речей его послов. Так, например, в первом письме Галдан сообщал, что при его брате, Сенге, царские люди взимали ясак с его подданных, но «того он ныне себе в досаду не ставит», хотя раньше этого и не бывало. Сенге по этому поводу посылал в Москву послов, но безрезультатно. Теперь место Сенге занял он, Галдан, который также послал одного посла, но его в Москву не пропустили. Узнав об этом, Галдан направил нового посла.

В другом письме Галдана говорилось, что калмыцкий народ прежде служил русским царям; сейчас Галдан отправляет своего посла изложить царю обиды, которые чинились русскими властями хану Сенге в сборе ясака, и выяснить, знает ли об этом царь? «А их де люди,— писал Галдан,— живут близко от Тобольска и к службе великого государя всегда готовы». О прочих делах Галдан поручил послу говорить устно. Устная же речь джунгарского посла сводилась к тому, что дед, отец и брат Галдана служили русским царям, что место Сенге занял Галдан, который до этого был хутухтой. Галдан существенно помог Сеиткулу Аблину, который проезжал через его владения вскоре после его воцарения. Аблай-тайджи дал Аблину провожатых до Китая. Вскоре, однако, на улус Аблая напал его старший брат Очирту-Цецен-хан. Узнав об этом, сопровождавшие Сеиткула аблаевы люди были в большом смятении. Тогда представитель Галдана Зайсан, «видя их в таком опасении, покиня людей своих, ездил с ними для людей и для подвод под государеву казну к тайше своему. И тайша де, служа великому государю, людей с ними в провожатых посылал и подводы дал. А он де, Зайсан, великого государя с казной и с Сеткулом ехал вместе

до китайского государства, а ис китайского государства до Тобольска». Из Тобольска Аблин поехал в Москву, а его, Зайсана, воеводы более трех лет держали в Тобольске.

Версия о помощи, оказанной Галданом Аблину, не вполне совпадает с докладом самого Аблина и является, вероятно, преувеличением. Но слова посла сами по себе представляют интерес, свидетельствуя о стремлении Галдана заслужить расположение Москвы, а также о новой войне между Очирту-Цецен-ханом и Аблаем в 1668—1671 гг.

Что касается письма Цэван-Рабдана, то оно целиком повторяло содержание писем Галдана. Новым в нем было лишь напоминание о 60 семьях белых калмыков, плативших его отцу Сенге ясак, но потом изменивших и бежавших к Томску. Эти люди при жизни Сенге не были возвращены, поэтому Цэван-Рабдан просил вернуть ему перебежчиков. Письмо в свою очередь подтверждает, что Цэван-Рабдан в первые годы правления Галдана сотрудничал с ним и поддерживал его. Разрыв произошел позже.

Москва ответила на представление Галдана о ясаке довольно решительно. Его послам, приглашенным в октябре 1673 г. в Посольский приказ, было разъяснено, что русские подданные не могут платить ясак Галдану. «А он, тайша, подданный царского величества, и он бы, тайша, ясаку с них не имал и тем на себя гневу царского не наводил». Послам сказали также, что царю известно о перекочевке Галдана со всем его улусом со старых кочевьев в киргизскую землю в Сибирь и о намерении Галдана объединиться с киргизами и тубинцами с целью напасть на Томск, Кузнецк и Красноярск. Пусть послы, вернувшись домой, скажут своим тайшам, чтобы те жили с русскими людьми в мире. Одновременно в Сибирь был послан указ, повелевавший направить к Галдану «доброе» посольство с письмом и дарами, а также пропускать впредь его послов в Москву без задержки, если он будет о том просить.

В начале 1674 г. в Москву прибыло многочисленное посольство от Очирту-Цецен-хана, Чохур-убаши, их сыновей и других родственников. Материалы посольства дают основание утверждать, что конфликт между Галданом и указанными владетельными князьями возник раньше, чем обозначился разрыв с Цэван-Рабданом. В феврале 1674 г. послы вручили в Посольском приказе письма от своих правителей. Чохур-убаши в своем письме жаловался на то, что во время его поездки на богомолье в Тибет на его улус напал Галдан, которого он именует расстригой-хутухтой. Он писал, что Галдан землю его «с пашнями и с людьми разорил... земля моя совсем разорена, а я в своей земле был старожилец». Из письма видно, что Галдан напал на улус Чохура не раньше осени 1671 и не позже лета 1673 г. Мы не знаем точно, что явилось причиной конфликта между Галданом и его дядей, но

факт совместного посольства хошоутского Очирту-Цецен-хана и чоросского Чохур-убаши свидетельствует о том, что симпатии этого Цецен-хана были на стороне Чохура, а не Галдана. Можно думать, что их объединяла одинаковая оценка деятельности Галдана. В пользу этого предположения говорят факты.

Посольство 1673 г. положило начало новой полосе оживленных дипломатических отношений между Джунгарским ханством и Русским государством. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1671—1680 гг. от Галдана в города Сибири и в Москву было направлено не менее шести посольств; к нему же из сибирских городов и из Москвы — не менее четырех.

Русские власти, заинтересованные в ликвидации напряженного положения в пограничной зоне, принимали меры к тому, чтобы не допускать возникновения инцидентов по вине русской стороны. Характерен случай, нашедший отражение в русских архивных материалах. В августе 1678 г. тарский воевода направил к Галдану сына боярского Петра Романовского заявить по поводу набега на ойратские улусы, произведенного местными ясачными жителями, «чтобы тайши об таких чиненных набегах от тарских татар не гневались... те воры пойманы и наказаны».

Не менее характерен и другой случай, на этот паз из практики торговых отношений между Россией и Джунгарским ханством. Местные сибирские власти не раз жаловались Москве на то, что послы ойратских владетельных князей, освобожденные от таможенного досмотра и пошлин, злоупотребляют этой льготой, чем наносят ущерб казне. Учитывая это обстоятельство, но не желая вместе с тем давать повод для нового обострения отношений, тобольские власти еще в 1670 г. издали распоряжение об обязательном осмотре товаров, привозимых ойратскими послами, и взимании пошлин не с них, а с русских купцов, покупающих эти товары, «по гривне с рубля, по гривне с коня и коровы, по 5 коп. с овцы».

В 1678 г. в Тобольск прибыло посольство от Галдана во главе с Себевди-ходжой и Шара-Мергеном. Вместе с ними из Джунгарии пришел купеческий караван. Послы вручили воеводе письмо Галдана, в котором тот писал о своем стремлении, «чтоб пограничный соседственный союз держать и задоров на границах не было». По просьбе Галдана Себевди-ходжа был направлен в Москву в сопровождении Г. Вакулина.

Себевди-ходжа в июле 1679 г. был принят дьяками Посольского приказа, в беседе с которыми он заявил, что «Галдан-тайша с людьми царского величества ссор никаких не желает, для того и его, посланца, к великому государю послал бити челом, чтоб про то розыскать, кому от кого обиды чинят». В заключение беседы Себевди-ходжа сообщил, что улус Очирту-Цецен-хана перешел в руки Галдана.

Свою готовность устранить препятствия, мешавшие налаживанию добрососедских отношений с Россией, Галдан продемонстрировал вскоре же после возвращения к нему Себевди-ходжи. В июне 1680 г. он направил в Кузнецк специального посла с заданием выяснить, кто повинен в имевших место инцидентах. В беседе с кузнецким воеводой И. Давыдовым этот посол заявил, что Галдан хочет довести до конца расследование, установить и наказать виновных, возместить ущерб и т. д. Расследование, произведенное ойратским представителем, показало, что виновником инцидентов в районе Кузнецка был киргизский князь Ереняк.

Русские архивные материалы позволяют выяснить общее направление политики Галдана по отношению к России в первое десятилетие его правления, равно как и некоторые важные события внутренней жизни Джунгарского ханства за эти годы. Энергично отстаивая вначале права ойратских феодалов на их бывшие кыштымы и на сбор с них ясака, подкрепляя иногда свои требования угрозой применить оружие, Галдан постепенно смягчал свою позицию по спорным вопросам, добиваясь чем дальше, тем более настойчиво налаживания добрососедских отношений с Русским государством. Как мы увидим ниже, эта задача с течением времени все явственнее приобрела характер главной в его внешней политике на северных рубежах Джунгарского ханства. Русские источники за указанные десять лет не зарегистрировали ни одного вооруженного столкновения с ойратскими войсками, предпринятого по инициативе хана Джунгарии. Совершенно очевидно, что главные цели внешней политики ханства лежали не на севере и не сводились к вопросу о кыштымах и ясаке. Если Сенге считал задачу возвращения кыштымов и беспрепятственного сбора с них ясака главной целью своей внешней политики и готов был ради них пойти на любое обострение отношений с Россией, то Галдан, как мы убедились, готов был пожертвовать и кыштымами и ясаком, лишь бы укрепить дружественные отношения с этой страной, настойчиво добиваясь впоследствии военного союза с ней.

Мы можем считать установленным, что в первые годы своего правления Галдан дружил и сотрудничал с прямым наследником Сенге Цэван-Рабданом; что одной из первых жертв его деспотической власти был родной дядя — Чохур-убаши, что первое нападение на улус Чохура было произведено в промежутке между осенью 1671 и летом 1673 г., что к 1678 г. Галдан расправился с Очирту-Цецен-ханом и подчинил себе его владения.

В 1677 г. Голдан впервые вступил в дипломатические связи с цинским правительством. Он отправил в Пекин официальное посольство «с данью и грамотой», принятое там с большими почестями и щедро награжденное. В связи с тем что это посольство из Западной Монголии было первым после двухвекового перерыва и что оно должно было положить начало дипломатическим отношениям

между империей и ойратским владением, источник сообщает некоторые сведения об ойратах и о Галдане. Об ойратах мы читаем: «А хотя живут они по разным местам и потому имеют разные названия, то однако ж произошли от одного поколения». Это поколение источник называет «элет» или «элут» (т. е. ойрат). О Галдане же сообщается, что он «во младенчестве своем, оставя свой дом, к Далай-ламе ушел и там духовный чин ламства принял... Между его братьями, которые родились от другой жены его отца, а именно Чечень и Батур называемых, с помянутым его большим братом Сенге в разделе имения и пожитков великая ссора произошла, по которой сего законного наследника оные Чечень и Батур ночью нечаянным нападением убили и все его владение привели в такой великой мятеж, что Далай-лама обратно Галдана для успокоения сего мятежу и подданных послать принужден был».

Мы привели эту довольно длинную выдержку для того, чтобы отметить мысль о географической и политической, но отнюдь не этнической основе разделения ойратского населения на отдельные владения и чтобы подчеркнуть факт специальной посылки Галдана в Джунгарию далай-ламой для наведения порядка в Джунгарском ханстве в связи с убийством Сенге.

Выше мы приводили указание одного из русских документов о том, что убийство Сенге повлекло за собой бегство аратов от феодалов. Мы склонны думать, что за этим лаконичным сообщением скрывается довольно широкое и бурное движение трудящегося ойратского населения, которое в бегстве решило искать спасения от надвинувшейся беды. Свидетельство нашего источника о том, что далай-лама отправил Галдана для успокоения подданных, следует понимать как поручение навести порядок среди князей и подавить классовое сопротивление трудящихся.

В пользу нашего предположения говорит тот факт, что Галдан в. 1678 г., вскоре после своего прихода к власти, обнародовал указ, имевший целью навести жесткий административный порядок в ханстве, укрепить крепостнические отношения, прекратить «воровство» и свободное передвижение трудящихся по территории ханства. Указ повелевал: «...десятью кибитками должен заведывать один, и заведующий должен иметь свои 10 кибиток в распоряжении; об учинении воровства (десятский) должен объявить, если не объявит, то обрубить ему руки, а других, его (людей) заковать в железо... Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собой смешавшихся, должны собирать; если они без отоков (не входят в состав отока), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки».

Другой пункт этого указа гласил: «Если какие-либо люди, живущие в определенном им отоке, переменят (местожительство), то за людей целого аймака с управляющего им (аймаком) должно взять девяток (9 голов скота.—И. З.). Кто, не послушавшись слов управляющего (аймаком), отделится от своего аймака и

переменит (местопребывание), с того взять девяток. Кто скрывающегося из своего отока или аймака человека доставит в его аймак, тот имеет получить с управляющего им (аймаком) лошадь, с других же столько баранов, сколько было (в аймаке) юрт... Кто, поймав перебежчика, доставит его к князю, тот имеет получить» определенное вознаграждение.

Указ требовал от владетельных князей твердого руководства деятельностью подчиненных им дэмчи (старший над четырьмя десятками аратских семей), обязывая их неуклонно наблюдать за состоянием и поведением аратов, следить за выполнением распоряжений властей, бороться против бродяжничества, организовывать помощь не имеющим средств к существованию и т. д.

Заслуживает внимания статья указа о долгах и расчетах по ним. «Долги, (взятые) ранее года лошади (1654); касающегося Батур-хунг-тайджия, оставляются (т. е. аннулируются.— И. З.); но следующие за тем долги, если сделаны при свидетелях, должны быть взысканы, а если сделаны без свидетелей, то оставляются (т. е. не взыскиваются.— Я.З.)».

Таково содержание указа Галдана. Оно охватывает широкий круг административных вопросов, а также - социальных отношений внутри ойратского общества. Руководящей идеей указа является укрепление феодального правопорядка и прерогатив центральной ханской власти. Время его опубликования точно неизвестно, но, по данным Голстунского, он обнародован не позже 1678 г., т. е. в тот именно период, когда главной задачей было «наведение порядка» в ханстве. Мы вправе рассматривать указ как прямое и непосредственное следствие того «беспорядка», устранить который он был призван, т. е. неподчинения владетельных князей распоряжениям центральной ханской власти неподчинения трудящихся распоряжением владетельных князей, посягательств крестьян на собственность феодалов, именуемых в указе «воровством», ослабления крепостнических привилегий князей и т. п. И Галдан оправдал надежды, возлагавшиеся на него ойратскими феодалами. Он твердой рукой подавил «беспорядки», укрепил центральную ханскую власть и, сломив сопротивление своих главных противников — Чохур-убаши и Очирту-Цецен-хана, превратился в единодержавного правителя ханства.

В 1678 г. Галдан овладел Восточным Туркестаном. Мы не видим необходимости подробно излагать события, обусловившие присоединение этого богатого и культурного края к Джунгарскому ханству. Они подробно освещены в трудах Ч. Валиханова и В. Бартольда, в распоряжении которых были оригинальные и вполне достоверные источники. Отметим лишь, что подчинение мусульманских владений Восточного Туркестана хану Джунгарии явилось результатом, с одной стороны, внутренней борьбы в этих владениях, а с другой — вмешательства руководителей ламаистской церкви в Тибете. «Кашгарский хан Измаил,— писал Ч. Валиханов,—

ревностный Черногорец, принудил Аппака оставить свое отечество; ходжа пробрался в Кашмир и оттуда в Тибет, представился Далай-ламе и успел так ему понравиться, что тот отправил его к Джунгарскому хон-тай-дзи Галдану с письмом, в котором просил его, Галдана, утвердить Аппака в Кашгаре и Еркенде. Галдан, пользуясь этим случаем, в 1678 г. покорил Малую Бухарию и сделал Аппака своим наместником».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГАЛДАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ. ВОИНА 1688 г.

приложение . . .

Примерно то же говорит об этих событиях и В. Бартольд, отметивший наличие расхождений в источниках и литературе относительно датировки указанных событий. По одним данным, они произошли в 1678 г., по другим—в 1679, по третьим—в 1682, по четвертым —в 1683. Учитывая, что в начале 80-х годов Галдан уже был полностью поглощен делами Халхи, следует думать, что подчинение Восточного Туркестана было им осуществлено в 1678—1679гг.

К этому времени завершилась и борьба Галдана с Очирту-Цецен-ханом. В августе 1678 г. цинские власти провинции Ганьсу допрашивали Дархан-хасиха, одного из подданных Очирту-Цецен-хана, попавшего в плен к Галдану, а затем бежавшего. «Оной Дархан-хасиха сказывал им, что как Галдан убил их владельца Очирту-хана, то он второй луны сего году своим зажиточным людям приказал взять по 10 лошадей, по 3 верблюда и по 10 баранов, а скудным и не весьма зажиточным по 5 лошадей, по 1 верблюду и по 5 баранов, и с тем своим войском из своей земли в поход выступил. А куда он намерен итти, того он, Дархан-хасиха, подлинно не знает».

Свидетельство Дархан-хасиха позволяет точно установить, что разгром Очирту-Цецен-хана произошел в 1676—1677 гг.; оно особенно интересно тем, что характеризует методы комплектования и организацию войск Галдана, а также способы их материального обеспечения — то бремя, которое легло на плечи трудящихся ойратов. Мало того, что араты должны были по воле правителей бросать мирный труд, выступать в поход и сражаться за чуждые им интересы ханов и князей,— обеспечение воинов лошадьми и продовольствием целиком возлагалось также на трудящихся.

Разгром Чохур-убаши и Очирту-Цецен-хана окончательно развязал руки Галдану, превратив его в единственного первенствующего члена ойратского чулгана. Но победа далась Галдану не легко. В ходе этой борьбы некоторые владетельные князья, опасаясь тяжелой руки нового хана Джунгарии, предпочли покинуть родные кочевья и откочевать на Волгу или в Кукунор, где к этому времени окрепли ойратские ханства, во главе которых стояли потомки Хо-Урлюка и Гуши-хана. Так, в 1672 г. на Волгу прикочевали не раз упоминавшийся хошоутский Хундулен-тайша и дэрбэтский Соном-Церен-тайджи со своими улусами; в 1678 г. туда же прибыла жена Очирту-Цецен-хана Доржи-Рабдан, родная сестра Аюка-хана, правителя калмыцкого ханства на Волге. Галдан потребовал, чтобы Аюка вернул бежавших, но Аюка не подчинился. Вопрос об этих беглецах стал яблоком раздора; отношения между Галданом и Аюкой резко ухудшились. В 1687 г. Аюка писал русским властям, что «Бушухтухан с ним в войне... А наперед де сего тот Бушухтухан жил с Ним, Аюкаем, в миру. А ныне де прислал к нему, Аюкаю, он, Бушухтухан, посланцев своих для того, что наперед де ево, Аюкаевы, люди отбегали к нему, Бушухту-хану, а ныне де от него, Бушухтухана, его владения люди пришли к нему, Люкаю, кочевать... И Аюкай де тайша тех ево Бушухтухановых людей от себя отпускает, и те Бушухтухановы люди не идут... И ныне де тот Бушухту-хан хочет итти на него, Аюкая, войною».

Что касается сыновей и вассалов Очирту-Цецен-хана, то многие из них пытались найти убежище на востоке, в районе Кукунора. Укажем для примера на внука Очирту-Цецен-хана Лубсан-Гомбо, который в августе 1682 г. доносил в Пекин, что «его дед и отец из имений своих лутчие вещи его величеству в дань посылали, но после того, как у них, элетов, произошло великое междоусобное кровопролитие, то он к Далай-ламе откочевать принужден был. А понеже ныне оной мятеж уже несколько утих, то просит он, дабы его величество... около горы Алак-Алинь кочевать позволил». Неоднократно наш маньчжурский источник говорит об ойратском князе Батур-джинуне (или Батур-Эрхе-джинуне), сыне (или внуке) Очирту-Цецен-хана, также просившем у императора Сюань Е убежища. Первое упоминание о нем относится к октябрю 1677 г., когда власти провинции Ганьсу доносили в Пекин, что этот Батур-джинун называет себя сыном Очирту-Цецен-хана, что он понес поражение от Галдана, с остатками своего улуса прибыл к границам империи и просит дать ему землю для кочевания. Из дальнейшего выясняется, что Батур-джинун совершил нападение на одно из монгольских владений и разграбил его. В связи с этим Сюань Е в начале 1684 г. издал указ следующего содержания: «Когда Галдан победил Оцирту-хана, то Батур-Эрхе-дзинун с товарищами, оставя свою землю, прибежал к нашим границам и пограбил моуминганов и уратов, за что по всему праву подлежал он конечному истреблению. Но понеже как он, так и протчие были подданные Оцирту-хана, который нам из рода в род... дань приносил... чего ради мы и вину ему отпустили. Что же касается до Лобдзан-Гумбу-Арабтана, то и он также находится Оцирту-хану внуком, а Батур-Эрхе-дзинуну братом». Исходя из этого Сюань Е распорядился дать им место для кочевания, титулы и золотые печати.

К защите Цинской династии прибегли и потомки Чохур-убашн. В конце того же, 1684, года Ханьду-тайджи и служитель его Эрдэни-хошоуци обратились к Сюань Е с письмом, в котором первый сообщал: «Во время того нещастия, как нашему элетскому роду приключилось великое разорение, Галдан деда моего Чухур-убашия поймал, а отца моего бандия живота лишил. В которое -время был я, всенижаший раб, от рождения моего только 13 лет. И служитель мой Эрдени-хошоуци взял меня и бегом живот мой спас». Эрдэни-хошоуци в свою очередь писал: «Мои два государя нояна: один будет Галдану дядя, а другой — меньшой брат, которых Галдан без всякие вины одного в полон взял, а другого живота лишил. И как он меня моих государей лишил, то мне служить ему, Галдану, весьма противно показалось. Для того я, пограбя его пограничные земли, в здешнюю сторону побежал». Сюань Е и в этом случае пошел навстречу просителям» простил им набеги на его подданных, дал убежище и выделил территорию для кочевания.

Между тем посол Галдана в Пекине Ботой-Элету, прибывший туда летом 1677 г., заявил властям, что не может возвратиться на родину: когда он выезжал из Джунгарии, Очирту-хан и халхаский Тушету-хан с двух сторон выступили против Галдана. Сейчас он узнал от купцов, прибывших из Кукухото, что халхаский тайджи Церен-Даши с отрядом в 300 воинов поджидает его на дороге, чтобы захватить. Он просил разрешения остаться на некоторое время в Пекине. Имея в виду, что Ботой-Элету потратил на проезд в Пекин не менее шести месяцев, можно заключить, что нападение Тушету-хана и Очирту-Цецен-хана на Галдана было произведено в конце 1676 г.

Весной 1678 г. в Пекине были получены сведения, что Галдан готовится к выступлению против кукунорских правителей. Учитывая близость возможного театра военных действий к границам Китая, Сюань Е издал указ, гласивший: «Ежели Галдан пойдет воевать хухунорских элетов дальнею дорогою, т. е. через гобийскую степь, Датбасату-гоби называемую, то дать ему волю. А ежели ой примет намерение, чтоб ему итти ближнею дорогою через местечко Сира-Тала, и станет показываться у наших границ, то генералу Джан Юну (Чжан Юну.— И. З.)... взяв с него с крепким обязательством... чтобы он нашим подданным никакой обиды и утеснения не учинил, пропустить его с войском под крепким конвоем нашего войска». В этом эпизоде отчетливо проявилось стремление цинского правительства уклониться от конфликта с Галданом и сохранить нейтралитет в его борьбе с правителями Кукунора.

Между тем пекинские власти узнали, что местные тангуты (народность фань), обитавшие в окрестностях г. Ганьчжоу, при жизни Сенге платили дань ему, а теперь платят Галдану. Осенью 1678 г. Галдан прислал к старшинам фаней своего посла с предложением явиться на совет в местность Тоул. Цинские власти выяснили также, что «Галдану из мунгал, кочующих в соседстве его земли, многие покорились, а некоторые из покорившихся и опять от него отстали, и что прежде Галдан намерен

был итти к кукунорским владельцам, но затем он отложил сие намерение, что не все люди были в том согласны».

О том, что овладение Кукунором стало очередной задачей Галдана, свидетельствует его письмо Чжан Юну, полученное последним в августе 1679 г. Излагая содержание этого письма, Чжан Юн докладывал в Пекин: «Галдан давно намерен был послать ко мне людей, но за препятствием некоторых дел, случившихся в дороге, того своего намерения исполнить не мог. А ныне нарочно прислал он с ним, джайсаном, при своем поклоне в подарок 3 лошадей и 1 соболью шубу. И что Галдан северозападную сторону без остатку всю под свое владение достал. Но только хухунорскою землею, которую их деды обеих сторон обще завоевали, владеют ныне одни хухунорцы. И хотя имеет он намерение из оной земли свою часть взять, то однако ж сего дела того ради начать не смеет, что здешние земли состоят под моею командой».

Перед нами постепенно вырисовывается план действий Галдана, стремившегося образовать объединенное монгольское государство под эгидой далай-ламы. Укрепив свою единоличную власть в Джунгарском ханстве и превратив последнее в главную операционную базу, обезопасив свой тыл соответствующей политикой по отношению к России и переоросив ханскую ставку на территорию бывшего алтынхановского владения — поближе к театру будущих операций, Галдан развернул активную вербовочную работу среди владетельных князей западной Халхи и начал подготовку к овладению Кукунором. Из его письма к Чжан Юну видно, что он даже не очень скрывал свое намерение стать твердой ногой в Кукуноре и мотивировал право на обладание частью этой области ссылкой на отца, Батур-хунтайджи, который вместе с Гуши-ханом воевал за овладение краем.

Пытаясь обосноваться в Кукуноре по возможности мирными средствами, Галдан вступил в родственные связи с его правителями, взяв себе в жены дочь одного из сыновей Гуши-хана и выдав свою дочь замуж за одного из его внуков. Но его планы в отношении Кукунора не встречали сочувствия у преемников Гуши-хана, не желавших поступиться своими привилегиями во имя будущего объединенного монгольского государства, в котором не им предстояло играть главные роли. Так возник конфликт между Галданом и правителями Кукунора. Невозможность мирным путем разрешить этот конфликт явилась первым серьезным препятствием на пути реализации великодержавных планов ламаистской церкви и Галдана. Как мы увидим ниже, даже руководителям церкви в Лхасе не удалось склонить феодалов Кукунора на сторону Галдана. Пределом уступок кукунорских владетельных князей было их согласие соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в борьбу Галдана за овладение Халхой, а затем в его войну против Цинской династии. Мы не знаем, кто и по какой причине удержал Галдана от вооруженного вторжения в Кукунор в 1678 г., но самая идея такого вторжения была отражением этого конфликта и попыткой

насильственным путем решить конфликт в пользу Галдана и тех, кто стоял за его спиной.

Цинское правительство вело в эти годы по отношению к Галдану и Джунгарскому ханству весьма осторожную политику, избегая каких-либо осложнений и обострений, принимая в то же время меры к отражению возможной угрозы интересам династии. Когда летом 1679 г. Чжан Юн доложил Пекину, что Галдан, отказавшись от похода в Кукунор, отправил 30-тысячный корпус для завоевания Турфана, Сюань Е издал указ: «А понеже Галдан, как уже известно есть, человек неспокойный и суров, а притом силен войском и богат скотом, то сего дела оставить без надлежащих предосторожностей не должно, хотя его земля от наших городов Ганджоу и Суджоу и весьма в дальнее состоит расстояние».

В это же время из Пекина к Галдану выехал посланец цинского императора Китат, который летом 1683 г. представил правительству отчет о своем путешествии. В этом отчете Китат сообщал, что Галдан, узнав о приезде посла, сказал, «что он прибытие таких послов, которые никогда в земле элетской не бывали, с великой радостью слышит». Характерны некоторые детали переговоров о процедуре приема цинского посла правителем Джунгарии, который предложил руководствоваться правилами, принятыми в Пекине, где, «как им известно есть, принимают коллежские господа, а потом докладывают его величеству... А у них хотя коллежского и канцелярского учреждения не имеется, то однако ж вместо того имеются учрежденные джайсаны, которые ту же самую должность, что и наши коллегии и отправить могут, и тако нашему обыкновению противно быть не может».

28 декабря 1682 г. Китат был принят Галданом, проявившим большой интерес к недавним восстаниям против Цинской династии, имевшим место в Китае. Он спросил: «Правда ли то, как слышал он, что в государстве нашем были великие бунтовщики, и по некотором времени оные вконец истреблены?» На этот вопрос Китат ответил, что «прежде сего в нашем государстве бунтовщики подлинно были. Однако его величество... из бунтовщиков иных добровольно, а некоторых оружием смирил. Однако ныне бунтовщики уже все совершенно успокоены и искоренены, и что ежели бы земля, в которой засели бунтовщики, положением места такова была, какова есть их пространная степь, то б долговременного труда не требовалось».

В конце января 1683 г. Китат выехал на родину. Вместе с ним Галдан отправил в Пекин своих послов с дарами, в числе которых были 400 лошадей, 60 верблюдов, 300 соболей, 500 горностаев и т. п.

Материалы посольства Китата свидетельствуют о стремлении Галдана произвести впечатление на посланцев Пекина, о его желании внушить им представление о

Джунгарском ханстве как о могущественном и богатом государстве, правитель которого вполне равен правителю Китая. Важно отметить, что пекинский посол на этот раз не оказал противодействия претензии Галдана на равенство с императором Китая. Можно думать, что он действовал в соответствии с полученными в Пекине инструкциями. Во всяком случае у нас нет данных о том, что его поведение в ставке Джунгарского хана было в Пекине осуждено.

Подтверждение сказанному мы находим в эпизоде, связанном с пожалованием Галдану почетного титула Бошокту-хана. В сентябре 1679 г. Галдан письменно уведомил Пекин о том, «что он от Далай-ламы пожалован is достоинство ханства с титулом Бошокту-хана». Это уведомление привело в смущение правительственные органы Цинской династии. Палата внешних сношений, исследовав вопрос, установила, что «никогда такого примеру не бывало, чтоб от оных (т. е. от ойратских.— И. З.) владельцев, которые сами собою объявляли себя хаком, присланные дары приняты были», что раньше грамоты на титулы давались Пекином, что следовало бы отказаться от приема даров, присланных Галданом, нарушившим порядок и традиции. Но учитывая то, что он прислал дары «от всего своего усердия,— глубокомысленно рассудила Палата,— и притом нарочно прислал своего посла о себе объявить, того ради да благоволит ваше величество присланные от него дары всемилостивейше принять». Сюань Е согласился с доводами Палаты и принял дары Галдана, молчаливо тем самым признав за ним право на ханский титул, пожалованный далай-ламой.

Столь примирительное в эти годы отношение Пекина к Галдану объясняется напряженной внутренней обстановкой в Китае, где еще не погасло пламя антиманьчжурского восстания, поднятого У Сань-гуем (1675—1684), где началось и усиливалось брожение в Южной Монголии, во главе которого стоял правнук чахарского хана Ликданг) Буринай (1676), где немало тревог и забот вызывали и события в Халхе, о которых мы будем говорить ниже. В этой обстановке пекинское правительство не рисковало обострять отношения с Джунгарским ханством.

Но независимо от этого пожалование Галдану главой ламаистской церкви титула Бошокту-хан («Благословенный правитель») не случайно. Известно, что среди владетельных князей Чоросского дома после Эсен-хана никто не носил ханского титула. Ханом не были ни Хара-Хула, ни Батур-хунтайджи, ни Сенге, не был ханом ни один из правителей Джунгарии после Галдана. Но Галдану, которому в 1679 г. исполнилось 34 года, который всего лишь, восемь-девять лет правил Джунгарией, утверждая свое единодержавие и беспощадно расправляясь со всеми, кто становился на пути реализации его планов, церковь официально выразила свое одобрение и благоволение, присвоив титул Благословенного хана. Этот факт служит еще одним подтверждением совершенно особых отношений, существовавших между церковью и Галданом, который фактически выступал в роли представителя интересов влиятельных лиц, окружавших далай-ламу.

В начале 80-х годов XVII в. внутриполитическое положение Цинской империи существенно окрепло. Антиманьчжурские движения были подавлены. Но опасность подчинения монгольских владений Халхи Галдану, что рассматривалось правительством как явление, чреватое опасными осложнениями, стала усиливаться. Следует отметить, что краеугольным камнем политики Цинов по отношению к Монголии была безусловная, бескомпромиссная, решительная борьба против любой возможности политического объединения последней и тем более — против объединения Халхи с ойратским государством.

Мы не будем останавливаться на описании известных событий в Халхе, связанных с борьбой за престол во владении Дзасакту-хана. Они положили начало вмешательству Галдана, что в конечном счете и привело к кровавой развязке 1688 г. и к переходу подавляющего большинства халхаских феодалов в фактическое и юридическое подданство Цинской династии. Для нас представляет интерес освещение этих событий официальными цинскими историографами, писавшими под непосредственным руководством Сюань Е.

Наш маньчжурский источник, сообщает, что в 1662 г. в дзасактухановском владении Халхи началась борьба претендентов за ханский трон. В ней принял участие Лубсан-тайджи (последний Алтын-хан), но потерпел поражение и в 9-м году правления Сюань Е (1670) бежал под :защиту ойратского Галдана. В 20-м году правления Сюань Е (1681) Галдан выдал Лубсан-тайджи новому Дзасакту-хану Ценгуню.

О том, как дальше развивались события, мы узнаем из сообщения об отправке в начале 1684 г. указа Сюань Е к далай-ламе: «А прежде сего дважды доносили его величеству правого крыла калкаской владелец Джасакту-хан,-—говорилось в указе, — что с самого того времени как владения его величества Элхе-Тайфань (маньчжурское имя Сюань Е.— И. З.) 1 году Лодзан-тайдзи взбунтовался, то из его подданных многие перешли в сторону ко владельцам левого крыла. А хотя он о возвращении и многократно требовал, однако ему ни одного человека не возвратили, чего ради принужден он был просить судаку Далай-ламы, по которому его прошению от Далай-ламы во все 7 калкаских знамен послан был Джарнай с таким объявлением, чтоб они все его, Джасакту-хана, содержали в почтении, и оных его подданных, которые, во время бунту, разбежавшись, перешли в сторону-левого крыла, до последнего человека ему назад возвратили. И как оной Джарнай для того договору учинил съезд, то Тусету-хан на оной съезд не поехал, и что его величеству как общему их великому государю о сей своей обиде доносил. А ныне его величество ради их многолетные дани, которую они из роду в род с великим почтением и ревностью приносили, не желая видеть их род в великом упадке и разлучении, милостиво рассудил: Ацниту-гелуна послать со своим указом к Далай-ламе, дабы он со своей стороны для примирения оных владельцев посла послал».

Ациту-гелун вернулся в Пекин в декабре того же 1684 года с письмом от далай-ламы, в котором между прочим говорилось: «Я для примирения калкаских владельцев правого и левого крыла посылал Джарбуная. Но затем он их на съезде примирить не мог, что прежде правое, а потом и левое крыло к миру склонности не показало... Я ныне по силе вашего величества указу отправил от себя Семба-Чембу-кутухту с таким приказом, чтоб он 12 луны в земли калкаских владельцев явился». Однако этот представитель далай-ламы, доехав до города Куку-хото, умер, что вызвало новое послание Сюань Е к далай-ламе: «Прежде сего,—писал он,— подавал нам калкаской владелец Джасакту-хан прошение, что Тусету-хан обещание свое нарушил, поданных ему не возвратил и на съезд для договору не поехал». Сюань Е просил далай-ламу направить в Халху вместо умершего Семба-Чемба-хутухты нового представителя. Далай-лама ответил, что посылает Галдан-ширету. Было решено, что Галдан-ширету встретится с послами Сюань Е на границе Халхи, с тем чтобы совместными усилиями примирить враждующие стороны.

В октябре 1686 г. Галдан-ширету и представитель Сюань Е Арани донесли о том, что порученное им дело успешно выполнено. «8 месяца 16 дня,—-писали они,— собрав всех калкаских правого и левого крыла ханов, дзинунов, ноянов и тайдзиев, вашего величества высочайший указ объявили, а 22 дня мы оных владельцев опять велели собрать и вашего величества следующий наставительный указ, который мы при отъезде нашем получили, им при всенародном собрании прочитали... И как мы сей вашего величества указ им объявили, то Серен-Ахай-тайдзи с товарищи, став на колени, доносил, что их семь калкаских знамен произошли от одного прародителя, и прежде сего жили они друг с другом во всяком миру и согласии, пока напоследок Лобдзан-тайдзи великой мятеж не произвел, после чего стали они друг у друга подданных таить и у себя удерживать... Однако ж по высочайшему вашего величества указу, оставя ссоры, между ими последует ли мир или нет, то оное состоит в воле их двух ханов. Мы Джасакту-хану и Тусету-хану велели, обнявшись, друг друга спросить о здоровье, равным же образом и протчие все тайдзи обоих крылей, друг друга обняв, поздоровались. Той же луны 23 дня от ханов, дзинунов и знатных ноянов и тайдзиев выбрано было искусных и честных джайсан более 60 человек, которые перед ламою Галдан-Ширетуем и Джебдзун-Дамба-кутухтою, по-веся образ фуцихин (будды.— И. З.), клянулись великою клятвою, и потом со обоих сторон те тайдзи и люди, которые доселе у них в разных руках находились, прежним хозяевам возвращены. И тако всякие дела, которые касались решения судом, окончены».

Как свидетельствуют приведенные документы, цинское правительство было в эти годы действительно озабочено положением дел в Халхе, где свыше десяти лет длилась острая междоусобная борьба. Следует учесть, что монгольская политика Цинской династии не была одинаковой и неизменной во все времена. В первый период заинтересованные главным образом в ослаблении феодальных владений Монголии Цины стремились использовать внутренние противоречия и конфликты,

натравливая одного монгольского владетельного князя на другого. В начале 80-х годов, когда на горизонте все более отчетливо стала вырисовываться опасность подчинения Кукунора, Халхи и других частей Монголии быстро усиливавшемуся ойратскому повелителю Галдан-Бошокту-хану, положение изменилось. Прогрессировавшее ослабление Халхи, облегчая реализацию планов Галдана, перестало устраивать цинское правительство, и оно начало добиваться прекращения в Халхе междоусобной борьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГАЛДАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ. ВОИНА 1688 г.

приложение . . .

В это же время начало меняться отношение Пекина и к самому Галдану. Примирительная ранее политика цинского правительства стала приобретать все более жесткие формы. Раньше всего это проявилось в вопросе об ойратской торговле на территории Китая, о чем свидетельствует послание Сюань Е к Галдану, отправленное из Пекина в конце 1683 г. «С самого того времени как между нами пребывающая дружба и согласие соединились, — писял цинский император,—то ты всегда постоянно с крайним усердием, почитая нас, дань нам приносишь. А понеже мы, видя твои толь честные и учтивые поступки, которые ты нам с великой ревностью оказывал, всегда тебя похваляли, то прежде сего посылаемых твоих послов без определения числа, всех, до последнего человека, сколько их прислано не было, на границах наших с торгом пропускали, тогда послы твои приезжали не в великой свите, а притом и никаких от них непорядков не происходило, потому что главные командиры над подчиненными имели доброе и крепкое смотрение. А ныне твои послы, как нам известно есть, иногда более 1000, а иногда и несколько тысяч человек, соединившись, безпрерывно приезжают, а в проезде дорогою у подданных наших мунгал, кочующих за Великою стеною, сильною рукою скот отнимают, а вступивши внутрь нашей земли, ко своему великому своевольству пускают в поля скот и топчут хлебы, вяжут людей, грабят пожитки и чинят великие и несносные обиды и противности... И того ради мы принуждены ныне твоих послов пропускать на границе со определением числа, т. е. впредь послы твои, которые будут иметь за твоею печатью пашпорты, на границе более 200 человек пропущено не будет. А прочим, которые будут при их свите, позволяем торг свой иметь в Джан Цзякоу (Чжанцзякоу.— И. З.) и Хухухото. Да и от тех владельцев, которые без твоих пашпортов сами от себя присылают к нам дань, а имянно — от элетского владельца Гарма-Данцин-хошоуция, от хошотского владельца Борокудзи-тайдзи, от дурбетского владельца Алдар-тайдзия, от тургутского владельца Аюки-тайдзия, присылаемых послов свыше 200 человек на границах наших пропущено не будет».

Мы воспроизвели этот документ почти полностью потому, что он положил начало целой серии посланий Галдана к Сюань Е и Сюань Е к Галдану по вопросам торговли, а также потому, что он отражает изменение политики Пекина по отношению к Джунгарскому ханству.

Через год, осенью 1684 г., Галдан, несмотря на позицию пекинского правительства, вновь послал в Китай своего представителя в сопровождении 3 тыс. служителей. Пекинские власти, однако, категорически отказались впустить в пределы страны больше 200 человек. В связи с этим Галдан летом 1685 г. прислал Сюань Е письмо, в котором сообщал, что доложил далай-ламе решение Пекина но пропускать в Китай более 200 послов и купцов. «И ежели,— писал он,— подлинно от моих подданных происходят непорядки, то весьма справедливо есть, что ваше величество изволили так указать. Однако я те трактаты, по которым из древних времен четыре элетские рода купечество и торги свои имели, нарушить и уничтожить не могу. И ежели все дела по оным древним трактатам отправляться будут, то, как уповать должно, обоим сторонам не без пользы быть может».

Мы не знаем, о каких древних трактатах говорил в этом письме Галдан. Мы знаем лишь, что его доводы не изменили позиции Пекина. Решение Сюань Е об ограничении числа ойратских представителей, допускаемых внутрь страны, двумя сотнями человек осталось в силе.

В апреле 1687 г. Галдан прислал в Пекин два новых письма. В одном из них он снова ставил вопрос о разрешении ойратам свободно торговать в Китае, еще раз подчеркивая, что от такой торговли выиграют обе стороны. Но маньчжурское правительство и на этот раз осталось непреклонным. Еще более серьезным было второе письмо Галдана, адресованное сановнику Арани. В нем он обращал внимание министров пекинского правительства на предосудительное отношение халхаского первосвященника Джебдзун-Дамба-хутухты к представителю далай-ламы Галдан-ширету во время примирительного съезда 1686 г. Напоминая историю раздоров в Халхе, роль в них Тушету-хана — родного брата Джебдзун-Дамба-хутухты, посредничество далай-ламы, первая попытка которого по вине Тушету-хана не увенчалась успехом, положительный результат миссии Галдан-ширету, Галдан писал, что и он приветствует этот результат. Однако его радость по поводу наступившего в Халхе мира омрачается полученными им сведениями о неправильном, оскорбляющем достоинство личного представителя далай-ламы поведении Джебдзун-Дамба-хутухты, который осмелился считать себя равным Галдан-ширету. «А прежде сего,— писал он,— когда были у меня ваши придворные министры, то между протчим сказывали мне, что его величества священного государя намерение в том состоит, что закон есть тех, которые на себе желтые шапки носят, а ламы есть, далай-лама. И потому вам, господа министры, надлежит то делать, что к пользе закона желтых шапок служить может. А понеже мы почитаемся желтых шапок государями олигейства (исповедующих ламаизм.— И.З.),

то ...что по вашему мнению к пользе священных законов служить может, прошу ко мне обстоятельно отписать».

В этом документе с полной ясностью раскрывается концепция Галдана, вся его политическая платформа. Считая себя главным представителем далай-ламы и защитником интересов желтошапочной церкви, «главным государем олигейства», вмешивался во все, что, по его мнению, нарушало законы Дзонхавы и ущемляло авторитет далай-ламы. Из письма Галдана видно, что в свое время он излагал эту же концепцию представителям Сюань Е, которые заверили его, что Сюань Е также стоит на страже интересов желтошапочной церкви и далай-ламы. Мы не знаем, в какой мере эта идея была внушена Галдану самим далай-ламой и другими руководителями церкви в Лхасе, но наши источники дают все основания полагать, что политика Галдана поддерживалась Лхасой.

В Пекине, однако, решили не отвечать на письмо Галдана. Вскоре Джебдзун-Дамба-хутухта сообщил Сюань Е, что получил от Галдана письмо, в котором тот писал: «На съезде Курень-Бельцирском весьма то противно законам, что ты себя с ламой Галдан-ширетуем сравнил... А лама Галдан-ширету есть такой лама, который на кровати Дзункабы место имеет и послан был для миротворства главным членом». Пекинские власти и на этот раз решили не вмешиваться; донесение Джебдзун-Дамба-хутухты, как и письмо Галдана, было оставлено без ответа.

Между тем конфликт между Галданом и халхаским первосвященником разрастался и обострялся. В июне 1687 г. Тушету-хан Чихунь-Доржи представил в Пекин доклад о том, что и он получил от Галдана письмо, обвинявшее Джебдзун-Дамба-хутухту в нарушении ламаистских законов, т. е. в приравнивании себя, Джебдзун-Дамба-хутухты, к личному представителю далай-ламы — Галдан-ширету. «А ныне,— писал Тушету-хан,— получил я ведомость, что Галдан посылал своего служителя, Чечень-убаши называемого, для учинения съезду с калкаским правым крылом. А на съезде публично Галданева грамота читана, в которой гласит тако: всем тем людям, которые состоят в правом крыле, Джасакту-ханова повеления не преступать, а кто преступит, то оному, яко противнику, то же учинено будет, что и Лобдзаин-сайнтайдзию учинено. Также носится слух, что Галдан от гор Алтай-Алинь с южной стороны подвинулся сюда и намерен вступить на местечко Илань-Хегар, на которое местечко для соединения и Джасакту-хан следовать имеет, и что Галдан Декдехый-мырген-ахаю велел к той же стороне откочевать, а с левым крылом не соединяться. А правого крыла ноянам велел он собираться в один корпус и для прикрытия следовать за Джасакту-ханом. И понеже прежнее его письмо весьма жестоко и грозно, а ныне, сколько нам известно есть, против нас войною итти намерен, то мы без надлежащего приуготовления и осторожности остаться не можем... однако и того опасаемся, чтоб первым зачинщиком не быть».

В ответ на этот доклад Тушету-хану от имени Сюань Е рекомендовалось не нарушать мио. В сентябре 1687 к, к владетельным князьям Халхи и Джунгарии был послан указ Сюань Ее предложением не начинать войну. Тушету-хан и некоторые другие владетельные князья Халхи представили в Пекин новый доклад, гласивший: «Мы против Галданева письма посылали к нему своих послов, которым объявлял он, что понеже он есть желтых шапок главный государь олигейства, то он восприятого своего намерения во всем отложить не может, но всеми мерами стараться будет о том, чтобы способного случая сыскать, что подтвердили нам как природные наши калкасцы, которые, находятся в его элетской земле, так и сами элеты, которые с нами дружески обходятся, что Галдан к нашим землям подвинулся и идет он против нас войною двумя дорогами и что все наши калкаские князья правого крыла, кроме Джасакту-хана, Дыкдехый-мыргын-ахайя и Дайцин-тайдзия, вооружились и с ним сюда же идут, отчего наши пограничные подданные пришли в великой страх и нас неоступно просили, чтоб мы оружием их защитили. То мы по тому их прошению, вооружившись, навстречу к нему пошли... А Галдан, сколько можно примечать, то намерен он под видом защищения права законов с нами в войну вступить».

Получив столь тревожную информацию, пекинское правительство решило обратиться к далай-ламе с просьбой о посредничестве в этом новом конфликте, а Тушету-хану и Галдану послать новые указы с предложением сохранять мир.

О дальнейшем развитии событий рассказывал в Пекине в июне 1688 г. посол Джебдзун-Дамба-хутухты, прибывший с поручением доложить о крайне тяжелом положении халхаского первосвященника. «Прошлого году,— говорил посол,— Галдан, собрав своего войска до 30000 человек, разными дорогами шел против калков, и потом Джасакту-хана, Дыкдехый-мергын-ахайя и Дармасири-нояна на свою сторону склонивши, взбунтовал. А как о сем их бунте Тусету-хану известись учинилось, то он за ними в погоню побежал и, догнавши их, объявил им, что третьего году (т. е. в 1686 г.— И. 3.) семь калкаских знамен уже примирены и что потому им бунту чинить не надлежит, и оных трех калкаских владельцев вооруженною рукою назад возвратил. После чего Галда-невы меньшие братья, а именно Дордзиджаб, Гуньджан-Гумбу называемые, захватя владельцев правого крыла, а именно: Баньди-Дайцин-тайдзия, Балдан-тайдзия, Бутуксень-кутухту, и пограбя их имения и скот, к себе повели. Однако Тусету-хан, уведавши о том, их догнал и Дордзиджаба убил. Но токмо не мог он найти, куда они отвели Бутуксень-кутухту и Балдан-тайдзия с товарищи. А протчих тайдзиев и их имения все назад возвратил. А потом, когда Тусету-хан услышал о приближении Галданевом с тремя частьми войска, то он с хухунорским владельцом Лобдзан-Гумбуем пытал против Галдана и доходил даже до Галданевых кочевных местечек, Кара-Эрцик, Цаган-Эрцик называемых, где он встретил от Далай-ламы посланных послов, которые объявили ему, что ваше величество священный государь... и далай-лама желают калков с элетами помирить и чтоб он со своим войском назад возвратился, то он, Тусету-хан, потому без всякого прекословия, собрав свое войско, назад возвратился... А ныне Галдан, как сказывают, от северной стороны Хангайских гор,

пограбя правого крыла владельцев Выйджен-Хатан-батура, Чечен-нояна, Илден-тайдзия, да левого крыла владельца Кундулен-бошоктуя, стоит на местечке Темур, где Тусету-ханов сын, Галдан-тайджи называемый, с ним баталию имел, однако с уроном ста человек сам с Эрким-дайцином и протчим осьмью человеками едва бегом живот свой спас. И что ныне Даньдзин-Омбу, Даньдзила и Дугар-Арабтань взяли городок Эрдени-джоу и оным совершенно овладели, который состоит от моего кочевья в двух дня езды».

Почти одновременно в Пекин поступило донесение от сановника Арани, направлявшегося через территорию Халхи в Россию, в г. Селенгинск, где его ожидал русский посол Головин. В своем донесении Арани описывал обстановку, которую он застал в Халхе. «А потом я, не доехав за 7 или за 8 дней до кочевья Джебдзун-Дамбы-кутухты,— писал Арани,— получил ведомость, что Галданево войско уже прибыло на местечко Эрдени-джоу. Однако я, не веря тому, с одной стороны, для подлинного известия отправил на подводах находящегося при мне... Санданя к Джебдзун-Дамбе-кутухте, а сам, следуя обыкновенным трактом, в пополнение прежнего получил ведомость, что Галданево войско владельцев Выйджен-Хатан-батура и Кундулен-бошокту называемых совершенно разбило, а Дармасири-нояновых тайдзиев и протчих князков войско в его, Галданеву, волю отдались. И потом, когда пошел он к местечку Эрдени-джоу, то Тусету-ханов сын, Галдан-тайдзи называемый, на его учинил нападение, но претерпя великой урон, с такой скоростью обратился в бегство, что со своими детьми и женою соединиться не успел... А Галданево войско около помянутого местечка Эрдени-дзу, кочующих его владения мунгал всех до последнего человека разграбя, стало при местечке Хара-Джоргонь называемом, которое состоит от Джебдзун-Дамбы-кутухты не далее одного дня езды, чего ради оной кутухта, забрав тусету-хановых детей, жен и невесок, тож своих, сам и бандиев (молодых лам, послушников.— И. З.) до 300 человек, с великой робостью от Галдана на побег пошел, а протчие калки все до последнего человека, оставя войско, свое имение, кибитки, посуду, оружие, лошадей, верблюдов, и рогатый скот... бегут к нашим землям... а где сам Тусету-хан обретается, 6 том никто не знает».

Дополнительные сведения о событиях в Халхе весной и в начале лета 1ьЬ8 г. поступили в Пекин от послов цинского правительства, назначенных для участия в похоронах халхаского Цецен-хана Норбо. Они доложили: «Прибыли мы в землю Чечень-ханову, где нам тутошние обыватели объявили, что когда Галданев меньшой брат Дордзиджаб с четырьмя стами человек своего войска ехал к ним, для того чтобы ему о состоянии всех калкаских владельцев уведать, то Тусету-ханов сын, Галдан-тайдзи называемый, на его нападение учинил и его, Дордзиджаба, убил. После чего сам Галдан с войском своим пошел и прежде... Выйджен-Хатан-батура разбил, а потом местечко Эрдени-джоу огнем выжег, а Тусету-ханов улус пленным учинил. А сам Тусету-хан к реке Онгин называемой убежал. А Джебдзун-Дамба-кутухта... убежал в Чечен-ханову землю на местечко Эгумур называемое с таким намерением, чтоб ему там собрать войско и на помощь к Тусету-хану итти. Но когда

увидел он, что и Чечен-хановы люди все разбежались, то он, опасаясь элетов, чтоб его не захватили, от реки Керулен оборотясь на южную сторону, к нашим сунютским караулам пошол». Доклад заканчивается выражением опасения, как бы смятение, охватившее всю Халху, не перекинулось в районы Внутренней Монголии.

Пекинское правительство, обсудив обстановку, решило до поры до времени не впускать халхаских беженцев в районы Внутренней Монголии, исходя из того, что они, как докладывали Сюань Е советники, «от крайнего утеснения, а не добровольно под защищение вашего величества пришли... И того ради сие дело еще отсрочить на один месяц». Сюань Е согласился с этим предложением и утвердил его.

В это же время в Пекине было получено новое письмо от Галдана. «Когда Джебдзун-Дамба-хутухта и Тусету-хан, — говорилось в нем, — преступи Далай-ламинские законы, Ширетую достойного почтения и по его характеру не отдали... то я для общего благополучия предложил им свое мнение, чтоб тем исправить сию их погрешность, учиненную против законов. Однако они не токмо оное моё предложение пренебрегли, но и против меня вооружились. Однако я щастием Далай-ламы так благоуспешно против них оборонялся, что и кочевье их совсем опровергнул. А понеже никто их за правых не признает, то им убежать некуда, а хотя к кому и побегут, однако их, как уповается, никто не примет, и за них не вступится». Устно послы Галдана передали следующую его просьбу: «Что ежели Джебдзун-Дамба-кутухта придет в защищение, то б его величество не принимал или б, поймав, ему отдал».

Советники Сюань Е, обсудив по его предложению просьбу Галдана, высказались за то, чтобы Джебдзун-Дамба-хутухту, даже если он и вступит в пределы Китая, Галдану не выдавать. Император согласился; по его распоряжению Джебдзун-Дамба-хутухте были посланы для сведения копии писем Галдана и ответы на них пекинского правительства.

Есть все основания полагать, что политика Цинов по отношению к Галдану и его государству к этому времени вполне определилась. Период выжидания и невмешательства закончился. Победа Галдана над халхаскими владетельными князьями ставили Цинскую империю перед возможностью образования объединенного монгольского государства под властью ойратского Галдана-Бошокту-хана и высших иерархов ламаистской церкви. Этого она не могла допустить. Вот почему борьба против Галдана с целью его полного сокрушения превратилась в одну из главных задач цинского правительства.

Началась мобилизация маньчжурских, монгольских и китайских войск, стягивавшихся в район р. Халхин-гол; готовились запасы продовольствия и транспортные средства.

Что касается Галдана, то он, овладев территорией Халхи, прилагал усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону ее владетельных князей, изолировать Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, которых он считал своими главными врагами, а затем, договорившись с цинским правительством, завершить образование самостоятельного объединенного северомонгольского государства.

О методах, с помощью которых Галдан пытался осуществить эти цели, дает представление доклад маньчжурского сановника Цзинь-дзиня. Он сообщал, что к нему явился Араптань, сын одного из цеценхановских зайсанов, и рассказал, что обычно они кочевали по южному берегу Керулена, но «6 месяца 8 числа передняя часть элетского войска, состоящая из нескольких сот человек, нечаянно на них напала... После чего сам Галдан с некоторой частью войска вниз по реке пошол и прислал к его отцу своих людей, чтоб он ехал к нему в лагерь без всякого страху и опасения для взятия от него охранительных грамот. По которому его призыву отец его... принужден был к нему ехать. И как в 4 дни нагнал его на местечке, Дойнок называемом, то Галдан, взяв его перед себя, объявлял ему, что Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта его крайние неприятели и злодеи и того ради он сюда пришел, а до них никакого дела нет. А чтоб никто им обид не чинил, то он, Галдан, давать им будет охранительные грамоты и опять каждого на прежние места отпустит... И потому как он, Дянь-джайсан, со своим родом, так и прочие калки все до последнего человека его подданные стали и чтоб они ему, Галдану, заблаговременно в послушание шли. И ежели ему будут послушны, то в будущем году осенью к нему своих послов прислали... И потом, наградя его отца... людьми и скотом, назад отпустил».

В этом же духе была составлена и его охранная грамота. «Галдана-Бошокту-хана, у которого законы в руках состоят, грамота! Дана Чечень-ханова владения большим и малым тайдзиям, всем до последнего человека! Прежде сего между нами по имеющемуся дружеству всегда пересылка послами была, которая и поныне постоянно продолжается. А понеже ныне от Джебдзун-Дамбы-кутухты и Тусету-хана произошла великая война, то я, следуя за ними в погоню, сюда к вам пришел. И впредь для пресечения опасности призвал я Дянь-джайсана, которому объявя свое намерение, с сею грамотою отпустил. И кто сию мою грамоту за справедливую признает, то б оной во всем поступал по силе той грамоты».

Но борьба за Халху не была еще закончена. Тушету-хан собирал силы и готовился дать Галдану генеральное сражение. В августе 1688 г. он обратился к Сюань Е с посланием, в котором писал: «Мы и предки наши из давнейших лет с показанием

истинного своего усердия того ради вашему величеству приносили дань, чтоб мы по крайней опасности от сильного неприятеля защищены и не оставлены быть могли. А ныне Галдан с войском своим уже на нас совершенно наступил, которой случай ни малого времени терпеть не может. А хотя у меня войско в рассуждении его силы и не столько соберется, однако я против него, Галдана, генеральный бой дать намерен. Но только того опасаюсь, что мне против него как сильного неприятеля не устоять. Того ради всенижайше прошу, да благоволит ваше величество из своего небесного государства вспомогательного войска ко мне послать».

Сюань Е предложил своим советникам высказаться по поводу просьбы Тушету-хана Чихунь-Доржи. Они дали знаменательный ответ: «А хотя Тусету хан, будучи от элетов с поля збит, и просит против них вспоможения, то однако ж, как нам уповается, наше войско послать и ему помощь дать не надлежит, потому что он, Тусету-хан, не в таком подданстве состоит, как сорока девяти знамен мунгальские владельцы... Однако если Тусету-хан со всеми . своими подданными в совершенное подданство вашего величества отдастся, го с титулом ханства от вашего величества всемилостивейшее определение себе получить может».

Сюань Е согласился с этой рекомендацией и Тушету-хану было отправлено соответствующее послание.

Цинское правительство, как видим, прямо и недвусмысленно предлагало на этот раз владетельным князьям Халхи свою военную помощь против Галдана при условии, если они, подобно князьям Внутренней Монголии, откажутся от политической самостоятельности и не только фактически, но и формально станут подданными Цинской империи. Объективный ход истории привел халхаских феодалов к выводу о невозможности сохранить политическую независимость. Вопрос заключался в том, кому, в чьи руки передать судьбу Халхи: в руки Галдан-Бошокту-хана и стоявших за ним ойратских феодалов или в руки Цинской династии и стоявших за ней групп маньчжурских и китайских феодалов. Владетельные князья Халхи, возглавляемые Тушету-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой, отвергли первый вариант; они предпочли отдать Халху в руки Цинской династии.

В августе 1688 г. состоялось генеральное сражение между армиями Галдана и Тушету-хана. «8 месяца 1 да 4 и в протчие числа при озере Олохой-ноур,— гласило полученное в Пекине донесение,— сряду три дня происходило великое сражение. Однако элеты ночным нападением взяли лагерь тайдзи Шамба-Эрхэ-дайцина, чего ради калкаские тайдзи, оставя Тусету-хана, все до последнего человека разбежались. А Тусету-хан, будучи силою против него не в состоянии, чрез гобиские пески к Джебдзун-Дамба-кутухте побежал». В ответ на это донесение Пекин усилил мобилизацию своих войск.

Сентябрь 1688 г. стал последним месяцем независимости Халхи. Тушету-хан, Джебдзун-Дамба-хутухта и другие владетельные князья, «которые,— как писал Тушету-хан,— держат нашу сторону», каждый порознь и все вместе направили в Пекин просьбы о принятии их в полное подданство империи, о предоставлении им территории для кочевания, об оказании им вооруженной защиты и т. п.

Сюань Е вновь запросил мнение советников, которые на этот раз поддержали просьбу владетельных князей Халхи. Он утвердил это предложение. Халха формально и фактически стала частью Цинской империи. Но это вместе с тем означало, что халхаско-ойратская война окончилась. Если бы Галдан решил теперь продолжать борьбу за реализацию своей программы, он имел бы против себя не владетельных князей Халхи, слабых и разобщенных, а Цинскую империю со всей ее мощью. Халхаско-ойратская война превращалась в войну Джунгарского ханства против Цинской империи. Но Галдан был непреклонен и не помышлял о прекращении борьбы. Война между Цинской империей и Джунгарским ханством становилась неизбежной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

2. ВОЙНА 1690—1697 гг. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях, когда ханы и князья Халхи признали себя подданными Цинской империи, последняя уже не была заинтересована в немедленной войне против Галдана; интересам династии более соответствовало бы примирение Галдана с его халхаскими недругами и на этой основе освобождение Халхи от ойратских войск. Убедив Галдана отказаться от продолжения военных действий и возвратиться на дальний запад, в пределы Джунгарского ханства, цинское правительство получило бы возможность приступить к «освоению» Халхи, провести в ней необходимые реформы с целью поставить ее материальные и людские ресурсы на службу интересам маньчжурских и китайских феодалов и исподволь подготовиться к борьбе за завоевание самой Джунгарии, борьбе неизбежно трудной и дорогостоящей. Вот почему главной задачей цинской дипломатии в это время было убедить Галдана помириться с Тушету-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой.

В августе 1688 г. в Пекине было получено донесение о беседе Галдана с послом далай-ламы Цицик-Далай-хамбо, прибывшим к нему с посредническими целями незадолго до сражения у оз. Ологой. В этой беседе Галдан спросил: «Над кем он тогда отмстит смерть своего меньшого брата Дордзиджаба, ежели он помирится с

Тусету ханом. А хотя б ему еще 6 лет воевать, однако он, Галдан, потамест не положит своего оружия».

Осенью того же 1688 года из Пекина к Галдану было отправлено посольство во главе с сановниками Байри и Ацитуем, отвезшее ему письмо Сюань Е и дары. Возвратившись в Пекин, послы доложили, что «Галдан принял их с великой честью и показывал к ним особливую свою склонность и просил оного Ацитуя, чтоб он ему в купечестве свободное отправление у его величества исходатайствовал... объявляя, что когда его величество... свыше 200 человек принимать не повелел, то его фамилии братья и тайдзи, будучи о том неизвестны, на него, Галдана, гневаются в том, якобы он до того купечества не допущает».

Мы не знаем содержаний письма Сюань Н к Галдану. Но в своем ответном письме Галдан повторил, что Тушету-хан и Джеодзун-Дамба нарушили законы далай-ламы, напали на ойратов «и тако их своевольство и вредительные поступки обществу весьма умножились, и потому они есть такие люди, которые общее благополучие своими толь мерзкими делами разрушают, а вместо того великое беспокойство в народы всевают. По которым их толь великим безаконствам явно есть, что мы пред ними совсем правы».

Столкнувшись с такой неуступчивостью Галдана, Сюань Е вновь обратился к своим советникам. И на этот раз они рекомендовали не спешить и отложить принятие решения на месяц.

В конце 1688 г. Галдан опять встретился с цинским сановником Ананьдой и ламой Шайнань-дордзи и заявил им, что не считает халхаское население своими противниками, кроме Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, которые нарушили священные законы Дзонхавы и указы Сюань Е, убили нескольких владетельных князей Халхи и младшего брата Галдана, а их имущество разграбили, после чего открыто начали войну против него. «И потому они есть самые разорители закону. А понеже от них никому добра, кроме всякого зла, ожидать не надлежит, то вашему величеству и Далай-ламе весьма благоугодно быть может, ежели их в свете не будет». Узнав, что Тушету-хан и Джебдзун-Дамба в данное время находятся в китайских пределах, Галдан сказал: «Никуда они от него убежать не могут». А потом, докладывали Ананьда и Шайнань-дордзи, Галдан вновь поставил вопрос о торговле «с таким представлением, что элеты из древних лет, принося дань, с торгом в нашу землю (т. е. в Китай.— И. 3.) от каждого владельца ездили особо. Понеже де ныне асем ездить не позволено, то от того из подданных его некоторые претерпевают немалую нужду».

Доклад послов был по предложению Сюань Е обсужден его советниками. Они отметили в своем решении, что хотя их императору и одинаково близки интересы халхасов и ойратов, но необходимо признать, что почти все пункты обвинений, выдвинутых Галданом против Тушету-хана, являются обоснованными и справедливыми. «И того ради,— предложили советники,— к Далай-ламе послать вашего величества указ, чтоб он с своей стороны для примирения знатного ламу отправил, тогда и с нашей стороны послать верховных министров, дабы оные обще с послом Далай-ламы Галдана с Тусету-ханом примирили. И Тусету-хану как главному зачинщику всего сего беспокойства, вину свою публично на съезде признать велели... и ежели он по сему определению поступать обещается, то... чтоб будущего году учинен был примирительный съезд». Сюань Е одобрил предложения своих советников, но Тушету-хан, которому они были немедленно сообщены, их отклонил.

В январе 1689 г. к далай-ламе, а в апреле того же года к Галдану были отправлены из Пекина послания Сюань Е почти одинакового содержания. Вновь излагая всю история конфликта между владетельными князьями Халхи, переросшего затем в конфликт между Тушету-ханом и Галданом, Сюань Е напомнил о предпринимавшихся им совместно с далай-ламой попытках примирить враждующие стороны. «Но в противность всего того калкаской Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта,— писал он Галдану,—не хотя жить в покое, наши указы преступили и к возбуждению войны наперед против вас вооружились и перво Джасакту-хана и Декдехей-мерген ахая, а потом и твоего меньшого брата Дордзиджаба убили и тем они к своей собственной погибели и разорению прямую дорогу показали. А одержанная твоя победа над калками от того зделалась, что они неправедным образом наперед тебя задрали. И потому всю вину на калков положить надлежит, а ты перед нами совсем прав... Мы за то тебе никакой вины приписать не можем... Ныне уже оные калкаские владельцы тобою разорены, и все ханы, дзинуны, нояны и тайдзии до последнего человека со всеми своими подданными в наше подданство совершенно отдались, и мы... приняв их, присовокупили в число наших подданных... а за то, что они своим безумством подали причину к возбуждению войны, жесточайшими словами наказали... Мы к вам,— писал Сюань Е в заключение, — сего ради нарочно с нашим указом посольство отправили, дабы вы, оставя прежнюю между вами ссору, друг с другом купечество имели, каждый из вас свои земли оберегал, и обще все, уничтоживши войну и ссору, пребывали в миру и согласии».

Инструктируя своих посланцев, император требовал, чтобы в беседах с приближенным к Галдану Дзиргалан-зайсаном они дали твердо понять, что «купечеству их вся дорога пресечена будет, и потому они, элеты, всю свою пользу потеряют, ежели Галдан сего нашего указу не послушает».

Признавая, что в происшедшем кровопролитии виноваты только Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта, Сюань Е, как видим, пытался успокоить Галдана ссылкой

на наказание, которому он подверг виновников, обругав их «жесточайшими словами». Император хотел убедить Галдана в том, что устный выговор следует считать достаточным наказанием виновников войны, что этот выговор должен компенсировать потери, понесенные ойрат-скими феодалами. Сюань Е хотел, чтобы Галдан забыл о своей программе, одним из звеньев которой была война за Халху, и удовольствовался заявлением об устном наказании противников Галдана, ориентировавшихся на Цинов.

Вопрос о торговле, имевший такое большое значение для ойратских феодалов, в письме Сюань Е даже не поднимался; он был лишь вскользь затронут в беседе с одним из второстепенных деятелей ойратского государства в форме ни к чему не обязывающего намека.

Было очевидно, что Галдан на такой мир ни в коем случае не пойдет.

Возвратившись в Пекин, Арани и его коллеги представили Сюань Е доклад о переговорах с Галданом. Они прибыли к нему 7 августа 1689 г. В беседе, состоявшейся 14 августа, Галдан заявил, что и он готов отдаться под защиту Цинов, но «только ему Джебдзун-Дамба-кутухта и Тусету-хан с товарищами, которые всему злу начинатели, весьма противны». Арани на это ответил, что «его неоднократные доношения от вашего величества всемилостивейше рассмотрены, и калки за свое преступление наказаны, а он великие похвалы удостоен, и для того изволили к нему указ свой послать, чтоб он, уничтожа войну, жил по-прежнему в мирном согласий, и что уже почто ему о таком деле упоминать, которое уже давно прошло». 22 августа Арани получил ответное послание Галдана для Пекина. Собираясь в обратный путь, пекинские послы сообщили сановникам Галдана Даньдзину и Гелей-Гуену, что к ним с посредническими целями скоро прибудут послы от далай-ламы и от Сюань Е — Илагуг-сан-хутухта и другие; они спросили также: «Они то ли же им будут ответствовать или иное у них будет рассуждение, на что ответствовали они именем своего хана, что от них иного ответу не будет».

Вскоре в Пекин прибыл представитель далай-ламы Шамбалин-хамбо, который от имени дибы передал, что «всему животному немалая может быть польза, ежели Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта будут пойманы и отданы Галдану, и что он в том ручается, что их здравия повреждены ничем не будут».

Сюань Е не собирался ссориться с далай-ламой. Ламаистская церковь нужна была Цинской династии если не как исполнитель ее воли, то по меньшей мере как союзник. Вот почему когда выяснилось, что диба — влиятельное лицо в церковной иерархии — поддерживает позицию Галдана, император приказал немедленно отправить к далай-ламе посольство с поручением убедить главу церкви в ошибочности этой позиции и в беспристрастности Сюань Е, который якобы одинаково расположен к халхасам и ойратам. «А ныне,— писал Сюань Е далай-ламе, —наш президент Арани, который послан был к Галдану, возвратясь, между протчим

доносил, что Галдан от владельца Цэван-Рабтана так разбит, что подданные его почти все разбежались». Здесь впервые в маньчжурском источнике встречается упоминание имени Цэван-Рабдана. Имея в виду, что посольство Арани покинуло ставку Галдана в конце августа 1689 г., следует считать установленным, что нападение Цэван-Рабдана на улус Галдана произошло весной или в начале лета 1689 г.

Весной 1690 г. пинское правительство усилило подготовку к войне против Галдана. Сюань Е отдал приказ пустить в ход оружие, если Галдан перейдет в наступление против халхасов. Одновременно с этим цинское правительство приняло меры, которые явно свидетельствовали о его решимости оказать полную поддержку Тушету-хану и другим халхаским противникам Галдана. Укажем для примера на посылку в феврале 1690г. сановника Ананьды к халхаскому Цецен-хану с указом Сюань Е, извещавшим о ведущихся мирных переговорах с Галданом, но предупреждавшем, что так как верить Галдану нельзя, то ханы и князья Халхи должны быть готовы объединить свои силы для борьбы против него. В ответ на это Цецен-хан заявил пекинскому правительству, что, во всем полагаясь на императора, он надеется на его помощь. Галдана он «ни в чем не боится. И ежели он подлинно со своим войском на них наступит, то они общею силою против него станут надлежащий отпор учинять и из своих 12 джасаков (т. е. стоков.— И. З.) 10000 войска вооружат».

Между тем Галдан, успешно закончив кампанию 1688 г., вернулся в долину р. Кобдо, где обосновалась его главная ставка. Отсюда он повел подготовку к дальнейшей борьбе за Халху. Отдавая себе, по-видимому, отчет в подлинном значении и возможных последствиях политики цинского правительства, открыто выступившего в защиту его противников, Галдан направил свой усилия к тому, чтобы договориться о военном союзе с Россией. Используя в своих интересах противоречия и конфликты, осложнившие в эти годы взаимоотношения Русского государства и Цинской империи, с одной стороны, и Тушету-хана — с другой, Галдан в 1689, 1690 и в последующие годы домогался соглашения с русскими властями о совместных операциях против «общих недругов», т. е. против Тушету-хана и тех, кто его поддерживал. В январе 1690 г. в Иркутск прибыл посол Галдана Дархан-Зайсан с письмами к воеводе Кислянскому и чрезвычайному послу Головину. В беседе с последним Дархан-зайсан сообщил, что Галдан стоит в верховьях Селенги, в урочище Хобдо, готовы и продолжить войну. Свою семью он оставил на границе между Халхой и Джунгарией и просит направить русские войска на соединение с его армией к р. Керулен. Об этом же говорилось и в письме к Головину. Учитывая недавние операции Тушету-хана против Селенгинска и Удинска, а также атаки цинских войск против Албазина, Головин решил на всякий случай не отклонять предложений Галдана. В своем письме он обещал поддержать наступление ойратских войск на Тушету-хана соответствующими действиями русских частей. Отпуская Дархан-зайсана, Головин послал от себя к Галдану казака Г. Кибирева, которому было поручено передать хану Джунгарии письмо и продолжить

переговоры о возможных совместных операциях против Тушету-хана и его сторонников.

Статейный список, представленный Кибиревым по возвращении на родину, представляет значительный интерес сведениями о положении в Джунгарии и Халхе, о первом крупном сражении цинской армии и войск Галдана, очевидцем которого был Кибирев. Он сообщает, что в конце марта вместе.„с Дархан-зайсаном прибыл на р. Или, где застал Ирким-зайсана, которому Галдан поручил управлять делами группы халхаских князей, перешедших в его подданство. Отсюда Кибирев шесть недель ехал до Керулена степями Халхи, в которых видел множество свежих доказательств опустошительной войны и крайне бедственного положения народных масс. На Керулене он присоединился к отряду ойратских воинов, охранявших послов далай-ламы и Сюань Е — Джиоун-хутухту и Илагугсан-хутухту, ехавших к Галдану (400 воинов с женами и детьми). В середине мая отряд подвергся нападению 800 халхаских воинов. Произошел бой, закончившийся бегством нападавших, которые потеряли около 150 человек убитыми.

Далее путь послов проходил по Керулену и Ульзе до оз. Хулун, а от него — вдоль рек Аршун и Халха. 20 июля они добрались до ставки Галдана, который в тот же день в присутствии Джирун-хутухты принял Кибирева и взял у него письмо Головина. 22 июля на лагерь Галдана напала цинская армия, в которой, по показаниям пленных, насчитывалось до 20 тыс. человек. «Калмыцкий Бушукту-хан, — писал Кибирев,— тою богдойскую силу побил без остатку». Галдан взял русского посла с собой «на бой для свидетельства». Он говорил ему, что шел войной не против цинского императора, а против Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты. После сражения у оз. Ологой Галдан преследовал своих недругов около шести недель и нагнал их на р. Шандахай, уже на территории Китая. Здесь произошел бой со 100-тысячной цинской армией, располагавшей сотней пушек и множеством мелкого огнестрельного оружия. Ночью после боя эта армия, взяв с собой Тушету-хана и хутухту и бросив несколько пушек, ушла. Галдан не преследовал их, «потому что де ему до него, богдохана, дела нет, а когда де будет время, будет де и дело с ним, богдоханом». От Шандахая Галдан повернул назад. На обратном пути на Керулене к нему прибыл Илагугсан-хутухта, посланный Сюань Е для переговоров о мире. Главным условием мира, выдвинутым Галданом, было требование наказать Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, выдав их ему или казнив в Пекине в присутствии представителей Галдана, либо отправить их к далай-ламе. Кроме того, Галдан требовал, чтобы Сюань Е дал ему в жены дочь.

Таковы сведения, доставленные Кибиревым в Иркутск, куда он вернулся в начале февраля 1691 г. Из этой информации следует, что Галдан предвидел в каком-то отдаленном будущем возможность и даже неизбежность вооруженной борьбы непосредственно против Цинской империи; свою победу в Халхе он считал неполной до тех пор, пока не обезвредит Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту; своей

главной внешнеполитической задачей в эти годы он считал заключение соглашения с Россией о совместной вооруженной борьбе против общих, как он думал, его и правительства России недругов в лице Тушету-хана и цинского императора. Ради этого он готов был пойти на любые уступки, вплоть до территориальных .

Русско-ойратские переговоры о военном союзе весьма встревожили пекинское правительство. Сюань Е поручил сановнику Сонготу сорвать эти переговоры. «Ты россиянам довольно знаком,— говорилось в данной последнему инструкции,— понеже прежде сего ездил ты в пограничный их город Нибчу (Нерчинск.— И. 3), и для того тебе объявить их послам, что Галдан, как нам известно есть от внутреннего своего замешательства лишился дневной пищи и, не имея прибежища, к нашим землям приступил и разбойническим образом чинит везде великой грабеж. А ныне носится слух, что будто намерен он, соединившись с их, российским, войском, итти войной против кал-ков. А понеже оные калка нам в вечное подданство отдались, то они, россияне, ежели наведением послушают его льстивых слов, не только клятвопреступниками себя учинят и нарушат свою верность, но и к возбуждению войны явную причину подадут».

Но тревога цинского правительства была напрасной. Мысль о возможности использования Галдана в интересах политики России была очень скоро оставлена русскими властями. Правительство России не имело в Сибири достаточных сил, чтобы поддержать Галдана. В этих условиях ни о каком русском вмешательстве в дела Монголии и Цинской империи не могло быть и речи.

Иной была политика церковных руководителей Лхасы. В 1690г. и последующие годы она приобрела ярко выраженную ойратофильскую и прогалдановскую направленность, маскируемую внешними знаками лояльности по отношению к Цинской империи и лично к Сюань Е. Выполняя предложение императора, далай-лама направил к Галдану в качестве своего представителя Джирун-хутухту, который должен был встретиться в дороге с представителем Сюань Е Илагугсан-хутухтой. Затем оба должны были поехать к Галдану и убедить его согласиться с выдвинутыми китайским императором условиями мира.

Илагугсан-хутухта доносил в Пекин, что в сентябре 1689 г. он и его спутники выехали из Сучжоу. В начале ноября они были у оз. Тонкинь, откуда направили вперед одного из сопровождавших их лиц с целью установить местопребывание Галдана. В начале второй половины ноября, когда этот человек прибыл к Галдану «и ему о причине своего приезда объявил, то ответствовал ему Галдан, что он со своим войском уже совсем в поход выступил и что на пространной степи съезду быть неспособно, и для того назначал он для съезду реки Тамир называемые». Илагугсан,-хутухта, узнав об этом, «с великим поспешением поехал. И хотя я 12-го месяца 5 числа к реке Цилоуту, лежащей на северной стороне помянутых рек Тамир, прибыл, однако Галдана там не нашел. А как послал я людей к реке Эдер-

бира... то нашли мы по обеим сторонам реки след, которым Галдан ехал со своим войском. И для того он, кутухта, с Дзирун-кутухтою того же часу за ним, Галданом, вслед поехал».

Из этого документа видно, что в конце 1689 г. Галдан со всей своей армией снялся с лагеря, располагавшегося в долине р. Кобдо, где стоял около года, и выступил в новый поход. Выясняется и его маршрут: район Кобдо — р. Тамир — р. Эдер и далее, по-видимому, через реки Орхон и Тола, к Керулену, а от него к озерам Хулун и Буир, за которыми уже открывался театр возможных военных действий. Послы далай-ламы и Сюань Е двигались по этому же маршруту следом за Галданом, который не торопился начинать переговоры о мире. К этим послам на Керулене присоединился в мае 1690 г. представитель Головина Г. Кибирев; вместе с ними он и прибыл к Галдану в июне 1690 г. Через два дня Г. Кибирев стал очевидцем первого крупного сражения между войсками Галдана и цинской армией.

Завершив подготовку к войне и опасаясь, что Галдан, узнав о собранных против него силах, начнет отходить, навязывая противнику трудный и опасный переход через гобийские пески с неизбежным растягиванием коммуникаций и неминуемыми перебоями в снабжении армии, цинское командование решило не допустить этого. Из Пекина к Галдану были отправлены послы с поручением уговорить его не помышлять об отходе. Послов инструктировали: «А говорить вам с ним ласково, ублажая гладкими приятными словами, чтоб он к побегу никакой причины иметь не мог». Выполнив поручение и убедившись, что Галдан не намерен покинуть занимаемые им позиции, посольству следовало разделиться; один из послов должен был возможно быстрее ехать в ставку цинского командования, которому «объявить секретно, что вы к Галдану были посланы для того, чтобы удержать его от побегу». Но если бы послам не удалось убедить Галдана и тот начал бы отходить, они должны были передать командованию приказ «всем войскам учинить на него нападение, а ежели он обратится в бегство, то... дли конечного истребления следовать за ним в погоню».

Как видим, цинское правительство к лету 1690 г. пришло к твердому убеждению в необходимости уничтожить мощь Галдана. Во имя чего же оно собиралось воевать? Если верить официальным документам и дипломатическим переговорам, можно подумать, что главным, если не единственным пунктом разногласий между Сюань Е и Галданом был вопрос о том, какого наказания заслуживают Тушету-хан и Джебдзун-Дамба, виновность которых считалась доказанной не только Галданом, но и Сюань Е. Первый считал необходимым их казнить или по меньшей мере надежно обезвредить, тогда как второй предлагал ограничиться устным выговором. Других спорных вопросов между цинским императором и ханом Джунгарии как будто не было, а если и были, то стороны о них умалчивали.

В действительности, конечно, дело было вовсе не в персонах Тушету-хана и ургинского хутухты. Сюань Е был так же мало заинтересован в личной безопасности этих деятелей, как и Галдан в их немедленной казни. У нас ниже еще будет случай привести собственные слова Сюань Е о подлинных целях этой войны, из которых вполне выяснится, что она была предпринята и доведена императором до успешного конца отнюдь не ради интересов Халхи и ее князей. Что касается целей, осуществления которых добивались Галдан и силы, стоявшие за его спиной, то мы о них уже говорили и еще скажем в дальнейшем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО и ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ВОЙНА 1690—1697 гг.

2. ВОЙНА 1690—1697 гг. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

продолжение . . .

Вопреки опасениям пекинских властей Галдан вовсе не собирался отступать. Наоборот, он был полон решимости довести до конца борьбу за образование объединенного самостоятельного халхаско-ойратского государства, первым шагом к чему должно было стать уничтожение или обезвреживание его главных противников — Тушету-хана и ургинского хутухты, ориентировавшихся на Цинскую династию.

Командующий цинской армией Арани в своей реляции сообщает о сражении с ойратскими войсками, состоявшемся в день желтой мыши (21 июля). Получив информацию о прибытии этих войск численностью 20 тыс. человек к р. Улхун, Арани немедленно выступил в поход. На рассвете 21 июля он увидел ойратский лагерь и приказал тотчас же «двум стам мунгальским отборным крепким солдатам нападение учинить, да пяти стам человекам калкаского войска пограбленное отхватить. Однако прежде нежели до самого сражения дошло, все джасакские (т. е. владений Внутренней Монголии.— И. З.) и калкаские войска, упреждая друг друга, ухвативши элетских жен и детей и скот, назад пошли, которых он никоим образом удержать не мог. И для того принужден был назад отступить. Но как потом элеты, распорядя свое войско в две линии, построились полумесяцем, и вторая часть нашего войска на них стала наступать, то они из мелкого огненного ружья жестокую пальбу учинили и затем оная вторая часть назад отступила. После того, когда наша первая часть войска с калкаским войском вторично на них наступала, то калка, опасаяся их огненного ружья, прежде всех побежали, за которыми и все джасакские, не видя себе подкрепления, им уступили. А между тем элетского войска знатное число прибавилось. И как оное элетское войско сверху горы наши обей крылья вдруг обступать стало, то он, Арани, все войско, понеже оное уже более противиться не могло, собравши, назад отступил».

Если Г. Кибирев ограничился заявлением, что Галдан «развоевал» наступавшую на него «богдойскую силу», то Арани рассказывает, каким образом Галдану удалось это сделать. Некоторые дополнительные подробности об этом сражении были приведены послами Галдана в Иркутске в марте 1691 г. в их беседе с воеводой Кислянским. «В ночи на утренней заре, скрав караулы, напали китайского богдохана воинским поведением на Бошокту-хана их и на ургу его два полководца алеханбы, а по ведомости от пойманных богдойских языков, что де с теми алеханбами было ратных людей 20000 человек без пушек, легким делом, с копий и сайдаками, и исправясь де, Бошокту-хан с войски своими учинили с теми богдойцы бой, бились с утренней зари до позднего обеда, и Бошокту-хан де богдойское войско побил всю и полководец один алеханба тут же на бою убит, а другой алеханба... ушел в малолюдстве человек в 15 или в 20. А за тем де алеханбою гонялся бошокту-ханов брат двоюродный

Дандзила... а обоз де их со всем взял телег больше 500». Через несколько дней после победы на Ульхуне Галдан двинулся в обратный путь. О его отходе говорят как маньчжурские, так и русские документы. Мы не можем точно сказать, что явилось непосредственной причиной этого отхода. Послы Галдана говорили в Иркутске, что их хан снялся с позиций у Ульхуна на следующий же день после сражения и пошел по степи в поисках Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты. Но эти же послы в другом случае говорили, что причиной отступления Галдана от Великой стены было письмо далай-ламы, переданное ему Джирун-хутухтой, рекомендовавшее прекратить кровопролитие и обещавшее, что его «супостаты» будут ему выданы правительством Цинской династии. «И Бошокту-хан на те ево Далай-ламы Джирим-кутухты посольские речи положился и бой чинить перестал и от стены богдойской пошел в степь».

Конечно, стоять сколько-нибудь длительное время на одном месте не входило в расчеты Галдана. Он должен был активно разыскивать своих «супостатов», а не строить укрепленный лагерь и ждать, пока на него обрушится вся мощь Цинской империи. Но в этом случае возникает вопрос, зачем же он приходил под Великую стену, откуда через день после одержанной победы начал обратное движение на Керулен? У нас нет данных для определенного ответа на этот вопрос. Но каковы бы ни были причины, принудившие Галдана начать отступление, оно чрезвычайно встревожило Пекин, где поняли, что он может уйти за пределы досягаемости цинской армии. Допустить этого Пекин не мог. Галдана следовало задержать. Командование цинской армии решило в этих целях направить к нему новых послов и предложить дождаться приезда принцев крови, выделенных якобы для мирных с ним переговоров и уполномоченных подписать мирный договор. Если же Галдан не захочет ждать этих принцев и будет отходить — организовать преследование и уничтожить его.

В июле 1690 г. от Галдана в Пекин прибыл посланный с разъяснением, что Галдан перешел линию пограничных караулов Китая потому, что гнался за своими неприятелями, но его войска нигде и никому «никаких противностей» не чинили. В ответном письме Сюань Е вновь подчеркивал вероломство левого крыла халхасов, т. е. Тушету-хана и Джебдзун-Дамбы, которые «учинили тебе (Галдану.— И. З.) великие обиды, по которому делу невинность твоя перед ними совсем оказалась. И мы их правыми никогда не называли». Сюань Е писал, что предполагает в этом же году созвать всеобщий съезд князей Халхи, с тем чтобы окончательно разобраться в происшедшей смуте, определить, кто прав, кто виноват, восстановить владение Дзасакту-хана и т. д. «Однако Тушету-хана и Джебцзун-Дамбу-кутухта потамест отданы тебе быть не могут, пока настоящее дело до действительного окончания приведено не будет». В заключение Сюань Е сообщал Галдану, что получил сведения из Синина о его конфликте с Цэван-Рабданом, который обратился с жалобой к далай-ламе: «И как нам о сем известно учинилось, то намерены мы были, не допуская вас до войны... по согласию с Далай-ламой примирить».

Сюань Е стремился убедить Галдана прекратить отступление и задержаться где-нибудь южнее пустыни Гоби в ожидании выдачи его главных противников. Это позволило бы вооруженным силам империи нанести ему быстро и без большого труда сокрушительный удар. Что же касается Цэван-Рабдана, то наш источник сообщает, что из Пекина еще в январе 1690 г. к нему и к его матери Анухатунь был отправлен посол с письмом Сюань Е, предлагавшим «обстоятельно объявить» о причинах происшедшей между ними и Галданом ссоры. Намерение цинского правительства использовать Цэван-Рабдана для борьбы против Галдана было совершенно очевидно.

В середине июля к цинскому сановнику Амиде прибыли послы от хутухт Джируна и Илагугсана, сообщившие о заявлении, сделанном Галданом: находясь в Китае, он ни на волос не коснулся чужого имущества, а между тем, по полученным им сведениям, против него «войска собрано превеликое множество и отправлены за Великую стену... что с оным войском отправлен знатный министр, при котором и сын Тусету-хана Галдан-тайдзи находится, и что мышь руку откусит, если за хвост поймана будет, а он, Галдан, сего нимало не страшится, хотя б оная армия и до ста тысяч состояла». Такое заявление может рассматриваться как предупреждение — не ставить Галдана перед необходимостью считать своим врагом и Цинскую династию. Вскоре от него и Джирун-хутухты прибыли новые послы, которые от имени своих повелителей заявили, что Сюань Е «есть южных земель государь, а он, Галдан, есть северных стран хан» и что Галдан ждет представителей Сюань Е для переговоров о мире. Галдан все еще пытался разговаривать с правителем Цинской империи на равных началах: он еще надеялся на благополучный для себя исход обещанных ему мирных переговоров.

В ответ Сюань Е отправил к Галдану новых представителей, вручивших ему дары и вновь заверивших его в скором прибытии брата императора, которому поручено якобы окончательно договориться о мире. Во второй половине июля такого рода посольства непрерывно ездили от одной стороны к другой, стремясь создать видимость действительной подготовки мирных переговоров. На самом же деле обмен послами имел только одну цель—удержать Галдана на месте и скрыть от него готовившийся удар, который должен был его сокрушить и уничтожить. Желая лично руководить предстоящими операциями, Сюань Е в середине июля покинул столицу и направился к армии, подчеркивая этим большое значение, которое он придавал войне с Галданом.

В конце июля к командующему цинскими войсками прибыл очередной представитель Джирун-хутухты, выразивший недовольство последнего тем, что в условиях, когда он и Илагугсан-хутухта не покладая рук старались склонить Галдана к мирному урегулированию конфликта и почти достигли успеха, сановник Арани совершил внезапное нападение на лагерь Галдана. При таком положении нельзя надеяться на успех порученной ему далай-ламой примирительной миссии.

Сановник, командовавший цинскими войсками, докладывая об этом посольстве, писал, что «по силе данных ему от его величества наставительных указов токмо о том стараться должен, чтоб через пересылку писем неприятеля до прибытия следующих войск на одном месте продержать, то опять с прежде посланными людьми к Галдану в ответ письмо послал». В этом письме он приглашал Галдана подойти ближе и обосноваться в местности Улан-Бутун. Галдан принял это предложение, не подозревая, что его ждет ловушка.

1 августа 1690 г. в Улан-Бутуне произошло генеральное сражение, решившее исход кампании этого года. Расскажем об этом сражении словами реляции командующего цинской армией. «7 месяца 29 дня,— писал он,— когда я о элетах, что имеют они свой лагерь при местечке Улан-Бутуне, ведомость получил, то я армию немедленно разделил на части и 8 месяца 1 числа на рассвете прямо к неприятелю пошел, а как в самые полдни его перед собой увидел, то войско с рогатками, пушками и мелким огненным ружьем в порядок поставил и в таком порядке начал я по-малу к нему приближаться. А в час овна, по приближении к неприятелю, при пушечной и из мелкого-ружья пальбе к находящейся горе подошел; оттуда увидел, что и неприятель, будучи в лесу, для защиты положа своих верблюдов, по ту сторону имеющейся реки, у которой были высокие берега, против нас сильное сопротивление учинил. И так бились мы от часа овна до наступления самого вечера. Левое крыло, окруживши неприятеля... одержало великую победу и великое множество элетов побило, а правое крыло, хотя неприятеля с места и сбило, однако потом за препятствием топкие реки... на прежнее свое место возвратилось... И хотя мы притом хотели достальных воров вконец истребить, но за наступлением темные

ночи и за неспособностью места принуждены были войско собрать и благополучно в лагерь свой возвратиться».

Из этого описания видно, что цинская армия, несмотря на огромное численное превосходство и мощную артиллерию, не смогла с ходу разбить ойратские войска, не располагавшие артиллерией и в два-три раза уступавшие противнику в численности. Ойратская армия проявила в этом бою стойкость и способность к организованному сопротивлению в условиях явно неблагоприятного соотношения сил.

Получив донесение, Сюань Е приказал командующему «со всею армиею для конечного истребления элетов вслед за ними гнаться». Кроме того, он потребовал: «А впредь коим образом весь воровской корень до основания истреблен и достальные сообщники усмирены быть могут, о том вам надлежит свое мнение представить с такой ясностью и основанием, чтоб за одним делом весь корень без остатку выведен быть мог». Это распоряжение с предельной ясностью раскрывает подлинные цели войны, предпринятой цинским правительством. Полное истребление «воровского корня», т. е. тех сил, которые стоят на пути экспансионистской политики,— вот в чем была заинтересована Цинская династия; вопрос о личной судьбе Тушету-хана и ургинского хутухты не занимал никакого места в программе войны, сформулированной этой директивой. Галдан угрожал кровным интересам маньчжурских феодалов тем, что намеревался отнять Халху и, объединив ее с Джунгарией, образовать независимое государство; поэтому Галдан и все его «сообщники» подлежали истреблению. От разгрома Галдана зависела прочность обладания Халхой.

Сражение продолжалось и на следующий день. «А как я,— доносил в Пекин командующий,— на другой день для конечного истребления достальных воров к ним приступил, то Галдан, укрепя себя прутьми и худыми местами, против меня к сражению уже во всякой готовности был. И в самое то время, как я хотел армии на малое время дать отдохновение, прислал ко мне Галдан Илагугсан-кутухту с прежним же требованием, чтоб ему Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта выданы были, а притом он, кутухта, объявил, что завтра или послезавтра Дзирун-кутухта для договоров о постановлении мира ко мне будет... 4-го числа Дзирун-кутухта, имея при себе не е большим 70 человек своих учеников, ко мне приехал». Очевидно, цинской армии за четыре дня не удалось сломить сопротивление ойратских войск. Тем не менее положение последних было крайне тяжелым, и вмешательство Джирун-хутухты нельзя расценивать иначе, как попытку спасти Галдана от разгрома. Он говорил, что Сюань Е «есть всего свету государь и обладатель, а он, Бошокту-хан, есть старшина над небольшим своим владением, и потому он никаких своевольств чинить не должен... он, Бошокту-хан, оттого впал в сие погрешение, что, требуя о выдаче своих неприятелей Тусету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, сюда зашел, что ныне он, Бошокту-хан, Тусету-хана не требует, но только просит...

Джебдзун-Дамба-кутухту к Далай-ламе яко к своему учителю отослать, и что он, Дзирун-кутухта, приказал ему, Галдану, понеже он просит о постановлении мира, чтоб он, Галдан, для ожидания ответу отступил в дальние места, где травы и воды получить может, а близко бы не стоял». Услышав от командующего, что тот собирается, несмотря ни на что, атаковать лагерь Галдана, Джирун-хутухта сказал, что будет «с крайним старанием Галдана уговаривать, чтоб он, Галдан, требование свое о Джебдзун-Дамбе-кутухте отложил и из границ наших выступил».

Командующий спросил Джирун-хутухту, можно ли поручиться, что, пока он разъезжает от одной стороны к другой, Галдан не убежит в дальние места и не начнет грабить пограничное население Китая? На это Джирун-хутухта ответил, что Галдан «никакого грабительства учинить не посмеет, ежели с нашей стороны... на него, Галдана, оружие возложено не будет, и что он, Галдан, в даль не побежит, но всемерно его, кутухту, ожидать будет».

Когда командующий сообщил хутухте, что другие группы цинских войск идут разными дорогами для истребления Галдана и, не зная о переговорах Джирун-хутухты и цинского командования, нападут на Галдана, «то он, кутухта, сего зело устрашился и говорил, что к отвращению сего уже никакого более способу не имеет, ежели все дело таким образом в разрушение приведено будет». Но командующий успокоил хутухту заявлением, что снабдит его своими приказами командирам тех войск, «которые им с войсками навстречу попадать будут, а они, увидевши те листы, не токмо на элетов нападать не будут, но и войска свои одержат». Джирун-хутухта чрезвычайно обрадовался этому заявлению и, получив приказы, вернулся в лагерь Галдана.

Заключая свое донесение, командующий писал, что хотя Галдану и нельзя верить, «однако из того, коим образом он по поражении на другой день беспрестанно стал присылать людей, довольно приметить можно, что состоит он в весьма многом утеснении. И хотя я крайне старался, чтоб для истребления элетов вперед итти, но понеже элеты укрепили себя в таких неспособных местах, что никак поступить к ним было невозможно», то принятое им решение он считает единственно возможным. Но как только подойдут ближе мукденские, корцинские и другие войска, находящиеся еще в пути, «то на сего лукавого вора со обеих сторон для конечного его истребления учинено будет жестокое нападение, и сего толь способного случая я никогда не упущу».

Приведенный нами доклад свидетельствует, что Галдан потерпел в Улан-Бутуне поражение, вынудившее его пойти на ряд серьезных уступок, что представитель далай-ламы Джирун-хутухта проявил огромную заинтересованность в спасении Галдана и приложил чрезвычайные усилия к тому, чтобы вывести его и остатки его сил из под удара, который действительно мог стать катастрофическим.

Действия командующего вызвали гневную реакцию в правящих кругах Цинской империи. Советники Сюань Е порицали командующего за то, что он упустил такой удобный случай, и предложили организовать преследование Галдана. Император одобрил мнение советников, Он тоже считал, что командующий поступил неправильно, что дело сие «исключительно важно», что виновных надо наказать и т. д.

Галдан не стал дожидаться нового нападения и начал отходить из района Улан-Бутун на север. Командующий доносил, что «Галдан, будучи утеснен нашею армиею и опасаясь погони, взяв из реки Сира-Мурен-бира довольное число воды, чрез гору Дадзишань-Алинь ночным временем побежал к озеру Ганганур называемому. И хотя у нас принято было намерение, чтоб за ним гнаться в след, однако лошади наши так обезсилели, что далее бежать не могли, а чтоб он, Галдан, от нас весьма не отдалился, то договорился с Дзирун-кутухтой с таким обязательством, чтоб он, Дзирун-кутухта, для заключения мирных договоров его, Галдана, не в дальнем расстоянии остановил», а когда подойдут новые войска, он начнет погоню за Галданом.

Но последний, нуждаясь в передышке, прислал письмо, в котором писал: «Благоугодно было Далай-ламе для постановления мирного согласия послать Дзирун-эрдения. А ныне, когда его величество, великий хуанди (император.— И. З.) свою высочайшую милость и щедроты ко мне показать соизволил, то я обещаюсь с сего времени до калков отнюдь не касаться и на них неприятельски не нападать. И для того сие мое печатью утвержденное письмо нижайше подаю».

11 августа командующий цинской армией послал к Галдану Илагугсан-хутухту, который через четыре дня вернулся и привез от него новое письмо. Галдан признавал себя виновным в том, что вторгся в пределы Китая. «Сверх сего оной Илагугсан-хутухта словесно объявлял, что Галдан, поставя образ фуцихин на голову, с клятвою говорил следующие речи: Я, по всей моей справедливости требуя о выдаче Тусету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, перешедши караулы, вступил в самую середину ваших земель. И того ради я, оставя небо и фуцихия, не могу ныне того сделать, чтоб свою вину не признать... И притом нижайше прошу, да благоволит ваше величество по своим щедротам в вине моей меня яко человека простить... А ныне для ожидания вашего величества всемилостивейшего указу к самым границам отойду и, усмотри довольство травы и воды, стоять буду на таком месте, где никакого жилья не будет».

В ответ на эту «повинную» Сюань Е вновь подчеркнул бескорыстную позицию цинского правительства, не желавшего якобы ничего более как мира и

благоденствия для всех. «А ныне,— писал он Галдану,— когда ты признал свою вину... повелевается следующее: 1. Со своим войском из наших земель выступя, ожидать нашего указу; 2. До наших подданных калков не токмо до одного человека, но ниже до одной скотины не касаться; 3. Ко всем нашим подданым джасакам ни одного своего человека ни под каким видом не пересылать; 4. Ежели ты утеснен или имеешь какую необходимую нужду, то о том нам донеси, по которому доношению мы... никогда тебя не оставим и милости не лишим, а все твои противные поступки предадим забвению».

Итак, первый поход Галдана на восток закончился серьезным поражением. Галдан явно переоценил свои силы, рассчитывая при поддержке отрядов Дзасакту-хана и других халхаских князей — его союзников не только разгромить противников в Халхе, но и отстоять завоеванное в борьбе против Цинской империи. Вступление его войск в пределы Внутренней Монголии было авантюрой или ошибкой. Это признавали как представитель далай-ламы Джирун -хутухта, видевший в этом основное «прегрешение» Галдана, так и сам хан Джунгарии, усердно, как мы видели, каявшийся в содеянном «грехе». Мы не знаем, какие собственно цели ставил он перед собой, вступая на территорию империи. Правда, в одном из двух писем, отправленных им в сентябре 1690 г. Сюань Е и посвященных главным образом вопросу о торговле в Китае, Галдан писал: «Я больше оттого принужден был учинить некоторую противность (т. е. вступить в пределы Китая.— И. З.), что на толь далекий проезд довольного числа провиянту запасти не мог». Возможно, что это обстоятельство и в самом деле толкнуло его на отчаянный марш по степям Внутренней Монголии; мы знаем, что Халха была разорена и опустошена настолько, что никак не могла стать базой снабжения его войск. Но возможно и то, что он надеялся встретить сочувствие своим планам у ханов и князей Внутренней Монголии. Ниже мы увидим, что и в дальнейшем он будет пытаться привлечь их на свою сторону. Главным козырем Галдана была при этом ссылка на поддержку далай-ламы, представитель которого Джирун-хутухта фактически являлся не просто послом, а, как мы еще увидим, активным помощником Галдана. Уже в 1690 г. это понял Сюань Е, отказавшийся принять Джирун-хутухту и разговаривать с ним, обвиняя его в соучастии с Галданом. Император не случайно ультимативно потребовал от последнего, чтобы он ни под каким видом не вступал в контакт с владетельными князями, подвластными Цинской династии.

продолжение . . .

После поражения Галдан в трудных условиях начал отступление в район Кобдо. Ойратские рядовые воины и их семьи испытывали серьезные лишения. Некоторые сведения об этом мы находим в русских источниках. Так, например, в июле 1691 г. в Селенгинск пришли три ойрата, которые рассказали, что «они были калмыцкого владельца бушухтухановы воинские люди, а отстали де они от него, бушухтухана, как он пошел з боев от китайских людей на белом месяце (т. е. в феврале.— И. З.) в мугальской земле у Ханай-олоя за конною скудностью и от голоду, потому что де у него, бушухтухана, в войске за скудостью скота голод великой и от того де голоду в войске многие люди помирают». Из рассказа этих перебежчиков видно, что Галдан со своей армией лишь в феврале 1691 г. дошел до Хан-ула (гора в районе современного Улан-Батора). О бедственном положении ойратских трудящихся говорит и та настойчивость, с которой Галдан добивался разрешения торговать в Китае. В одном из посланий к Сюань Е он писал, что «с самого того времени, как Калка потеряла свое правительство (т. е. с 1688 г.— И. З.), купечества не имел и что того ради на содержание своих людей просит милостивого награждения».

Сведения о тяжелом положении Галдана дошли и до Пекина. Сюань Е решил использовать их в своих интересах. «А ныне ты обстоишь,— писал он Галдану, — ...зело в великой нужде, ибо не токмо весь скот употребил на пищу, но и людей твоих от заражения моровой язвы мрет превеликое множество... И тако тебе, буде ты ныне за совершенным голодом в землю свою возвратиться не можешь и состоишь в крайней бедности, ближе к пограничным нашим караулам прикочевать, где от нас получить имеешь всемилостивейшее пропитание, а ежели совершенно покорисся, то и еще того больше пожалован и награжден будешь».

В Цинской империи шла усиленная подготовка к продолжению войны против Галдана. Из императорского дворца в Пекине исходили указы, требовавшие улучшить обучение, вооружение и оснащение войск, изучить возможные маршруты на северо-западе, условия судоходства по Хуанхэ и т. д. В это же время шли последние приготовления к Долоннорскому съезду, целью которого было оформить превращение Халхи в составную часть Цинской империи.

1 мая 1691 г. на этом съезде состоялась церемония прощения Тушету-хана и освобождения его от наказания за те действия, которые привели к войне с Джунгарским ханством: Тушету-хан принес повинную, халхаские князья просили простить Тушету-хана, и, наконец, был прочитан указ Сгоань Е, возвещавший о помиловании виновного.

Решив информировать далай-ламу об окончательном урегулировании монгольского вопроса, Сюань Е направил ему письмо, в котором, между прочим, выражал недовольство деятельностью хутухт Джируна и Илагугсана. Последние «ничего полезного не учинили, ибо они во всем поступали не по нашим намерениям, и для

того Галдан, удержа их у себя, к наивящей войне вооружился, и собравшись со всем своим домом, грабя и убивая кал-ков, в самую средину наших пограничных караулов вступил», подчеркивая, что Галдан находится в очень тяжелом положении и, возможно, решит пойти к далай-ламе, который в этом случае может поступить с ним по своему усмотрению. Император предупреждал, что в случае, если Галдан осмелится хоть чем-нибудь обидеть халхасов, он будет уничтожен.

В самом конце 1691 г. в Пекин прибыло ответное письмо далай-ламы, порицавшего Джирун-хутухту за то, что он своевременно не помешал Галдану потребовать выдачи Джебдзун-Дамба-хутухты, но считавшего, что Джирун-хутухта делал все, чтобы примирить ойратов с халхасами. Устно посол передал Сюань Е, что далай-лама всегда видел свою задачу в установлении мира, что еще до начала войны от Тушету-хана и Галдана «к хухунорским тайдзиям посланы были послы и каждый из них от оных тайдзиев требовал себе войско на помощь. А как о сем хухунорской Далай-тайдзи Далай-ламе донес, то Далай-лама на оное ответствовал ему тако: как Халха, так и элеты почитаются его, Далай-ламы, государями олигейства, и ему, Далай-ламе, их единодушие и мирное пребывание не инако, как весьма приятно и радостно быть кажется. И для того ему, Далай-тайдзию, из них ни тому, ни другому помогать не надлежит».

Далай-ламе, однако, не удалось убедить императора. Последний настаивал на виновности Джирун-хутухты, который не только не удерживал Галдана, но напротив, подстрекал его. «А из сего легко понять можно,— писал Сюань Е,— что он, Дзирун, не токмо один сам собой сие делал, но також де и из твоих ближних людей себе сообщников имеет, которые, ослепившись лакомством, таяся тебя, держат сторону Галданову и его защищают».

События 1690 и 1691 гг. убедили Пекин в том, что Талдан действовал не один, что он имел весьма влиятельных «сообщников» в близких к далай-ламе кругах. Но серьезное предупреждение, что вместе с Галданом будут истреблены и все его сторонники, осталось неуслышанным. Летом 1692 г. доверенное лицо Сюань Е, Илагугсан-хутухта, открыто перешел на сторону Галдана и убежал к нему в район Кобдо, куда Галдан с остатками своих войск прибыл в конце лета 1691 г.

В это время положение Галдана было весьма затруднительным. От основной территории Джунгарского ханства он был отрезан Цэван-Рабданом, который укрепился и был готов силой оружия воспрепятствовать возвращению своего дяди на родину. На ойратские владения в Кукуноре Галдану нечего было надеяться: владетельные князя Кукунора были нейтральными даже в период его военных успехов, а теперь, после понесенных им поражений, об их активной помощи не могло быть и речи. Халха была опустошена, ее население рассеялось, ее степи опустели. Надежды на русскую помощь также не оправдались. Власть Галдана была

ограничена пределами района Кобдо. Цэван-Рабдан лишил его домена — основного источника силы и влияния каждого феодала.

Весной 1691 г. к Галдану из Тобольска был направлен сын боярский Матвей Юдин, который встретил в дороге ламу, ехавшего из ставки Галдана. Лама сообщил, что Цэван-Рабдан с армией в 40 тыс. человек кочует в долине Иртыша; у Галдана в походе на восток тоже участвовали 40 тыс. воинов, но на обратном пути около половины их умерло от оспы.

В самом конце 1691 г. Юдин добрался в ставку Галдана и пять раз беседовал с ним. Галдан выражал сожаление по поводу территориальных уступок, сделанных Россией цинскому правительству по Нерчинскому договору 1689 г. Но позиция царского правительства была неизменной. Главной целью его политики было развитие торговли с Китаем на основе Нерчинского трактата, а Галдан и его планы уже не интересовали правящие круги Русского государства.

У Галдана были две возможности: либо прекратить борьбу и сложить оружие, либо возобновить активные действия с целью овладеть Халхой. И он избрал последнее.

Осенью 1692 г. Галдан отправил послов с письмом в Пекин. В этом послании наряду со старым требованием о выдаче ему Тушету-хана Чихунь-Доржи и хутухты Галдан впервые поставил вопрос о возвращении халхаских князей и рядовых аратов на их родные кочевья в Халху. Он делал вид, что ничего не знает о Долоннорском съезде 1691 г., оформившем переход Халхи в подданство Цинской империи, давая при этом понять, что считает свое право на Халху и халхасов бесспорным.

Заслуживает внимания и указание Галдана на помощь, полученную от далай-ламы. Мы ничего не знаем о размерах и характере этой помощи, но не приходится сомневаться, что без нее он не смог бы так быстро оправиться от неудач 1690 г. Лхаса была его единственной идеологической опорой и единственным в то время источником пополнения его материальных ресурсов. Если бы не поддержка церкви, едва ли Галдан сохранил своих вассалов, тех владетельных князей, которые еще располагали подвластным населением и известным количеством скота. Для таких владетельных князей сюзерен, не имеющий собственного домена, богатой казны и своих войск, не представлял интереса, а сам сюзерен, находясь в таком положении, не имел сил принудить вассалов к повиновению. Поэтому поддержка церкви, ее религиозное влияние в известной мере заменяли Галдану собственный домен и богатую казну.

Что же касается конфликта Галдана с Цэван-Рабданом, то мы можем судить о нем по письму последнего к Сюань Е. Цэван-Рабдан писал: «Происшедшему между нами

несогласию причина есть сия. Когда его человек, называемый Найчун-Омбо, возимел великую силу и самовольно отравил моего меньшого брата и притом и на меня стал много гневаться, то мои подданные все до последнего человека пришли в великое роптание. И таким образом я, поссорясь с ним, прочь от него отошел». Дополнительные сведения об истории конфликта мы получаем из беседы послов Галдана с цинским сановником Сира в июле 1696 г. Те рассказали, что внучка хошоут-ского Очирту-Цецен-хана по имени Ахай была сговорена за Цэван-Рабдана, но когда ее привезли, то взял ее за себя Галдан. А в 1678 г. умер Соном-Рабдан, живший у Галдана. Тогда Цэван-Рабдан, взяв 5 тыс. воинов, тайно ушел от Галдана. Галдан с отрядом в 2 тыс. воинов нагнал его и спросил о причинах, вызвавших разрыв, Цэван-Рабдан ответил, что между ними не может быть мира, так как Галдан отобрал у него невесту и уморил его брата. А в 1690 г., когда Галдан пошел на восток, Цэван-Рабдан «всех его жен и детей со всеми домашними служителями» забрал к себе.

Но каковы бы ни были причины конфликта, отношения стали непримиримо враждебными. Следует отметить, что Лхаса принимала меры к примирению ханов, но, по-видимому, безуспешно. Мы знаем о двух таких попытках. Об одной — из письма далай-ламы, полученного в Пекине в феврале 1693 г. Там, между прочим, сообщалось: «А понеже элетов большая половина с Цэван-Рабданем соединились, то хотя я и писал, чтоб они друг с другом поступали так, как того добрая дружба требует, но элеты на то не согласились». О второй попытке говорит письмо далай-ламы и дибы, полученное в Пекине в апреле 1695 г., в котором сообщается, что к Цэван-Рабдану и Галдану были посланы представители с целью примирить враждующих; далай-лама и диба просили императора сохранить за Цэван-Рабданом и Галданом ханские титулы «и всемилостивейше наградить их своею грамотой и печатью». В заключение авторы этого письма обращались к Сюань Е с просьбой вывести его войска из северо-западных областей Китая, прилегающих к Тибету, ибо все владетельные князья вполне преданы Цинской династии, и никто из них не помышляет о неповиновении.

Указанные письма представляют несомненный интерес. Они свидетельствуют о действительной заинтересованности Лхасы в примирении Цэван-Рабдана и Галдана, а также о том, что силы первого возрастали, а второго — слабели. Предложение далай-ламы и дибы о присвоении племяннику и дяде ханского титула позволяет предположить, что существовал план раздела ойратского государства на две части: западную с Цэван-Рабданом в качестве хана и восточную во главе с Галданом. Возможно, что на основе этого плана стороны готовы были договориться о примирении. Что же касается предложения властей Лхасы о выводе цинских гарнизонов из Ордоса и Кукунора, то смысл его ясен — оно должно было облегчить реализацию всех этих планов. Однако замысел Лхасы потерпел крах. Галдана и Цэван-Рабдана примирить не удалось. Предложение же об отводе войск вызвало гневную реакцию Сюань Е, обоснованно усмотревшего в нем желание помочь Галдану. Он приказал отправить в Лхасу ответное послание, в котором прямо №

открыто заявлял светскому правителю Тибета дибе,. «что он не того ли ради старается о сведении наших караулов, чтоб между тем Галдан, исправясь, усмотря способное время, на наши земли свободнее напасть мог».

В такой обстановке началась и развернулась подготовка к войне. Претензии Галдана на Халху, равно как и требование о выдаче ему Тушету-хана и ургинского хутухты, были решительно отвергнуты цинским правительством, развернувшим в ответ на эти требования небывалую по масштабам мобилизацию войск и материальных ресурсов.

Что мог противопоставить этому Галдан? Он усилил агитацию среди владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии, приглашая их перейти на его сторону. Мы не знаем текстов писем, которые он рассылал князьям„ но их число было, по-видимому, значительным. Зимой 1692 г. один из владетельных князей Внутренней Монголии переслал в Пекин письма, тайно врученные ему одним из послов Галдана. В ноябре того же года из Пекина к Галдану было отправлено письмо, посвященное подпольной грамоте, которую его послы «для рассеву нашим подданным мунгалам отдали... А ныне бывшие здесь твои послы, присланные с данью, именем твоим нашим подданным мунгалам твои письма раздавали... Однако наши мунгалы, как верноподданые, обо всем нам доносили, и мы о твоих умыслах известны, то потому мы весьма не уповаем, чтоб они, прельстясь на обманы, от нас отпали. А что ты в своих письмах объявляешь, что якобы ты все то делаешь к пользе Дзункабина закону, то и мы... защищаем закон оного Дзункабы». Содержание этого указа свидетельствует о том, что Галдан обращался к князьям в первую очередь как к единоверцам, пытаясь воздействовать на них доводами религиозного характера.

Продолжая свои военные приготовления, пекинское правительство приглашало Галдана прикочевать ближе к границе якобы для переговоров о мире. 13 февраля 1693 г. ему, например, писали из Пекина: «А ныне ты, писал к нам, что... ежели о Джебдзун-Дамба-хутухте и Тусету-хане так учинено будет, как ты требовал... и все-семи знамен калки возвращены будут на прежние свои места, то ты как нашим мунгалам, так и прочим всем никакого дерзновения и обид чинить никогда не будешь». Для обсуждения этих вопросов Пекин предлагал ему прикочевать ближе к границе.

В Пекине отчетливо представляли, что Галдан не сможет длительное время оставаться в границах небольшого Кобдоского оазиса, что он попытается раздвинуть границы своего владения, а поскольку путь на запад был для него закрыт Цэван-Рабданом, то направление на восток, к Толе и Керулену, является для него единственно возможным. В марте 1694 г. Сюань Е приказал усилить подготовку к походу, «понеже ныне уже весна истекает и земля везде покрывается новою травою, то потому определить того неможно, чтоб Галдан, будучи от Цэван-

Рабдана утеснен великою войною, не приступил поближе к нашим пограничным землям».

Пекин хорошо знал о тяжелом положении Галдана от перебежчиков, число которых неуклонно возрастало. Перебежчики рассказывали о недостатке продовольствия у Галдана, о его попытках наладить хлебопашество в своем владении и т. д. Пекин по-прежнему не разрешал послам Галдана торговать в пределах империи, несмотря на его неоднократные просьбы об этом. В мае 1694 г. на границу прибыл очередной посол Галдана а сопровождении 2 тыс. человек, среди которых было более тысячи женщин и детей. Это посольство вообще не было допущено в Китай по той причине, что, как объясняли свое решение органы власти, ойраты ездят по стране только в шпионских целях.

Следует отметить, что Галдан действительно засылал в монгольские и другие районы Китая много агентов. Наш источник сообщает о частых казнях галдановых шпионов. Обращает на себя внимание тот факт, что среди агентов преобладали ламы. В 1695 г., например, была раскрыта целая организация, возглавлявшаяся восемью учениками Илагугсан-хутухты и насчитывавшая более 200 человек. Члены этой организации были не только шпионами, «но притом и о том старались, чтоб мунгальские сердца склонить на свою сторону».

Общее содержание писем Сюань Е к Галдану в 1694 г. сводилось к утверждению, что последний в бою при Улан-Бутуне мог быть совершенно уничтожен, но над ним-де сжалились. Требуя выдачи Тушету-хана и Джебдзун-Дамбы, бунтуя халхасов и добиваясь власти над ними, Галдан нарушает принятое на себя клятвенное обязательство и вновь поднимает вопросы, которые уже окончательно решены и не могут быть пересмотрены. Создается тупик, единственный выход из которого — съезд и переговоры; для участия в них Галдан должен приехать лично, прикочевав ближе к границам и дав заложников — наиболее близких и преданных ему Даньдзилу или Даньдзин-Гомбо. Выполнив эти условия, он получит в награду 60 тыс. лан серебра, тогда же будет рассмотрен и вопрос о разрешении на торговлю ойратов в Китае.

Так прошли 1694 и половина 1695 г. Летом 1695 г. Галдан выступил из района Кобдо, в августе его войска достигли берегов Керулена. В это время он, как и раньше, не прекращал попыток увлечь за собой владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии. Имея это в виду, Сюань Е принял соответствующие меры, направленные к тому, чтобы заманить Галдана ближе к местам сосредоточения цинских войск и там его уничтожить.

Разведчики доносили, что у Галдана всего около 20 тыс. воинов и он не помышляет о движении за границу Халхи, а его основная база — верховья Керулена и Толы. Убедившись в том, что Галдан не намеревается идти навстречу цинским войскам, штаб Сюань Е вынужден был принять решение о наступлении на его базу. Для этого надо было направить войска через пустыню Гоби, организовав в трудных условиях соответствующие службы снабжения, связи и т. п. Сюань Е решил совершить этот поход вместе с войсками. Предвидя трудности и лишения, неминуемые в таком походе, сановники и высшие военачальники стали убеждать императора доверить им выполнение операции, а самому остаться в столице, но он ответил на это, что Галдан «есть самый хитрый и лукавый человек, которого за обыкновенного бунтовщика почитать не надлежит, ибо прежде сего, когда учинил он нападение на пограничных наших мунгал земли, то с великими угрозами говорил он весьма поносительные и противные слова». И хотя тогда против него и были посланы войска, но командовавшие ими сановники и генералы «Галданеву напору долго терпеть не могли, но все в бег обратились». По этой причине пришлось отправить против Галдана новую большую армию. «И хотя тогда все наши ваны и верховные министры находились в армии, однако Галдана из рук своих в глазах упустили... А ныне Галдан... к возмущению наших подданных мунгал всякие плевелы в них высевает, и потому неуповательно есть, чтоб кто из оных мунгал не склонился на его сторону... Итак, ежели его до основания заранее не истребить, то весьма опасно есть, чтоб он присовокуплением соседственных земель от часу в большую силу и крепкое состояние не пришел».

Галдан, как видим, был объявлен более опасным противником Цинской династии, чем все до него выступавшие мятежники. Он стремился оторвать от империи территории, населенные монголами, что могло дать пример и другим народам, завоеванным Цинами. Вот почему не доверяя столь важную операцию своим полководцам и ванам, Сюань Е решил лично возглавить армию и вместе с ней совершить трудный поход через Гоби.

План операции предусматривал движение войск по трем направлениям: с востока, из центра и с запада, из Ганьсу. Войска были оснащены многочисленными орудиями различных калибров, инженерным имуществом, транспортными средствами; пути следования войск были обеспечены ямскими станциями, провиантскими складами; каждый воин был одет в надежные доспехи, снабжен запасными лошадьми, неприкосновенным запасом продовольствия и боеприпасов. Ресурсы большей части провинций были мобилизованы в целях обеспечения войск всем необходимым. Мы не можем точно определить численность армии, выступившей против Галдана, но есть основания полагать, что всего в операцию было вовлечено, включая вспомогательные службы, около 400 тыс. человек.

В конце февраля 1696 г. восточная, центральная и западная группы войск выступили из своих баз и двинулись в путь, тщательно скрывая маршрут и цель

движения от монголов, особенно от халхасов, которые могли бы предупредить Галдана и тем осложнить всю операцию. В этих целях китайским войскам было запрещено разжигать костры, прием пищи разрешался только один раз в сутки.

В апреле 1696 г. в штаб Сюань Е поступили сведения, что армия Галдана состоит из 20 тыс. ойратских воинов и из 60 тыс. вспомогательного войска, прибывшего к нему якобы из России. Эти сведения вызвали в штабе переполох. Многие сановники обратились к императору с настойчивой рекомендацией прервать поход. Сюань Е пригласил этих сановников в свой шатер и обратился к ним с речью, подчеркивая огромные усилия, затраченные на подготовку похода, его большое значение для судеб империи, усердную службу рядовых воинов и младших офицеров. Он предупредил сановников, что «ежели кто из них с крайней ревностью служить не будет, а будет трусить и не иметь радения, то оного мы без всякого упущения смертью казнить будем».

Преодолев оппозицию в собственном штабе, Сюань Е твердой рукой продолжал направлять действия войск, стремительно продвигавшихся к верховьям Керулена и Толы. Лагерь Галдана находился в районе, центром которого был Баин-Ула.

Судя по данным цинских разведчиков, непрерывно наблюдавших за лагерем Галдана, последний не знал о надвигавшейся на него грозной силе. Сюань Е писал сыну в Пекин в середине апреля: «Мы час от часу наши отводные караулы далее распространяем и, наведываяся о неприятеле, собираемся с задними войсками. Нам немалой от того будет авантаж, ежели Галдан на том же месте находится, в котором видел его Чекчу (один из разведчиков.— И. З.)». В другом письме к сыну он сообщал, что, по полученным 21 апреля от разведчиков сведениям, «Галдан при реке Керулен подлинно находится и ныне... Наш главный корпус отстоит от Галдана в 5 днищах, токмо, однако, он ничего сего не знает, но как дурак и безумной там стоит по-прежнему».

Жизнь, однако, внесла поправки в оперативный план Сюань Е. Командующий западной группой генерал Бе Фянь-гу 21 апреля прислал донесение, что его войска, выступив из Нинся 29 февраля, прибудут к р. Тола не 24 апреля, как было намечено планом, а лишь 4—6 мая. Такое опоздание западной группировки угрожало сорвать план окружения Галдана и открывало ему путь к отступлению на запад. Стремясь выиграть время и не дать Галдану ускользнуть из подготовленного мешка, Сюань Е в начале мая отправил к нему послов с письмом, в котором сообщал, что на границе сосредоточена и готова выступить мощная армия, которая, однако, задержана, так как он хотел бы избежать войны и кровопролития. Возвращаясь к своему старому предложению о созыве съезда для переговоров о мире и торговле, Сюань-Е убеждал Галдана, что «мы хитрыми коварствами» лукавыми подлогами никого не обманывали и никогда обманывать не хотим. Ты в сем деле никакого не имей страху и ни в чем не сомневайся. А когда ты, устрашившись, возимеешь в себе сомнение и с

тем отбежишь от нас прочь, то сему делу никогда конца не будет». 6 мая 1696 г. послы с этим письмом и с дарами подошли к передовым ойратским караулам, которые предложили им вернуться и ожидать указа Галдана. Ойратские начальники сказали, что им уже известно о прибытии императора с армией. Они просят Сюань Е повременить с началом наступления, ибо Галдан стоит на южном берегу Толы, «а ежели наша армия прямо на них пойдет, то они укрываться будут, а когда их вслед теснить будут, то и они на оборону себя руки имеют». Ойратские начальники предложили одному послу возвратиться к Сюань Е, а другому остаться и ожидать ответа Галдана.

продолжение . . .

Мы не знаем, ответил ли Галдан на письмо Сюань Е и если ответил, то что именно. Из показаний ойратских пленных, допрошенных в штабе цинской армии, мы знаем только, что Галдан поднялся на высокую гору и изучал расположение цинских войск, а затем отдал приказ об отходе, с берегов Керулена. Опасаясь, что Галдан и на этот раз уйдет далеко на запад и станет недосягаемым, Сюань Е вновь направил послов, чтобы убедить его не уходить и оставаться на месте, ибо император прибыл сюда якобы только для того, чтобы мириться. На самом же деле он приказал немедленно начать преследование отступающего противника.

Отборные передовые части Бе Фянь-гу, насчитывавшие 14 тыс. воинов, 3 мая тоже подошли к Толе и заняли все дороги и тропы, по которым могли пойти отступающие войска Галдана.

10 мая войсками Цинов было занято место, где располагалась ставка Галдана. Все свидетельствовало о поспешном и беспорядочном бегстве ойратского войска. Пленные сообщали о начавшемся разладе в самом штабе Галдана между ним и его ближайшими сподвижниками. Сюань Е писал сыну: «Три дня сряду, т.е. 10, 11 и 12 числа гнались за неприятелем, и неприятеля нашего видели мы в таком бедном состоянии, что принужден он был при своем робостном побеге многих жен и з детьми их бросить... Из сего видно, что неприятели наши от нас уже весьма далеко отдалились. Однако сей бунтовщик никак не может из рук наших уйти, ежели наш фельдмаршал Бе Фянь-гу с войском своим его перехватить успеет»141. Моральное состояние ойратских войск было, по-видимому, невысоким. Трудящиеся ойраты с трудом переносили тяготы войны. Появились перебежчики и отставшие от своих

подразделений. Эти люди передавали, что простой народ «горестно говорит — будет ли горю нашему конец?» Бе Фянь-гу доносил, что в его руки попала группа ойратских беженцев: пять женщин, трое мужчин и восемь мальчиков, с которыми было немного скота. Беженцы рассказали, что они вместе со всеми ойратами отступали вверх по Керулену, а когда дошли до Кентейских гор, то убедились в том, что «господин их не столь ласково стал их принимать, как прежде того обходился с «ими. Чего ради, желая питать себя тарбаганьею ловлею, от него сбежали» 13 мая в местности Цзун-Мод на р. Терельджи войска Галдана были встречены армией Бе Фянь-гу. Произошло сражение, закончившееся поражением ойратов. Бе Фянь-гу доносил императору, что у Галдана было 10 тыс. человек, из которых в бою было убито более 2 тыс., взято в плен около 100 человек. Большое численное и подавляющее техническое превосходство цинских войск предрешило исход сражения. Остатки ойратской армии рассеялись, сам Галдан с группой приближенных бежал на запад.

Поражение в Цзун-Мод усилило поток перебежчиков. Среди них были два ойратских чиновника, неоднократно-направлявшихся Галданом в качестве послов к Сюань Е. Будучи доверенными людьми ойратского повелителя, они многое знали, поэтому их рассказ о Галдане, о его планах, о поражении и отступлении во многих отношениях представляет интерес. Один из них, Дамба-хасиха, говорил: «Галдан по природе своей не токмо разумен есть, но и ко всем своим подданным в любовь пришел. Он о том весьма сожалел, что зашел в столь дальнее местечко Улань-Бутун и там нещастливую войну имел. А потом около Керулен, Тула и протчих рек для того поселился, чтоб как калков, так и протчих всех мунгал... возмутить.... а ежели манджу, рассуждал он, уведомятся и против, него в малой силе выдут, то он баталию даст, а в великой силе выдут, то уклонится. А при обратном шествии манджур с тылу нападать хотел. И так тем способом уповал он чрез несколько лет всю силу и провиант у манджур.... в совершенный упадок и бессилие привесть».

По словам перебежчика, Галдан не предполагал, что через Гоби может пройти такая огромная армия и что ее возглавит сам император. На рассвете 7 мая его армия начала отступление от Керулена. Галдан собирался дать бой при горе Тоно-алинь, но не смог удержать свои войска от бегства. «А как еще хотел он при местечке Эхей-бургасутай в тальнике, положа верблюдов, к баталии построиться, то получил он ведомость о приближении западной армии». Тогда Галдан решил обрушиться на эту западную группу войск. В это время с ним было всего около 5 тыс. воинов, а ружей было не более 2 тыс. штук. К тому же в результате поспешного пятисуточного отступления по местам, где из-за засухи не было ни травинки, лошади и скот обессилели, многие люди вынуждены были отстать. Поэтому он прибыл к Цзун-Мод далеко не со всеми людьми. Вдобавок ко всему части Бе Фянь-гу заблаговременно заняли все высоты, а ойраты «захватили токмо невеликой холм и, спешившись, к сражению приуготовились». Но противостоять мощному ружейному и артиллерийскому огню они не могли. Тогда маньчжурская конница окружила весь ойратский обоз, захватила жен и детей, а также около 20 тыс. голов крупного и

более 40 тыс. мелкого скота. Дамба-хасиха объяснял, что он изменил Галдану «того ради, чтоб живот свой спасти, ибо живот свой всякое живущее в свете больше всего жалеет».

Рассказ Дамбы раскрывает нам план Галдана, который предполагал, как видим, укрепиться в центральных районах Халхи и добиваться перехода на его сторону владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии, не выступая активно против Цинской династии, но отражая ее попытки подавить его, выжидая таким образом более благоприятных условий. Мы не можем сказать, какое участие в выработке этого плана принимала Лхаса, но нельзя не отметить показаний пленных ойратов, слышавших от Галдана, что у него «никогда того намерения не было, чтоб к реке Керулен итти, а пошел я сюда по совету Далай-ламы, потому что он меня словами своими обольстил».

Сюань Е разгадал план Галдана и нанес ему сокрушительный удар.

19 мая Сюань Е с основной массой своих войск тронулся в обратный путь. Допуская, что Галдан в поисках спасения может направиться в Кукунор, император послал тамошним владетельным князьям строгий указ, требовавший, чтобы они, увидев Галдана, его схватили и немедленно передали в руки цинских властей. При этом князей предупредили, что за невыполнение указа «за вечных наших неприятелей признаны быть имеют». Сюань Е стремился уничтожить физически самого Галдана и «весь его бунтовщицкий корень».

Одновременно с этим Сюань Е приказал своим командующим потребовать от всех монгольских князей и тайджи выдачи писем, полученных ими от далай-ламы и других светских и духовных владык Тибета 148. Было очевидно, что он готовит расправу с лхасскими покровителями Галдана. В июне 1696 г. в Кукунор было направлено новое послание, прямо обвинявшее дибу в сокрытии от верующих смерти далай-ламы (умершего более десяти лет назад) и поощрении военных замыслов Галдана, действовавшего якобы от имени и по поручению далай-ламы. Сюань Е потребовал от кукунорского владетельного князя Бошокту-дзинуна, чтобы тот прислал к нему под конвоем жену своего сына, дочь Галдана, равно как и всех остальных галцановых людей, которые находились у Бошокту-дзинуна. Вскоре был издан еще один указ, в котором сообщалось о решении Сюань Е направить посольство к далай-ламе. «И ежели Далай-лама подлинно жив и моим послам, допустивши пред себя, объявит, что Галдан делал все по его воле, то мы не токмо все дела предадим вечному забвению, но и ни о чем упоминать и гневаться не будем».

Сюань Е твердо знал, что далай-лама давно уже умер, что диба, сын умершего действовал от имени главы ламаистской церкви, в покои которого никого не допускал под тем предлогом, что далай-лама якобы погружен в самосозерцание и никого не желает видеть. Но Сюань Е необходимо было убедить массы верующих, что диба действительно обманывал их. С этой именно целью он и намеревался отправить послов в Лхасу.

Так было начато выведение «бунтовщицкого корня».

В июле 1696 г. Галдан вернулся в район р. Тамир, куда постепенно прибыли и его сподвижники — Рабдан, Даньдзила, Даньдзин-Гомбо, Илагугсан-хутухта и другие. Не прибыли лишь те, кто оказался в руках цинских властей, а также те, кто ушел к Цэван-Рабдану или в Кукунор. У Галдана и его сподвижников было менее 5 тыс. воинов, скота у них было очень мало, а у многих не было и юрт. Он созвал совет, на котором выяснилось, насколько тяжелым было положение в условиях приближавшейся зимы — без продовольствия, без жилья, без надежных источников снабжения. На этом совете возникли разногласия по вопросу о путях преодоления трудностей. В результате от Галдана отделились Даньдзин-Гомбо и Рабдан. Галдан, Даньдзила и Илагугсан-хутухта остались на р. Тамир.

Между тем Сюань Е старался наглухо закрыть Галдану выход из его базы и уморить его там. Он писал Цэван-Рабдану: «И того ради надлежит тебе, не упущая сего времени, во все места войско разослать и прихватя его (Галдана.— И. З.), в конец истребить. Однако ежели ты его, Галдана, поймаешь живого, то пришли его к нам под караулом, а ежели убьешь, то голову его пришли». От правителей Кукунора он продолжал настойчиво требовать ареста и доставки в Пекин дочери Галдана.

В сентябре 1696 г. от Галдана к цинским властям перебежал один из зайсанов, который сообщил, что «Галдан их пришел в такую бедность и крайнее оскудение, что не токмо дневной пищи, юрт и палаток не имеет, но и, не имея дороги куда итти, со всех сторон весьма утеснен. И ныне токмо одними травными кореньями питается. Сверх сего 4-го числа в земле его выпал на несколько аршин глубины превеликий снег. И так нынешнюю зиму ему прожить никто не уповает».

Вся информация, из разных источников поступавшая в цинский штаб, говорила одно и то же: положение Галдана осенью и зимой 1696 г. было исключительно тяжелым. Вскоре стало известно, что его сподвижник Рабдан с тысячью воинов ушел к Цэван-Рабдану, а Галдан стоит на р. Туин-гол, где ловит рыбу и тем питается.

Сюань Е не терпелось самому увидеть своего врага живым или мертвым, но окончательно поверженным. В сентябре 1696 г. он еще раз написал Галдану, убеждая склониться и перейти в подданство Цинской империи, обещая ему и всем его сановникам всякие блага.

Галдан не ответил на это письмо, как не отвечал и раньше на подобные послания и предложения.

В ноябре 1696 г. Сюань Е стало известно, что при Галдане осталось всего несколько сот человек. «Однако как от великого голоду,— писал он сыну,— так и от жестоких морозов не токмо великое множество из них бежит, но также многие и з голоду мрут... А хотя прежде слышно нам было, что Галдан намерен итти в землю Хами, однако ж... Галдан и еще около прежних мест бродит. Из-чего видеть можно, что ему ни в которую сторону поворотиться нельзя и уйти некуда, но еще и прежнего гораздо крепче огорожен».

Желая ускорить расправу с Галданом и уничтожение «всего бунтовщицкого корня», Сюань Е решил перебраться со своим штабом в Нинся, ближе к ставке Галдана. «Однако,— писал он в указе,— до тех пор от намеренного дела не престанем, пока сам Галдан в полон взят или убит не будет».

В конце 1696 г. цинские войска задержали группу людей, назвавших себя послами далай-ламы и дибы, а также некоторых кукунорских князей, ездивших к Галдану с целью «спросить о его здоровьи» и теперь возвращавшихся домой. Вместе с ними в Лхасу и к кукунорским правителям ехали три посла Галдана. У них отобрали 14 пакетов, о содержании которых источник ничего - не говорит.

Одновременно Галдан отправил посла и к Сюань Е с предложением начать переговоры о мире. Император ответил послу: «Поезжай ты и скажи своему Галдану, что тогда гораздо лутче будет, ежели мы с ним обо всех делах персонально договариваться станем, потому что без: того делу нашему никогда конца не будет. А ежели он сюда не поедет, то мы неотменно прямо к нему пойдем, хотя одним снегом питаться будем, а намерения своего не отложим».

Сюань Е и в самом деле решил форсировать поход на лагерь и ставку Галдана. Вскоре, однако, ему пришлось отменить приказ о выступлении, ибо в войсках, доедавших остатки продовольствия, поднялся ропот. Тогда он приказал сформировать два отряда — в 2 и 3 тыс. воинов, чтобы двинуть их на Галдана. С этими отрядами император решил пойти сам.

Галдан еще не терял надежды на лучшее будущее. Он рассылал письма в разные концы Монголии, убеждая владетельных князей и лам перейти на его сторону. Но эти письма перехватывали части иинской армии, тесным кольцом обложившие его лагерь.

В январе 1697 г. в районе Хами был захвачен на охоте и доставлен командованию цинских войск сын Галдана Цебден-Бальжир. По распоряжению Сюань Е захваченный был «привезен в Пекин в глухой телеге и казан всем обывателям публично, а потом под крепкой караул посажен».

В марте 1697 г. началось общее наступление цинской армии на ставку Галдана. Сведения, поступавшие в это время в штаб Сюань Е от ойратских перебежчиков, говорили, что Галдан уже вряд ли способен оказывать наступающим какое-либо сопротивление. Число остававшихся при нем людей непрерывно сокращалось, причем, как говорили перебежчики, он никого не удерживал и разрешал каждому действовать по своему усмотрению. Среди немногих друзей и соратников, продолжавших свою службу при нем, росло недовольство в связи с тем, что Галдан, несмотря на уже наступавшую весну, не строил никаких планов и бездействовал. Один из его соратников прямо сказал: «Разве нам здесь, с тобою будучи... з голоду помереть? Так же ты прежде сего всегда говаривал, что ты все делаешь в пользу закона Дзункабина, но своими делами так оказался несогласен, что не токмо семи знамен калкаской народ, но и весь четырех родов элетский народ крайнему нещастью подвергнул, правительство свое разрушил... Мы прежде сего тебе ничего не говорили... а ныне уже великая нетерпеливость и крайняя горесть побуждает нас обо всем тебе выговорить». Очевидцы передавали, что Галдан молча выслушал эти гневные упреки, не сказав ни слова в ответ.

Несмотря на безвыходность положения, он все же упорно отклонял предложения о капитуляции, которые ему делали как сам Сюань Е, так и его приближенные. Возможно, что Галдан все еще надеялся на помощь из Лхасы, где делами церкви вершил диба — его наставник и союзник. И в самом деле, диба делал все возможное, чтобы помочь Галдану. Благодаря его усилиям Цэван-Рабдан уклонился от участия в походе на последнюю базу Галдана. Цэван-Рабдан сам рассказывал прибывшему к нему представителю цинского правительства, что «по силе вашего величества указу, взяв свое войско, на Галдана пошел. И не дошедши за 20 дней езды до рек Сакса и Техурик, нагнал его Далай-ламин посол, Дархан-эмци называемый, который объявил ему... чтоб он в свою землю возвратился и более ни против кого не воевал. И того ради он, Цэван-Рабдан... возвратился назад».

В это же время диба пытался созвать съезд всех кукунорских князей. Один из них переслал в штаб Сюань Е полученное им письмо на тибетском языке, предлагавшее, чтобы «все хухунорские нояны с посланными от Далай-ламы и дибы послами первого месяца 28 дня при горе Чаган-Толохой называемой на съезд соберутся и свое военное оружие исправлять будут. Того ради и тебе со всеми твоими людьми военное оружие исправить, и наступающего месяца к 5 числу, нигде ни мало не стоя, со всевозможным поспешением неотменно на показанное место быть надлежит». Мы не знаем точно целей этого съезда, но не представляем себе, чтобы он не был связан с вопросом о помощи Галдану. Во всяком случае штаб Сюань Е в этом не сомневался. Советники императора так оценили действия дибы: «По всем сим делам довольно явствует, что Диба и поныне Галданеву сторону держит и нас явно обманывает».

В марте 1697 г. Сюань Е направил Галдану еще одно послание с предложением сдаться. Но это послание уже не застало Галдана в живых. Утром 13 марта 1697 г., находясь в урочище Ача-Амтатай, он занемог, а к вечеру того же дня, на 52 году жизни, умер. В ночь на 14 марта его труп был предан сожжению. Сюань Е в письме к сыну сообщил об этом: «Галдану случилась смерть от принятого им ядом исполненного зелия... Но токмо того жаль, что Галданево тело сожжено. А однако ж только б мы одну его сухую голову видеть могли, хотя б он и совсем цел был, прежде сего и У Сань-гуево тело также сожжено было, однако оное потом на лобном месте в ступе истолчено и по всем рынкам рассеяно. И тако сего закону мы уже переменить не можем».

Смерть Галдана положила конец военным действиям. Цинская империя победила. Халха вошла в ее состав. Но Джунгарское ханство продолжало существовать как самостоятельное монгольское государство.

* * *

Приведенные в главе документы убедительно свидетельствуют, что Галдан-Бошокту-хан был ставленником влиятельных кругов ламаистской церкви Лхасы, возглавлявшихся далай-ламой и дибой и стремившихся к образованию объединенного независимого монгольского феодально-теократического государства под эгидой руководителей ламаистской церкви. Вся деятельность Галдан-Бошокту-хана была подчинена этой цели. Она определяла его внутреннюю и внешнюю политику, равно как и его отношение к тому или иному монгольскому владетельному князю. Все те, кто поддерживал план образования монгольского государства, были союзниками Галдана, все противники этого плана были его врагами.

Руководители ламаистской церкви активно поддерживали Галдана на всех этапах его деятельности, поставив, ему на службу многочисленные слои ламства разных степеней и рангов, используя в этих же целях огромное религиозное влияние, которым церковь пользовалась в народных массах. Без могущественной помощи церкви Галдан не смог бы овладеть Восточным Туркестаном, разгромить Тушету-хана и его союзников, а после понесенных поражений продержаться почти целое десятилетие.

Планы Лхасы и Галдана встретили решительное противодействие маньчжурской знати во главе с императором Сюань Е, который раньше своих сановников и советников понял, какая грозная для интересов династии опасность таится в планах Лхасы и Галдана. Уже после гибели Галдана подводя итоги всей кампании, Сюань Е говорил: «Галдан так далеко распространил свои победы, что он в западной и северной стороне живущих многих хуйдзыских (татарских и бухарских — И. З.) владельцев, а именно: Самархань, Бухар, Хасак, Бурут, Еркень, Хасхар, Сайрам, Турфань и Хами, под свое владение подбил и покорил, а городов и местечек более тысячи двух сот во владении своем имел. И понеже он в войнах почти век свой изжил и воинским делам довольно искусился, то калкам ни по которой мере стоять было против него не можно. И тако он семи знамен кал-каской народ, состоящий из многих сот тысяч человек, в один год очистил. Чего ради калкаские ханы, нойяны и тайдзии... под покров наш прибежали. Однако ежели бы мы их тогда не приняли... то б они поневоле принуждены были поддаться элетам. А коль был тогда силен Галдан, то и кроме нашего изъяснения всяк видеть может. Так же и о том довольно размышляли мы, что элеты, по той причине, ежели мы калков примем, и нам явными неприятелями учинятся. Однако мы калков приняли, предусмотревши все худые следствия... Галдан по сей причине, требование калков о выдаче за свое истинное право почитая, в наши земли впал. А хотя бывший наш президент Арани... при реке Улхун-бира на него и напал, то однако ж Галдан над ним великую победу одержал и его с потерянием немалого урону прогнал... В сражении при Улан-Бутуне маньчжурское войско... хотя левое крыло неприятеля, сбивши с места, и прогнало, однако правое крыло одолеть его не могло. И тако на сей баталии из высших чинов начальных людей, так и из протчих офицеров и рядовых побито и ранено было превеликое множество. Однако и Галдан, видя свою неудачу, в свою землю пошел, а на дороге напала на него моровая язва, и такой в его людях причинила великий мор, что он не во многих тысячах к кочевью своему, имеющемуся при реке Хобдо-бира, пришел... Однако ежели б мы сего дела благополучно окончать не могли, то б мы... ту бы на себе славу понесли, что мы все соки своего государства в северных странах истощили».

Решающей причиной, обусловившей поражение Галдана, было то, что ему даже с помощью церкви не удалось объединить вокруг себя и своей программы большинство монгольских владетельных князей. Более того, в результате его чрезмерно прямолинейной и деспотической политики в числе открытых врагов Галдана оказался Цэван-Рабдан, который фактически изгнал его из Джунгарского

ханства и тем лишил надежного тыла; по этой же причине Галдан не сумел привлечь на свою сторону князей Кукунора, активная поддержка которых могла бы коренным образом изменить обстановку в его пользу, значительно увеличив людские и материальные ресурсы, обеспечив надежные коммуникации с Лхасой. Трудно сказать, какую помощь могло оказать Галдану Калмыцкое ханство на Волге, но он умудрился восстановить против себя и Аюку — правителя этого ханства.

Панмонгольские и панламаистские планы, разработанные в Лхасе, отвечали интересам монгольских феодалов, но они не меняли сколько-нибудь существенно положения народных масс Монголии, для которых войны Галдан-Бошокту-хана ничем или почти ничем не отличались от обычных феодальных войн, всю тяжесть которых они несли на своих плечах, ничего или почти ничего от них не выигрывая. Положение народных масс Джунгарского ханства и их настроение наилучшим образом отразились в словах, которые мы приводили выше: «Будет ли нашему горю конец?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

Гибель Галдан-Бошокту-хана отдала ойратское государство в руки Цэван-Рабдана. Годы правления Цэван-Рабдана и особенно его преемника — Галдан-Церена были временем наибольшего могущества Джунгарского ханства, наиболее активной его роли в международной жизни Восточной и Центральной Азии.

Отличительная черта его истории в это время — исключительная интенсивность его внешнеполитических и экономических связей с Китаем и Россией, с феодальными владениями Казахстана и Киргизии, Средней Азии и Восточного Туркестана, оставивших более или менее заметный след в истории указанных стран.

Именно это обстоятельство обусловило особый интерес исследователей к истории ойратского государства первой половины XVIII в. и породило поток книг и статей; их авторы стремились возможно полнее рассказать о событиях этого периода, раскрыть их причины и внутренний смысл. Больше всего публикаций, книг и статей появилось на русском языке. Однако документов и других источников опубликовано все же мало; гораздо больше документальных материалов ожидает своей очереди в архивохранилищах МНР, КНР и СССР.

Недостаточность источниковедческой базы и некритическое отношение исследователей к имевшимся источникам явились причиной многих ошибок и

неточностей в изложении и трактовке событий. А. Позднеев, например, по-прежнему слепо следуя за монгольскими источниками XVIII и китайскими XIX вв., игнорируя показания русских архивных документов, отрицательно характеризовал Джунгарское ханство и его деятелей, идеализируя в то же время политику и правителей Цинской империи, Перу А. Позднеева принадлежит несколько значительных работ, посвященных монгольской истории рассматриваемого времени. В них он настойчиво проводит мысль, что именно ойраты, т. е. правители Джунгарского ханства — Цэван-Рабдан и Галдан-Церен, были инициаторами и виновниками войн и других международных осложнений того времени. Говоря о событиях собственно халхаской истории, А. Позднеев писал: «Виновниками нового смутного времени в Халхе были опять таки те же чжунгары, во главе которых стоял теперь так недавно изъявлявший свою преданность маньчжурам и искавший у них защиты от нападений Галдана — Цеван-Рабдан». Попытка А. Позднеева объяснить сложные исторические процессы первой половины XVIII в. в странах Центральной и Восточной Азии только злой волей ойратских ханов находится в резком противоречии с показаниями источников; в свете этих показаний концепция А. Позднеева не выдерживает критики и должна быть отвергнута. Следует также отметить, что в его основной работе по истории ойратов указанного времени — «Материалы для истории Халхи» — содержится много фактических ошибок и неточностей.

Свидетельством слабой изученности этого периода могут служить противоположные оценки деятельности Цэван-Рабдана К. Пальмовым и Н. Веселовским. Первый считал Цэван-Рабдана ставленником Китая, тогда как второй приписывал ему стремление завоевать не только всю Монголию, но и Китай.

О завоевательной политике правителей Джунгарского ханства писали многие ученые. И. Минаев в рецензии на книгу Н. Веселовского о посольстве Унковского к Цэван-Рабдану писал: «Подобно своему предшественнику Цэван-Рабдан был воинствен и, как кажется, имел грандиозные завоевательные планы; они то и привели его к борьбе с китайцами и заставили в момент сильной неудачи искать покровительства у русского императора». С. А. Козин утверждал, что в период правления Цинов «Джунгария, со всей очевидностью, считала себя преемницей национально-исторических прав бывшей Юаньской державы, а следовательно, и прав сюзерена над вассальными странами и народами этой державы... Отсюда факты неоднократных захватов джунгарами этих стран, имевшие место и в XVI—XVII вв. (Гуши-хан хошоутовский) и даже в XVIII в. (Цеван-Рабдан Джунгарский), какими бы внешними поводами пи вызывались эти захваты».

Вопрос о Джунгарском ханстве так или иначе затрагивался и в многочисленных трудах по истории Сибири, Казахстана, Калмыкии, Средней Азии, России и их отношений со странами Востока. Часть этих трудов, опубликованных в XIX и начале XX в., представляет собой популярные и научно-популярные произведения, не

имеющие самостоятельного научного значения, другая же часть состоит из серьезных исследований, расширяющих и углубляющих познание истории нашей Родины. Подавляющее большинство трудов второй категории отличает то, что их авторы, имея дело только с русскими источниками и отвлекаясь от процессов внутренней истории Монголии, ограничивали свои исследования рамками русско-джунгарских отношений, вольно пли невольно склоняясь при этом к идеализации политики правящих кругов тогдашней России. Иным было отношение к исследованию проблем сибирской истории у советских ученых, хотя история собственно Джунгарского ханства не стоила в центре их внимания.

Из зарубежной литературы можно отметить работы М. Курана о некоторых проблемах истории Центральной Азии в XVII—XVIII вв. и Г. Каэна о русско-китайских отношениях при Петре I. Первая из упомянутых работ представляет свод данных, почерпнутых автором преимущественно из русских и китайских исторических сочинений, а также из опубликованных записок путешественников и миссионеров, посещавших Китай и страны Центральной Азии. М. Куран противопоставляет два политических курса: маньчжурский и ойратский. По его мнению, целью как маньчжурских, так и ойратских правителей являлось образование собственной империи за счет другой стороны. Эту концепцию автор отразил уже в заголовке книги, назвав ее «Империя калмыков или империя маньчжуров?». Сведя всю проблему к указанному противопоставлению, М. Куран необычайно упростил ее, лишив, свою книгу самостоятельного научного значения. Что касается исследования Г. Казна, то автор рассматривает в нем историю Джунгарского ханства конца XVII — первой трети XVIII в. исключительно в аспекте борьбы за влияние между двумя великими державами — Китаем и Россией.

Оба этих произведения мало чем могут помочь нам в, раскрытии внутренней и внешнеполитической истории ойратского государства в годы правления Цэван-Рабдана и Галдан-Церена.

Нашим главным источником при изучении истории Джунгарского ханства в конце XVII — начале XVIII в. были русские архивные материалы из фондов ЦГАДА и особенно АВПР. Значение этих материалов неоценимо, В них содержится огромное количество фактических данных о событиях главным образом внешнеполитической истории Джунгарского ханства, они дают немало сведений и о внутренней жизни ойратского общества. Значение указанных материалов тем более велико, что в своем подавляющем большинстве они состоят из подлинных документов, включающих статейные списки, журналы путешествий и дневниковые записи русских послов Саввы Владиславовича Рагузинского, Лоренца Ланга, Максима Этыгерова, Леонтия Угримова, ездивших в Китай или к хану Джунгарии, донесения, доклады и справки сибирских губернаторов и других представителен русской администрации Сибири, Оренбургского края и Поволжья, доклады и письма калмыцких ханов и князей. Большую ценность имеют также заверенные копии

русских правительственных грамот, указов и инструкций разного рода переводы, а иногда и оригиналы писем правителей Джунгарского ханства русским властям.

Нет сомнений, что при отсутствии собственно ойратских и калмыцких источников, посвященных первой половине XVIII в., при недоступности тибетоязычной литературы русские архивные документы приобретают значение первоклассного источника, позволяющего раскрыть объективный ход исторических событий. Разумеется, нельзя не учитывать того, что русские архивные материалы отражают интересы и официальную политику правящих кругов России, почему и требуют строгого критического анализа. Но на сообщаемые ими фактические данные исследователь, как правило, может вполне положиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ойратское государство оказалось достаточно жизнеспособным, чтобы не развалиться под напором бурных, событий периода правления Галдан-Бошокту-хана. Сам. Галдан погиб, предпочтя самоубийство неминуемому плену и позорной казни, но Джунгарское ханство еще шесть десятилетий продолжало существовать и развиваться как независимое государство западномонгольских феодалов.

В предыдущей главе уже отмечалось, что со времени вторжения в пределы Халхи в 1688 г. Галдан фактически был отрезан от основной территории Джунгарского ханства, куда до конца своей жизни он уже ни разу не вступал. Ханский трон Джунгарии оказался по существу пустым. В этих условиях Цэван-Рабдан без труда захватил бразды правления, не встретив при этом, по-видимому, ни с чьей стороны отпора.

С какого же времени следует считать Цэван-Рабдана ханом Джунгарии? Фактически он стал им еще при жизни Галдан-Бошокту-хана, но внешний мир, народы и страны, окружавшие Джунгарию, признали его правителем ханства только после смерти Галдана. Таким образом, правильнее считать первым годом правления Цэван-Рабдана 1697 год.

Наши источники не позволяют проследить деятельность Цэван-Рабдана в течение тех 20 лет, которые отделяют разрыв его с Галданом от восшествия на ханский трон, т. е. с 1678 до 1697 г. Мы знаем очень мало о том, как происходило

укрепление его позиций в ханстве, как он постепенно превратился в действительного правителя ойратского государства. Нам известно, однако, что владетельные князья и народ Джунгарии не выступили в защиту прав Галдан-Бошокту-хана против Цэван-Рабдана, решительно и до конца отказывавшего в какой-либо помощи бедствовавшему правителю ханства, хладнокровно наблюдавшего его гибель и фактически узурпировавшего его власть еще при жизни Галдана.

Из этого можно сделать лишь тот вывод, что великодержавные планы Галдана были не очень популярны в Джунгарии. Даже владетельные князья, не говоря уже о народных массах, предпочитали не ввязываться в такое авантюрное предприятие, как попытка создать «великое монгольское государство» под эгидой ламаистских иерархов Лхасы. Возможно, что эти планы встречали поддержку крупных и крупнейших феодалов, а также высших лам Джунгарии, но средние и мелкие феодалы, не участвовавшие в галдановых войнах 90-х годов и кочевавшие на джунгарской территории, предпочитали не жертвовать своими непосредственными интересами ради этих планов. Вот почему они оставили Галдана на произвол судьбы. Цэван-Рабдан не получил признания лишь от небольшой группы князей — ближайших сподвижников Галдана и личных врагов Цэван-Рабдана. В своем большинстве они предпочли подданство Цинской империи возвращению в Джунгарию под власть Цэван-Рабдана.

Следует отметить, что источники не подтверждают распространенной в литературе версии, будто Цэван-Рабдан, желая купить расположение Сюань Е, добровольно выдал цинским властям останки Галдана, а также сына и дочь Галдана, как только они попали в его руки. По данным источников, Сюань Е, желая вывести «бунтовшицкий корень», действительно всячески домогался возможно быстрее заполучить детей и близких родственников Галдана, равно как и пепел его сожженного трупа. С этой целью он не раз посылал соответствующие указы и послов к Цэван-Рабдану. Но тот под разными предлогами длительное время уклонялся от выполнения этих требований.

«Прежде сего,— говорит наш источник,— к Цэван-Рабдану послан был указ, чтобы он Галданево тело без всяких отговорок прислал, а ежели не пришлет, то б он более своих послов и караванов для купечества не присылал»12. Только в сентябре 1698 г. прах бывшего правителя Джунгарского ханства был доставлен в Пекин, где он по приказу Сюань Е был выставлен во всех воротах города.

Что касается дочери Галдана, то Цэван-Рабдан, уступая давлению Пекина, отправил ее лишь летом 1699г.

Первым крупным внешнеполитическим актом Цэван-Рабдана в качестве джунгарского хана была война с казахским ханом Тауке. Весной 1698 г. Цэван-Рабдан писал Сюань Е, что начал войну «не от доброй воли, но по великому принуждению», что ее причиной является вероломство Тауке, который обратился к нему с просьбой исходатайствовать освобождение сына, взятого в свое время Галданом в плен и отправленного в Лхасу в подарок далай-ламе, обещая, что за это «он, Тауке, со мною в связи и согласии пребывать будет». Идя навстречу Тауке, Цэван-Рабдан добился освобождения его сына, которого и отправил к отцу в сопровождении 500 человек «для сбережения». Но Тауке «за сии мои благодеяния вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей-Батур-тайдзия убил и всех его людей, разграбивши, в плен к себе отвел. После сего не в долгом времени данных моих ясашных урянхайцев более ста кибиток с женами и с детьми, со всем их скотом и пожитками забрал». Помимо всего этого люди Тауке-хана совершили нападение на караван, с которым ехала в Джунгарию с берегов Волги невеста Цэван-Рабдана, дочь Аюка-хана. «Тако же де он, Теуке, моих купецких людей, возвращающихся с товарами из Российской земли, разграбил». Ввиду всех этих обстоятельств «принужден я силе силою отвращать и против них со своим войском войною итти. Я сим объявлением невинность мою изъясняю того ради, дабы ваше величество не подумали, что я к войне великую склонность имею».

Мы привели выдержки из письма Цэван-Рабдана не потому, что они могут оправдать джунгарского хана обвинить казахского. У нас нет оснований верить как в благородство Цэван-Рабдана, так и в бескорыстие Тауке. Можно заранее сказать, что оба хана имели более пли менее равное основание обвинять друг друга в проступках, подобных тем, о которых джунгарский хан писал к Сюань Е. Война 1698 г. положила начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени джунгарская опасность начала превращаться в главную опасность, угрожавшую самостоятельному существованию феодального Казахстана. Если в XVII в. Джунгарское ханство воевало против казахских ханов и султанов в 1643 и 1681 —1684 гг., то в годы правления Цэван-Рабдана эти войны следовали одна за другой-в 1711 —1712, 1714, 1717, 1723 и 1725 гг. Но и этот перечень не является исчерпывающим, так как не учитывает ряда ответных ударов казахских ханов и султанов по ойратским феодалам.

Что же лежало в основе всех этих войн? Факты, подобные перечисленным в письме Цэван-Рабдана, даже если все они соответствовали действительности, могли служить лишь поводом к началу военных действий. Причины же ойратско-казахских войн XVIII в. лежали глубже.

Заслуживает внимания и вопрос о причинах, побудивших Цзван-Рабдана послать Сюань Е письмо с целью объяснить и оправдать начатую против казахов войну. Источники убеждают нас в том, что Цынни-Рабдан вопреки мнению А. Позднеева и

К. Пальмова не был ни ставленником Цинской династии, ни ее вассалом и, следовательно, не был обязан отчитываться в своих действиях. Но были другие, не менее веские причины, внушившие правителю ханства мысль о необходимости послать такое письмо, а именно особенности внутреннего и внешнего положения Джунгарского ханства на рубеже XVII и XVIII вв.

Хотя ханство и выстояло перед бурями и невзгодами правления Галдана, оно тем не менее существенно от них пострадало. В итоге галдановых войн ханство понесло территориальные потери — обширные пастбищные угодья на восточных склонах Алтая, в долине р. Кобдо и в Урянхае. Большое экономическое и политическое значение этих потерь видно из того, что вопрос о возвращении утраченных территорий занял главное место во взаимоотношениях джунгарских правителей с цинскими властями Китая в течение чуть ли не всей первой половины XVIII в. Помимо территории ханство потеряло часть населения убитыми, пленными и добровольно поселившимися за пределами Джунгарии. Трудно определить цифру этих потерь. Известно, что Галдан вступил в Халху с 30-тысячной армией; предполагая, что одна семья давала одного воина — а так бывало в Монголии обычно,— мы можем допустить, что он вывел из Джунгарии около 30 тыс. семей; в каждой из них было два-три человека (нетрудоспособные старики и дети оставались дома), а всего - около 70 тыс. Анализируя показания источников, мы приходим к заключению, что из этого числа было навсегда потеряно для ханства около 50 тыс. человек.

Ойратское государство лишилось также значительного количества скота — основного богатства страны. Некоторое представление об этом мы можем получить, если учтем, что в одних лишь майских боях 1696 г. в районе Цзун-Мод армия Галдана оставила цинским войскам 20 тыс. голов крупного и более 40 тыс. голов мелкого скота.

Легко понять, что все это ослабило Джунгарское ханство и в военном отношении.

Хотя большинство ойратских владетельных князей поддерживало Цэван-Рабдана, сводя к минимуму опасность губительных межфеодальных усобиц, однако он не мог не считаться с тем, что имеет серьезных противников в лице бывших соратников Галдана — Даньдзилы, Дань-дзин-Гомбо, Дугар-Рабдана и др., большая часть которых обосновалась в Кукуноре, где блокировалась с местными правителями — потомками Гуши-хана, относившимися к Цэван-Рабдану недружелюбно.

Военные неудачи и гибель Галдана, неустойчивое положение в самой Джунгарии, где позиции Цэван-Рабдана еще не успели окрепнуть, создавали благоприятную обстановку для давления на ханство с севера и запада, со стороны России и

Казахстана. Как известно, в начале XVIII в. новая волна русской колонизации устремилась к верховьям Енисея, Тобола и Иртыша. В течение первых 15—20 лет XVIII в. вся прииртышская долина была присоединена к России, тогда как до этого крайним русским поселением на Иртыше была слобода Чернолуцкая (примерно 60 км ниже впадения Оми в Иртыш)16. Столь же быстро осваивались и долины среднего и верхнего течения Енисея, где еще в 1701 г. к югу от Красноярска не было ни одного русского селения. Успехи русской колонизации неминуемо влекли за собой оттеснение ойратских кочевий. Так возникли новые противоречия между Русским государством и Джунгарским ханством. Эти противоречия с течением времени становились все более острыми; они, как мы увидим ниже, составили важную страницу в истории русско-ойратских отношений XVIII в.

Мы имеем основание полагать, что небывалое обострение джунгаро-казахских отношений в XVIII в. также - имело в своей основе противоречия территориального характера. Казахские ханы и султаны, нуждаясь в дополнительных пастбищных угодьях, метались с. востока на запад и с севера на юг, но не находили свободных, никем не занятых земель. Именно этим, по нашему мнению, объясняются их многочисленные конфликты с калмыками, башкирами и т. п. Используя сложившуюся в Джунгарии обстановку, казахские феодалы в 90-х годах XVII в. продвинули свои кочевья на восток и юг — в сторону ойратского государства. Следует отметить вместе с тем, что территориальные споры, играя главную роль в джунгаро-казахских отношениях, не были единственной причиной войн между ними. Немалое значение имело также стремление феодальных группировок каждой стороны установить свой контроль над торговыми путями и центрами торговли, поживиться богатствами противника и т. д.

В результате в конце XVII — начале XVIII в. Джунгарское ханство оказалось стиснутым на ограниченной территории, причем давление извне имело тенденцию усиливаться; на восточных рубежах ханства место халхаских феодальных владений заняла могущественная Цинская империя, явно стремившаяся распространить свою экспансию на Запад, на северных и северо-западных рубежах ханства располагались владения не менее могущественной Российской державы.

Таким было положение ойратского государства в то время, когда Цэван-Рабдан пришел к власти. Обстановка была довольно сложной и требовала от него большой осмотрительности. Слишком уж много было неблагоприятных для него факторов, чтобы он мог позволить себе риск одновременной борьбы на нескольких фронтах. Начинать пришлось с укрепления центральной власти. Дальнейшие события показали, что эту задачу Цэван-Рабдан решил успешно. Свидетельство этому мы находим, между прочим, на страницах Черепановской летописи, где под 1716 г. записано: «Эрдени Шурукту кон-тайша, которой перед тем Цаган-Араптан назывался и в 1697 г. принял правление, последуя правилам дяди своего Бушукту-хана, покорением рассеянных по разным местам калмытских улусов под свою власть

так усилился, что он не только начатую Бушукту-ханом против мунгал и китайцев войну мог продолжать, но и тибетцкой и тангутской земле побеждением тамошнего хана и прогнанием Далай-ламы делался страшным».

В первые годы своего правления Цэван-Рабдан избегал всего, что могло испортить отношения с Китаем. Его письмо к Сюань Е по поводу войны, начатой им против казахского хана Тауке, следует рассматривать как одно из проявлений этой тактики. Цэван-Рабдан делал вид, что считает себя почтительным и послушным — если не вассалом, то учеником Сюань Е, которого он намерен информировать чуть ли не о каждом своем шаге. Аналогичными соображениями, видимо, руководствовался Цэван-Рабдан и осенью 1702 г., когда в принудительном порядке-с помощью 2,5 тыс. воинов вывел подвластные ему киргизские улусы из долины Енисея далеко в глубь своих владений; он сделал это с целью устранить одну из причин возможных русско-ойратских осложнений. Нам неизвестен исход войны 1698 г., но мы знаем, что после этого Джунгарское ханство более полутора десятилетий ни с кем не воевало и поддерживало мир на всех своих рубежах. Цэван-Рабдан занимался в эти годы преимущественно вопросами внутренней жизни ханства. Многочисленные источники свидетельствуют, что он, как и его предшественники, стремился развивать земледелие и ремесленные промыслы. Немало интересных сведений, подтверждающих сказанное, мы находим в журнале И. Унковского. На основании данных И. Унковского и других материалов в Коллегии иностранных дел России в 1734 г. был составлен обзор внутреннего положения Джунгарского ханства. В обзоре, между прочим, сообщалось, что Цэван-Рабдан «по смерти дяди своего Бошту-хана над всеми людьми владетелем учинен, и от Далай-ламы дано ему другое имя — Эрдени-Журюкту-Батыр-контайша... Перед тем временем, как Унковский был, лет за 30, хлеба мало имели, понеже пахать не умели. Ныне пашни у них от часу умножаются, и не только подданные бухарцы сеют, но и калмыки многие за пашню приемлются, ибо о том от контанши приказ есть. Хлеб у них родится: зело изрядная пшеница, просо, ячмень, пшено сорочинское. Земля у них много, соли имеет и овощи изрядные родит... в недавних летах начали у него, контайшп, оружие делать, а железо у них, сказывают, что довольно находится, из которого панцыри и куяки делают, а завели отчасти кожи делать и сукна, и бумагу писчую у них ныне делают».

Тобольский дворянин М. Этыгеров, командированные в 1729 г. из Тобольска к хану Джунгарии, в своем журнале также отмстил, что он и сопровождавшие его люди, спустившись с Талкинского перевала и приближаясь к ханской ставке, «шли степью, а по топ степи имеетца пахоты контаншина владения бухарцев и калмыков», а затем снова «шли степью по правую сторону реки Цаган-Усупа мимо пашен бухарских».

Приведем также свидетельство Габан-Шараба, вообще говоря, весьма сдержанно относившегося к Цэван-Рабдану, поскольку тот незаконно и несправедливо, по

мнению калмыцкой знати, поступил с сыном Аюка-хана Санжибом, отобрав у него 15—20 тыс. подвластного населения и отпустив его самого с шестью-семью служителями к отцу. Габан-Шараб писал: «Дел (т. е. заслуг.— И. З.) Зорикту-хунтайджи у подвластных немного. Захватив калмыков (у Санжиба.— И. З.), он мало пользы получил... Советов не слушался... О народе не заботился. Но все же людей подчиненных привлекал к землепашеству. Включаю его в число совершавших добрые дела». «Памятники сибирской истории» сообщают, что русский слесарь Зеленовский в самом начале XVIII в. завел у Цэван-Рабдана ружейное дело, а другие русские люди, имен которых «Памятники» не называют, налаживали у него кожевенное производство.

У нас нет оснований преувеличивать роль и значение земледелия и особенно ремесленного производства в экономике ханства. Собственное земледелие при Цэван-Рабдане, равно как и при его преемниках, не справлялось с удовлетворением внутреннего спроса, о чем свидетельствуют непрекращавшиеся закупки хлеба на внешних рынках. О характере ойратских ремесленных предприятий и об их внутренней организации в годы правления Цэван-Рабдана позволяют судить слова одной ойратки, жаловавшейся жене И. Унковского на то, что в ханстве «по вся лета сбирают со всех улусов в Ургу к контайше по 300 и больше баб и чрез целое лето за своп кошт шьют к латам куяки и платье, которое посылают в войско». Из этих слов вырисовывается более пли менее типичная картина: феодальный правитель для удовлетворения нужд войска и двора создает предприятие, мастерскую, основанную на принципах простой кооперации и принудительного труда крепостных (в данном случае — кочевников-скотоводов), отбывающих на этих предприятиях своеобразную государственную барщину. На барщину их наряжали правители улусов, в свою очередь обязанные вассальной службой сюзерену — правителю Джунгарского ханства.

Мы не располагаем данными об организации производственного процесса в таких сравнительно сложных предприятиях, как ружейные, кожевенные, «железные»; и т. п., где сама технология производства порождала разделение труда. Возможно, что в этих предприятиях, особенно в возникшем в ханстве пушечном производстве, разделение труда и стало развиваться, преобразуя простую кооперацию в мануфактуру, но известные нам источники об этом молчат. При любых условиях значение создававшихся Цэван-Рабданом, а затем его преемником Галдана-Цсреном производственных предприятий в экономике ханства было очень невелико. Мы можем рассматривать возникновение этих предприятий скорее как проявление некоторых безусловно прогрессивных тенденции в политике данных деятеле, чем как развитие уже сложившейся отрасли экономики ханства. Такой особой отраслью производства ремесло в Джунгарии не стало.

Судя по нашим источникам, феодальные владения Восточного Туркестана не оказали сопротивления Цэван-Рабдану и признали его власть над собой еще при

жизни Галдана. Во всяком случае после 1697 г. между этими владениями и новым правителем ханства не было ни одного вооруженного конфликта. Коллегия иностранных дел России в 1734 г. в докладе императрице Анне Ивановне писала, что Цэван-Рабдан «бухарцов, живущих в городах в Еркени, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городах, под свою власть привел и дань брать начал. Ханов же и многих беков и лучших людей из тех городов к себе побрал, которые уже при нем, контакте, и пашню завели... Всех бухарцов при нем, контайше, кочует, кроме пашенных, около 2000 человек. Тако ж народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Тускель (Иссык-Куль.— И. З.)». Из этих слов явствует, что Цэван-Рабдан окружил себя довольно многочисленными представителями мусульманской аристократии, потомками правивших Восточным Туркестаном в прошлом династии, а также «лучшими людьми», т. е. богатым купечеством. Ханы, беки и «лучшие люди» завели при Цэван-Рабдане пашню, из чего следует, что последний пожаловал им землю, на которой были созданы имения, обслуживавшиеся трудом «пашенных людей», т. е. крестьян. Такая система, видимо, устраивала обе стороны, устраняя возможность конфликтов: казна Цэван-Рабдана получала продукты земледелия, а мусульманские помещики в пиратском царстве оставались такими же помещиками, какими были у себя дома. Возможно даже, что твердая власть пиратского хана надежнее обеспечивала их права и привилегии, чем неустойчивая власть местных правителей на их родине. К тому же, будучи при пиратском хане, находясь у него, так сказать, на глазах, мусульманские помещики лишались пли почти лишались возможности интриговать и бунтовать, что обеспечивало регулярную доставку дани из Восточного Туркестана в ханскую казну и имело большое значение для стабильности обстановки в ханстве. И, как мы знаем, в течение всей первой половины XVIII в. никаких осложнений во взаимоотношениях между Джунгарией и мусульманскими владениями Восточного Туркестана не возникало; мусульманская аристократия этих владений находилась в тесном союзе с пиратскими феодалами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

продолжение . . .

Подобно своим предшественникам, Цэван-Рабдан прилагал немалые усилия к тому, чтобы установить и упрочить дружеские связи и сотрудничество с калмыцким ханством на Волге и хошоутскими владениями в Кукуноре. Одним из средств для достижения этой цели были брачные связи. Выше уже говорилось, что среди поводов к воине 1698 г. с казахами было нападение последних на караван, с которым ехала к Цэван-Рабдану невеста — дочь Аюка-хана. Вскоре после этого из

Джунгарии па Волгу выехала дочь Цэван-Рабдана Дармабала, ставшая в 1701 г. женой Аюки.

Связи между Калмыцким и Джунгарским ханствами поддерживались и по церковной линии. Путь через Джунгарию в Тибет был для калмыцкого ханства на Волге наиболее удобным и коротким. Паломники с берегов русской реки, священнослужители из Лхасы достигали цели своих путешествий в мирное время, как правило, через Джунгарию. От этого привычного и самого короткого пути вынуждены были отказываться лишь в чрезвычайных обстоятельствах, например во время военных действий, угрожавших безопасности путников. В таких случаях приходилось добираться от Волги в Лхасу через Сибирь, а затем через весь Китай, с востока на дальний его запад. Так случилось, например, с родственником Аюка-хана Арабджуром, который в 1698 г. отправился через. Сибирь и Китай на богомолье в Тибет, но на обратном пути был задержан в Пекине. Это, как мы увидим ниже, явилось поводом для цинского правительства снарядить специальное посольство, чтобы склонить Аюку к совместному вооруженному выступлению против Цэван-Рабдана. Тем же путем в 1718 г. прибыл на Волгу из Лхасы видный ламаистский деятель Шохур-лама, занявший пост верховного ламы Калмыцкого ханства.

В целом можно сказать, что Цэван-Рабдану удалось, установить с калмыцкими правителями довольно тесные и дружественные связи. Мы не знаем, правда, ни одного случая непосредственного участия волжских калмыков в войнах Цэван-Рабдана, хотя последний и предпринимал в этом направлении определенные шаги. Но ему зато удалось исключить возможность использования сил калмыцкого ханства в вооруженной борьбе Цинов против ойратского государства.

Источники говорят, что в 20-х годах XVIII в. некоторые круги калмыцкой аристократии вынашивали план откочевки калмыков с Волги и их объединения с Джунгарским ханством. С этой целью в 1724 г. к Цэван-Рабдану был отправлен посол с просьбой о «протекции». Однако из этого плана ничего не вышло, главным образом потому что многие владетельные князья не желали покидать обжитые ими поволжские степи п. кроме того, опасались подвергнуться участи Санжиба, сына Аюка-хана; в 1701 г. Санжиб прикочевал с 15—20 тыс. подвластных семей к Цэван-Рабдану, который отобрал у него все подвластное население, а самого с семью-десятью служителями отправил домой на Волгу. Интересно, что в некоторых документах встречаются указания на поддержку плана объединения калмыков с Джунгарским ханством далай-ламой, который поручил Шохур-ламе сообщить калмыцким князьям его мнение о желательности объединения ойратов. «В прошлых годах по прибытии Шакур-ламине от Далай-ламы объявил он, Шакур лама, повелением Далай-ламиным хану Аюке, чтоб они все, калмыки, не под российской протекции к своему однозаконному хану откочевали, и хан де Аюка и жена его Дарма-бала и Шакур лама и емчи-гелен (высокий духовный сан, жаловавшийся ламам-врачам.— И. 3.) предложили, чтоб им откочевать к хонтайше, обослався с ним и объявя ему повеление Далай-лампно, и надеялись де, что он хон-тайши Далай-ламино повеление не оставит и их (так, как ханова сына Санджппа) не разорит».

Правительство России внимательно следило за калмыцко-джунгарскими связями, стремясь сохранить над ними свой контроль. Отвечая на запросы русских властей, Аюка-хан в феврале 1720 г. писал Петру I: «К контайше часто посланцов посылаю для того, что сын мой, когда от меня откочевал, с собою многих подданных отвез к нему из калмыков. Тогда он, контайша, всех при нем бывших улусов и калмыков насильством своим у себя удержал, токмо сына моего самого одного отпустил. И когда я у него тех улусов и калмыков спрашиваю, то он хотя и обещается возвратить, но не возвращает и не отдает. Того ради часто к нему посланцов посылаю взять у него подлинную отповедь и слово». Несмотря на требовании правителей Калмыцкого ханства, Цэван-Рабдан не вернул им людей, захваченных у Санжиба, а разделил их между своими владетельными князьями.

Более сложными были отношения Цэван-Рабдана с хошоутскими правителями Кукунора, которые к этому времени формально и фактически стали подданными Цинов. Завершение операций против Галдан-Бошокту- хана позволило Цинам значительно упрочить свои позиции в Кукуноре, принудить хошоутских владетельных князей принести присягу на верность династии и — что самое главное — ввести в Кукунор свои войска. Здесь же нашли приют и некоторые открытые враги Цэван-Рабдана из бывших сподвижников Галдана.

Мы не располагаем данными о тех конкретных мерах, которые принял Цэван-Рабдан для налаживания отношений с правителями Кукунора. Известно, однако, что успеха он не добился: хошоутские князья в массе своей оставались его противниками. А. Позднеев, ссылаясь на один из китайских источников, приводит выдержку из обращения к Сюань Е в 1705г. Даньдзилы и Даньдзин-Рабдана. «Теперь, когда все монголы... живут под вашим крепким покровительством,— писали эти бывшие соратники Галдана,— неужели же один только Цэван-Рабдан будет оставлен с своими зложелательными замыслами? Рано или поздно он, укрепившись, непременно начнет играть роль другого, маленького Галдана. И так не лучше ли... послать войска».

Не добившись успеха в Кукуноре, Цэван-Рабдан обратил своп взоры на Тибет, светским правителем которого был внук Гуши-хана Ладзан-хан. В результате переговоров с последним дочь Цэван-Рабдана стала женой сына Лацзан-хана.

Важнейшее значение для судеб ойратского государства имело в эти годы налаживание мирных отношений с Китаем и Россией. Цэван-Рабдан в первые 12—15 лет своего правления стремился главным образом к тому, чтобы убедить правительства Китая и России в своем миролюбии, в желании избегнуть споров и конфликтов. Одним из его первых шагов было урегулирование инцидентов,

накопившихся в последние годы XVII в. в пограничной полосе, смежной с Россией. Мы не будем останавливаться па каждом случае переговоров по этим вопросам между послами Джунгарского хана и русскими властями— они достаточно широко освещены в литературе. Отмстим лишь указания Черепановской летописи, что 24 января 1701 г. из Тобольска в Москву был отправлен посол Цэван-Рабдана Абдул-Ерке-зайсан. Этому предшествовало прибытие к «немирным киргизам» представителей Цэван-Рабдана для выяснения обстоятельств и виновников имевших место конфликтов. Летопись отмечала, что если бы виновность киргизов была установлена, то послы Цэван-Рабдана киргизского «князца Корчика Еренякова» отдали «в Томск головою»32. Через два года, 10 января 1703 г., Абдул Ерке-зайсан вернулся из Москвы в Тобольск, откуда, согласно указаниям русского правительства, был с честью препровожден на родину. В это именно время Цэван-Рабдан, желая ликвидировать очаг конфликтов, направил в киргизские районы Южной Сибири крупный отряд своих войск, с помощью которого все киргизы были оттуда выведены и переселены в район Иссык-Куля.

По отношению к Китаю Цэван-Рабдан проявлял в эти годы такую же сдержанность. Пекин часто отправлял к нему своих послов с целью убедить правителя Джунгарского ханства последовать примеру далай-ламы, а также.монгольских владетельных князей Халхи, Внутренней Монголии, Кукунора и вступить в подданство Цинской империи. «Все они, говорил Цэван-Рабдану в 1703 г. посол Боочжу,— управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях, сохраняя свои достоинства правителей. Неужели же они хуже тебя? Но за всем тем, благоговея перед отличными добродетелями святейшего государя, они признали над собою его верховную власть, стали наравне со всеми монголами, приняли титулы и достоинства, получают жалование и под благотворным покровительством его величества просто благоденствуют». Однако Сюань Е не удавалось убедить джунгарского хана отказаться от независимости и стать подданным Цинской империи. Всячески подчеркивая свое глубокое почтение к императору Китая, избегая осложнений во взаимоотношениях с ним, Цэван-Рабдан стремился решить главную задачу — укрепить ханство и свою власть в нем.

Такая политика не осталась незамеченной в Пекине. В том же 1703 году Сюань Е указывал своим советникам: «Прежде Цэван-Рабдан обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение: но после того как был уничтожен Галдан, да одержал он победу над хасаками и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов (имеются в виду калмыки Санжиба- И. З.), он час от часу становится надменнее».

Вскоре Цэван-Рабдан стал требовать возвращения ему территории, ранее принадлежавших Джунгарскому ханству. После разгрома Галдана они отошли к Цинской империи, власти которой передали их владетельным князьям Халхи. А. Позднеев, ссылаясь на монгольскую хронику дзасактухановского аймака, писал:

«Известно, что до времени возникновения войн Галдана чжунгары занимали своими кочевьями места вплоть до низовьев р. Хобдо и даже далее к востоку, в Улан-коме и урочищах по Кэму и Кэмчику жили смешанно с халхасами; по поражении же Галдана халхаские кочевья раздвинулись далеко на запад, так что заходили на ту сторону Алтая и простирались вплоть до р. Иртыша. На эти-то земли и объявил свое притязание Цэван, заявив маньчжурскому правительству, что места к востоку от Или до Кэма и Кэмчика искони принадлежали чжунгарам и должны быть теперь возвращены им».

Территориальный вопрос приобрел значение основного противоречия между Джунгарским ханством и Цинской империей, сделавшего неизбежной новую войну между ними.

Некоторые исследователи, отмечая сходные черты в политике Цэван-Рабдана и Галдан-Бошокту-хана, считали первого прямым продолжателем дела второго. А. Позднеев, например, прямо писал, что «Цэван-Рабдан начал замышлять то же самое, за что ратовал и Галдан: он думал соединить под своей властью все четыре рода древнего ойратского союза, сделаться самостоятельным ханом всех ойратских поколений и восстановить сполна старые границы чжунгарских владений».

Однако планы Галдана, как мы видели, были вовсе не такими скромными, они выходили далеко за рамки тех целей, о которых говорит А. Позднеев. Кроме того, и политике Галдана и Цэван-Рабдана были не только сходные черты, но и весьма важные различия. Если Галдан, владея необитаемой территорией Халхи, нуждался в поданных и потому требовал от Сюань Е возвращения в родные кочевья их обитателей, без которых земля не имела никакой пены и была бесполезна, то Цэван-Рабдан по крайней мере в первое время нуждался не в людях, а именно в территории и потому требовал возвращения ханству земель, ранее входивших в пределы ойратского государства, с тем чтобы на них могли кочевать его подданные и их скот.

Предвидя неизбежность войны с Джунгарией и отдавая себе отчет в трудностях ведения операций в таком отдаленном крае, где полностью отсутствовали какие-либо местные базы снабжения войск, пекинское правительство стало искать союзников, с помощью которых можно было бы поставить на колени непокорное ханство. Первой попыткой этого рода было посольство сановника Тулишена, командированного в 1712 г. на Волгу к калмыцкому хану Аюке. Источники говорят, что мысль об использовании последнего в качестве союзника против Цэван-Рабдана возникла в Пекине еще в 1709 г., когда туда прибыли представители Аюка-хана для выяснения судьбы Арабджура. Находившийся в то время в Пекине русский купец Худяков был приглашен сановниками маньчжурского правительства, просившими его сообщить губернатору Сибири М. Гагарину о предстоящей поездке их послов на

Волгу. М. Гагарин в докладе Коллегии иностранных дел писал: «А с чем послан китайский посланец, того купчина доведаться не мог, только дали знак, будто свойственник Аюкин в Китаех тому 16 лет и в службу приверстан 8 лет, будто о том послуются; но знатно, что за немалым делом идет, для того что из Китай никогда никуда послов и посланников не посылывали. А обносится де от китайцев, чтоб подговорить Аюку воевать с китайцы калмыцкого владельца Контайшу... а без Аюки китайский [хан] один завоевать его не может». 26 июня 1712 г. Правительствующий сенат приговорил разрешить послам Китая проехать на Волгу к хану калмыков, но предусмотрел, что если они будут «подзывать его, Аюку, на калмыцкого владельца, Контайшу, войною, и то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, Контайшу, войной не ходил, для того что он, Контайша, царскому величеству примирителен».

Попытка Цинов склонить Аюку к выступлению против Джунгарского ханства не увенчалась успехом. Не только «советы» русских властей, но и личные соображения правителя Калмыцкого ханства, не расположенного воевать против Цэван-Рабдана, обусловили неудачу миссии Тулишена.

Военные действия между войсками Цэван-Рабдана и армиями Цинской империи, длившиеся до конца жизни Сюань Е (1722), в общем довольно полно освещены в литературе. Отметим лишь, что эта воина оказалась исключительно трудной для Цинской империи. Ее армии терпели поражения, огромные военные расходы тяжело отразились на государственных финансах, поток поборов и повинностей, обрушившийся на Халху, вызывал ропот и растущее недовольство ее населения. Что касается Джунгарского ханства, то успехи его войск на полях сражений не могли не способствовать укреплению положения ханства и позиций самого Цэван-Рабдана. Возможно, что под влиянием этих успехов у правителя ханства и в самом деле возникло желание овладеть всей Халхой, а не только ранее принадлежавшей ойратам ее западной частью. Но к этому вопросу мы вернемся ниже.

В конце 1716 г. Цэван-Рабдан попытался овладеть Тибетом. Воспользовавшись не прекращавшимися там и в Кукуноре смутами и усобицами, он направил к Лхасе группу своих войск под командованием Церен-Дондоба-старшего. В сентябре 1717 г. главный город Тибета был взят ойратами; фактическим хозяином Тибета стал хан Джунгарии.

Но цинское правительство не могло допустить, чтобы центр ламаизма и руководство ламаистской церковью перешли в руки ойратских ханов п князей. Мобилизовав достаточно крупные силы, Сюань Е двинул их в 1719 г. в Тибет. Пиратские войска потерпели поражение, и весной 1720 г. Тибет был от них очищен. Цинская администрация провела радикальную операцию против враждебных Ценам элементов в Тибете, физически уничтожив всех, кто оказывал какую-либо помощь Галдану или Цэван-Рабдану. Тибет был снова включен в состав Цинской империи.

Однако в самой Джунгарии цинские армии по-прежнему терпели поражения, что, впрочем, не приносило решающей победы Джунгарскому ханству. Война затягивалась. Военные действия возобновлялись почти ежегодно весной, с наступлением зимы они приостанавливались, чтобы вновь начаться весной следующего года. Хотя Джунгарское ханство вело войну в основном на своей территории или в непосредственной близости от нее и испытывало сравнительно мало трудностей в снабжении своих войск, тем не менее война расшатывала отсталую экономику страны.

Положение еще более осложнилось в 1716—1790 гг. когда началось резкое обострение русско-джунгарских отношений. Мы уже отмечали, что в первые готы своего правления Цэван-Рабдан приложил немало усилий к урегулированию многочисленных конфликтов, накопившихся в пограничной с Россией зоне. Но в дальнейшем, по мере укрепления своего положения, он стал все более резко переходить от уступчивости к требовательности. Первым спорным вопросом вновь стал вопрос о ясаке. Цэван-Рабдан возобновил старую практику посылки сборщиков ясака в те районы и волости, которые русские власти считали подвластными России. Вскоре, однако, к этому старому предмету спора прибавился новый, связанный с начавшимся в первые годы XVIII в. быстрым продвижением линии русских поселений и военных укреплений на юг, в верховья Иртыша и Енисея. Кое-где в пограничной полосе начались столкновения, участились взаимные обиды и претензии.

Летом 1713 г. М. Гагарин направил к Цэван-Рабдану И. Чередова с требованием, чтобы хан Джунгарии прекратил сбор ясака с населения Барабинской волости и наказал тех своих людей, которые в 1710г. напали на русский город, поставленный между реками Бией и Катунью, и после трехдневных боев разорили его. В ответ Цэван-Рабдан заявил И. Чередову, что барабинцы - исстари подданные их хана, что русские люди причиняют много обид, ханству и его жителям, «а на Бии и Катуне реках в стрелке, где построен был острожек — земля их, и тот острожек они разорили и вновь ставить не дадут». Вместе с И. Чередовым Цэван-Рабдан отправил в Тобольск своего посла с письмами на имя М. Гагарина; в одном из них было сказано: «Городы Томск, Красноярск, Кузнецкой на их землях построены; долой будет снесены не будут, то их, яко на своей земле, пошлет взять».

Миссия И. Чередова положила начало длинной цепи посольств, писем и переговоров, посвященных спорным территориальным вопросам и вопросу об определении государственных границ между Россией и Джунгарским ханством.

Эти переговоры так и остались незаконченными вплоть до гибели ханства в 1758 г.

Особенно острый характер русско-джунгарские отношения приняли в связи с авантюристическими планами М. Гагарина, стремившегося овладеть районом

Яркенда в западной части Восточного Туркестана, где, по слухам, имелись богатые месторождения золота. М. Гагарин представил Петру I проект строительства целой серии укрепленных пунктов от Иртыша до Яркенда. Убеждая Петра I в реальности своего проекта, сибирский губернатор явно недооценивал то, что речь шла о территории, большая часть которой была подвластна джунгарскому хану, добившемуся значительных военных и политических успехов и не собиравшемуся уступать эти земли русскому царю.

В наши задачи не входит подробное изложение событий, связанных с экспедицией Бухгольца, тем более что они были в свое время обстоятельно описаны Г. Миллером. Отметим лишь, что план М. Гагарина был одобрен Петром I 22 мая 1714 г., находясь в Кронштадте с кораблями, готовившимися к морскому сражению с шведским флотом, царь подписал указ о назначении подполковника Бухгольца начальником экспедиции. В августе Бухгольц выехал из Москвы. 30 ноября он прибыл в Тобольск, откуда в июле 1715 г. выступил с отрядом в 2932 человека и с большой группой русских торговых люден. 1 октября 1715 г. экспедиция достигла оз. Ямышева, где заложила острог и зазимовала.

К этому времени уже вполне ясно определилось отрицательное отношение Цэван-Рабдана к цели экспедиции. Хотя его послам, находившимся в Тобольске в момент прибытия туда Бухгольца, М. Гагарин и пытался внушить, что экспедиция не имеет завоевательных целей, что ее задачей является только разведка недр, тем не менее движение русского отряда вверх по Иртышу и строительство крепости у оз. Ямышева не на шутку встревожило ойратских правителей.

В декабре 1715 г. Бухгольц донес Петру I о положении дел, о трудностях, с которыми он столкнулся. Это донесение царь получил в Копенгагене, откуда 4 февраля 1716 г. отправил ответ, своим содержанием подчеркивавший, какое большое значение придавал он этой экспедиции. Петр I писал: «Письмо Ваше декабря от 27-го дня до нас дошло, в котором пишите, что вам до Эркетя (Яркенд.— И. З.) иттп за малолюдством не безопасно от контайшиных войск. И понеже губернатору князю Гагарину при отпуске Вашем дан о том о всем полной указ, также и после в бытность его в Питербурге мы ему приказывали не только что по указу исполнять, но и самому ему велено наиочно для тех дел к вам съездить и о всем подлинно определить, о чем и ныне с подтверждением к нему писали». В постскриптуме Петр I добавил: «Что же пишите о солдатах, что от вас бегут (для того что в Сибирских городах всяких гулящих людей принимают, и вольно им там жить), и о том от нас к губернатору писано, дабы о том запретить».

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

продолжение. . .

В ту же зиму 1715 г. Бухгольц послал к Цэван-Рабдану поручика Трубникова с письмом, в котором пытался рассеять опасения относительно целей и характера экспедиции. Но на Трубникова напали казахи, и он около года пробыл у них в плену. Письмо Бухгольца к Цэван-Рабдану не дошло. «А хотя бы оно ему вручено было,— писал летописец Черепанов,— однако ненадежно, чтоб оное его освободило совсем от опасения уже распространившийся везде слух о идущем к его земле российском войске». 9 февраля 1716 г. 10-тысячный отряд ойратских войск во главе с Церен-Дондобом подступил к Ямышевской крепости и после неудачных попыток взять ее штурмом осадил. 21 февраля Церен-Дондоб прислал Бухгольцу письмо, в котором писал, что раньше хан Джунгарии и русский царь жили «в совете, и торговали, и пословались. И прежде сего русские люди езживали, и города не страивали», а теперь они самовольно, без ведома царя построили город на ойратской земле. Церен-Дондоб требовал, чтобы русские ушли; если они не сделают этого, то «и я де буду жить кругом города и людей твоих никуда не пущу. Зиму зимовать и лето, с весны до осени, житьем буду жить здесь... и запасы твои издержатся, и будете голодны, и город де возьму... И как преж сего жили, так будем и ныне жить, и торговаться, и станем жить в совете и в любви, ежели с места съедешь».

Подкрепление, высланное Бухтольцу из Тобольска, было захвачено ойратскими войсками. Для улаживания конфликта М Гагарин в феврале 1717 г. направил к хану Джунгарии сотника Чередова. Но Цэван-Рабдан был настолько озлоблен, что и слышать не хотел о приеме русского посла, продержав его у себя под стражей целых пять лет.

Обострением русско-ойратских отношений пытались воспользоваться казахские ханы и султаны. 11 сентября 1716 г. к М. Гагарину прибыли «от всей казачьей орды» два посла, доставившие поручика Трубникова, которого годом раньше отправил к Цэван-Рабдану Бухгольц. По словам этих послов, Трубников был захвачен ойратами, ограблен ими и заключен под стражу. Казахи отбили его у ойратов и теперь возвращают на родину. Но главной целью послов было добиться примирения русских с казахами, чтобы вместе воевать против ойратов. «А хан де их и вся казачья орда хотят в миру быть везде с людьми его царского величества... и ест ли де повелено будет от его царского величества им, казачьей орде, с людьми его царского величества или одним им воевать калмыцкого владельца, контайшу... то де в двадцати или в тридцати тысячах хан их и вся казачья орда всегда будут готовы». М. Гагарин считал нецелесообразным отклонять предложение казахских правителей, ибо «соседи они ближние тому калмыцкому владельцу... и опасность он от казачьей орды... имеет... всегда». М. Гагарин ответил, что «из губернии

сибирской войны на казачью орду посылать не буду... а калмыцкого владельца воевать им велел. А когда де его царское величество укажет послать войска свои на контайшу, то будем иметь о том согласие, и пришлю ведомость тогда к ним». Расчет сибирского губернатора был прост. «Ест ли сведает тот калмыцкий владелец, что казачья орда войною на него будет со стороны величества вашего, то не надеюся ему воеваться с людьми вашего величества и противности чинить в городовых делах». В заключение М. Гагарин просил, чтобы Петр I прислал на имя Цэван-Рабдана грамоту, которая подтвердила бы, что строительство городов производится не самочинно сибирскими властями, а по его указам. Донесение М. Гагарина было получено Петром I на пути в Голландию. Он наложил резолюцию: «По его желанию послать грамоту. Однако ж ежели они будут смирно жить, то с ними не воевать». 18 декабря 1716 г. Петр I подписал письмо джунгарскому хану, сообщавшее, что М. Гагарину было Петром I повелено «в краях сибирских, по Иртышу, и на Зайсан озере, и в вершинах Иртышных сыскивать серебренные, и медные, и золотые руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить городы». Теперь же он, Петр, узнал, что «вы, контайша, с улусными своими людьми близ тех помянутых мест жилища свои имеете, того ради... желаем, дабы вы в строении тех городов... никакой помешки не чинили... но наипаче... потребное вспоможение чинили... А мы... желая, чтоб вы также, как и хан Аюка и прочие калмыцкие владельцы, у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные и к Сибирскому нашему царству принадлежат». Далее Петр I сообщил Цэван-Рабдану, что приказал губернатору Сибири, «ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятствия в строении городов и приискании руд... чинить не будете, тоб отнюдь с тех земель не высылали... никакого разорения и обид от подданых наших отнюдь не было бы, но наипаче вас и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять».

7 марта 1717 г. письмо Петра I было отправлено к Цэван-Рабдану с Г. Вильяновым, которому М. Гагарин дал и от себя письмо к правителю ханства. Но спасти экспедицию Бухгольца было уже невозможно. 28 апреля 1717 г. уцелевшие солдаты Ямышевского гарнизона (около 700) разрушили крепость и, погрузившись на суда, отплыли по Иртышу в Тобольск, не встретив ни малейшего противодействия ойратских войск. Двигаясь вниз по Иртышу, экспедиция заложила в устье р. Омь крепость и город Омск.

Между тем Г. Вильянов 27 июня 1717 г. был принят Цэван-Рабданом, ставка которого в это время располагалась у горы Музарт. Хан Джунгарии был по-прежнему крайне раздражен действиями русских властей и до конца февраля 1718 г. держал Вильянова под стражей. Он принял посла только 1 марта 1718 г. Хан жаловался послу на управителей Томска, Кузнецка и Красноярска, строивших города на его земле и требовавших ясак с его подданных. Он отпустил Г. Вильянова в Тобольск и дал ему письмо на имя сибирского губернатора. Ставка хана в это время была уже на р. Хоргос, В письме Цэваи-Рабдан вновь требовал, чтобы русские

власти прекратили собирать ясак с его подданных и снесли города, построенные на его земле.

Положение Джунгарского ханства в это время было не таково, чтобы его правители могли серьезно рисковать мирными отношениями с Россией. Им предстояла борьба с Цинами за Тибет и южные области Восточного Туркестана, следовало также ожидать нападения казахских ханов и султанов, стремившихся восстановить своп позиции в Семиречье и вытеснить оттуда ойратских феодалов. Неудача в Тибете, занятие цинскими войсками в том же году городов Хами и Турфана, произвели переполох в ставке правителя Джунгарского ханства. Там убедились.

Что не в состоянии оказывать эффективное сопротивление одновременно Цинской династии. Российской империи и казахским ханам. В этих условиях ойратские феодалы принуждены были пойти на крупные уступки Русскому государству. Наиболее ярко это проявилось в связи с экспедицией Лихарева, командированного Петром I в 1719 г. для расследования деятельности М. Гагарина, а также с поручением «старатца сколько возможно, дабы дойтить до Зайсана озера... построить у озера крепость... а в газарт не входить, дабы даром людей не потерять и убытку не учинить».

В мае 1720 г. Лихарев с небольшим отрядом в 440 человек выступил из Тобольска и беспрепятственно добрался до Зайсана. Ойратское население, кочевавшее по берегам озера, увидя русских, бежало в глубь страны. В районе озера осталось ойратское войско численностью около 20 тыс., охранявшее рубежи ханства от возможного наступления цинских войск. Им командовал сын и наследник Цэван-Рабдана Галдан-Церен.

«О прибытии россиян, - писал летописец Черепанов, - всех ужас обнял, ибо неинако думали, что русские с китайцами согласились, чтоб здесь соединиться, калмыков совокупными силами воевать». Но когда выяснилось, что прибыл только один немногочисленный отряд русских, ойратские войска 1 августа начали с берегов озера обстреливать суда с русскими воинами. 2 августа по инициативе ойратской стороны начались переговоры. Ойраты добивались одного — чтобы русские ушли назад. Представители русской стороны отвечали, что «им никогда на ум не приходило войну или неприятельские действия начинать», что они были заняты лишь исследованием верховьев Иртыша и поисками «рудокопных мест». Мир был восстановлен, обе стороны поздравляли друг друга. «Многие калмыки, радуяся о возвратном пути россиян. русские суда провожали». Возвращаясь в Тобольск, Лихарев заложил Устькаменогорскую крепость.

В это время сотник Чередов командированный М. Гагариным в 1716 г. в Джунгарию, все еще находился в ставке Цэван-Рабдана. Хан, получив донесение о мирном разрешении зайсанского конфликта, был этим очень обрадован. Призвав к себе Чередова, он стал говорить о причиненных ему и его подданным обидах, вследствие чего возникали ссоры, о том, что, желая устранить причины конфликтов, он освободил спорные территории от обитавших там киргизов и теленгутов, а между тем русский отряд вступил в пределы ойратского государства и заложил город у оз. Ямышева. Подчеркивая, что он хочет жить с Россией в дружбе и мирно торговать, хан соглашался не препятствовать поискам руд. Взамен Цэван-Рабдан просил: «1. Оборонить бы его от китайцев и от мунгальцев, и он будет жить так как Аюка-хан; 2. И отобрать бы у китайцев мунгалов, дать ему, как Аюке мангуты даны; 3. Чтоб ему с ясашных людей, с которых он имал ясак, по-прежнему брать; 4. Беглых бы его калмыков не принимать и отдавать». Цэван-Рабдан говорил Чередову, что «тому лет сто будет, были послы и размежевали землю и грани поставили по Омь реку, а по Обе реке по Черному мысу». Он выразил желание, «чтоб российским построить крепость выше нор Зайсана озера в Иртышских вершинах в развилинах,— такого де угодного места вверх по Иртышу инде для строения крепостей не будет, и чтоб ускорить, не захватила бы китайская сила и крепость бы в том месте не построила, и чтоб ему, контайше, и людей его под Семипалатную крепость и вверх по Иртышу кочевать невозбранно».

Беседа Цэван-Рабдана и Чередова рисует внешнеполитическое положение Джунгарского ханства в 1720 г., когда ханские войска проиграли сражение в Тибете, когда армии Цинской империи заняли Хами и Турфан и угрожали Карашару, что создало бы реальную угрозу существованию ханства, когда казахские ханы и султаны готовились к новым боям за Семиречье, а «россияне» упорно и безостановочно расширяли своп владения, приближаясь к Тарбагатайским и Саянским горам. В этих условиях правитель Джунгарии решил опереться на Россию, рассчитывая с ее помощью отразить цинские войска, которых он считал главным противником: он просил прислать войска и построить крепость на якобы ойратской земле — выше оз. Зайсан по р. Черный Иртыш.

Программа, выдвинутая правителем Джунгарского ханства, включала и такие пункты, как гарантия Россией права ойратских феодалов собирать ясак с их кыштымов; возвращение перебежчиков, т. е. главным образом ойратских трудящихся, которые, не выдержав гнета феодальной эксплуатации, убегали в русские пределы; наконец, «отобрание» у Цинов «мунгалов», т. е. монгольского населения Халхи, и передачу его под власть ойратских ханов. Это была цена готовности «стать как хан Аюка», т. е. перейти в российское подданство. Заслуживает внимания л выдвинутая Цэван-Рабданом версия о размежевании русско-ойратских границ, произведенном якобы в начале XVII в. но линии р. Омь — Черный Мыс на р. Обь. Как мы увидим ниже, эта версия займет видное место в русско-джунгарских отношениях последующего времени.

Для переговоров по всем этим вопросам Цэван-Рабдан направил в Россию Борокургана, который в 1721 г. прибыл в Петербург и в сентябре того же года был принят Петром I. В письме царю, переданном через Борокургана, Цэван-Рабдан просил, «чтобы его величество охранил его, контайшу, от китайского хана». Устно же Борокурган от имени своего хана просил направить вверх по Иртышу тысяч двадцать русского войска, с помощью которого хан мог бы «освободиться от страха китайского, ибо он его утесняет», а также овладеть Халхой. Цэван-Рабдан в своем письме, а Борокурган в устных переговорах вновь ставили вопрос о границах между Джунгарским ханством и Русским государством. Они отмечали, что раньше ойраты кочевали в верховьях Иртыша и никто их не стеснял, теперь же русские построили там крепости. Во избежание ссор и конфликтов хан Джунгарии отвел из этих районов подвластное ему население, вследствие чего стал ощущаться недостаток кочевий. Он просит, чтобы царь разрешил подданным хана кочевать «по обе стороны Иртыша невозбранно».

Петр I решил воспользоваться возможностью присоединить Джунгарское ханство по воле его правителя к Российской империи и для продолжения переговоров направил к Цэван-Рабдану своего посла И. Унковского.

Но так ли велика была опасность, угрожавшая существованию Джунгарского ханства, как ее рисовали Цэван-Рабдан и его приближенные? Факты говорят, что правители ханства преувеличивали стоявшие перед ними трудности, что Цины были еще очень далеки от реализации своих планов в отношении ойратского государства.

Показательны в этом смысле данные статейного списка Л. Измайлова, отправленного Петром I летом 1719 г. в Китай. В июне 1720 г. к Л. Измайлову в Селенгинск прибыл сановник Тулишен. По поручению Сюань Е он сообщил, что против Джунгарского ханства пятью дорогами посланы войска, «понеже де слышно им, что и от Российской стороны против его, контайши, войска отправлены к Ямышеву». Через два дня, отвечая на вопросы Л. Измайлова, Тулишен добавил, что цинской армией командует один из сыновей Сюань Е, что каждый полк этой армии имеет «по 10-ти пушек больших да по сту малых... пушки возят на телегах и на верблюдах»59. В начале ноября 1720 г. Тулишен сообщил Л. Измайлову, находившемуся в это время на монгольской территории в 50 км от Селенгинска, что цинские войска одержали крупную победу в Джунгарии и захватили там несколько городов, что в Пекин от Цэван-Рабдана прибыл посол с просьбой о прощении и мире. Тулишен сказал также, что Сюань Е просит русского посла принять прибывшего из Джунгарии посланца и разъяснить ему безнадежность сопротивления Цэван-Рабдана, против которого согласованно действуют войска Цинской империи и Русского государства.

Л. Измайлов наотрез отказался принять участие в намечавшейся инсценировке, чем вызвал гнев Тулишена, заявившего, что за непослушание русский посол будет задержан и лишен снабжения продовольствием. 12 ноября посол Цэван-Рабдана «поехал из города в путь свой, а провожали его честно и для выезду его стреляли у города па стоящих трех пушек». В тот же день Л. Измайлов покинул этот город, держа путь в Пекин, однако он и его люди «из города выехали, не имея такой чести, которая учинена контайшину послу».

Приведенный эпизод свидетельствует, что итоги военных операций 1720 г. были малоутешительными для Цинов, несмотря на занятие их войсками Хами и Турфана, что конца войны еще не было видно. Вот почему в Пекине возникла мысль инсценировкой военного сотрудничества с русским царем произвести впечатление па посланца Цэван-Рабдана и принудить последнего к капитуляции. Стремлением ухудшить русско-джунгарские отношения и натравить Россию на Джунгарское ханство объясняется и предложение Сюань Е, чтобы русские купцы ездили для торговли в Китай не восточной дорогой, не через Сибирь, а сначала вверх по Иртышу и далее до Пекина за три месяца «без великого убытку». Это предложение было отклонено Л. Измайловым, который выразил, однако, надежду, что после усмирения Джунгарского ханства Цинами купцы, возможно, и будут ездить в Пекин таким путем.

В письме к Л. Измайлову от 26 декабря представители Сюань Е сообщали о трудностях, испытываемых Китаем в связи с войной в Джунгарии. «Л мы имеем войну,— писали они,--и в том нам царское [величество] споможения никакого дать не может, токмо нашим подданным... есть великое разорение». 11 февраля 1721 г. китайская сторона вручила Л. Измайлову меморандум, в пункте 8 которого говорилось, что «ныне война с контайшей приходит ко окончанию, и для того на Иртыше крепость китайцы построят и войсками своими наполнят... и чрез оное место ближе будет ходить послам и караванам российским».

В материалах посольства Л. Измайлова джунгарская тема затрагивается часто, не ограничиваясь указанными здесь случаями. В целом эти материалы позволяют утверждать, что в рассматриваемое время борьба против Джунгарского ханства была одной из главных задач Пинской империи, что ЭТА борьба наносила императору и стоявшим за ним маньчжурским, китайским и поддерживавшим их восточномонгольским феодалам немалый ущерб и была чревата политическими осложнениями. Достигнутые Цинами к 1721 г. успехи были минимальными; Сюань Е и его сановники вынуждены были комбинировать вооруженную борьбу против ханства со сложными дипломатическими маневрами, имевшими целью привлечь к участию в этой борьбе Русское государство или в крайнем случае Калмыцкое ханство. Обращают на себя внимание и те почести, которые оказывали власти Цинской империи послам Цэван-Рабдана, отмечая их выезд из городов Китая, равно как, вероятно, и их въезд в эти города, артиллерийскими салютами.

Сказанное подтверждается и донесениями неофициального посланника России в Пекине Лоренца Ланга, часто встречавшегося и беседовавшего с пекинскими сановниками и с самим Сюань Е в 1721 и 1722гг. 21 октября 1721 г. Л. Ланг писал в Петербург: «Война с контайшами (т. е. с Джунгарским ханством.-И. З.) китайцам есть весьма трудна, понеже их армия, которая, как я уведал, состоит в 200 000 человек и ежегодно от морового поветрия умаляется... тако ж нужда в провианте так велика, что принуждены ясти падшие верблюды, лошади и другую скотину... Сия есть причина, что мор великий в их войсках, которые они принуждены по вся весны паки рекрутировать». В этом же донесении Л. Ланг писал, что Сюань Е требует, «чтобы контайшы о сем нарушенном мире просили прощения, токмо контайша к тому не склоняется и велел сему двору в прошедшем году (т. е. в 1720 г. — И. З.) чрез своего посланника объявить, что он к миру склонен, ежели его богдыханово величество в сем пункте согласится, чтоб мунгальская степь за вольное государство объявлена была». Годом позже, в сентябре 1722 г., Л. Ланг сообщил, что «контуш (контайша, Цэван-Рабдан -И. З.) с китайским государством ни в какое примирение вступать не хочет, разве ему провинция Хами паки уступлена будет и мунгалы вольными людьми объявлены будут».

Как видим, цели войны для хана Джунгарии сводились к тому, чтобы добиться ухода цинских войск из всех районов Джунгарии и Восточного Туркестана, а также «освободить» Халху, т. е. фактически присоединить последнюю к ойратскому государству и образовать объединенное монгольское государство под властью Чоросской династии.

В ходе войны у ойратских военачальников выработалась своя тактика. Зная, что их войска, не располагавшие или почти не располагавшие артиллерией, мало приспособлены к наступлению на укрепленные позиции противника, ойратское командование ограничивало операции своих войск, как правило, сражениями в открытом поле. Л. Ланг докладывал в Петербург, будто бы Цэван-Рабдан через своих послов объявил в Пекине, «что он всегда готов будет с китайской армией баталию дать, ежели оная к ним придет, для того что его народы не привыкли китайские ретрейшементы атаковать, а ежели оные от них оставлены будут и пойдут в их собственную землю, то и он за ними вскоре с своею армией следовать будет».

Трудности войны, невозможность склонить Россию к военному сотрудничеству против Цэван-Рабдана раздражали императора и его министров. Л. Ланг сообщал, что к нему приезжали министры Сюань Е, выражавшие неудовольствие дружбой России с Джунгарскнм ханством, тогда как это ханство является противником Цинской империи, с которой Россия также намерена дружить. Они настаивали на

том, что «тот, который против одного из двух монархов неприятельски поступает, от другого неприятельски трактован имеет быть».

В таких условиях наиболее выигрышным было положение России, в помощи которой нуждались обе стороны. В этой связи представляет интерес посольство Асан-ходжн, который летом 1722 г. прибыл от Цэван-Рабдана в Тобольск. Напомнив губернатору Сибири князю Черкасскому, что между русскими и ойратами издревле существовали хорошие отношения, посол отметил, что эти отношения ухудшились, когда русские начали двигаться в верховья Иртыша, строить там города и крепости, сгоняя ойратов с их кочевий. Теперь Цэван-Рабдану стало известно, что Россия намерена направить против него свои поиска; если сведения верны и эти войска начнут его теснить, то единственным для него выходом будет подчиниться Цинской империи и перейти в ее подданство. Князь Черкасский заверил Асан-ходжу, что русский царь никогда и не думал о посылке войск против Джунгарии, что подобные слухи могут распространяться лишь теми, кто хочет запугать Цэван-Рабдана и заставить его покориться цинскому императору.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

продолжение . . .

Крупнейшим событием в русско-ойратских отношениях 1722—1723 гг. было посольство И. Унковского к Цэван-Рабдану. Мы не будем останавливаться на истории этого посольства, поскольку самые важные документы, имеющие к нему отношение, были в свое время опубликованы Н. Веселовским. Известно, что целью посольства было убедить Цэван-Рабдана отправить в Тобольск своих полномочных представителей для подписания договора о его добровольном переходе в российское подданство па условиях, аналогичных положению Аюка-хана. Когда такой договор будет подписан, «тогда уже,— гласит параграф 5 инструкции, данной И. Унковскому,— его императорское величество изволит его, яко своего подданного, от других оборонять, и китайского хана может сперва через посылку грамоты своей склонять, чтоб он ему, контайше, яко подданному его императорского величества, никаких обид не чинил, а буде того хан китайской не послушает, то сыщутся способы и силой сто к тому привесть, а от других его неприятелей может его императорское величество и оружием оборонять, и другие народы ближайшие повелит в его послушание привесть, и в том ему сибирскими своими вонски вспомогать».

По миссия И. Унковского не достигла цели. Цэван-Рабдан отказался перейти в российское подданство и не принял выдвинутого И. Унковскнм предложения о постройке на территории ханства русских крепостей с русскими гарнизонами, Столь радикальная смена позиции объясняется тем, что план присоединения к России всегда встречал сопротивление некоторых влиятельных лиц, окружавших джунгарского хана. Оппозиция этому плану резко усилилась в связи со смертью Сюань Е и вступлением на престол в Китае Инь Чжэня. Характерен в этом отношении ответ Цэван-Рабдана И. Унковскому. Он сказал, что «было де его наперед сего прошение, чтоб го-роды построить для того, что китайцы на улусы его чинили нападения, а ныне де старый китайский хан умер, а на место его сын вступил, который прислал к нему послов своих, чтоб жить по-прежнему в дружбе, также мунгальские и кошеуцкие (хошоутские из Кукунора.— И. З.) послы к нему за тем же приехали, и китайцы де стали быть в худом состоянии, для чего ныне и городы ему, контайше, не надобны».

Цэван-Рабдан вновь выдвинул на первое место старые спорные вопросы о сборе ясака и о границе. Он говорил И. Унковскому, что «они от того сумневаются и так думают, когда Иртыш отнят, так и к ним будут». Нет сомнения, что активное продвижение линии русских поселений в верховья Иртыша и Енисея серьезно напугало Цэван-Рабдана и многих других владетельных князей Джунгарии.

Цэван-Рабдан направил в Россию вместе с И. Унковским своего нового посла Доржи, который 4 апреля 1724 г. был принят Петром в Петербурге. В ходе переговоров выяснилось, что Доржи не имел поручения говорить о переходе Джунгарии в российское подданство, равно как и о разведке недр русскими на территории ханства. Он был уполномочен говорить только о том, чтобы Россия и Джунгарское ханство жили в дружбе и согласии, чтобы Петр I приказал защитить Цэван-Рабдана в случае какого-либо нападения на него, чтобы власти возвращали в Джунгарию лиц, бежавших оттуда. Этими вопросами и ограничилась его миссия. Получив 28 сентября 1724 г. ответное письмо Петра I Цэван-Рабдану, в общей форме выражавшее согласие поддерживать традиционную дружбу, Доржи отправился на родину.

Было очевидно, что наступившее со смертью Сюань Е затишье на восточных рубежах ханства вернуло внешнюю политику его правителей в привычное русло. В спорных районах Южной Сибири вновь появились посланные Цэ-ван-Рабданом сборщики ясака, его посол в Пекине в 1726 г. снова поставил вопрос о возвращении ханству Хами, Турфана и территорий, отошедших к Халхе, усилился натиск ойратских феодалов на казахские кочевья в Семиречье. В 1723 г. Цэван-Рабдан, собрав крупные силы, нанес удар по владениям Большого и Среднего жузов Казахстана, подчинив большую их часть и превратив в своих данников.

Есть основание полагать, что и в эти годы Цэван-Рабдан не оставлял мысли о присоединении Халхи к Джунгарии. А. Позднеев, ссылаясь на халхаские аймачные хроники, сообщает, что хан Джунгарии пользовался каждым удобным случаем, чтобы поднять население Халхи против власти Цинов. В этих целях хан «постоянно волновал слотов и урянхаев, которые, состоя в плену у маньчжуров, были расселены в разных местах халхаских кочевьев... Такого рода беспокойства, возникавшие собственно под влиянием чжунгар... совершались на различных концах Халхи почти ежегодно и продолжались они вплоть до самой смерти Цэван-Рабдана».

В 1723 г. в Кукуноре вспыхнуло крупное восстание хошоутских владетельных князей во главе с внуком Гуши-хана Лубсан-Даньдзином. Целью восстания было свержение власти Цинов и восстановление былой самостоятельности хошоутских владений. Восставшие поддерживали контакт с ойратским государством в Джунгарии. Через год, однако, это восстание было подавлено цинскими войсками. Сам Лубсан-Даньдзин нашел приют и убежище у Цэван-Рабдана, который решительно отклонил требование пекинских властей о выдаче беглеца.

Взаимоотношения между Джунгарским ханством и Цинской империей в эти годы могут быть охарактеризованы как перемирие. В августе 1725 г. Л. Ланг писал в Петербург из Пекина, что цинские войска отошли от джунгарской границы, «однако же между китайским ханом и контайшею мир еще не учинен потому, что контайша у него взятые бухарские провинции Хами и Турфан назад требует, а оные уступить китайцы не хотят». Об этом же в мае 1727 г. писал в своем статейном списке граф Савва Рагузинский, возглавлявший российское посольство при переговорах с Китаем, завершившихся подписанием Кяхтинского договора 1727 г. «С контайшею не помирились,— писал С. Рагузинский в мае 1727 г.,— ибо они не дают завоеванных городов от контайши, а контайша без того не мирится. Правда, что армия их держала поле, а контайша генеральной баталии не смел дать, хотя китайцев никогда более 44 тысяч не было, хотя и разглашивали будто двести тысяч. Однако ж контайша частыми партиями более число разбил».

В нашем распоряжении очень мало данных о положении народных масс в ойратском государстве в годы правления Цэван-Рабдана. Но некоторое представление об этом можно составить по рассказу одного из ойратских перебежчиков, явившегося в мае 1726 г. в Верхиртышскую крепость, откуда он был доставлен в Тобольск. Этот ойрат по имени Баисхалан родился в урочище Баин-Ула. Его отец умер в ставке джунгарского хана, а брат четыре года назад решил бежать на Волгу, но был схвачен, «бит плетьми и клеймен на щеках горячим железом и на лбу, и натерли чернилами... Сам Баисхалан был тогда малолетен, и его не тронули». Упоминавшаяся уже нами ойратская женщина, беседовавшая с женой И. Унковского, говорила, что из-за войны с Китаем у людей «сбирают добрых лошадей и всякой скот и туда ж (т. е. на фронт, в войска.— И. З.) посылают; для того они ныне в великой скудости пребывают... где ныне войска и много ли оных - про то она

не знает, только де осьмой тому год (разговор происходил в 1723 г.— И. 3.), как мы в великом страхе пребываем, а от кого — о том не объявила и притом сказала: имею де я язык и ум, а действовать оным не смею, понеже всем было заказано под смертью, чтоб с русскими людьми ни о чем не говорить... И наши де все люди радуются, что с русскими стала быть дружба по-прежнему, а пред сим де временем всегда ожидали, что нас по рукам разберут и в чужие страны развезут».

Приведенные нами рассказы двух рядовых членов ойратского общества рисуют тяжкую жизнь народных масс Джунгарского ханства, бесправных и закабаленных, за счет которых ойратские феодалы вели войны и обогащались.

В конце 1727 г. Цэван-Рабдан умер. Первые сведения об этом доставил в Тобольск 13 декабря сержант Д. Ильин, ездивший в Джунгарию по поручению губернатора для переговоров о возвращении в Россию пленных и имущества, захваченных ойратами в ямышевских боях 1716 г. Д. Ильин рассказывал, что наследник Цэван-Рабдана Галдан-Церен обвинил свою мачеху Сетерджаб — жену умершего хана — и прибывших в ханскую ставку послов Аюки в том, что они отравили его отца. Рассказ Д. Ильина подтверждается и дополняется многими архивными документами. Из них выясняется, что начало этой драмы восходит к 1723 г., когда Цэван-Рабдан направил на Волгу посла сватать свою дочь за сына Акжа-хана. Для продолжения начатых переговоров с Волги в Джунгарию в 1724г. был послан зайсанг Ехе Абугай сватать дочерей Цэван-Рабдана в жены трем другим сыновьям Аюка-хана. Цэван-Рабдан тепло встретил калмыцкого посла и обещал «дочерей своих отправить, а за ними в приданое сто девок и для провожания послать восемь тысяч человек». В 1727 г. к нему прибыли с Волги новые послы, по приезде которых хан Джунгарии скоропостижно умер. Послы Аюка-хана были заподозрены в отравлении Цэван-Рабдана. Началась расправа. Галдан-Церен казнил четырех и отправил в ссылку двух членов калмыцкого посольства, заключил в тюрьму и держал год в заточении Ехе Абугая, а мачеху свою Сетерджаб и трех ее дочерей подверг мучительной казни. Ее сын Лоузан-Шоно, сводный брат Галдан-Церена, еще до этих событий бежал на Волгу и тем спасся от казни. Верховный лама Калмыцкого ханства Шохур-лама уже в феврале 1726 г. говорил майору Беклемишрял, что причиной бегства Лоузан-Шопо из Джунгарии было следующее: «Брат де его большей (т. е. Галдан-Церен.- И. 3.)... собрав войско, хотел его воевать, отчего убоясь, к нам и прибежал. И ныне де его по должности еродничсскон (внук Аюки-хана.— И. 3.) в чести содержат, а с ним де 8 человек приехали».

Сам Лоузан-Шопо объяснил свой приход на Волгу тем, что «он, Шуну, умершего Аюки-хана дочери его сын, и выехал в калмыцкие улусы за тем, что он как был в улусах отца своего, контайши, и его, Шунуя, все войско контайшиных улусов весьма любили и хотели по отце, Шунуя, учинить наследником. Чему завидуя, отца его, контайши, большой сын, а его, Шунуев, брат розноматерной на него, Шунуя, наговорил отцу их, контайши, умысли неподобные слова и учинил между ими,

Шунуем и отцом его. вражду и ненависть, и отец их, контайша, хотел его, Шунуя, убить до смерти».

Иначе объяснял бегство и последовавшие за ним события новый хан Джунгарии Галдан-Церен. Его первый посол в Росси Боджир, прибывший в Тобольск 13 декабря 1727г., а в Москву 1 февраля 1728 г. и принятый Петром II, вручил письмо своего хана, в котором тот писал: «Брат мой меньшой к калмыкам ушед и с владельцем Дондук-Омбою соединясь, к мачехе моей прислал отраву, чтобы ею меня отравить. И помянутая моя мачеха, убояся тою отравою меня стравливать, рассуждая, что ежели про оное сведает мой отец, то ей не без беды пробудет, вымыслила оною отравить отца моего, что она и учинила, от чего он, отец мой, и преставился».

Несмотря на обилие документов, так или иначе касающихся указанных событий, остается все же невыясненным, какие причины удерживали Ехе Абугая более двух лет в ставке джунгарского хана, с какой целью прибыли к Цэван-Рабдану новые послы с Волги в 1727 г., какую роль во всей этой истории играл яд, кому, кем и с какой целью он предназначался. Показания источников позволяют высказать предположение, что переговоры о брачных союзах были не единственной целью миссии Ехе Абугая и других представителей Калмыцкого ханства, что намечавшиеся брачные союзы сами служили средством для достижения каких-то более широких целей, возможно, связанных с планом возвращения с Волги в Джунгарию калмыцких владетельных князей. Выше, ссылаясь на документы, мы уже говорили о том, что в 20-х годах ХУШ в. некоторые влиятельные круги калмыцкого ханства энергично отстаивали мысль о возвращении в Джунгарию. Мы могли бы значительно увеличить перечень документов, подтверждающих сказанное, но полагаем, что углубляться в эту тему не входит в наши задачи. Отметим лишь, что такого рода план больше всех должен был устраивать самого Цэван-Рабдана, но его отстаивали и некоторые калмыцкие князья, недовольные действиями российских властей.

В отсталом феодальном обществе, подобном ойратскому, смена одного правителя другим почти всегда сопровождалась более или менее значительными внутренними осложнениями в среде господствующего класса. В основе их лежала борьба за право наследования. Острота противоречий, их длительность и глубина находились в прямой зависимости от соотношения сил боровшихся группировок. Победившая группировка, придя к власти, начинала свою деятельность с того, что расправлялась с соперниками.

Так было и в Джунгарском ханстве. Выше мы уже говорили об острой борьбе, развернувшейся в ханской ставке после смерти Цэван-Рабдана, о казнях, ссылках и других карах, обращенных Галдан-Цереком против лиц, заподозренных в заговоре и отравлении хана Джунгарии. Показания источников позволяют предполагать, что в основе этих событий лежала борьба за власть группировок Галдан-Церена и его

брата (по отцу) Лоузан-Шоно. Победила группировка Галдан-Церена, а враждебные ему лица были либо уничтожены, либо обезвдрежены. Однако сам Лоузан-Шоно бежал на Волгу, откуда он, как не без основания и предполагал Галдан-Церен, мог возобновить борьбу за власть в ханстве. Вот почему последний стремился захватить бежавшего в Калмыцкое ханство соперника.

С этой целью Галдан-Церен отправил к правителю Калмыцкого ханства письмо, в котором, сообщив о раскрытом заговоре и о принятых им против заговорщиков мерах, писал: «А ныне, ежели памятуя предков наших... дружбу, от Орлюка и поныне, и быть чтоб в добром состоянии, то Шону и Дондук-Омбу (тесть и союзник Лоузан-Шоно.— И. З.) обоих, поймав, отдайте, а я недружбу взыщу». Галдан-Церен не раз обращался и к правительству России с требованием выдать Шоно, его жену и детей. Естественный конец этому делу был положен смертью Лоузан-Шоно, о чем в июле 1735 г. было официально сообщено послам джунгарского хана, явившимся для переговоров в Коллегию иностранных дел. «И оной Шуну,— было сказано послам, — ...предь давным уже временем умер, а детей после его смерти не осталось, а жена его... яко российская подданная... к отдаче им не надлежит».

Галдан-Церен в своей внутренней и внешней политике строго следовал линии Цэван-Рабдана. Подобно отцу, он заботился о развитии земледелия и всякого рода промыслов, которые при нем достигли сравнительно высокого уровня. Это подтверждают многочисленные показания очевидцев — русских послов, купцов и мастеровых, ездивших в Джунгарию или проживавших там. Так, переводчик М. Этыгеров, посланный в) 729 г. из Сибири к хану Джунгарии, записал в своем путевом журнале, что в районе Талкинского перевала «имеетца пахоты контайшина владения бухарцов и калмыков», что он ехал «по правую сторону реки Цаган-Усуна мимо пашен бухарских», видел пашни в долинах рек Или и Эмель, а также в горах Тарбагатая.

Русский посол майор Угримов, находившийся во владениях Галдан-Церена в 1731 и 1732 гг., записал в своем дневнике много интересных сведений и наблюдений. По его данным, орошение пахотных угодий в долине Или у подножия Талкинского перевала производилось арыками, получавшими воду из р. Или; в долине р. Гурбульджин землю обрабатывали бухарцы, построившие для себя дома-«мазанки» и селившиеся, по-видимому, целыми поселками.

Возле ханской ставки располагался сад. «Был я во оном саду, писал Л. Угримов,- ...встретил нас один бухаретин... которой над теми садами имеет по указу своего владельца смотрение... В которых садах видно Пило довольно всяких дерев, и величиною оной сад, например, кругом будет версты три, которой огражден стеною из незженого кирпича выпитою выше сажени». По свидетельству Л. Угримова, таких садов в Джунгарии было довольно много. Они создавались и

обслуживались руками «бухарцев», т. е. выходцев из Восточного Туркестана, но принадлежали эти сады джунгарскому хану и ойратской знати. Один сад Галдан-Церен дал во владение шведскому офицеру Ренату - участнику экспедиции Бухгольца, попавшему в 1716 г. в плен к ойратам, - который организовал в Джунгарии производство пушек и мортир. В сентябре 1732 г. Угримов посетил еще один сад, принадлежавший самому Галдан - Церену и располагавшийся в Илийской долине на берегу оз. Хашату-нор. Этот сад был огражден кирпичной стеной в окружности «верст на 5 или больше... где и прочего кирпишного строения имеется довольно, и птичные покои... А потом показывали оные сады, в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей».

Мы не располагаем данными об общих размерах земледелия и садоводства в Джунгарском ханстве в годы правления Галдан-Церена, о степени удовлетворения потребностей ханства в земледельческой продукции за счет внутреннего производства. Но можно, не впадая в преувеличение, считать установленным, что при Галдан - Церене хлебопашество поощрялось так же, как и при его отце и деде, что земледелием занимались не только «бухарцы», но и ойраты, хотя число первых, вероятно, во много раз превосходило число вторых, что среди ойратской феодальной знати получило распространение культурное садоводство, обслуживавшееся трудом выходцев из Восточного Туркестана. Развитие земледелия среди коренного населения ханства сильнейшим образом тормозилось феодальными поборами и повинностями, забиравшими часто львиную долю трудовых затрат непосредственных производителей. Приведем для примера случай, сообщаемый нашими источниками. В конце 1744 г. один из ойратских подданных говорил русскому казаку Б. Поилову, что «приехал де в Канскую волость из землицы Зенгорской зайсан и по приказу Зенгорского владельца Галдан - Чирина во всех тех зенгорских волостях, также и в таутелеутах велено с каждой пяти десятки человек готовить по тридцать по три шубы». Особенно тяжело отражались на хозяйстве ханства воины. Для участия в них нередко привлекалось все трудоспособное мужское население, а в кочевьях оставались лишь древние старцы, женщины и малые дети. Майор Угримов 1 декабря 1732 г. писал сибирскому губернатору, что «сего лета и при урге у них людей оставалося токмо одни попы и бухарцы и несколько джиратов, с которыми их владелец всегда ездит на охоту, а прочие калмыки все до малого ребенка были изо всех улусов высланы па службу противу китайцев и казачьей орды».

Галдан-Церен прилагал немало усилий, чтобы улучшить существовавшие в ханстве промыслы и наладить некоторые новые производства. Сержант Д. Ильин, вернувшись из Джунгарии, рассказывал, что там самостоятельно делают ружья, порох и пули, добывают селитру, медь и железо. Важную роль в развитии литейного и пушечного производства сыграл Ренат, деятельность которого высоко оценивалась джунгарским ханом. Ренат говорил Л. Угримову, что он изготовил и сдал в армию Галдан-Церена 15 пушек четырехфунтовых, 5 пушек малых и 20 мортир десятифунтовых. Интересные сведения об этом производстве доставил в

Россию дворянин города Кузнецка И. Сорокин, который в 1716 г. был взят в плен ойратами и жил среди них 14 лет, после чего был отпущен на родину. Когда Ренату понадобились люди «для перевозу дощенником через одно озеро Тексел на другой берег железной руды, то отданы ему были российских пленных сто человек, в том числе и он, Сорокин, при которой работе он, Сорокин, был до отпуску своего в Россию».

И. Сорокин рассказывал, что в окрестностях озера имелось довольно много железной руды, которую ойраты исстари добывали сами, затем везли вокруг озера на противоположный берег, в лес на горе. В этом лесу руду плавили в старину и плавят сейчас в горнах, а из полученного железа «делали (и ныне делают сами) турки, сабли, панцыри, латы, шлемы и прочее. И такого дела мастеров было у них и ныне есть близко тысячи человек». Недавно пленный шведский офицер Ренат изменил способ доставки руды к плавильным печам, построив дощаник, перевозивший руду с одного берега озера на другой, а оттуда «контайшины люди, взяв, возят в помянутую гору для плавки».

По свидетельству И. Сорокина, пушечное производство было создано в Джунгарии в середине 20-х годов XVIII в., еще при жизни Цэван-Рабдана. До этого Ренат в компании с другим шведским пленным, поручиком Дебешем, наладил и суконное производство, обучив этому ойратов. «Ныне в контайшиных улусах немалое число из природных койтайшинцов суконщики находятся».

Галдан-Церен при переговорах с Л. Угримовым неоднократно подчеркивал свое желание получить помощь России для налаживания в ханстве различных производств. В марте 1733 г. он сообщил Л. Угримову, что отправляет с ним своих послов с письмами, в которых будет просить императрицу Анну «прислать для обучения ко мне на время артилерных несколько мастеров, которые б умели пушки и мортиры делать и научили б наших людей стрелять... также и фабричных мастеров, которые б могли делать всякие материи, какие и у вас делаются — золотые, серебряные и шелковые, и наших бы людей тому обучили. Да с посланцом же своим посылаю я двух человек для обучения железного дела... которые б могли во всем железном мастерстве знать силу».

Халхасец Данжин, попавший в 1732 г. в плен к ойратам и бежавший в 1747 г. говорил в Тобольске местным властям, что при нем ойраты вырабатывали из тамошней селитры и серы порох. «А какие к деланию того пороха составы оне, зенгорцы, чинят, кроме того, что серу горючего и селитру толкут мелко и мешают с угольем, и пушки льют ли, того он не знает, понеже де он всегда находился у пазби овец».

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

продолжение. . .

Суммируя показания источников, мы можем заключить, что промысловая деятельность в Джунгарском ханстве во второй четверти XVIII в. развивалась по следующим трем направлениям: производство оружия и военного снаряжения, текстильное дело, производство украшений и некоторых предметов быта. Все известные нам «предприятия» работали на ханскую казну и ставили своей целью обслуживание нужд ханского двора и высшей аристократии. В основе этой промысловой деятельности лежал принудительный труд аратов, отбывавших своеобразную государственную барщину. В этих условиях социальное и экономическое значение промыслов было незначительным, база, на которой они возникали и развивались, была непрочной, их существование находилось в зависимости главным образом от колебаний политической конъюнктуры.

Сержант Котовщиков ранней весной 1748 г. был по делам службы в Тарбагатае, в улусах племянника Галдан-Церена — владетельного князя Даваци. Там, как он выяснил, «имеетца завод серебряной и медной руды, называетца Буха. А что де ис тех руд делаетца, не знает. И прежде, при Галдан-Чирине, к тем заводам ис команды ноена Дебачи давано было людей в работу по тысячи, по пятисот, а ныне де при владельце Цебек-Доржи-Намжи людей ничего не даетца, понеже он, ноен, с ним, владельцем, имеет несогласие... И при том заводе имеетца русских один мастер и два подмастерья и один толмач... показанную руду добывают бурилами чрез порох и из медной руды делают посуду... посылаетца в работу на тот завод людей их по 3000».

В том же 1748 году купец Айбек Бахмуратов, постоянно проживавший в Джунгарии, рассказывал: «Заводы медные и серебряные, которые де были при Галдан-Чирине, ныне де брошены, ибо де прибыли нет, а труда весьма много было. А российские мастера Иван Билдега с товарищи в их урге праздно (т. е. не работают.— И. З.). А в прошлом де годе сделана была ими медная пушка, токмо при пробе оную разорвало. А есть у них небольших медных же пушек до 20, которые делал швед Аренар (Ренат.— И. З.)... И те пушки возят на верблюдах, а порох де, свинец и железо калмыки их делают сами. А меди и серебра ныне не делают». Двумя годами позже, весной 1750 г., к российским властям от жителей Джунгарии пришли сведения, что «порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцыри при прежнем

владельце Галданм - Чирине делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарин, где и мастера их, зенгорцы, имеются». Эти же люди сообщали, что упоминавшийся нами Бильдега у одного из зайсанов на р. Или «делает юфти красные. И хотя де прошлого года оное их мастерство и несостоятельно было, но ныне делают лутче. И те юфти отбираются в казну, а в народ еще отпуску не было».

Смерть Галдан-Церена (1745), вызвавшая резкое обострение внутриполитической обстановки в Джунгарии, отразилась на положении промыслов, вызвав свертывание одних, прекращение других и т. д. В целом, однако, экономическая политика Галдан-Церена, направленная па развитие земледелия и ремесленного производства, имела, несомненно, положительные результаты. В некоторой мере она способствовала повышению экономического и культурного уровня ойратского общества и сыграла свою роль в тех успехах, которые были достигнуты ойратским государством в области внешнеполитической, во взаимоотношениях с Китаем, Россией и другими соседними странами. Наибольшее значение имели, конечно, взаимоотношения Джунгарии и цинского Китая. Они определяли в значительной мере общее международное положение на обширных пространствах Восточной и Центральной Азии.

А. Позднеев чрезвычайно упрощал проблему взаимоотношений между Цинской империей и Джунгарским ханством. «Этот новый правитель чжунгаров,- писал он о Галдан - Церене, - был коварен не менее своего отца, любил войну и много раз нападал на китайскую границу. Император, выведенным из терпения дерзостью чжунгаров, порешил наконец в 7-м году своего правления (1729) наказать их». Так, по мнению А. Позднеева, началась новая серия войн между Джунгарским ханством и Цинской империей. В действительности дело было гораздо сложнее, оно не сводилось к плохому характеру одного и недостатку терпения у другого.

Выше мы отмечали, что смерть Сюань Е и последовавшие за этим события прервали военные действия между Китаем и Джунгарией. Но состояние, пришедшее на смену войне, не было миром; противоречия, толкавшие оба государства на путь взаимной борьбы, не были разрешены, цели, которые ставили перед собой боровшиеся стороны, не были достигнуты. Очевидно, причины, приведшие к войне Джунгарского ханства с Цинской империей в первые годы XVIII в., продолжали действовать и в конце 20-х годов. Возобновление военных действий было неизбежно, и обе стороны к ним тщательно готовились. Галдан-Церен, как мы видели, принимал меры к тому, чтобы оснастить свои войска артиллерией и огнестрельным оружием, создать необходимые для войны запасы; то же делало и правительство Инь Чжэня, концентрируя войска халхаско - ойратской границе в Халхе, мобилизуя людей, готовя лошадей и продолжая в то же время поиски союзников, с помощью которых можно было бы навязать Джунгарскому ханству борьбу на два фронта.

Из статейного списка С. Рагузинского явствует, что еще в марте 1728 г. к нему поступили сведения о готовившейся отправке из Пекина на джунгарскую границу представителей цинского правительства для переговоров с братом Галдан-Церена, который восстал против хана «и для того пришел в подданство к богдыханову величеству, обещая всю контайшину землю и российского Аюку-хана в подданство привесть, ежели богдыхан покажет к нему особливую милость». Из дальнейшего выясняется, что встревожившие Пекин слухи о приходе на границу брата Галдан-Церена не подтвердились, хотя, как можно полагать, в их основе и лежал известный нам конфликт между Галдан-Цереном и его братом Лоузан-Шоно (он же Шоно-Батур), покинувшим Джунгарию и прикочевавшим на Волгу. Но этот эпизод любопытен тем, что в нем отразилась глубокая заинтересованность пекинских властей в союзниках для борьбы против ойратского государства и их готовность принять любые предложения этого рода.

Как докладывал С. Рагузинский, он, беседуя в марте 1728 г. с представителями Цинского правительства, обращал их внимание на то, что правитель Джунгарского ханства неоднократно предлагал императору России выступить общими силами против Китая. Эти предложения неизменно отклонялись, и Россия «имеет с богадыхановым величеством мир и дружбу». На это его собеседники ответили, что правитель ханства весьма непостоянный человек — то он склоняется к россиянам, то к Китаю. Но тут же они «спрашивали с прилежанием, коликое расстояние между контайшею и российским подданным Аюкою-ханом и какие народы меж ими живут, и сколь далече контайшина граница от российской, и умер ли старый Аюка-хан, и кто вступил на место его». Из этих вопросов видно, что в 1728 г. правительство Цинской империи вновь серьезно изучало возможность привлечения Калмыцкого ханства к совместной борьбе против ойратского государства.

В ноябре 1735 г. из Джунгарии в Россию бежал захваченный в 1731 г. ойратами в плен маньчжурский воин Ядха.

«И в те поры, — говорил российским властям Ядха,— многих из нашего войска они, Галдан-Чиринские люди, побили, а других в полон побрали... да отбили медных пушек пять». Такие же сведения сообщил другой пленный — китаец Чуванчей, в 1728 г. направленный в г. Болх (Баркуль), где через два года «учинился у китайской с Галдан-чириновым войском бой, и в том бою он, Чуванчей, с прочими китайцы взят в плен». Есть основание полагать, что ойратский зайсан Бату-Менко не преувеличивал, когда сообщал майору Угримову «о победе над китайцами, что их китайцев, с немалым авантажем трижды в 1730 и 1731 гг. разбили».

Ренат, участвовавший в некоторых сражениях, рассказывал в мае 1732 г. Л. Угримову, что летом 1731 г. один ойратский отряд, насчитывавший 5 тыс. воинов «с небольшой артиллерией», которой командовал сам Ренат, был направлен на г.

Любчин (Люкчун?), но на подступах к нему был атакован 15 тыс. маньчжуров и потерял около 400 человек убитыми, «а достальных уже я выручил. Однако де потом, того же лета при Алтае была у калмык с китайцами другая баталия, при которой был и я. Калмыцкого войска с 30 тыс., а китайцев было тысяч с сорок и больше. Токмо де калмыки оные их, китайские, войска разбили и тысяч с семь в полон взяли и при том 5 пушек медных у них, китайцев, отбили... Да во оном же году после оного их, китайского, несчастья пришло мунгальцев добровольно во владение Галдан-Церена при знатных князьях тысяч с шесть, которые... поселены около Имиль реки».

В мае 1732 г. Галдан-Церен говорил Л. Угримову: «Приходило де их, китайцев, в третьем годе (1730 — И. З.) на нас к Баркулю озеру... тысяч с двадцать, то де мы их тогда тысяч с десять побили, а в другой де раз прошлого году приходили к Алтаю тысяч сорок, и тех де также почти всех побили и в полон тысяч с десять взяли... А после де той баталии от них же, китайцев, тысяч с десять дымов мунгалов к нам перешло». Рассказ Галдан-Церена, как видим, совпадает с тем, что говорил Л. Угримову Ренат. Он в основном и главном подтверждается также монгольскими и китайскими источниками, показания которых приводит А. Поздиеев. Таким образом, успехи ойратских войск в операциях 1729—1731 гг. несомненны. И тем не менее Галдан-Церен очень хотел получить военную помощь России. Он сказал Л. Угримову, что после поражений 1731 г. Цины никаких послов к нему не присылали, «а мне де и посылать было не для чего. Оне де надеются на свое людство. И я де хотя не столько людей имею, однако с однеми ими управиться надеюся. И ныне де я отправил на них к Алтаю войска своего нарочито, ежели оне пожелают драться». И вот в предвидении возможных новых сражений Галдан-Церен решил обратиться к императрице Анне Ивановне с просьбой о присылке русских войск. «Я де, - говорил он Л. Угримову,- не для того говорю, якобы боясь, и помириться желаю,, но я еще ими и горжю... и николи мириться не буду, ежели они сами не похотят. А ежели де постольку хотя и впредь своих войск присылать будут, то я с однеми ими управиться могу». Помощь русскими войсками позволила бы ему перейти от обороны к наступлению, что принесло бы «прибыль», как он говорил, и ему и России. Нет сомнения, что ему эта «прибыль» рисовалась по меньшей, мере в виде Халхи, присоединенной к ойратскому государству. Но его надежды на военную помощь России были тщетными.

И все же Галдан-Церен, идя по стопам своих предшественников, не переставал думать о присоединении Халхи. Курьер Хадан-Шараб, посланный ханом на Алтай к командующему ойратскими войсками Церен-Дондобу-младшему, в начале августа 1732 г. вернулся в ханскую ставку и рассказывал русскому купцу Девятияровскому, что стотысячная цинская армия расположилась на джунгарской границе в урочище Модон-Цаган-куль, «где построена, сказывают, немалая крепость... и калмыцкие войска тысяч с тридцать их дожидаются». Но, как выяснилось, цинская армия не намеревалась покинуть крепость и, начав наступление, выйти в поле. Галдан-Церен приказывал Церен-Дондобу: «Ежели от китайских войск с ними при Алтае до 23

числа августа ничего происходить не будет, то... со оного числа иттить в мунгалы». Курьер Хадан-Шараб привез Галдан-Церену донесение Церен-Дондоба о том, что «он уже и универсалы к мунгальскому народу послал... чтоб оне, мунгальцы, не дожидаясь себе разорения, шли под владение зенгорское».

23 августа 1732 г. 30-тысячная армия Церен-Дондоба-младшего выступила в поход на восток по направлению к Толе и Керулену. Но этот поход не принес успеха Джунгарскому ханству. Армия Церен-Дондоба потерпела серьезное поражение. Ренат, пользовавшийся доверием Галдан-Церена и получавший информацию о положении на фронте из первых рук, рассказывал Л. Угримову, что 16 сентября в ханскую ставку пришло донесение от Церен-Дондоба. Последний докладывал, что 23 августа его войска выступили с исходных позиций, а 26 августа дали бой 22-тысячной группировке войск противника у г. Модон-хотон и разбили ее. 29 августа Церен-Дондоб возобновил движение на восток с целью «их, мунгальцев, всех в свою сторону забрать, к которым он, Черен-Дондоб, наперед за два дни послал и универсалы, дабы они, не дожидаясь разорения, по единоверию шли все в их, калмыцкую, сторону». Некоторые халхаские владетельные князья действительно перешли на ойратскую сторону. Церен-Дондоб надеялся, что «и все мунгальцы в протекцию к ним придут».

Такие же сведения были сообщены Л. Угримову самим Галдан-Цереном 17 сентября. Хан рассказал, что китайцы построили на границе город, который был атакован ойратскими воинами. «А к мунгальцам де послали, чтоб оне в их, китайские, дела не мешались и шли б в нашу сторону без опасения, понеже де оне одного с нами закону».

Но радость в ставке Галдан-Церена длилась недолго. 21 октября туда прибыл курьер с сообщением о серьезном поражении, нанесенном цинскими войсками ойратской армии на территории Халхи. Ойраты сначала разбили резиденцию главы церкви в Халхе — монастырь Эрдени-дзу на р. Орхон, взяли пленных и добычу, но «китайские войска приуготовлены были близ оных мест в прикрытых местах и оных калмыцких войск в тесном месте зело немало разбили». Ренат показывал Л. Угримову письмо, присланное ему одним из ойратских артиллеристов, участвовавшим в бою и сообщавшим, что из десяти артиллеристов трое были убиты, двое ранены и трое взяты в плен, потеряны одна пушка и три мортиры.

Положение усугублялось неутешительными сведениями об операциях ойратских войск против казахов. «А которые де войски посланы от них, калмыков, были на казахов, но и оные де возвратились так же с великим .ущербом, так что едва и не все там остались. А прежде -разглашали, что весьма много полону людей и скота у (казахов взяли. А после от довольного скота и сами многие пришли пеши, которым с

великою осторожностью велено стоять в крайних своих улусах от приходу казачьего .и более малолюдством не ходить».

В ноябре 1732 г. остатки войск Церен-Дондоба разошлись по домам, а старшие начальники явились в ханскую ставку, где были судимы, и «приговорили их штрафовать в одеяние женского платья за то, что оне по наступлению китайских войск, не чиня дальнего отпору, побросав свои знамена и оставя войски, бежали».

Галдан-Церен не скрыл от Л. Угримова, что его войска осенью 1732 г. потерпели в Халхе поражение. В марте 1733 г. незадолго до отъезда Угримова на родину Галдан-Церен изложил ему свое понимание истории войны Джунгарского ханства с Цинской империей. Он говорил, что Цины еще при жизни Цэван-Рабдана неоднократно конфликтовали с Джунгарским ханством. Когда умер Сюань Е, его преемник Инь Чжэнь прислал к Галдан-Церену послов с предложением разобрать и устранить накопившиеся недоразумения, установить мир и дружбу между империей и ханством, выдать цинским властям главаря восстания 1723 г. в Кукуноре Лубсан-Даньдзина и других участников этого восстания, нашедших приют и убежище в Джунгарии. Галдан-Церен решил принять предложения Инь Чжэня и выдать ему Лубсан-Даньдзина. «И с тем,— говорил Угримову Галдан-Церен,— своего посланца к ним отправил, чтобы обо всех прежних ссорах подлинно переговорить и о землях согласие учинить»127. Но послы джунгарского хана, не доехав до Алтая, узнали, что цинские войска движутся на Джунгарию. Послы немедленно вернулись назад. Вскоре цинские войска напали на ойратский отряд в районе Баркуля, но были отбиты. «И потому оне, китайцы, сами оной ссоры начинатели явились, а не мы. И от того де времени уже третий год ныне с нами воюют. Однако мы же де над ними всегда при деле счастье имели и многократно их разбивали... А прошлого де году в сентябре месяце... оне, китайцы, наших людей тысячи с три побили и в полон взяли. Однако де то им еще первое счастье послужило».

В этом рассказе обращает на себя внимание заявление Галдан-Церена о том, что, вступив на ханский трон, он считал своей первоочередной задачей договориться с цинским правительством «о землях», т.е. о возвращении Джунгарскому ханству территорий, отошедших к Халхе.

Конфликт между Джунгарским ханством и Цинской империей в описываемое время оказывал заметное влияние на взаимоотношения последней с Россией, в частности на ход и исход переговоров российского посла Саввы Владиславича Рагузинского в 1726—1727 гг., завершившихся подписанием известного Кяхтинского договора.. О глубине и остроте противоречий, разделявших Джунгарское ханство и Цинскую империю, свидетельствует тот факт, что обе державы почти одновременно предложили царскому правительству союз для совместной борьбы против другой стороны. О соответствующем предложении; Галдан-Церена, сделанном через

майора Угримова, мы уже говорили. Что же касается Цинской империи, то ее посланцы в 1731 г. дважды приезжали в столицу Российского государства, где вели об этом переговоры.

В январе 1731 г. они сообщили, что им поручено обстоятельно информировать правительство России а войне, которую их повелитель ведет против хана Джунгарии, что первым начал эту войну Галдан-Бошокту-хан„ который был разбит и «сам умертвил себя отравою» Племяннник Галдана Цэван-Рабдан «без позволения других ханов и духовных знатных особ собою точию, по согласию семи человек своих советников, учинился над дядиным народом наследником и владетелем и стал подражать злым поступкам дяди своего». Цинская империя могла бы разбить Цэван-Рабдана, но не делала этого из-за миролюбия императора. После смерти Цэван-Рабдана ханом стал Галдан-Церен. «И хотя он милости и просил, точию учинился злым поступкам отца своего преемник... И для того богдохан их за благо рассудил то зло предварить и презрителей его милости и ненавидящих покоя смирить оружием... И приказано им, послам, от богдыхана при дворе Российском... объявить, что когда их, китайские, войска зенгорской народ атакуют и землю его овладеют, то... ежели ея императорскому величеству что из земли их потребно, о том бы им объявить, и оное имеет уступлено быть в Российскую сторону». Представители Цинов, как мы видим, прямо и недвусмысленно заявили о своем согласии разделить с Россией территорию Джунгарии. Но чего же добивалось цинское правительство от России взамен? Оно хотело получить разрешение на поездку своих представителей на Волгу, к хану калмыков, которого они должны были убедить выступить против Галдан-Церена; они должны были также убедить Лоузан-Шоно, в то время еще проживавшего в Калмыцком ханстве, начать борьбу против Галдан-Церена, обещая ему в случае победы трон джунгарского хана. Предлагая царскому правительству разделить Джунгарию, Инь Чжэнь рассчитывал этой ценой купить согласие России с этими планами и ее содействие в их реализации. Правительство Анны Ивановны весьма сдержанно отнеслось к этим предложениям. Посланцам Цинов было разрешено проехать на Волгу, но одновременно были приняты меры к тому, чтобы Калмыцкое ханство отклонило предложение о вмешательстве в джунгарские дела. Что касается проекта раздела территории Джунгарии, то представителям Китая было заявлено, что императрица Анна Ивановна благодарит за дружескую и откровенную информацию, желает Инь Чжэню и его войскам счастливых успехов, что «ежели б случилось, что б оное бохдыханово войско какими неприятелей своих землями в соседстве Российской империи овладело, то хотя ея императорское величество, имея такое пространное империум, никакой чужой земли себе присовокупить не желает, однако же с такой их, китайским, войском овладенной земле тогда дружески... соглашено быть может».

Одновременно послам сообщили, что впредь по вопросам, имеющим отношение к Калмыцкому ханству, следует адресоваться в Петербург, а непосредственные обращения к ханству допускаться не будут.

Воспользовавшись полученным разрешением, некоторые члены цинского посольства выехали на Волгу в сопровождении секретаря (впоследствии советника) Коллегии иностранных дел В. Бакунина. Посланцы были приняты ханом Калмыкии Церен-Дондоком, которому и предложили выступить против Галдан-Церена в одно время с войсками Цинской династии. Они стремились вернуть тех торгоутов, которых Цэван-Рабдан отобрал у Санжиба, и открыть прямой и самый короткий путь с Волги в Тибет через степи Казахстана и Джунгарии. Особый разговор состоялся с Лоузан-Шоно, которого императорские послы уговаривали возглавить борьбу против Галдан-Церена, обещая помощь в овладении троном джунгарского хана.

Эти предложения были отклонены Церен-Дондоком. Действуя согласно указаниям Петербурга, он заявил, что «войск своих на зенгорцев послать без указу ея императорского величества не может, да и контайшин сын Лоузанг-Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но так же без воли ея императорского величества на то поступить и с послом согласиться не мог». Он добавил, что послал в Петербург подробное донесение, к которому приложил и копию своего ответа на письмо Инь Чжэня, врученное ему послами. С этим ответом посланцы цинского императора покинули Калмыцкое ханство и отправились в обратный путь.

О содержании переговоров с Лоузан-Шоно говорит его письмо императрице Анне Ивановне (подлинник письма на калмыцком языке и перевод, сделанный В. Бакуниным, хранятся в АВПР). «И всенижайше доношу,— писал Лоузан-Шоно,— китайские послы мне объявили, что их великий государь о моем деле намерен стараться... Ныне видится мне к тому удобное время, о чем рассуждая, намерен я туды ехать. И по прежней вашей ко мне милости... полагаюсь в волю вашего величества».

Лоузан-Шоно не прочь был принять предложение Цинов, но отрицательное отношение Петербурга, а вскоре и смерть самого Шоно прекратили обсуждение этого вопроса.

Не успела группа послов, сопровождаемая все тем же В. Бакуниным, добраться до русско-китайской границы, как им повстречалось новое посольство, направлявшееся из Пекина в Петербург. «Они едут,— говорит Черепановская летопись,— поздравить с восшествием на трон ея императорское величество. Они приехали тогда, когда первые послы, приезжавшие поздравить Петра II, еще не успели пересечь границу, возвращаясь домой».

Второму пекинскому посольству предшествовала просьба императора отправить в Пекин проживающего в Калмыкии «в бедствии и великой обиде» брата Галдан-Церена Лоузан-Шоно. За ним должны были приехать из Пекина специальные представители. Пекин просил также разрешить калмыкам, обитающим на Волге, выступить против Галдан-Церена, которого они, объединившись с казахами, бурятами и мусульманским населением Восточного Туркестана, сумеют победить и прогнать.

Правительство России отказалось пропустить новых пекинских послов на Волгу. В январе 1733 г. оно заявило, что желает Китаю успеха в борьбе против джунгарского - хана, но не может принудить волжских калмыков поддержать императора ввиду дальнего расстояния от Волги до Джунгарии, а также «мирного его, контайши, с Россией пребывания, которое не заслуживает того, чтоб с ним поступать неприятельски». Одновременно Пекин навещали, что Лоузан-Шоно незадолго перед тем умер.

Хотя русское правительство отклонило предложение обеих сторон — Джунгарского ханства и Цинской империи— о вмешательстве в их борьбу, но объективно позиция России была на руку именно джунгарскому хану, освобождая его от беспокойства за свой тыл и избавляя от опасности одновременной борьбы на два фронта. Едва ли: будет преувеличением сказать, что позиция России спасала Джунгарское ханство от разгрома.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

продолжение . . .

Между тем поражение ойратских войск в Халхе осенью 1732 г. существенно отразилось на взаимоотношениях Джунгарского ханства и Цинской империи. Обе стороны убедились в невозможности решить накопившиеся противоречия и спорные вопросы силой оружия. Образовался тупик. Единственным выходом из него были переговоры о мире. И переговоры начались. Они тянулись, долго и протекали негладко. Камнем преткновения был вопрос о границах. Галдан-Церен требовал вернуть Джунгарии земли к востоку от Алтая до Хангайских гор и верховьев Енисея, но Пекин и особенно халхаские ханы и князья на это не соглашались. По данным «Шэн у цзи», халхаские правители выдвинули требование установить границу Халхи и Джунгарского ханства по линии Алтайских гор и р. Иртыш, отделив их владения

«ничейной» полосой земли. Правитель Джунгарии решительно отклонил эти требования.

Переговоры, начатые при жизни Инь Чжэня, были закончены лишь при его преемнике Хун Ли в 1739 г. Обе стороны должны были пойти на уступки и в конечном счете согласились считать границей Алтайские горы и оз. Убса-нор. Земли к востоку от этой линии признавались принадлежащими Халхе, а к западу от нее — Джунгарскому ханству. В итоге ойратское государство потеряло значительную часть своей первоначальной территории, но сохранило весь Восточный Туркестан. Мирным договором предусматривалось возобновление взаимной торговли, а также свободного передвижения паломников в Тибет и из Тибета.

Каковы же общие итоги войны, в какой мере боровшиеся стороны приблизились к осуществлению своих целей и от чего им пришлось отказаться? Главной целью этой войны для Цинов было, как известно, сокрушение Джунгарского ханства как независимого ойратского государства, подчинение его своей власти и превращение Джунгарии в составную часть Цинской империи. Эта цель не была достигнута. В этом смысле можно говорить о поражении Цинской империи и о победе Джунгарского ханства. Но, с другой стороны, главной целью ойратских феодалов, как мы знаем, было присоединение Халхи и образование на этой основе самостоятельного объединенного северомонгольского феодального государства под властью Чоросского дома. И эта цель не была достигнута: ойратские феодалы вынуждены были отказаться от своих планов, равно как и от надежд захватить территории к востоку от Алтая. В этом смысле можно говорить о поражении Джунгарского ханства и о победе Цинской империи. Сравнивая и сопоставляя эти итоги, мы приходим к выводу, что наименьшие потери понесла Джунгария, а следовательно, на ее долю выпал и наибольший выигрыш. Ойратские феодалы сохранили свое государство и опрокинули тем самым планы могущественнейшей тогда державы Восточной Азии — Цинской империи — и союзных ей группировок восточномонгольских феодалов. Они сохранили, наконец, свои силы и, следовательно, потенциальную возможность возобновить борьбу как против Цинской династии, так и против других возможных противников.

Так же оценили итоги войны и правящие круги России. Правительство России было заинтересовано в сохранении независимого ойратского государства, как козыря в борьбе за укрепление своего влияния и своих позиций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, но в то же время видело в Джунгарском ханстве и опасную силу, претендовавшую на господство в Южной Сибири, стремившуюся ликвидировать возникшие там русские горнорудные предприятия, города и другие опорные пункты. Русско-ойратские отношения в эти годы несли на себе сильный отпечаток отмеченной двойственности. Она нашла отражение, в частности, в указе Коллегии иностранных дел сибирскому губернатору Плещееву, отправленном из Петербурга в сентябре 1735 г., в котором между прочими важными вопросами говорилось об

отношении российского правительства к мирному договору между Джунгарией и Китаем. «А понеже,— читаем мы в указе,— по полученным у вас ведомостям у владельца их (речь идет о Галдан - Церене.— И. 3.) с китайцы о мире пересылки давно начались, и может быть ныне и действительно примирение между ими не воспоследовало, и тако сей сосед свободные руки не возымел бы, в котором случае наипаче от него опасаться надлежит». Но на неоднократные предложения цинского правительства принять участие в борьбе против ойратского государства и общими силами сокрушить его Петербург, как мы видели, неизменно отвечал отказом.

На какой же основе развивались в эти годы русско-ойратские отношения, что составляло их содержание, какие противоречия разделяли Джунгарское ханство и Россию? Многочисленные русские архивные документы позволяют с уверенностью утверждать, что русско-джунгарские отношения в рассматриваемое время определялись главным образом вопросами взаимной торговли, размежевания границ, сбора ясака, возвращения пленных и перебежчиков. На них мы и остановимся.

Уже не раз говорилось о том, какую исключительную роль играет меновая торговля в истории кочевых народов вообще и монголов в частности. Источники, повествующие о русско - ойратских отношениях XVII и XVIII вв., убедительно свидетельствуют о том, что решающей причиной преобладания мира и доброго соседства во взаимоотношениях Русского государства и Джунгарского ханства была их общая и равная экономическая заинтересованность во взаимном обмене. Именно это создавало в XVIII в., как и в XVII, прочную, основу мирного урегулирования спорных вопросов и разного рода конфликтов, которых в годы правления Галдан-Церена было довольно много. Именно поэтому хан Джунгарии говорил в сентябре 1729 г. послу М. Этыгерову о своем желании сохранить традиционную дружбу с Российской империей. «Желаю де против прежнего, как великий император (Петр I. — И. 3.) и как мой отец жили в совете и в любве... Указ между белым царем и между моим отцом в миру и в совете жить, и я также желаю жить». Как мы покажем ниже, этими словами правитель Джунгарского ханства формулировал подлинные основы своей политики по отношению к России. Разумеется, немалую роль в мирном ее характере играло опасение оказаться перед роковой необходимостью войны на два фронта, против Китая и России, но еще большую роль играло опасение потерять практически не ограниченный рынок сбыта в России продукции своего хозяйства и мощный источник снабжения товарами. Следует отметить, что и в основе политики России по отношению к Джунгарскому ханству в эти годы лежало стремление не доводить споры до вооруженных столкновений, а искать пути к мирному их разрешению. Характерен в этом смысле указ от 19 января 1721 г., собственноручно написанный Петром I и повелевавший сибирскому губернатору Черкасскому добиваться того, чтобы сибирские жители «жили с контайшей в согласии и обид бы не чинили».

За 18 лет своего правления Галдан-Церен направил в столицу России четыре крупных посольства для непосредственных переговоров с русским правительством: в 1728,. 1730, 1733 и 1741 гг. К нему за эти годы было послано три посольства: из Тобольска в 1729 г. М. Этыгерова, из Петербурга в 1731 —1733 гг. Л. Угримова и из Оренбурга в 1742—1743 гг. майора Миллера. Помимо этих посольств местные власти Сибири и правитель Джунгарского ханства часто обменивались послами и посланиями, служившими иногда подготовкой к непосредственным переговорам правительств России и ойратского государства. Укажем для примера на сержанта С. Томского, которого - посылали к джунгарскому хану в 1722, 1729, 1746, 1747, 1748 и 1750 гг. В 1746 и 1748 гг. он к нему ездил по два раза в год 140. Все это свидетельствует о весьма интенсивных дипломатических отношениях, отражавших разнообразные экономические и политические интересы, связывавшие оба государства.

Одно из первых мест в переговорах занимал вопрос о торговле. Непрерывный рост объема русско - джунгарской торговли сделал необходимым ее регулирование с учетом интересов русского купечества и русской казны. Надобности в таком регулировании не было до тех пор, пока эта торговля не выходила за рамки Ямышевского и Семипалатинского районов. Но начиная со второго десятилетия XVIII в. джунгарское купечество стало заметным фактором на рынках Сибири, на Ирбитской ярмарке и даже за их пределами. В наших источниках нет исчерпывающих сведений о динамике торговли Джунгарии с Россией, но некоторое представление об этом дают сведения Ямышевской и Семипалатинской таможен за 1724— 1725 гг. Из Джунгарии через указанные города в 1724 г. было доставлено в Тобольск товаров на 3633 р. 24 к., в 1725 г.- на 3621 р. 40 к., в 1726 г.- на 16203 р. 70 к., в 1727 г.- на 11679 р. 42 к., в 1728 г. - на 12233 р. 91 к.; всего же за пять лет — на 47371 р. 67 к.

В эти же годы для Джунгарии из Тобольска и Ямышева было привезено товаров, главным образом сукна, в 1724 г. на 4446 р. 60 к., в 1725 г.- на 3691 р., в 1726 г.— на 4837 р. 81 к., в 1727 г.—на 4041 р. 45 к., в 1728 г.- на 18413 р. 24 к., всего же за пять лет — на 35430 р. 10 к.

Приведенные цифры, конечно, не охватывают всего объема русско - джунгарской торговли, но и они свидетельствуют о том, что эта торговля постепенно превращалась в фактор общероссийского значения. Джунгарское купечество, беспрепятственно расширявшее сферу своей деятельности и свободное от таможенного обложения, оказывалось в более выгодном положении, чем русские купцы. Интерес к русско - джунгарской торговле начала проявлять и российская казна. Отсутствие государственного регулирования отдавало эту торговлю полностью на усмотрение местных властей, что порождало множество конфликтов. Сибирский губернатор Гагарин, например, облагал пошлинными сборами джунгарских купцов, а сменивший его Черкасский возвращал купцам полученные с

них пошлинные сборы. Вообще же сибирские власти не считали возможным освободить купцов от таможенного обложения, так как опасались, что казне будет нанесен большой ущерб, «понеже оные приезжают немалыми караванами со многим числом товаров». Но Галдан-Церен, отстаивая интересы джунгарского купечества, в операциях которого он принимал большое участие, настойчиво добивался сохранения старого порядка ничем не ограничиваемой и никакими сборами не облагаемой торговли русских купцов в Джунгарии, а ойратских - в России.

Переговоры по этим вопросам велись в течение всех лет правления Галдан-Церена. Одной из важных задач миссии майора Угримова было заключение специального торгового договора на основе следующих предложенных правительством России принципов: джунгарским купцам: предоставляется право свободно торговать в Ямышеве и; Семипалатинске, где их товары будут освобождены от таможенного досмотра и таможенных сборов; им предоставляется также право везти свои товары в иные города-России, но в этих случаях с них будут взыскиваться установленные таможенные пошлины; русские купцы, торгуя в Ямышеве и Семипалатинске, также будут освобождены от таможенного обложения; в случаях, когда русские купцы будут приезжать в Джунгарию, власти последней могут по своему усмотрению взыскивать с них соответствующие пошлины.

Угримову не удалось добиться согласия ойратского правительства соблюдать эти принципы, вследствие чего торговый договор не был заключен. В дальнейшем, хотя переговоры по нерешенным и спорным вопросам неоднократно возобновлялись, достигнуть соглашения так и не удалось. Несмотря на отсутствие договора, сама торговля не прекращалась. Мы имеем основание полагать, что упорство правителей Джунгарского ханства в значительной мере питалось именно тем, что их отказ от предложений русской стороны мало отразился на самих торговых операциях, которые по-прежнему развивались, не встречая в России сколько-нибудь серьезных препятствий. Джунгарские купцы ездили куда хотели, причем иногда пошлины с них взыскивали, а иной раз - нет.

Более сложными и острыми были русско - джунгарские противоречия по территориальным вопросам. Их первым проявлением следует считать протест Цэван-Рабдана в 1713 г. по поводу того, что русские построили на принадлежавшей ему территории Бийскую и Бикатунскую крепости. Через год он пошел еще дальше и заявил, что Томск, Красноярск и Кузнецк построены русскими также на его земле и поэтому должны быть уничтожены. Отношения между Русским государством и Джунгарским ханством достигли небывалой остроты в 1716—1721 гг. в связи с продвижением России на юг, к истокам Иртыша и Енисея и строительством Ямышевской крепости. В районе крепости произошло настоящее сражение, закончившееся осадой крепости и засевшего в ней гарнизона. В 1719 г. Цэван-Рабдан впервые выдвинул версию о том, что приблизительно за сто лет до того, т. е.

во втором десятилетии XVII в., в результате переговоров была - определена граница между русскими и ойратскими владениями по линии р. Омь — Черный мыс на р. Обь; территория к северу от этой линии отходила к России, а на юг от нее — к Джунгарии. Позднее Галдан-Церен уточнил и дополнил эту версию указанием на то, что на линии границы была сделана засека, а на южном берегу р. Омь. на дереве был вырезан человек «при всей амуниции». «И постановлено было,— утверждали в 1742 г. послы Галдан-Церена,— чтоб со обоих сторон далее того не переходить. И на тех землях жили их люди. И с российской стороны, переступи оные границы, построены города Томск, Кузнецк, Красноярск, и крепости по Иртышу, и заводы медные Демидова в Кузнецком уезде, и чтоб оные снесть».

Начиная с 1719 г. вопрос о границе стал непременным пунктом переговоров при каждой встрече представителей Джунгарии и России. В сентябре 1729 г. Галдан-Церен говорил М. Этыгерову: «Вот де ваши города строят на Иртыше и на Обе реках, и ради чего построены? А та де земля моя!».

В июле 1737 г. прибывший в Тобольск из Джунгарии купец Авасбай заявил губернатору Бутурлину по прямому поручению Галдан-Церена: «Которые де реки впали в океан-море с устья до вершины, и исстари де они были их владения де. А ныне де российские министры назвали своими. И прежде де сего выше Омского устья никогда никого не бывало... А ныне де все те места своими назвали». В марте 1742 г. посол Галдан-Церена Лама - Даши, прибывший для переговоров в Петербург, вручил великому канцлеру князю Черкассому письмо своего повелителя, адресованное императрице Анне Ивановне. В этом письме Галдан-Церен обстоятельно излагал позицию джунгарской стороны. Он писал, что в прошлом «во время великого белого царя и наших великих владетелей как россияне в нашу, так и наши люди в российскую землю въезжали и ловили зверей, отчего и ссоры происходили. что видя, оные государи согласились те места разграничить. И тако по устью реки Черной Оми постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обеих; сторон никому в чужих местах зверей не ловить, крепостей и других жилищ не строить... И от того времени как. ваши люди в нашу землю, так и наши люди в вашу землю не въезжали... А в последующее потом владение другого белого царя (Петра I.— И. 3.) за устьем означенной реки Черной Оми с вашей стороны сделана была крепость (Ямышевская. — И. 3.), и для взятия оной посылано было от нас войско, отчего тогда произошла немалая ссора. А ныне ваши люди в наших местах, построя крепость, ловят зверей, и выкапывают золото, и берут медь... И ежели, те ваши люди на нашей земле по-прежнему так останутся, то уже и землею моею завладеть могут, а я земли моей отдать не могу. И хотя бы я тех людей ваших и собою сослать мог, но, во-первых, почитаю постановленный с вами о согласии и дружбе договор; второе, что ныне у вас с турками война, и ежели мне при таком случае оное произвесть в действо, то могу за бессовестного причтен быть... Того ради прошу милостиво повелеть вышеупомянутых людей ваших свесть. Ежели же оные сведены не будут, то я их в моей земле жить допустить никак не могу».

Как видим, позиция Галдан-Церена, его аргументация и требования представляли собой прямое продолжение линии его отца; эта позиция оставалась неизменной на протяжении всей первой половины XVIII в. Споры о границе прекратились лишь после смерти Галдан-Церена, в условиях, когда его преемники, поглощенные междоусобной борьбой, не имели уже ни сил, ни средств отстаивать требования своих предшественников.

Что касается русской стороны, то она твердо отклоняла аргументы ойратских правителей, отстаивала право России владеть спорными территориями, но стремясь вместе с тем не доводить дело до крайней степени обострения и принимая меры на случай возможного вооруженного конфликта. Правительство России утверждало, что никаких переговоров с Джунгарией о границе никогда не вело, что у ойратских правителей нет никаких доказательств, подтверждающих их слова о якобы согласованной границе по линии р. Омь.

Следует отметить, что земли, на которые претендовали ойратские феодалы, тянулись на 1 тыс. км вдоль Иртыша и включали на одном конце Усть-Каменогорск, на другом — Омск и всю Барабинскую степь, через которую проходил единственный в то время сухопутный тракт из центральных областей России в Восточную Сибирь и Забайкалье. Естественно, что правящие круги России никак не склонны были идти на уступки в этом вопросе.

Вопрос о границе был тесно связан с вопросом о ясаке. Утверждая, что указанная выше территория принадлежит Джунгарскому ханству, его правители тем самым требовали, чтобы за ними было признано монопольное право и на сбор ясака с населения. На этом основании в июне 1742 г. послы Галдан-Церена представили подробный перечень своих кыштымов, когда-то плативших ясак только в ойратскую казну, а затем под нажимом русских властей переставших вносить туда этот ясак или принужденных вносить его и Джунгарии и России. Указанные в перечне кыштымные аймаки были расположены в районах, прилегавших к Томску, Кузнецку и Красноярску, в них насчитывалось в общей сложности более 5 тыс. юрт (юрта — семья).

Галдан-Церен требовал возвращения ему как спорной территории, так и всех бывших кыштымов джунгарских ханов 147. Российские же власти настойчиво добивались возвращения в Россию всех русских и всех вообще подданных России, задержанных в Джунгарии, в первую очередь захваченных в 1716 г. в боях под Ямышевом нескольких сот солдат и офицеров, а также волжских торгоутов, силой отобранных в 1701 г. Цэван - Рабданом у Санжиба (15—20 тыс. юрт).

Стремясь к урегулированию накопившихся спорных вопросов, царское правительство направило в 1731 г. в Джунгарию своего официального представителя в ранге посланника - майора Угримова. Его снабдили необходимой доверенностью и полномочиями на право подписания соответствующих договоров и соглашений. В одной из многочисленных инструкций, данных Л. Угримову, говорилось, что в случае, если Галдан-Церен или его приближенные поставят вопрос о границе, ему надлежит отводить их претензии, указывая, что на Черной Оми никаких ойратских засек никогда не было, что ойраты в тех местах никогда не кочевали, что городок на Иртыше, на Черном острове принадлежал царю Кучуму, «который городок и в нем люди завоеваны российскими войски и сожжен... А калмыков при том месте не было, и не кочевали». В подтверждение ему были даны копии грамот русских царей от 1595, 1633 и 1644 гг., «в которых и о барабинских ясашных иноземцах прописано, что они издревле подданные Российской империи, а не их, калмыцкого, владения».

Л. Угримов был тепло принят Галдан - Цереном, много раз встречался с ним и вел деловые беседы. Состоялись и детальные переговоры с высшими сановниками ханства по всем вопросам, связанным с торговлей, границей, ясаком и т. п. Но результат его миссии был тем не менее - весьма скромным. Единственным достижением было то, что Л. Угримов вывел из Джунгарии около 400 русских с которыми и прибыл на родину.

Столь же незначительными были успехи миссии, отправленной Галдан - Цереном во главе с Зундуй - Замсу в Петербург для продолжения начатых переговоров. Эта миссия выехала из Джунгарии вместе с Л. Угримовым и в марте 1734 г. прибыла в столицу, где дважды была принята императрицей Анной Ивановной. В июле 1735 г. в Коллегии иностранных дел миссии вручили ответ российского правительства на все вопросы, по которым велись переговоры. «По выслушании и по принятии того ответа посланцы говорили, что они тем ответом недовольны, объявляя, что подлинные их, зенгорские, земли к Российской стороне присвояются и что когда чрез нынешнюю их здесь бытность о разграничении определения не учинено, то уже впредь в том владельцу их надежды нет». Что же касается ясака, то ответ правительства России содержал юридическое признание двоеданства как временного состояния.

Последней попыткой Галдан-Церена добиться положительного для себя решения спорных вопросов было посольство Лама-Даши (1741 —1745). Но и эта миссия успеха не имела.

Итак, многолетняя борьба Цэван-Рабдана и Галдан-Церена за возвращение ханству обширных территорий в Халхе и Казахстане, на которых некогда кочевали ойраты и другие народы, подвластные их предкам, закончилась неудачей. Государство

ойратских феодалов было вынуждено потесниться, уступив Халхе земли между Хангайскими и Алтайскими горами, а Казахстану — долину среднего и верхнего течения Иртыша и Енисея. Попытки силой решить в свою пользу территориальные опоры с Цинской империей закончились поражением Джунгарского хамства.

С тем большим рвением обрушились ойратские феодалы на казахов, не прекращавших борьбы за полное вытеснение ойратов из Семиречья. Обстановка на казахско - ойратских рубежах в годы правления Галдан-Церена была весьма напряженной; здесь всегда находились значительные военные силы для охраны ойратских кочевий от нападений казахских войск, равно как и для выполнения роли передового отряда на случай вторжения ойратских армий в пределы Казахстана. Вооруженные столкновения были частым явлением. Несмотря на отдельные успехи, военные действия в целом протекали для казахских феодалов неудачно. Они терпели частые, иногда крупные поражения, в результате которых вынуждены были бросать насиженные места и откочевывать далеко к Аральскому морю, к Уралу и Волге, что в свою очередь вызывало новые конфликты между пришельцами и старыми обитателями Приаральских, Поволжских и Приуральских степей. Русские источники изобилуют данными, характеризующими напряженное положение в указанных степных районах. Одержанные ойратскими феодалами в начале 40-х годов XVIII в. победы временно превратили правителей Среднего казахского жуза в их вассалов и данников.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

Эволюция общественного и политического строя кочевых народов вообще и монголов в частности – один из наименее изученных аспектов их исторического развития. Объясняется это главным образом крайней малочисленностью принадлежащих самим кочевым народам и доступных вещественных и письменных памятников, убедительно и объективно раскрывающих отношения, складывавшиеся в кочевых обществах в процессе материального производства, виды и формы собственности, классовую структуру этих обществ и т. п. Малочисленность источников вынуждала исследователей решать вопросы истории общественного и политического строя кочевых народов на основе всякого рода косвенных данных, что открывало широкий простор для всевозможных схематических построений, где главную роль играли личные взгляды исследователей, а не реальные исторические факты. Единственным исключением является широко известный труд Б. Владимирцова об общественном строе монголов, в котором каждый вывод и каждое обобщение основаны на богатом конкретно-историческом и лингвистическом материале, извлеченном из монгольских летописей. Прямо противоположный подход к проблеме мы находим в труде С. Толыбекова об общественном строе

казахов. Большое место в нем занимают рассуждения об общих закономерностях общественного развития кочевых народов различных стран и в различные исторические эпохи. Свою концепцию автор основывает по преимуществу не на конкретно историческом материале, а на одном теоретизировании, подкрепленном цитатами из трудов многих авторов, принадлежащих к самым различным школам и направлениям.

Основные положения концепции С. Толыбекова не являются новыми и оригинальными; мы найдем их в произведениях А. Позднеева, Г. Грум-Гржимайло, Н. Веселовского, В. Радлова, В. Григорьева и др. С. Толыбеков считает, что общие закономерности феодализма, свойственные всем оседлым народам мира, неприменимы к кочевым народам, которые в своем развитии не могут подняться выше так называемых патриархально-феодальных отношений. Эти отношения,— утверждает С. Толы-беков, предстают перед нами как особая общественно-экономическая формация с особым базисом и особой надстройкой. Но и этот тезис не так уж нов. В. Рад-лов еще в конце XIX в. писал: «Понятия: князь, чиновник, народ, государство, область, собственность и т. п. имеют в жизни кочевников не то значение, какое у оседлых. Равным образом война и мир влияют на социальные отношения кочевников не так, как у культурных оседлых народов».

Концепция С. Толыбекова находится в резком противоречии с историческими фактами, она лишь затрудняет понимание исторического прошлого кочевых народов.

Нельзя в этой связи не вспомнить замечание В. Бартольда: «Пишущего эти строки изучение истории Востока все более и более приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе... действуют одни и те же законы исторической эволюции». Мы полностью присоединяемся к этому заявлению. Реальные исторические факты, показания источников подтверждают его правильность.

Представляя материалы об общественном и политическом строе Джунгарского ханства, автор исходит из того, что во всем существенном и главном процесс материального производства и общественные отношения у ойратов совпадали с аналогичными процессами и явлениями у восточных монголов и калмыков. На этом основании автор считал и считает оправданным привлечение данных по Калмыкии и Халхе для характеристики положения в Джунгарии, учитывая при этом, разумеется, влияние времени и конкретной обстановки.

* * *

Показания монгольских, китайских и русских источников не оставляют места сомнениям, что в XVII— XVIII вв. каждое феодальное владение в Монголии располагало вполне определенной территорией, в границах которой кочевало население, подвластное правителю и собственнику данного владения. Эти границы устанавливались, изменялись и вновь определялись в ходе борьбы между ханами и князьями за перераспределение пастбищных территорий, за присвоение лучших и более обширных пастбищных угодий. Однако в каждый данный момент границы феодальных владений были строго определенными. Нарушение их и самочинный переход на территорию другого владения рассматривались как насильственное вторжение и начало войны. Законы 1640 г., как об этом говорилось, подтверждали древние правовые установления о неприкосновенности границ и предусматривали строгие санкции к их нарушителям.

Но жизнь была сильнее правовых норм. Рост численности стад, появление новых наследников и жажда обогащения вновь и вновь воспроизводили одно из основных противоречий кочевого скотоводческого хозяйства — противоречие между его развитием и ограниченными размерами пастбищных угодий. В условиях примитивной техники производства кочевое скотоводческое хозяйство могло развиваться только на базе непрекращающегося расширения пастбищных территорий. Когда их было достаточно, не возникало нужды в овладении новыми, но как только наличные пастбищные угодья переставали удовлетворять потребности ханов и князей, а все резервные площади оказывались исчерпанными, тогда борьба за передел феодальных владений, за перераспределение пастбищных территорий становилась неизбежной.

Следует отметить своеобразный характер «земельной тесноты» у кочевых народов. Приведем один пример. В начале XVII в. три сына Кучума вместе с несколькими сотнями душ подвластного населения кочевали в верховьях рек Яика, Исети и Миаса, т. е. на площади около 300 тыс. кв. км (на ней в конце XIX в. обитало 2 млн. человек). И все же они кочевали порознь «для того, что им, живучи вместе, прокормица нечем», как они сказали уфимскому сыну боярскому Артемьеву. «Земельная теснота» у кочевых народов определялась не столько числом людей на единицу площади, сколько количеством скота, а также качеством земли — ее плодородием и обеспеченностью водой. Широко распространенное в домарксистской литературе представление о «вольном», «свободном», никем, ничем и никогда не ограничиваемом передвижении кочевых скотоводов является глубоко ошибочным. Уже Жербийон, хорошо знакомый с монгольскими кочевьями, пришел к убеждению, что в этой стране в конце XVII в. «каждый владелец живет в своей области, и ниже ему самому, ниже его подданным позволяется переходить в соседственное владение».

В источниках XVII—XVIII вв. содержится довольно много сведений о земельной тесноте у монголов и вызванной ею борьбе за передел пастбищных территорий. Некоторые сведения этого рода мы уже приводили выше. Из новых данных заслуживает внимания излагаемый В. Бакуниным доклад майора Беклемишева о вспыхнувшей в Калмыкии в 20-х годах XVIII в. острой междоусобной борьбе. «А ему, Беклемишеву, от того их отвращать, хотя б как он старался, не можно, для того что владельцев умножилось, и один у другого под властью быть не хочет, и один перед другим для кочевания своего занимает лучшие места, и не надеется он, Беклемишев, той их ссоре окончиться без того, чтобы одни других не разбили и тем владельцев не убавили, как и прежде хан Аюка родственников всех своих передавил и улусами их он один завладел».

Мнение Беклемишева о причинах и вероятных перспективах междоусобной борьбы в Калмыкии совпадало с мнением самих калмыцких феодалов. Об этом свидетельствует просьба, с которой летом 1725 г. обратилась к русским властям одна из группировок калмыцких владетельных князей: «Чтоб их с улусами оставить до льду внутрь Царицынской линии, представляя, что их, калмыцкие, междоусобия издавна продолжаются, и пока владельцев их не убудет, то и мир их ничто, и для того они имеют намерение, когда реки льдом покроются, собрав все свои войски, итти на Черен-Дондукову сторону и владельцев их перевесть или своих потерять, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках».

Земельная теснота была одной из главных причин междоусобных конфликтов, она в известной мере обусловливала и внешние войны ойратских феодалов. Калмыцкий владетельный князь Доржи Назаров в феврале 1727 г. писал в Петербург, что осенью 1726 г. «пришли касаки и каракалпаки кочевать на наши места в урочища, называемые Зем река, и мы пошли на них для обороны мест своих».

В предыдущей главе уже отмечалось, что Джунгарское ханство в первой половине XVIII в. испытывало острый недостаток пастбищных территорий. Представитель Цэван-Рабдана Борокурган летом 1721 г. говорил в Петербурге по поручению своего хана: «Раньше его люди кочевали в верховьях р. Иртыш и никто их не стеснял. Теперь там русские построили городки. Во избежание конфликтов контайша отвел своих людей из этих мест, вследствие чего наблюдается недостаток кочевий. Контайша просит, чтоб государь разрешил его людям кочевать по обе стороны Иртыша невозбранно». Через 11 лет, т.е. в 1732 г., пиратский сановник Батур - зайсан, назначенный Галдан - Цереном для переговоров с русским послом Угримовым, требовавшим возвращения в Россию задержанных в ханстве русских людей, говорил: «А другое де наше дело нужнее и людей, земли, и о том де подлинного ответу от вас нет. А мы де больше и отдачу (русских людей.— И. З.) учинить хотели для земель, понеже де вы и сами знаете, что нам в земле нужда, и ежели бы де оные земли не наши, то бы де мы и не вступались, и ссора у Ямышева сделалась о земле, а не об людях».

Общеизвестно, что во главе каждого монгольского феодального владения стоял хан или князь, к которому оно переходило по наследству от отца и который сам в положенное время мог и должен был передать его своему наследнику. Феодальное владение переходило из поколения в поколение как умчи, т. е. как наследственная собственность данного омока. Каждый владетельный князь выступал перед внешним миром, перед другими владетельными князьями как бесспорный собственник своего владения. Отрицание этого права собственности означало войну, ибо только силой оружия можно было отнять у феодала его владение, его умчи.

Что представляло собой умчи с точки зрения экономической и социальной? Всматриваясь в то, каким оно изображается всеми источниками, мы прежде всего замечаем, что умчи вполне четко делилось на улус и нутуг. Известно, что на эти же две части делились феодальные владения Монголии и в XII—XIII вв. «Удел –xubi состоял из 2 частей,— писал Б. Владимирцов,— из определенного количества кочевых семейств (ulus) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (nutug)». Основная структура феодальных владений в Монголии оставалась неизменной на протяжении всей эпохи феодализма. В. Бакунин, лучший знаток жизни и быта современной ему Калмыкии, говорил: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а улус на российском языке, как вначале сего описания означено, значит народ)».

Источники приводят множество данных, из которых со всей очевидностью вытекает, что под словом «улус» всегда подразумевались лишь люди, народ, непосредственные производители, подвластные собственнику феодального владения — тому или иному владетельному князю. Мы позволим себе не приводить этих данных полагая, что едва ли возможны споры о значении слова «улус».

Второй частью феодального владения был нутуг. «Пространство, по которому могла кочевать какая-либо хозяйственно-социальная единица,— писал Б. Владимирцов,— называлось по-монгольски nuntux - nutug, а по-тюркски yurt. На современном монгольском языке под словом нутуг также подразумевается место обитания, кочевье, местность, а сочетание слов «нутуг» и «улус» образует понятие «местные люди», «местные жители».

Итак, можно считать установленным, что каждый владетельный князь в Монголии описываемого времени являлся феодальным государем улуса, т. е. людей, обитавших в его владениях, и собственником нутуга, т. е. земли, пастбищных угодий, составлявших его феодальное владение.

Подтверждают ли источники наше заключение? Безусловно да.

Биография Зая-Пандиты, например, сообщает, что в 1639 г. Зая зимовал в Тарбагатае на территории, собственником которой был Очирту – тайджи, что в 1644 г. Зая вновь прибыл к Очирту-тайджи — на этот раз в местность Харатал, которая также принадлежала Очирту. Этот же источник рассказывает о свидании Зая-Пандиты с хошоутским Аблаем, торгоутским Дайчином и сыном Очирту - тайджи Галдамой, отмечая спешный отъезд Галдамы, который мотивировал его тем, что его нутуг остался без хозяина.

Много интересных фактов, характеризующих владетельных князей как собственников земли, на которой кочевали их подданные, сообщает «История» И. Россохина. В связи с вторжением в 1688 г. ойратских войск в Халху почти все князья и рядовые кочевники Халхи, как об этом говорилось выше, снялись с насиженных мест и, ломая границы ханств и княжеств, в полном беспорядке устремились в пределы Цинской империи. В результате такого панического бегства самые основы феодального правопорядка на какое-то время оказались нарушенными; ханы и князья потеряли свои нутуги и улусы, утратили всякую связь с вассалами и крепостными; в свою очередь крепостные араты, не зная местонахождения своих феодальных владык, вышли фактически из-под их власти. Предстояло чуть ли не заново восстанавливать нормальные для феодализма общественные связи и отношения, над чем немало потрудились власти Цинской империи.

В этих условиях вопрос о феодальной собственности на землю, на пастбищные территории как на важнейшее средство кочевого скотоводческого производства получил особенно отчетливое и убедительное выражение. Документы, в изобилии приведенные в «Истории о завоевании китайским ханом Канхием...» и исходившие от монгольских владетельных князей или им адресованные, буквально пестрят определениями такого типа: «мое кочевье», «моя земля», «его земля», «земля Цецен-хана», «кочевье (т. е. нутуг.— И. З.) Джебдзун - Дамба - хутухты» и т. д.

Приведем несколько примеров. Один из владетельных князей просил Сюань Е пожаловать для кочевания полюбившийся ему район в Кукуноре. Император обратился за советом к далай-ламе. Тот ответил, что удовлетворить просьбу этого князя нельзя, «потому что тамошние места .давно все разделены и населены». Сюань Е приказал местным властям найти для просителя подходящую территорию, поставить межи на ее границах и внести ее описание в соответствующие книги.

Внук Цецен - хана Галдан - Доржи был признан законным наследником владения своего отца. Вследствие его малолетства ему назначили опекуна. Указ Сюань Е предписывал: «А как скоро Галдан - Доржи прибудет, то б он (опекун.— И. З.) в свою землю возвратился, а чтоб за малолетством оного Галдан - Доржи никто не мог его

обидеть и сильною рукою овладеть его землею, то им единодушно друг друга защищать».

Мы не имеем возможности остановиться на всех фактах, сообщаемых источниками. Их очень много. Отметим лишь, что эти факты не только подтверждают собственность владетельных князей на пастбищные угодья, но и свидетельствуют о начавшемся процессе превращения халхаской земли в государственную собственность Цинской империи, которая присвоила верховное право распоряжения этой землей, право пожалования земельных участков ханам и князьям, право утверждения последних в качестве фактических собственников пожалованной территории. Важно отметить также, что верховная собственность цинского императора на монгольские земли не только не отменяла фактической собственности местных владетельных князей, а, напротив, как показывает последующая история Халхи, укрепляла их позиции как представителей господствующего класса и как земельных собственников, охраняла их собственность от покушений других феодалов. Это и было одним из главных обстоятельств, длительное время миривших восточномонгольских феодалов с чужеземным господством.

Интересные сведения о земельной собственности в Монголии мы находим в истории Наробанчинского монастыря, одного из крупнейших в Халхе, изложенной его бывшим настоятелем, крупным ламаистским иерархом Делиб-хутухтой, американскому исследователю X. Врилэнду, который широко использовал сведения хутухты в своей монографии, посвященной монгольской общине и родовому строю. Произведенная нами проверка подтвердила достоверность основных фактов, сообщенных хутухтой.

Он рассказал, что в начале господства Цинской династии монгольским владетельным князьям «жаловалась земля и некоторое количество семей (т. е. нутуг и улус.— И. З.)». Наробанчинский монастырь, основанный в годы правления Инь Чжэня (может быть, Сюань Е), довольно быстро приобрел популярность, привлекавшую к его стенам множество верующих. Некоторые из них отдавались под покровительство монастыря, кочуя в его окрестностях и обслуживая своим трудом его администрацию. На этой почве возникали конфликты с владетельными князьями, которым принадлежали откочевавшие к монастырю семьи. Цинское правительство, активно поддерживавшее церковь в Монголии, в конце концов наделило Наробанчинский монастырь владельческими правами, а светский владетельный князь Хошучибэйсе, на территории которого находился монастырь, выделил ему землю на юге своего владения. Интересно отметить, что этот князь пытался также включить в свое пожалование участок земли за пределами своего владения, на котором обитала семья мелкого феодала. Последний решительно опротестовал самоуправство Хошучи - бэйсе, и тот принужден был исключить спорную землю из своего пожалования.

История Наробанчинского монастыря не является исключением. Процесс образования в Монголии монастырского землевладения во всех известных нам случаях ее повторяет.

Обратимся к документам, относящимся к Калмыцкому ханству на Волге. В мае 1732 г. князь Барятинский докладывал Коллегии иностранных дел, что к нему обратилась вдова умершего Лоузан-Шоно с жалобой на то, что «по смерти оного мужа ее имеющийся у него данной ему небольшой улус, в том числе и собственных их людей, хан удержал у себя. И просила она, Черень - Балзана, чтоб тех собственных их людей от хана возвратить к ней и ей бы, Черень-Балзане, составшими при ней людьми для кочевания определить особливое место».

И в этом случае речь идет о выделении вдове умершего князя обособленного куска земли в безраздельное владение взамен той территории, которую у нее отобрал владелец всей калмыцкой земли — хан. Следует учесть, что верховная собственность на землю Калмыцкого ханства была в это время в руках российского императора, что нисколько не мешало хану Калмыкии быть фактическим собственником этой земли, которую он уже от себя раздавал во владение младшим князьям, а в некоторых случаях и отбирал у них.

Общеизвестно, что иногда, под влиянием неблагоприятных погодных условий, кочевому населению приходилось искать спасения в перекочевке на более далекие расстояния, на территорию других феодальных владений. Правители этих владений могли по своему усмотрению допустить или не допустить бедствующее население на свою территорию, ибо только они были собственниками, единственными распорядителями земли. Так освещал этот вопрос в своих беседах с Врилэндом и Делиб - хутухта.

Как же проявлялась собственность феодалов на землю в Монголии, где до самого конца XIX в. не существовало ни купли-продажи, ни аренды земли? Она проявлялась в форме монопольного права владетельных князей распоряжаться кочевьями.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

продолжение . . .

В «Описании калмыцких народов» В. Бакунина говорится, что распределение сезонных кочевий между владетельными князьями входило в компетенцию особого

учреждения, называвшегося «зарго» и игравшего роль своеобразного совета министров; оно состояло из восьми постоянных членов, назначавшихся ханом из его приближенных, и из периодически сменявшихся представителей местных феодальных владык. «В той же зарге,— писал В. Бакунин,— при присутствии оных депутатов каждой весны и осени определяемо было, где которому нойону с улусом своим летовать и зимовать, и о том по конфирмации ханской давано было знать чрез тех депутатов № нойонам их, в чем и споров не бывало».

О том, как распределялись места кочевания и пастбищные угодья между отдельными группами и семьями, входившими в улус, рассказывает П. Паллас, лично наблюдавший перекочевки в Калмыкии. «Если калмыцкая орда (т.е. ханство — И. З.) или улус для сыскания свежих паств переходит с места на место... то наперед высылаются люди, которые для хана или князя, для ламы: и для кибиток, где их идолослужение совершается, выбирают лутчие места, после чего сии по объявлении через провозгласителей о их выступлении шествуют первые, а потом за ними следует весь народ и выбирает для себя, удобные места».

Так раскрывается механизм действия феодальной собственности на землю в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Главный собственник земли — хан утверждает распределение кочевий в ханстве, обеспечивая в первую очередь себя и верховного ламу достаточными по количеству и лучшими по качеству пастбищными угодьями, указывая затем места кочевания своим вассалам, младшим князьям. Вассалы в свою очередь обеспечивали себя и своих приближенных лучшими пастбищами, а все, что оставалось, становилось достоянием рядовых кочевников, непосредственных производителей, подвластных этому владетельному князю.

Источники более позднего времени, рисующие земельные отношения в монгольском обществе XIX—XX вв., показывая эволюцию этих отношений, в то же время полностью подтверждают данные Бакунина, Палласа и других. Как выясняется, например, из материалов Делиб - хутухты, разнообразие природных условий иногда видоизменяло формы землепользования, ни в малой степени, однако, не нарушая основы основ феодального общества — монопольной собственности феодалов на землю. Делиб - хутухта свидетельствует, что в начале XX в. в Наробанчинском владении стало правилом закрепление зимних пастбищ за отдельными семьями, независимо от их социального и общественного положения, причем на этих зимниках сооружались каменные укрытия для скота и накапливались запасы топлива. Закрепление же летников за отдельными семьями, как правило, не производилось, хотя каждая семья двигалась из года в год по одному и тому же маршруту, в одни и те же места. Но в одном из хошунов Сайн-нойон-хана вся территория была, разделена «на пастбищные угодья на все сезоны года, между отдельными семьями. Особенность же этой территории заключалась в том, что она состояла из не защищенных от ветра площадок (hugaa), от которых уходили в горы боковые долины. Вот эти боковые долины и были, распределены по отдельности

между семьями, причем каждая семья передвигалась вдоль своей долины, разбивая стойбище летом внизу, а зимой наверху».

Факты, сообщаемые Делиб - хутухтой, свидетельствуют, что при абсолютном господстве феодальной собственности на землю использование этой земли могло приобретать различные формы в зависимости от многообразных местных условий. В одних случаях пастбищные угодья и стойбища ни в один из сезонов не закреплялись за пользователями, в других — закреплялись только зимники, в третьих — закреплялись зимники, летники и все промежуточные кочевья.

Сведения о собственности князей на землю, о закреплении зимников, а иногда и летников подтверждаются многочисленными документами Государственного архива МНР, частично опубликованными проф. Ш. Нацогдоржи в его труде о крестьянском движении в дореволюционной Монголии. Укажем на некоторые из них. «Отрезок земли нашего хошуна,— говорится в одной из жалоб аратов,— крайне узок, стиснут скалами и лесом, пастбища неравноценны. Ввиду этого в старое время каждое хозяйство наделялось земельным участком, что стало обычаем». В другой жалобе араты писали, что их владетельный князь использовал пастбищные угодья для своего скота, «а остальным тайджи и аратам, имеющим скот... запрещено пользование пастбищными угодьями, и [они] совершенно лишены нутуга для кочевок». В третьем документе приводится жалоба аратов одного из хошунов Дзасактухановского аймака на их князя, который разрешил жителям соседнего хошуна «кочевать в своем нутуге и берет с них так называемый ?вс?н ц?в?н (налог за пользование пастбищами)». Отметим еще один документ, рассказывающий о том, что в 1846 г. владетельный князь Балдар-Доржи из аймака Тушету-хана потребовал возвращения группы аратов, откочевавших в соседний хошун. Но те не хотели возвращаться и обратились к Балдар-Доржи и к князю хошуна, в котором они в то время кочевали, с просьбами разрешить им не возвращаться на старое место, за что они соглашались выполнять повинности для обоих князей.

А. Позднеев, в конце XIX — начале XX в. немало путешествовавший по Монголии, наблюдавший и изучавший жизнь монгольского населения, писал: «Зайдите в любую юрту, и каждый монгол непременно скажет вам, кому принадлежит то место, на котором он кочует». Укажем, наконец, на широко распространившиеся в конце XIX — начале XX в. случаи продажи монгольской земли и сдачи ее в аренду разного рода европейским предприятиям и учреждениям, правительственным учреждениям Китая и частным лицам, причем продавцами земли и сдающими ее в аренду были владетельные князья, клавшие выручку себе в карман.

Итак, в феодальную эпоху в Монголии земля находилась в монопольной собственности владетельных князей, а основной формой проявления этой собственности было монопольное право князей распоряжаться кочевьями.

Конкретные формы землепользования были различными в зависимости от различных исторических и природных условий; во второй половине XIX — начале XX в., когда монгольские князья столкнулись с буржуазным спросом на их землю, право распоряжаться кочевьями само собой, в порядке естественной эволюции, без каких-либо внутренних потрясений превратилось в право продавать землю и сдавать ее в аренду. Такова историческая тенденция развития феодальной собственности на землю в Монголии.

Из всего сказанного следует также, что земля, пастбищные угодья играли роль решающего средства производства монгольского кочевого общества. Исследователи, отрицающие роль земли как средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, исходят из того, что кочевник не прилагает труда к пастбищам, что последние являются «естественными лугами», что к ним можно применить слова, сказанные К. Марксом о вещах, могущих быть потребительными стоимостями и не быть стоимостями. «Так бывает,— писал К. Маркс,— когда ее (вещи.— И. З.) полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.». Но ссылка указанных исследователей на К. Маркса в данном случае является неправомерной. Пастбищные территории в кочевом скотоводческом производстве не являются «естественными лугами» в обычном смысле; нельзя сказать, что эти территории не опосредствуются трудом кочевника-скотовода. Громадный труд, вкладываемый кочевником в перекочевки, имел целью не только освоение новых пастбищ, но и восстановление плодородия старых, уже использованных угодий; перекочевки являлись единственным доступным кочевнику средством восстановления кормовых ресурсов использованных пастбищ, обеспечивавших ему возможность возвращения в соответствующее время года на старое кочевье. Оседлое сельское хозяйство, использующее богатства естественного луга как бесплатный дар природы, действительно не вкладывает в него труда, но кочевник-скотовод не мог использовать богатства пастбищных угодий, если не обеспечивал их водоснабжением и если — что самое главное — он несколько раз в году, собрав свои стада, имущество и все свое семейство, не перекочевывал на новое пастбище, отделенное от старого иногда многими десятками километров. Весь смысл сезонных перекочевок заключался в восстановлении урожайности пастбищных территорий; без этого перекочевки становятся чем-то вроде увеселительных прогулок, предпринимаемых из любви к солнцу, чистому воздуху, путешествиям и т. п. Буржуазная историография обычно так и истолковывала их значение. Реальные исторические факты, сообщаемые источниками и документальными материалами, не оставляют сомнения в том, что решающим средством производства скотоводческого кочевого хозяйства являлась земля, пастбищные угодья.

Так обстояло дело во всех монгольских районах Цинской империи и Российского государства, так в основном было и в Джунгарском ханстве с учетом разве того, что там в XVIII в. не все проявления исторической эволюции форм феодального землевладения и землепользования получили законченное выражение.

Но прежде чем перейти к Джунгарскому ханству, остановимся коротко на вопросе о роли скота в производстве и общественных отношениях монгольских народов. Нужно ли доказывать, что под животноводческим хозяйством подразумевается хозяйство, производственная деятельность которого направлена на разведение домашних животных, что домашние животные являются целью производства такого хозяйства, продуктом его производства, продуктом труда его работников. Конечно, домашние животные использовались в материальном производстве кочевых хозяйств весьма многообразно. Вполне естественно, что иногда некоторые из животных использовались в качестве средств производства и транспорта. Но такое их использование было не типичным, не основным, а скорее эпизодическим и затрагивало незначительную часть домашних животных. Типичным и характерным было то, что скот являлся продуктом труда кочевников-скотоводов и основной формой их богатства. Много скота означало богатство, мало — бедность. Процесс накопления в хозяйстве кочевника выражался главным образом в росте поголовья принадлежавшего ему скота.

Скот играл исключительно важную роль в торговом обмене кочевых народов с оседлыми. Лошади, рогатый скот, овцы и верблюды были, по сути дела, единственным товаром, который кочевники могли предложить и предлагали своим оседлым соседям в обмен на продукцию их хозяйства. Львиная доля «экспортно-импортной» торговли Монголии приходилась на хозяйства феодалов, стягивавших к себе в результате эксплуатации непосредственных производителей многотысячные стада и табуны, в обмен на которые они приобретали предметы роскоши, оружие и т. п. Скот давал все: пищу, жилище, одежду, средства грузового и пассажирского транспорта, всевозможные импортные товары; скот был почти единственной формой «валюты». Именно поэтому разведение скота было целью производства. С. Толыбеков отрицает за скотом роль продукта труда и утверждает, что он является средством производства, орудием труда, на том основании, что кочевник «при пастьбе своих стад и табунов ставит перед собой определенную цель, чтобы пастбищная трава была превращена в результате поедания ее животными в молоко, шерсть, мясо, кожу, навоз и т. д.» 189. Но при таком методе исследования придется признать, что ни молоко, ни шерсть, ни мясо не являются конечным продуктом, что они сами превращаются в средство производства, в орудие труда при изготовлении молочных продуктов, войлока, супа, обуви, топлива и т. п. Мы можем таким образом двигаться от одного этапа изменения материи в процессе производства к другому по бесконечному циклу обмена веществ между обществом и природой. Но это уже не исследование, а вульгаризация. Разумеется, скот и земля в кочевом обществе неразрывно и тесно связаны между собой как в производственном процессе, так и в общественных отношениях. Разведение скота невозможно без земли, без пастбищ; земля и пастбищные угодья теряют всякое значение без скота. В этом смысле можно и нужно говорить о единстве земли и скота как факторов материального производства и общественного строя кочевых народов. Но единство не есть тождество. Как бы тесно они между собой ни были связаны, земля и скот выполняли как в производстве, так и в общественных отношениях различные роли. Если земля

была главным средством производства, то скот был целью этого производства, его главным продуктом; если земля была решающим фактором в производственном процессе кочевого общества, то скот был не менее решающим фактором в сфере распределения произведенного этим обществом совокупного продукта. Если отношение к земле как к основному средству производства разделяло общество кочевников на классы, если собственность на землю превращала собственников в феодалов, а лишенных этой собственности делала феодально-зависимыми, то отношение к скоту определяло имущественное положение владельцев стад, делая одних феодалов или аратов богатыми, других феодалов или аратов бедными.

Значение скотоводства в общественно-политической жизни монгольских народов, в описываемое время было огромным. Скот был всеобщим объектом вожделения. Феодалы в форме поборов и повинностей отнимали у аратов столько скота, сколько было возможно, они организовывали его угон у соседей, захват скота был одной из главных задач межфеодальных войн и внутренних усобиц. Феодально-зависимое аратство оказывало сопротивление феодалам, стараясь уберечь свои стада от их алчности, прибегая к самовольным откочевкам, скрывая численность принадлежавшего им поголовья, переходя иногда к более активным формам классовой борьбы, сопровождавшимся захватом и разделом стад, принадлежавших феодалам.

Во всем этом проявлялась борьба классов и социальных групп за долю в совокупном общественном продукте, за перераспределение общественного богатства. Легко понять, что владетельные князья, будучи монопольными собственниками земли и эксплуатируя зависимое аратство, накапливали огромные стада, исчислявшиеся тысячами и десятками тысяч голов. Некоторые примеры мы приводили выше, ссылаясь, в частности, на биографию Зая-Пандиты. Источники в изобилии приводят данные о борьбе между феодалами за скот. Следует учесть, что борьба за улусы тоже в конечном счете сводилась к борьбе за скот, ибо владетельные князья были заинтересованы в улусах, т. е. в зависимых аратских хозяйствах, главным образом постольку, поскольку последние обладали собственными стадами и поэтому могли нести поборы и повинности; бедняцкие, бесскотные хозяйства" были феодалам не нужны. Делиб - хутухта рассказывал, что в 1890 г., когда он вступил в управление Наробанчинским монастырем, семья его родителей имела собственное стадо из 10 коров, 30 лошадей и 3 верблюдов, на в дальнейшем это стадо выросло до 200 коров, 2 тыс. лошадей, 300 верблюдов и 7 тыс. овец (овец раньше не было). Чтобы получить представление о концентрации скота в хозяйствах феодалов, отметим, что 400 аратских хозяйств, подвластных Делиб - хутухте, вместе владели 78 тыс. овец (у хутухты 9%), 1600 голов рогатого скота (у хутухты 12,5%), 1200 верблюдов (у хутухты 25%), 2800 лошадей (у хутухты около 80%). Мы не располагаем сведениями о концентрации стад в хозяйствах феодалов в XVII и XVIII вв., но у нас есть все основания полагать, что и тогда положение не было иным.

Что говорят наши источники об организационных основах скотоводческого хозяйства крупных монгольских феодалов? Как выясняется, главным принципом организации такого хозяйства являлась раздача скота мелкими партиями на выпас подвластным аратским хозяйствам, обладавшим собственным стадом, достаточным, чтобы гарантировать феодала от возможных потерь. Делиб - хутухта говорил, что в Наробанчинском монастыре овцы, рогатый скот и лошади отдавались для выпаса на началах издольщины, т. е. небольшие стада, отары и табуны распределялись между подвластными аилами под их ответственность за вознаграждение в виде части молока и шерсти. Собственное семитысячное овечье стадо Делиб-хутухта делил на отары в 300—800 голов, которые раздавались на выпас хозяйствам, владевшим собственным стадом, насчитывавшим около 300 овец. Численность выпасаемой отары зависела от величины собственного стада и обеспеченности рабочей силой. По словам хутухты, выпасающее хозяйство получало 70 % шерсти, все молоко летом и всех ягнят. Что касается верблюдов, то в Наробанчине их пасли наемные пастухи.

Есть все основания полагать, что Наробанчинское монастырское владение и в этом отношении не было исключением, что раздача скота на выпас состоятельным аратам была в Монголии повсеместным явлением и общей основой организации хозяйства феодалов. Во всяком случае в послереволюционной Монголии органы народной власти твердо установили, что в 20-х годах около 20% аратских хозяйств продолжало выпасать скот бывших феодалов и других крупных скотоводов на условиях, аналогичных описанным выше.

Мы уже отмечали, что владетельные князья в Монголии являлись собственниками всех нутугов и всех улусов в своих владениях. Но между этими двумя видами собственности существовало серьезное различие. Владетельные князья были полными и безраздельными собственниками по отношению к нутугам, но не по отношению к улусам. Обычное и писаное монгольское право — постановления ряда княжеских чулганов и ханские указы, равно как и законодательство Цинской династии по делам Монголии и правительства России по делам Калмыкии, предоставляя князьям право покупать, продавать и дарить аратов, запрещало их убивать. В этом смысле монгольские феодалы не были полными собственниками своих улусов.

Так было во всей Монголии, так было в Калмыкии, так было и в Джунгарском ханстве.

Структура ойратского общества была довольно сложной. Все исследователи единодушно отмечали наличие в нем сословий, но расходились в определении их числа и характера. По мнению Н. Бичурина, ойраты делились на два сословия — военных и духовных, причем первое в свою очередь разделялось на группы дворян и податных. Богоявленский насчитывал у ойратов три сословия - воинов, черных

людей и рабов, Хаслунд — четыре: белую кость, т. е. аристократов, черную кость, т. е. податное население, дарханов, т. е. освобожденных от повинностей, и духовенство.

Посмотрим, что говорят о сословиях источники.

«История Убаши-хунтайджи» сообщает о совещании представителей «высших, средних и низших сословий» Биография Зая-Пандиты несколько раз и в разных вариантах говорит о «высших, низших и средних», «о великих и малых нойонах», «о духовенстве и мирянах», «о знатных и простонародии». В тексте «Цааджин бичиг», как заметил еще С. Богоявленский, упоминались: улусные чиновники, знаменосцы, трубачи, телохранители, придворные, воины, простолюдины, рабы, великие и малые князья. Делиб-хутухта утверждал, что население Наробанчинского владения разделялось на два класса — тайджи и харачу, т. е. на аристократию («белую кость») и на «чернокостных» аратов. Последние в свою очередь разделялись соответственно их правам и повинностям на группы: хамжилга (hamjaanai ail – supporting family), албату (albatai – having duty) и дарханов (darhatai – having freedom).

Некоторые важные сведения содержатся и в русских архивных материалах, а также в трудах ученых и путешественников, наблюдавших и изучавших жизнь Калмыцкого ханства на Волге. А калмыки, говоря словами К. Костенкова, принесли в Россию свое общественное устройство из Джунгарии.

Взятые в целом показания источников приводят к убеждению, что монгольское общество, в том числе и ойратское, в рассматриваемое время делилось, как и всякое феодальное общество, на два основных класса — феодалов и крестьян - аратов, т. е. рядовых кочевников-скотоводов. Первые были монопольными собственниками земли, пастбищных, территорий, вторые были Лешины собственности на землю, и потому представляли собой феодально-зависимый класс. Оба класса делились на сословные группы. Наибольшей четкостью отличался сословный строй в Халхе и Южной Монголии, где благодаря законодательству Цинов права и обязанности сословий подверглись наиболее полной и строгой регламентации. Но цинское законодательство, как известно, не вносило каких-либо принципиальных изменений в общественную структуру Монголии, оно шло главным образом по линии юридического оформления существовавших там общественных институтов и приспособления их к интересам Цинской династии. Это позволяет утверждать, что общественный строй Джунгарского ханства в основном соответствовал общественному строю Халхи и южной Монголии до их включения в состав Цинской империи, а в Калмыцком ханстве существовали те же общественные отношения, что и в Джунгарии, с теми, однако, изменениями, которые со временем появились в Калмыкии под влиянием социального строя России.

Во главе ойратского феодального общества стоял хан из дома (или омока) Чорос. Положение этого хана, прочность его власти основывались на ресурсах его личного владения — его домена и ими определялись. Доменом джунгарского хана были земли, люди и скот, находившиеся в его личном владении, а также во владении его ближайших родственников, чоросских владетельных князей. Роль и значение ханского домена образно охарактеризовал весной 1724 г. один из влиятельных калмыцких феодалов Доржи Назаров. «Кому не быть ханом,— говорил Доржи,— все равно, и токмо что прибыток ему будет один титул и место первое; а пожиток его с одних только с его собственных улусов, а прочие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоваться не повинен, и слушать его в том никто не будет». Из этих слов явствует, что прочность ханской власти, ее авторитет были прямо пропорциональны размерам и богатству ханского домена. Сказанным объясняется та яростная борьба, которую вели ханы и претенденты на ханский трон за расширение своих доменов. Укажем для примера, что Пунцук, отец калмыцкого Аюка - хана, «старался двоюродных своих братьев и их детей улусами обессилить и для того их между себя приводил в ссоры, а противного себе родного племянника своего, именуемого Джалбу разбил... а улусом его завладел»205. Ойратская история XVII — XVIII вв. богата эпизодами такого рода. Выше мы приводили рассуждения калмыцких князей о причинах их междоусобиц, а также их ссылку на действия Аюки, «передавившего» родственников и овладевшего их улусами, как на образец решения внутренних конфликтов. Точно так же поступали в свое время и Хара-Хула и Батур-хунтайджи. Опираясь на мощь своего домена, включавшего многочисленные улусы и обширные нутуги, располагая значительной военной силой, хан имел возможность навязать свою волю другим владетельным князьям и держать их в повиновении.

Хан Джунгарии был первым лицом в государстве ойратских феодалов. Ступенью ниже на феодально-иерархической лестнице стояли другие великие князья — правители хошоутских, дэрбэтских, хойтских и других крупнейших улусов, тайджи, именовавшиеся в русских источниках и исследованиях тайшами. Владение такого тайши в свою очередь состояло из ряда улусов, во главе которых стояли его родственники, члены его омока, являвшиеся самостоятельными правителями, но зависимыми от данного тайши. Правители таких улусов были, по терминологии ойратских источников, малыми князьями в отличие от тайшей и хана — великих князей, хун-тайджи. Каждый тайша располагал своим владением, являвшимся главным условием его власти над малыми князьями. Поэтому забота о расширении и укреплении собственного владения всегда стояла в центре внимания ойратских тайшей.

Князья, нойоны, имевшие в своем, владении отдельные улусы, близкими родственникам и соратникам. Каждая такая часть называлась тоже улусом или аймаком, а их владельцы и правители именовались – зайсангами. В. Бакунин писал, что у калмыков «каждой улус имеет особливое свое звание и нойона, а у каждого нойона есть по нескольку зайсангов, из которых каждой имеет свой, аймак, так как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по нескольку кибиток, не по равному числу, в ином 5, 10 и больше, а в ином от нескольких сот до

тысяч и больше. По смерти же нойонов улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большему сыну против Других его братей достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом; а то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками».

То же сообщал и П. Паллас: «Обыкновенно князь (тайдчи) правление своего народа (улуса)... оставляет старшему своему сыну. Протчим же детям дается по небольшому числу семей, над коими они, как и князь над своим народом, суть государи (нойоны), однако же от улуса владеющего князя не отделены остаются, и в некоторой зависимости и подданстве у него пребывают, так же и всем его военным и мирным учреждениям повинуются». К. Костенков в свою очередь свидетельствует: «Тайша был правителем целого поколения... разделявшегося на улусы. Лучшим и обширнейшим улусом тайша заведывал сам непосредственно, а менее обширные раздавал в управление и в кормление своим сыновьям и братьям... Нойоны иногда присваивали себе звание «тайшей», но на самом деле они тайшами не были, состоя к этой власти в вассальных отношениях... Для ближайшего управления аймаками нойоны раздавали их своим дальним родственникам или избранным лицам, которые... назывались цзайсан». Зайсанги были институтом наследственным, но владетельный князь, нойон, «дававший аймак в управление известному лицу, мог отнять его и передать другому, принимавшему в свою очередь звание зайсанга».

Ойратские источники — «Сказания» Батур-Убаши-Тюмена и Габан - Шараба, биография Зая-Пандиты — и русские архивные материалы подтверждают наблюдения В. Бакунина, П. Палласа, К. Костенкова и других, писавших по этому вопросу. Журналы путешествий Ф. Байкова, И. Унковского, М. Этыгерова, Л. Угримова и множество других документов разного рода свидетельствуют, что и в Джунгарском ханстве структура господствующего класса была подобна Калмыкии, что и там существовала не большая группа великих князей во главе с ханом, ниже их располагалась большая группа малых князей, зависевшая от великих нойонов, а еще ниже стояла масса зайсангов, зависевших от малых князей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД

НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА

(первая половина XVIII в)

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

продолжение . . .

Сравнивая Джунгарское ханство с Калмыкией, мы замечаем одно существенное различие: централизация власти в первом была гораздо более прочной, чем во второй. Несомненно, что со времени Батур-хунтайджи и до конца правления Галдан-Церена, т. е. более столетия, в Джунгарском ханстве не было серьезных и длительных усобиц, которых было так много в Калмыкии. Ханская власть в

Джунгарии сравнительно легко справлялась с сепаратистскими стремлениями великих и малых князей, сурово карая всякого, кто пытался оказать сопротивление воле хана. Обычно такие попытки предпринимались в связи со сменой правления, когда место умершего хана должен был занять его наследник. Так было когда Сенге сменял Батура, Галдан — Сенге, Галдан-Церен — Цэван-Рабдана. Смуты, сопровождавшие приход к власти нового хана, каждый раз оканчивались победой «законного» наследника престола, представителя Чоросского омока, а его противники, если и оставались в живых, вынуждены были спасать свою жизнь бегством на Волгу или в Кукунор. Особенно спокойной с точки зрения внутренних усобиц была первая половина XVIII в.

Чем можно объяснить такую сравнительно устойчивую консолидацию ханства? Здесь, по-видимому, играла роль совокупность таких причин, как мощь ханского домена и относительное превосходство его военных сил, умелая внутренняя и внешняя политика, обеспечившая каждому феодалу возможность обогащения за счет эксплуатации аратов и торгового обмена с оседлыми соседями, удачные войны с Цинской империей и казахскими феодалами.

Особую группу джунгарских феодалов составляли князья церкви, высшие ламы, права и привилегии которых, как об этом говорилось выше, постепенно определились целым рядом постановлений княжеских чулганов и особенно законами - 1640 г. Высшее ламство в Джунгарии, как и во всей Монголии, пополнялось почти исключительно выходцами из феодалов, главным образом младшими сыновьями владетельных князей, имевшими мало шансов занять место светских правителей. Войдя в лоно церкви в качестве ее иерархов, эти младшие отпрыски аристократических омоков многое приобретали. Они, как и их светские собратья, получали во владение улусы, становились обладателями огромных стад, им выделялись особые нутуги, разрешалось выпасать стада безвозмездно и невозбранно на пастбищах светских князей, они эксплуатировали труд многих сотен, а то и тысяч крепостных. Ламы пользовались большим влиянием в государстве и в народных массах, которые «великие им дачи чинят,— писал В. Бакунин,— и коленопреклонением почитают, да и в прочем их, а паче ламу (верховного в ханстве.— И. З.) или хутухту за меньших богов своих считают. И для того вообще у всех калмыцких и мунгальских народов в духовной чин с охотою вступают нойоны и зайсанги».

Мы можем допустить, что влияние и богатство Зая-Пандиты были явлением исключительным. Но мы не находим качественных различий между, его биографией и биографией любого другого крупного деятеля. церкви. Приведем для иллюстрации сведения о верховном ламе Калмыцкого ханства Шохуре, прибывшем на Волгу в 1718 г. по приглашению Аюки, который встретил его «с великой честью и отдал ему во владение, калмыцкий улус… которого в то время счислялось до 4000 кибиток. Оной Шухр-лама был природою торгоутовский калмык, зайсангской сын» 211. Когда Шохуру исполнилось десять лет, его отправили в Тибет «для науки, и тамо будучи слишком 20 лет, обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим, и был ламою в тамошнем одном монастыре… и

губернатором над провинциею, тому монастырю подчиненною». Вполне возможно, что пополнение рядов высших лам младшими, сыновьями княжеских омоков также играло свою роль в консолидации Джунгарского ханства, способствуя смягчению противоречия между растущим числом претендентов на княжеское владение и ограниченной возможностью удовлетворения их требований. Именно это противоречие, как мы видели, было той главной силой, которая взрывала внутреннее единство класса феодалов в Калмыкии; в Джунгарском же ханстве ее действие было гораздо менее значительным, а в первой половине XVIII в. и вовсе отсутствовало.

Итак, класс феодалов в Джунгарском ханстве разделялся на четыре группы: великих князей, малых князей, зайсангов и высших лам. Сословные различия указанных групп не получили в законодательстве ханства законченной регламентации, но в реальной действительности общественное положение, права и привилегии феодалов определялись принадлежностью их к той или иной группе. Источники свидетельствуют, что в основе феодальной иерархии лежала иерархия землевладения. Великие князья, будучи собственниками всех пастбищных угодий в своих владениях, распределяли территорию для кочевания среди подвластных им малых князей — владельцев отдельных улусов. Малые князья, являясь собственниками своих владений, распределяли их между зайсангами. При этом феодалы всех степеней оставляли для нужд личного хозяйства лучшие пастбищные угодья. Зайсанги отличались от нойонов, малых князей, владельцев улусов тем, что могли быть в любое время по усмотрению последних лишены "владельческих прав и превращены в своего рода беспоместных, дворян; такая операция по отношению к нойонам мирными средствами была неосуществима. Что касается князей церкви, то они были такими же владельцами улусов и нутугов, как их светские собратья, но отличались от них главным образом тем, что были освобождены от повинностей, лежавших на светских владетельных князьях.

На другом полюсе ойратского общества находился его основной производительный класс – араты. Этот класс разделялся на два сословия: албату — зависимых от светских, князей и шабинаров — зависимых от церковных феодалов. Класс аратов составлял фундамент, на котором держалось все здание феодального ойратского общества и Джунгарского ханства; труд аратов был главным источником обогащения феодалов и решающим условием устойчивости феодального государства. Аратство трудилось с целью разведения домашних животных в своем личном, мелком, но самостоятельном скотоводческом хозяйстве, своим трудом обеспечивало производство и расширенное воспроизводство в хозяйстве феодалов, и, наконец, несло всякого рода повинности в пользу феодального государства. Араты выполняли множество повинностей, но прав в феодальном обществе они не имели никаких. «Тайдчи, или нойон,— писал П. Паллас, - имеет над своими подданными неограниченную власть. Он может по своему изволению их дарить кому хочет, наказать, их телесно, велеть им носы и уши обрезать или другие члены обрубать, но только не явно умерщвлять»213. Главнейшей государственной повинностью аратов была воинская. «У монгольских народов вообще каждый простолюдин или черной человек (хара-кеен) есть воин и должен лошадь и оружие в готовности иметь, дабы немедленно по приказанию князя своего явится в поле.

Повинности аратов в Джунгарском ханстве в целом не были регламентированы законом. Мы знаем лишь некоторые статьи законов 1640 г. и указы Галдан-Бошокту-хана, требовавшие от аратов своевременного и неукоснительного выполнения возложенных на них податей и повинностей и в то же время в общей и необязательной форме рекомендовавшие князьям не переобременять аратов и проявлять о них заботу. Аратство было привязано к своим господам узами крепостной зависимости. Ни один арат не имел права самовольно покинуть владение своего князя или зайсанга. Борьба против самовольных откочевок аратов всегда занимала одно из главных мест в феодальном законодательстве Монголии и Джунгарского ханства. Выше мы приводили случай расправы с одним «беглым», которого били и варварски заклеймили за побег, равно как и другой случай, когда откочевавшая от господина аратская семья соглашалась нести повинности в пользу двух господ— старого и нового, лишь бы ее не принуждали вернуться на старое место. Ойратские законы предусматривали суровое наказание не только самих беглых аратов, но и тех князей которые их принимали и укрывали. Законы 1640 г. за подобное укрывательство беглых аратов предусматривали более строгую кару, чем за убийство; виновный должен был уплатить штраф 100 панцирей, 100 верблюдов и 1 тыс. лошадей.

Частые случаи обращения законодателей к вопросу о "борьбе против самовольных откочевок аратов, а также необычайная суровость кары за укрывательство откочевщиков свидетельствуют, во-первых, что такого рода побеги аратов были широко распространены и угрожали устойчивости феодального хозяйства и, во-вторых, что владетельные князья сами были заинтересованы в увеличении любым путем, даже при помощи укрывательства беглых аратов, населения своих улусов.

Следует отметить, что источники не подтверждают мнения исследователей, отрицавших наличие крепостничества в феодальной Монголии и объяснявших запрет покидать пределы владений данного феодала соображениями исключительно военно-организационного характера. Если бы дело сводилось только к этому, то в XIX— XX вв., когда походы и войны перестали интересовать монгольских феодалов, араты могли бы и должны бы были получить право свободного передвижения по стране. Но, как известно, ничего подобного не случилось, и прикрепление аратов к земле феодальных собственников сохраняло свою силу до революции 1921 г.

Крупное скотоводческое хозяйство феодалов для своего развития требовало достаточных пастбищных территорий, а также достаточного числа самостоятельных аратских хозяйств, способных своим трудом обеспечить уход за стадами и обработку скотоводческой продукции данного феодального хозяйства. Важнейшей повинностью аратов был выпас; господского скота причем его сохранность, как и сохранность молодняка, гарантировалась личным стадом аратов. Да и как иначе могли бы организовать уход за стадами крупные хозяйства, обладавшие тысячами и десятками тысяч овец и лошадей, сотнями и тысячами голов рогатого скота и верблюдов? Рабский труд в Джунгарском ханстве, как и во всей Монголии, играл в производстве незначительную роль. Раздача скота на выпас самостоятельным аратским хозяйствам была наиболее типичной и целесообразной формой организации крупного скотоводческого хозяйства феодалов. Данные

источников свидетельствуют о том, что в XVII—XVIII вв. в Джунгарском ханстве существовало очень большое имущественное неравенство в смысле обеспеченности хозяйств скотом. Чем больше скота было в хозяйстве феодала, тем больше требовалось ему самостоятельных аратских хозяйств, могущих принять на выпас этот скот, способных гарантировать его сохранность и расширенное воспроизводство. При такой организации хозяйства прикрепление аратов к земле, равно как и стремление феодала увеличить численность подвластных ему самостоятельных аратских семей, вызывалось объективными экономическими интересами развития феодального хозяйства. В этом же заключается, на наш взгляд, экономический смысл той непрерывной борьбы, которую вели между собой в XVII в. ойратские феодалы и в XVII — XVIII вв. калмыцкие феодалы за обладание улусами, т. е. за захват самостоятельных аратских семейств, за превращение их в своих подвластных, за прикрепление их к земле своего владения. Источники полны описаниями этой борьбы. Мы лишены возможности приводить здесь указания источников. Интересующиеся найдут их в изобилии в документах калмыцкого, зюнгарского, ногайского и киргиз-кайсьцкого фондов ЦГАДА и АВПР.

Крепостнические права ойратских феодалов находят подтверждение и в русских материалах. Сошлемся для иллюстрации на «Рассуждение Коллегии иностранных дел о российских подданных калмыках, каким из них быть вольными и крепостными», представленное в Сенат в июле 1755 г. В этом документе предлагалось разрешить русским людям покупать иноверцев, в том числе и калмыков, «с письменными видами от продавцов, то есть от их ханов, владельцев, тайшей... и всем таковым быть вечно крепостными... То же чинить и с таковыми калмыками... которые от их ханов и других владельцев, старшин и протчих будут кому подарены, и о том на них даны или с ними присланы будут письма за их печатьми или руками». Приведенный документ убедительно свидетельствует, что социальное положение трудящихся аратов Джунгарском ханстве Калмыкии не отличалось от положения крестьян в России — в обоих случаях непосредственные производители... были прикреплены к земле "своих господ, которые могли их продавать, покупать, дарить и т. д.

Итак, арат был обязан принимать на выпас господское стадо, а также до глубокой старости, держать в исправности свое оружие и снаряжение, быть готовым, первым требованию идти на войну во имя интересов своих господ. Кроме того, он был обязан вносить владетельному князю натуральный оброк продуктами своего; хозяйства, выполнять разного рода государственную барщину (шить обмундирование, работать в ханских мастерских, изготовлять предметы военного снаряжения и т. п.), нести подводную повинность и т. д. Именно потому, что аратство было обязано выполнять эти и многие другие повинности, в его среде сложилось сословие албату (алба — повинность, албату — несущий повинности). Таким оно было и в Джунгарском ханстве.

Вторым аратским сословием в Джунгарии были шабинары. Оно возникло в связи с победой ламаизма и появлением церковных феодалов. Но шабинары (от слова «шаби» - «ученик», «послушник»)были крепостными высших лам и несли в их пользу так же повинности, как и араты-албату в пользу светских феодалов. Но шабинары были целиком освобождены от каких – либо повинностей в пользу владетельных

князей и феодального государства. Они не привлекались к военной службе и не отбывали государственной барщины. 0ни были целиком и полностью потомственными подданными князей церкви, эксплуатировавших их так же и теми же в основном методами, что и светские феодалы своих албату. Даже в судебном отношении шабинары были подведомственны не светским, а церковным институтам.

Князья церкви как феодалы были заинтересованы в увеличении числа шабинаров, что могло быть достигнуто и достигалось за счет сокращения рядов албату. Албату охотно шли в шабинары, ибо эксплуатация их церковными феодалами при всей ее суровости, была все же более мягкой, чем эксплуатация светскими владетельными князьями. На этой почве возникла и с течением времени обострилась борьба между светскими и церковной феодалами, о которой говорит, например, эпизод, зарегистрированный в русских архивных материалах. В конце 1732 г. в Царицын «прибежал» из Калмыкии арат Лекден, сообщивший, что когда-то он принадлежал «к улусу владельца Дондук-Даши, зайсанга его Накбая. И не по хотя тамо в холопстве служить, еще в малых летех ушел в улус... к гелюн-эмчиным шабинарам, и женясь, жил все в том улусе особливою кибиткою... В прошлом году он был взят в плен Дондук-Омбою. И его, Дондук-Омбины, калмыки, уведав, что он, Лекден, не природной шабинар, обрав у него весь скот и багаж его, взяли в свой улус, и был он в аймаке у зайсанга... Лекбея». Приведенный случай характерен не только для Калмыкии, но и для Джунгарского ханства.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в отличие от Халхи и Южной Монголии в Джунгарии и Калмыкии не было сословия хамжилга (ȟamjaanai ail). Известно, что его не было и в Халхе и в Южной Монголии до их присоединения к Цинской империи. Из этого следует, что сословие хамжилга было вызвано к жизни цинскими властями, стремившимися внести предельную ясность в организацию монгольского войска, исключив из списков военнообязанных (sumnai ail) потомственных дворовых (хамжилга), шабинаров и дарханов.

Дарханы представляли собой привилегированное сословие, комплектовавшееся в основном из аратства, но за особые заслуги освобожденное от всех податей и повинностей, пользовавшееся к тому же и некоторыми другими привилегиями. По словам Абульгази, «тархан означает такого человека, с которого неберут дани; когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить; он входит и выходит по своему произволу. Если он сделает преступление, то с него до девяти вин не взыскивается; после девятой он уже подвергается взыску. Это право переходит и на его потомство до девятого рода». По всем данным, сословие дарханов в Джунгарском ханстве было немногочисленным, заметного влияния на жизнь ойратского общества оно не оказывало.

Попытки выделить в особое сословие ойратских военнообязанных должны быть отвергнуты, ибо военная служба была одной из повинностей аратов-албату.

В ойратском обществе помимо классов феодалов и аратов была еще прослойка рабов. Важно отметить, что в монгольских и ойратских источниках XVII—XVIII вв. рабы упоминаются очень редко и сведений о них мы встречаем там крайне мало. Это обстоятельство дает нам основание полагать, что рабский труд в

производственной жизни ойратского общества не имел большого значения. Источники свидетельствуют также и о том, что рабами были исключительно или почти исключительно пленные, захваченные в боях; случаи обращения в рабство коренных ойратов были, по-видимому, крайне редкими. Рабы в Джунгарии являлись товаром, который продавался русским купцам и чиновникам. Или вывозился на невольничьи рынки Средней Азии. Но не каждый пленный обращался в раба и отправлялся на продажу. Пленные в ханстве весьма ценились как средство получения выкупа или обмена на своих пленных.

Галдан-Церен и его министры отклонили требование майора Угримова отпустить в Россию русских пленных вместе с их женами, приобретенными в Джунгарии, независимо от их этнической принадлежности. Батур - зайсан, представитель Галдан- Церена, говорил Угримову, что этого «сделать будет невозможно, понеже де оне имеют жен казачьих и буруцких, а у нас де с ними полоном всегда бывает размена». То же говорил Угримову и Галдан-Церен, который в это время старался задобрить правительство России в надежде на ее военную помощь. Он соглашался отпустить пленных в Россию и их жен, «кроме токмо казачьих баб, понеже де у нас с казаками положено, чтоб как нам, так и им пленников со обоих сторон никуды в другие край не отлучать и выдавать на размену назад». В. Бакунин, обобщая свои многолетние наблюдения за жизнью калмыцкого общества, о роли пленных писал: «Брали в плен, а потом давали за выкуп».

Некоторые сведения о рабах и невольниках у ойратов, казахов и других кочевых народов России содержатся в трудах путешественников и исследователей XIX и XX вв. Все они, как и более ранние источники, подтверждают сделанный выше вывод: рабы в производительном труде ойратского общества не играли сколько-нибудь заметной роли.

Какова была общая численность населения Джунгарского ханства? Н. Бичурин, ссылаясь на «Синь цзян чжи ляо» («Описание Синьцзяна»), опубликованное в 20-х годах XIX в.223, считает, что к середине XVIII в. в Джунгарии насчитывалось около 200 тыс. кибиток (т. е. семейств) с 6ОО тыс. душ обоего пола, из которых около половины входило в домен самого хана.

В монгольских источниках мы, к сожалению, не находим полного описания административного и политического устройства Джунгарии, вследствие чего принуждены пользоваться материалами русских архивов и описаниями Калмыцкого ханства. Несомненно, однако, что, элементарной частицей ойратского общества был хотон; — группа семейств связанных узами близкого кровного родства, совместно кочевавших и хозяйствовавших. По наблюдениям Костенкова, хотон в Калмыкии состоял из прадеда, деда, отца с сыновьями и внуками; делами такого объединения ведал глава его, старейший представитель этого большого семейства. Численный состав хотона был неопределенным: он объединял и 5, и 10, и 50семейств. По всем данным, это была своеобразная большесемеиная община, а совместное пользование ею пастбищными угодьями позволяет считать установленным преобладание общинной формы землепользования в Калмыкии, а следовательно, и в Джунгарии.

Несколько хотонов составляло аймак, или оток,— низшую ступень феодального владения. Группа аймаков, или оттоков, образовывала улус, а совокупность улусов была ойратским феодальным государством — Джунгарским ханством.

Джунгарский хан управлял своим государством при помощи уже упоминавшегося нами зарго. «Зарго на их языке,— писал В. Бакунин,— а на нашем языке суд бывает всегда при доме ханском, и присутствуют в особливой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по двое, на которых верность хан надежду имеет, а всех по их древнему обыкновению больше 8 человек не бывает. По стольку же человек бывало и в зарге венгерских ханов и главных владельцев, которых они называют ехе нойон, т. е. великий князь».

Нужды этого правительственного учреждения обслуживал штат писарей, приставов, посыльных и других служителей. В помещении зарго всегда находился и свод монголо-ойратских законов 1640 г., писанный на белой ткани. Восемь главных членов зарго назывались туса-лагчи и заргучи, т. е. советники, помощник и судья, а все вообще — сайтами, т.е. министрами.

«От той зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются... указы ханские к калмыцким владельцам о публичных делах, и черные приносятся к хану для аппробации и потом переписываются набело и припечатываются ханской печатью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга».

Зарго творил суд по тяжбам; приговоры по особо важным делам или в случаях разногласий между судьями передавались на утверждение—хана. Мы не можем уверенно говорить о разделении обязанностей между членами зарго, но из материалов посольства Угримова знаем, что один из них был главным казначеем хана, т. е. чем-то вроде министра финансов.

Сведения В. Бакунина о роли и деятельности зарго подтверждаются и наблюдениями П. Палласа. «Сия сарга,— писал он,— почиталась купно советом правительства и главным апелляционным судом всей орды». Аналогичное учреждение с подобными же функциями существовало в каждом улусе «для отправления правосудия между своими подданными». Оно также называлось зарго.

Внутренняя жизнь ойратского общества, равно как и деятельность органов феодальной власти, регулировалась нормами не только обычного права, но и писаных законов, среди которых важнейшее значение имели, законы 1640 г.

* * *

В годы правления Цэван-Рабдана и Галдан-Церена Джунгарское ханство стало играть крупную роль в Восточной и Центральной Азии, заняв видное место в истории и внешней политике Китая, России, Казахстана и Средней Азии. Оно превратилось в сравнительно высоко организованное объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевавшей проявления сепаратизма местных князей.

Цэван-Рабдан и Галдан-Церен стремились укрепить единство Джунгарии как государства ойратских феодалов, усилить влияние и позиции ханской власти, развивать собственное земледелие и ремесленные производства. Они добились заметных успехов, обусловивших — среди прочих причин — превращение ханства в значительный фактор международной жизни того времени.

Главной целью внешней политики Цэван-Рабдана и Галдан-Церена было присоединение Халхи к Джунгарскому ханству и образование на этой основе объединенного монгольского государства под властью Чоросской династии. Частной задачей этой внешней политики было восстановление границ ханства, существовавших во времена Батур-хунтайджи. Для этого джунгарские ханы стремились возвратить территории, отошедшие к Халхе в конце XVII в.. равно как и территории, присоединенные в начале XVIII в. к России. Такая внешняя политика правителей Джунгарии была продиктована как эгоистическими классовыми интересами ойратских феодалов, так и значительным сокращением пастбищных ресурсов. Сокращение пастбищ создавало «земельную тесноту» и угрожало ойратскому государству новым кризисом.

Внешнеполитическая программа Джунгарского ханства не могла не встретить противодействия правительств Цинской и Российской империй. Цинская династия поставила своей целью решительно и навсегда уничтожить ханство, ставшее серьезным очагом беспокойства на западных и северо-западных рубежах империи, ликвидировать государство ойратских феодалов и присоединить Джунгарию к империи, что позволило бы развить экспансию в западном и северном направлениях. Так возник конфликт, приведший к целой серии войн. Мирный договор 1739 г. отразил, с одной стороны, неудачу Цинской империи, не сумевшей сокрушить, ойратское - ханство и принужденной признать его в качестве суверенного государства, а с другой — неудачу правителей Джунгарии, не только не добившихся присоединения Халхи и образования объединенного монгольского государства, но вынужденных отказаться и от претензий на территории, отошедшие к Халхе.

Территориальные споры России и Джунгарского ханства не привели к войне, вызвать которую обе стороны опасались. Ханство было не в состоянии вести войну на два фронта, а Российское государство было занято решением более важных задач, связанных с обстановкой на его западных рубежах. Длительные дипломатические переговоры не дали ощутимых результатов ни одной из сторон.

Не добившись возвращения пастбищных территорий в Халхе и Южной Сибири, правители Джунгарии с особым рвением обрушились на казахских, феодалов, которые в свою очередь стремились расширить свои владения за счет ойратского государства. Будучи разобщенными, казахские феодалы не сумели противостоять натиску сильного своим единством Джунгарского ханства. В первой половине XVIII в. оно приобрело значение главной опасности, угрожавшей существованию независимого феодального Казахстана. Ряд сильных ударов Джунгарии вытеснил казахские феодальные владения из Семиречья, а некоторые из них оказались под властью ойратского государства.

Главную основу общественного и политического строя Джунгарского ханства составляла монопольная собственность ойратских феодалов на пастбищные угодья страны. Джунгарское ханство было государством ойратских феодалов, орудием их господства, обеспечивавшим их обогащение путем эксплуатации аратов, а также пли помощи внешней торговли и внешних войн. В ойратском государстве была узаконена иерархия землевладения, на базе которой строилась вся феодально-иерархическая система.

Скот, являясь целью общественного производства, продуктом скотоводческого труда, играл роль главной, если не единственной формы общественного богатства. За распределение этого главного богатства страны, за долю в массе совокупного продукта, произведенного трудом аратов, в ойратском обществе велась ожесточенная борьба как между классами аратов и феодалов, так и внутри класса феодалов.

Положение народных масс в Джунгарском ханстве было крайне тяжелым. Эксплуатируемые своими владетельными князьями, прикрепленные к их земле, лишенные прав, принужденные выполнять множество повинностей в пользу феодалов и их государства, араты в то время не видели выхода из своего тяжкого положения. Основными формами протеста и борьбы являлись их самовольные откочевки или переход в сословие шабинаров, освобожденное от военной и некоторых других повинностей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

13 лет отделяют смерть Галдан-Церена от гибели Джунгарского ханства. Основным содержанием истории этих лет является непрерывный, все более ускорявшийся распад государства ойратских феодалов, завершившийся в 1758 г. его уничтожением. Борьба Цинской империи и Джунгарского ханства, длившаяся почти целое столетие, закончилась в пользу Цинов, войско которых не только стерло пиратское государство с лица земли, но и довершило свою победу физическим истреблением сотен тысяч его обитателей.

Драматические события этих лет получили наиболее полное освещение в известных трудах Н. Бичурина о Джунгарии и ойратах. О них писали также П. Рычков, С. Липовцев, А. Левшин, Ч. Валиханов, М. Венюков, М. Красовский, Сычевский, А. Куропаткин, Н. Бантыш-Каменский, Б. Курц и многие другие. Если в основе работ Н. Бичурина и С. Липовцева лежали китайские источники и исторические сочинения, то П. Рычков, А. Левшин, Сычевский и Н. Бантыш-Каменский руководствовались по преимуществу документами русских архивов. Остальные авторы как правило следовали за указанными историками, иногда дополняя их несколькими найденными ими документами или ссылками на местные сказания и легенды.

Из зарубежной литературы мы можем назвать лишь упоминавшееся уже произведение М. Курана, а также труд известного востоковеда Э. Хэниша, посвященный военным действиям 1755 г. в Джунгарии. М. Куран рассматривал

историю Джунгарского ханства под углом зрения его борьбы за создание в Центральной Азии ойратской империи. Стремясь к этой цели, ойратское государство, по мнению М. Курана, неминуемо сталкивалось с цинской монархией, которая в свою очередь старалась расширить свои пределы за счет Джунгарии и Восточного Туркестана. Он полагал, что борьба за образование империи составляла главное содержание истории Джунгарского ханства, и на этом основании ограничивал исследование рамками его внешнеполитической истории, Э. Хэниш разделял взгляды М. Курана. Признавая, что события, развернувшиеся в 50-х годах XVIII в., имели не малое и не местное, а большое и международное значение, он писал: «Дело заключалось в том, достанется ли Центральная Азия маньчжурскому, иначе говоря китайскому, государству или же она превратится в новое великое монгольское государство». Концепция М. Курана и Э. Хэниша следовала традиционным представлениям, типичным для домарксистской историографии. В работе Хэниша ценны некоторые документы, переведенные им с маньчжурского на немецкий язык и освещающие ход боевых действий 1755 г.

В исторических событиях последних лет существования Джунгарского ханства, как это устанавливается источниками, было три главных участника: само ойратское государство, Цинская империя и Россия. Из этого следует, что изучение истории данного периода требует привлечения источников ойратских, маньчжурских (или китайских) и русских. Но ойратские источники до нас не дошли, они, вероятно, целиком погибли в огне боев 1754—1758 гг. Маньчжурские и китайские источники в массе своей, по-видимому, еще покоятся в архивохранилищах Китайской Народной Республики и ждут опубликования. Кое-что могло быть нами использовано из материалов, опубликованных в «Мэн гу ю му цзи» и в труде Э. Хэниша. Известные нам монгольские и калмыцкие источники не содержат сведений об этом периоде ойратской истории. Таким образом выясняется, что в нашем распоряжении могли быть только русские источники. Но можно ли на основании только русских архивных материалов полностью и всесторонне изложить историю гибели Джунгарского ханства, раскрыть роль исторических деятелей, подлинные размеры и характер участия народных масс в событиях этого периода и т п.? Конечно, нет. Русские архивные материалы не в состоянии исчерпывающим образом ответить на поставленные вопросы. Но они вполне могут дать и дают в основном объективную и достоверную, более или менее обстоятельную картину распада и крушения государства ойратских феодалов.

Относительно объективный характер русских источников объясняется главным образом особым положением Российской империи, правящие круги которой хотя и были заинтересованы в сохранении независимого Джунгарского ханства, но не без основания опасались его чрезмерного усиления. Двойственное отношение России к ойратскому государству имело своим результатом исключительно внимательное, систематически организованное русскими властями наблюдение за происходящими в нем событиями. Оренбург и Тобольск стали главными пунктами этого наблюдения, куда стекался весь поток информационных материалов из Джунгарии и о Джунгарии. Губернаторы Сибири и Оренбургской губернии регулярно и довольно часто представляли в Петербург подробные доклады «о тамошних обстоятельствах», прилагая к докладам многочисленные донесения, поступавшие в

их губернские канцелярии из пограничных с Джунгарией районов и крепостей. Среди этих приложений были рапорты и доклады местного военного командования и управителей, послов и курьеров, купцов и их агентов, а также случайных людей, ездивших в Джунгарию на короткое время или длительно там проживавших и потому являвшихся очевидцами тех или иных исторических событий. Большое место среди архивных материалов занимают многочисленные сообщения простых ойратов и представителей ойратской аристократии— выходцев из Джунгарии, так или иначе участвовавших в развернувшейся там борьбе. Особый интерес представляют материалы, связанные с жизнью и деятельностью Амурсаны, игравшего выдающуюся роль в ойратской истории того времени, его личные усише и письменные обращения к российским властям переговоры с ним и с его послами. Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев перечисленные нами материалы представляют собой подлинные документы, снабженные собственноручными подписями их авторов. Большую ценность представляют также копии указов Правительствующего сената, Коллегии иностранных дел и других правительственных органов России на имя губернаторов и командования войск в Сибири и Оренбурге, доклады этих органов на имя царей, а также дипломатическая переписка с правительственными учреждениями Цинской империи.

Указанные материалы сосредоточены главным образом в АВПР в фонде «Зюнгарские дела», а также в фондах «Киргиз-кайсацкие дела» и «Калмыцкие дела». Большое число документов и их разнообразие позволяют, сопоставляя и проверяя содержащиеся там сведения, установить факты, являющиеся бесспорными или наиболее вероятными, и таким путем представить — мы в этом уверены — в основном достоверную хронику событий тех лет.

Если А. Левшин и П. Рычков использовали в своих трудах некоторые документы оренбургских архивов, затрагивавшие обстоятельства крушения Джунгарского ханства, то в той лишь мере, в какой они были связаны с историей Казахстана. Сычевский гораздо шире охватил архивы Троицкосавского пограничного управления, а Н. Бантыш-Каменский — Московского главного архива Министерства иностранных дел, что помогло лучше осветить события середины XVIII в., связанные с русско-китайскими противоречиями в монгольском и джунгарском вопросах. В отличие от трудов указанных исследователей наше изложение истории гибели ойратского государства базируется на полном и, как нам кажется, всестороннем использовании документальных материалов, хранимых в упомянутых выше фондах АВПР. Мы сознательно не останавливаемся на отдельных эпизодах, не имеющих отношения к главным событиям тех лет и не оказавших на них существенного влияния. К таким эпизодам относятся, в частности, посольства из Джунгарии в Сибирь и в Москву от сменявших друг друга на ханском престоле недолговечных правителей, переговоры с ними и т. д.

В конце 1962 г. в Улан-Баторе был опубликован труд молодого ученого Ишжамца «Вооруженная борьба монгольского народа за независимость в 1755—1758 гг. посвященный освободительной борьбе монголов Халхи и Джунгарии, восстаниям Амурсаны и Ценгуньжаба. Исследование Ишжамца, целиком основано на оригинальных монгольских и китайских архивных и летописных материалах, до того нам неизвестных. Тем более важно отметить, что новые исторические источники,

введенные в научный оборот книгой Ишжамца, во всем существенном вполне согласуются с ранее перечисленными нами источниками.

Смерть Галдан-Церена повлекла за собой длительную междоусобную борьбу среди наследников и претендентов на ханский трон, которая в конечном счете и обусловила распад и гибель ойратского государства.

У Галдан-Церена было три сына и несколько дочерей. Старшему сыну — Лама-Доржи в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему — Цеван-Доржи-Аджа-Намжилу — 13, младшему — Цеван-Даши только минуло семь лет. Галдан-Церен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. и был провозглашен ханом под именем Аджа-хана. Но ханствовал он недолго. В 1749 г. в результате заговора он был свергнут с престола и убит. Ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Но и его правление не было длительным. Титулованная ойратская знать не желала признавать ханом Лама-Доржи — человека незнатного происхождения, побочного сына Галдан-Церена, рожденного от наложницы. Возник новый заговор, имевший целью свержение Лама-Доржи и возведение на ханский престол малолетнего Цеван-Даши. Заговор был раскрыт, его участники понесли суровое наказание.

Об этих событиях российский канцлер Бестужев-Рюмин 27 января 1756 г. сообщил наместнику Калмыцкого ханства. Цевана-Доржи «зайсанги зенгорские, присутствующие в зарге, сперва низложили, а потом умертвили, а на его место, обойдя ближнего наследника — внука большого Черен-Дондука, а Намджилова сына — Дебачу, избрали в главные владельцы Галдан же Черенова сына, рожденного от подложницы, Ламу-Доржу и назвали его при том случае Эрдени Лама Батур хонтайджи». Дебачи же, опасаясь за свою жизнь, бежал в Средний казахский жуз к Аблаю, «и туда же ушел хошоутовой фамилии нойон Амур Санан».

Переход власти в руки Лама-Доржи еще более накалил обстановку в ханстве. Тогда, как видно из текста доклада ойратских сановников Наугата и Габан-гелуна на имя сибирского губернатора Мятлева, «кроме тех, которые с ним (с Лама-Доржи.—Я. 3.) имели согласие, все подлые, жестоко оскорбясь, и почти вся Зенгория к ноену Дебаче склонны явились».

Так появился новый претендент на ханский престол— Дебачи (правильно—Даваци), происхождение которого давало ему преимущественное перед другими право на престолонаследие. Родовое владение Даваци находилось в Тарбагатае, как и владение другого ойратского нойона — Амурсаны, с которым Даваци был в тесной связи и дружбе.

Даваци и Амурсана принимали активное участие в борьбе против Лама-Доржи. Потерпев вначале поражение, они в 1751 г. вынуждены были бежать к казахам, в Средний жуз, где нашли убежище у Аблая. Через год они вернулись на родину и возобновили борьбу против Лама-Доржи, который был ими убит в самом начале 1753 г. Повелителем ойратского ханства стал Даваци. Но здесь поднялись «малосильные зайсанги и нойоны», которые в свою очередь возвели на престол своего ставленника— Немеху-Жиргала. В Джунгарии оказалось сразу два хана. Но Даваци с помощью Амурсаны низложил Немеху-Жиргала и Тогус-Кашку, убил их и вновь стал

ханом5. Во всех этих делах Амурсана помогал Даваци, как писали современники, «не щадя живота». За оказанные услуги ему был обещан богатый удел. Подавив сопротивление своих противников, Даваци в конце 1752 — начале 1753 г. стал ханом ойратов.

Но в это время ханство было уже далеко не тем, каким его оставил Галдан-Церен. Оно вступило в полос) упадка, что проявилось раньше всего в подрыве единства ойратского государства, в крушении авторитета и принудительной силы центральной власти, служивших главным условием силы и могущества ханства.

Ослаблением ойратской державы не замедлили воспользоваться Цины, внимательно следившие за происходившими в ханстве событиями. Со времени заключения мира 1739 г. обе стороны — как Цинская империя, так и Джунгарское ханство — стремились не допускать нарушений установленной между ними границы и бдительно ее охраняли. Значительные цинские гарнизоны были расположены в районах Баркуля, Хами, Модон-куля, Хара-Усу, Кобдо и Улясутая. Но если между Цинской империей и ойратским ханством не произошло вооруженных столкновений, то не было и добрососедских отношений, не было никакой торговли.

В 1750 г. появились первые признаки начавшегося распада ойратской державы. В ноябре этого года из Джунгарии бежало несколько ойратских семейств, решивших в Цинской империи искать спасения от ущерба, который они понесли в результате усобиц и войн. Через несколько месяцев в Китай перебеляла уже большая группа ойратских семейств во главе с демечи (демечи— староста 40 семейств).

Тогда же в Пекине появился некий чиновник, бежавший из ойратского ханства. Так впервые в истории ойратской державы начались переходы в противный лагерь людей из различных слоев ойратского общества.

Цинские власти щедро одаривали каждого перебежчика, предоставляя на первых порах налоговые и иные льготы, награждая представителей знати и чиновничества различными пышными титулами и званиями. Одновременно цинское правительство стало готовиться к новой войне, справедливо полагая, что при обострении внутренних противоречий Джунгарское ханство уже не сможет оказать эффективного сопротивления. Правительство Хун Ли приступило к мобилизации сил для предстоящей войны.

Весной 1751 г. в Пекин прибыл посол Лама-Доржи. Последний предлагал императору свою дружбу, обещал сохранять мир, но просил дать ему взамен 100 тыс. лан серебра. Предложение Лама-Доржи было отвергнуто, причем его послу заявили, чтобы «они (ойраты.— И.З.) вперед со своими посольствами к ним в Пекин не ездили, ибо де они не за посольством, но за торгами приезжают». Осенью 1751 г. ойратское посольство вернулось в Джунгарию.

В 1752 г. подготовка к войне против ойратов усилилась. В Халхе был получен приказ о поголовной проверке и переписи всех без исключения мужчин, годных к военной службе, и их вооружения. На лето 1752 г. в районе Эрдени-дзу был назначен смотр халхаских войск. Здесь была построена крепость, от стен которой до самой ойратской границы протянулась цепь постов и застав, где были использованы

войска халхаских князей. С весны 1753 г. на джунгарскую границу стали подтягиваться новые части цинской армии, снабженные артиллерией, значительными запасами вооружения, снаряжения и продовольствия.

Осенью 1753 г. в Китай из Джунгарии перебежало более 3 тыс. ойратских семейств во главе с двумя внуками Галдан-Церена и двумя зайсангами, которых, видимо, не устраивала победа Даваци в борьбе за трон ойратского хана. Цинские правители весьма обрадовались этим перебежчикам; нойоны и зайсанги были отправлены в Пекин, где их ждали почести и награды — император Хун Ли не поскупился. У халхаских тружеников стали в принудительном порядке отбирать лошадей и другой домашний скот для раздачи неимущим ойратам. Цинское правительство отвело перебежавшим нойонам территорию для кочевания в районе Дариганги, на крайнем юго-востоке Халхи, подальше от их родины, отклонив просьбу об отводе кочевья в районе между реками Селенгой и Орхоном. В связи с этим среди перебежчиков стало быстро нарастать недовольство, они уже раскаивались, что покинули родную Джунгарию. Вскоре цинские войска, охранявшие ойратскую границу, задержали двух перебежчиков, пытавшихся бежать из цинских владений в Джунгарию. При обыске у них нашли письмо, адресованное джунгарским князьям и сообщавшее, что цинские власти перебежчикам не доверяют и никакой воли им не дают, что они усиленно пополняют свои войска на джунгарской границе, что ойраты должны крепить силы, быть осторожными и держать войска близко у границы, «и ежели б де и война началась, то б они, перебежчики, им, контайшинцам, вспомогать стали».

Цинские правители ускорили подготовку к походу против Джунгарии. В армию, предназначавшуюся к вторжению в Джунгарское ханство, наряду с маньчжурскими воинами стали широко привлекаться китайцы (ханьцы), южные монголы и халха-монголы, которым предстояло сражаться под началом маньчжуров. Цинское правительство открыто готовилось использовать благоприятно складывавшуюся обстановку, вторгнуться в Джунгарию и навсегда покончить с государством ойратских феодалов. На этот раз оно рассчитывало справиться с этой задачей собственными силами, поэтому не искало союзников на Волге и не просило помощи России. Что же касается отношения царского правительства к Джунгарскому ханству, то оно и в эти критические годы оставалось неизменным. Русско - ойратская торговля, ничем не стесненная, продолжала успешно развиваться и после смерти Галдан-Церена. Избегая осложнений, правительство России по-прежнему не препятствовало сбору в казну хана ясака даже в таких русских районах, как Барабинская степь, районы Алтая и другие, где проживало население, бывшее прошлом кыштымами ойратских ханов, но за сто и более лет до того перешедшее в русское подданство. Наряду с этим российское правительство принимало меры к укреплению своих позиций в обширном пограничном с Джунгарией районе, который начинался чуть ли не у берегов Аральского моря и тянулся до Амура. Строились укрепленные линии, которые постепенно выдвигались все дальше и дальше на юго-восток, в глубь степей современного Казахстана. В 1745 г. в Сибирь впервые вступили 2 пехотных и 3 конных полка регулярных русских войск; местные власти не переставали жаловаться на то, что этих войск все еще слишком мало, чтобы существенно изменить военно-политическую обстановку в пользу России. Командующий войсками Сибири генерал Крофт в начале 1755 г.,

когда стало очевидным неизбежное вторжение цинской армии в Джунгарию, издал приказ, в котором требовал от военных и гражданских властей, чтобы они, «ежели паче чаяния на тамошние Российские пограничные крепости и форпосты последует неприятельское нападение, то б по крайней нужде и малолюдству там регулярного и нерегулярного войска, по требованиям его, по тем экстренным и самонужным случаям чинить из обывателей, как заводского, так и кузнецкого ведомств, из выписных казаков, к лучшему от неприятеля отпору и недопущению верноподданных к разорению и бесславию ее императорского величества оружия, помощь, и всяк бы имели при себе ружья исправное и ко обороне благонадежное». Летом 1755 г. Крофт изложил Коллегии иностранных дел свое мнение о том, принимать пли не принимать ойратских беженцев, искавших спасения от маньчжурского меча бегством в русские пределы. Он считал, что принимать их не следует, ибо в России вслед за беженцами могут появиться войска Цинской империи. Это весьма опасно, ибо «в тамошних Верхиртышских и протчих по линии крепостям команды столь малолюдны, что инде в случае воровских и неприятельских нападеней не только над ними поиску учинить не в состоянии, но едва и себя охранить могут».

Представление о военной слабости России не было преувеличенным. Хотя к описываемому времени уже было закончено строительство трех линий основных пограничных укреплений и проектировалась четвертая, и при этих укреплениях были воинские части, кое-где и артиллерия, но протяженность этих линий доходила до 2,5 тыс. км, крепости находились на расстоянии более 30 км одна от другой, промежутки между крепостями были пусты и никем не охранялись, войск было мало, и рассчитывать на их пополнение было невозможно. В этих условиях опасения местных русских военных и гражданских властей были достаточно обоснованными.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

продолжение . . .

Имея в виду недостаточность военных сил России, преемник Галдан-Церена Лама - Доржи в 1751 г. потребовал, чтобы русские власти срыли укрепления, построенные ими в верховьях Оби и Иртыша на земле, которая принадлежит, как он утверждал, Джунгарскому ханству и обитатели которого являются, следовательно, под данными ойратского хана.

Серьезное беспокойство российских властей продолжали вызывать казахско - ойратские взаимоотношения. Казахские феодалы стремились в своих интересах использовать ослабление ойратского государства. Еще в 1745 г. оренбургскому губернатору И. Неплюеву пришлось отговаривать правителей Среднего жуза от задуманного ими вторжения в ойратские улусы. Царское правительство стремилось не допустить новых вооруженных конфликтов между ойратскими и казахскими феодалами, но в то же время старалось воспрепятствовать объединению их сил,

усматривая в этом серьёзную угрозу своим интересам. Оно было крайне обеспокоено проектом брачного союза между Лама-Доржи и казахским ханом Абулхаиром, за дочерью которого в 1749 г. прибыло специальное посольство. Казахские феодалы готовы были принять сватовство Лама - Доржи, но болезнь, а затем смерть невесты положили конец всему делу.

Особую активность казахские феодалы проявили в то время, когда в Джунгарии развернулась острая борьба за ханский престол. Они охотно принимали приглашения принять участие в вооруженной борьбе разных претендентов на ханский престол, чем усиливали развал и хаос в государстве ойратов. Осенью 1751 г. правитель Среднего жуза Аблай, как мы говорили, приютил у себя ойратских нойонов Даваци и Амурсану, потерпевших поражение от Лама - Доржи. Когда сведения об этом дошли до Петербурга, оттуда 31 августа 1752 г. в Оренбург был отправлен указ И. Неплюеву и генералу Тевкелезу «крайнее старание возиметь первого (Даваци.— И. З.), яко настоящего к овладению всего зенгорского народа претендента, а с ним и другого, яко тогдашнему зенгорскому владельцу двоюродного брата, для будущих впредь случаев, а особливо в рассуждении неотступной претензии зенгорских владельцев в Сибири земель, удоб возможным образом к себе приласкать и в Оренбург призвать».

Выполняя указ правительства, Неплюев и Тевкелев в сентябре 1752 г. командировали из Оренбурга капитана Яковлева, который «их, владельцев, в той орде уже не застал»,- писали Неплюев и Тевкелев 10 августа 1755 г. в докладе правительству, напоминая о событиях 1752 г. Даваци и Амурсана вернулись в Джунгарию, организовали внезапное нападение на ставку Лама-Доржи, схватили его и убили. Вслед за этим они с помощью Аблай-султана разгромили уже упоминавшуюся группировку Немеху-Жиргала и поддерживавших его дэрбэтских князей. Даваци стал ханом Джунгарии.

О событиях этих лет говорит доклад еще одного очевидца— тобольского дворянина Алексея Плотникова, посланного в Джунгарию для обучения ойратскому языку. Во время его пребывания в ставке Лама-Доржи туда стали собираться войска для «сыску бежавших нойонов Даваци, Амурсана и Бальжура». Одновременно Лама-Доржи направил к Аблай-султану посла с требованием выдать бежавших. Аблай отклонил это требование, ссылаясь на обычай, запрещающий выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев. С таким ответом 21 августа 1752 г. посол вернулся от казахов. 9 сентября 1752 г. Лама-Доржи приказал войску выступить «из крайних улусов и следовать на киргизцов (казахов.— И. З.) партиями, каждый нойон и зайсанг особою командою». Плотников выехал из ставки Лама-Доржи 7 ноября 1752 г., через день он прибыл в улус зайсанга Духара, отряд которого в 500 воинов стоял на р. Нарын. В ночь на 9 декабря к Духару прибыли гонцы с вестью, что следы «бежавших ноёнов» обнаружены. По наблюдениям А. Плотникова, «подлый народ не верит в длительность нахождения у власти нынешнего владельца» 15. Источники не содержат сведений о событиях последних недель 1752 г. и первой половины 1753 г. Известно лишь, что 23 августа 1753 г. послам Лама-Доржи в Петербурге было официально сообщено, что правительство России получило сведения об убийстве их хана. Спустя 8 месяцев, 27 апреля 1754 г., советник Коллегии иностранных дел В. Бакунин заявил джунгарским послам, что сведения об убийстве

их хана нойоном Даваци вполне подтвердились. Из этих данных можно сделать вывод, что Лама-Доржи был убит в самом начале 1753 г. Но воцарение Даваци не укрепило ханской власти. Вскоре против нового хана восстал его недавний союз ник и друг — Амурсана. Их дружба и союз в период борьбы против Лама-Доржи и в первое время после воцарения Даваци подтверждаются многими источниками. Об их совместном бегстве к Аблаю говорил Бестужев-Рюмин в упомянутом выше письме к правителю Калмыцкого ханства, добавляя, что у Аблай-султана они «немалое время находились, потом нойон Дебачи, прибрав себе в зенгорском народе партию, нечаянно напал на помянутого владельца Ламу-Доржи и его убил». Но часть нойонов не пожелала повиноваться Даваци и «отделились от него особыми партиями». Из других источников известно, как мы уже говорили, что Даваци вскоре после своего воцарения сражался против Немеху, сына Шара-Манжи, а в конце 1753 г. Амурсана разгромил восставших против Даваци Галдан-Доржи и Немеху-Жиргала.

Что лежало в основе союза Амурсаны и Даваци? Источники не дают материалов для надежного ответа на этот вопрос. Известно, что владения обоих нойонов находились в Тарбагатае и располагались по соседству. Даваци был прямым потомком Батур-хунтагжи и имел все основания претендовать на ханский трон. Что же касается Амурсаны, то он не принадлежал к влиятельным слоям ойратской аристократии: он происходил из скромного аристократического рода «цаган туг хойт» («хойт белого знамени»), хотя в описываемое время имел под своей властью около 5 тыс. крепостных семейств. Предки Амурсаны в начале XVII в. вместе с торгоутами Хо-Урлюка покинули Джунгарию и до начала XVIII в. жили на Волге. Его дед в 1701 г. вместе с Санжибом прибыл с Волги в Джунгарию и был там задержан. Отец Амурсаны Уйзен-хошучи был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 г. и родился Амурсана. Первой женой Амурсаны была Делег-Доржи, дочь одного из дэрбэтских князей, от которой он имел сына и двух дочерей. Второй его женой была Битей, вдова его старшего брата, умершего от оспы, у которой был сын Пунцук.

Из показаний источников неопровержимо следует, что до 1754 г. Амурсана не только не оспаривал прав Даваци на ханский трон, но всячески помогал ему овладеть этим троном, рассматривая врагов Даваци как своих врагов. По словам зайсанга Ноугата и Габан-гелуна, Даваци обещал за оказанные услуги пожаловать Амурсане улусы, кочевавшие в местности Гурбан-Модон. Можно полагать, что эти сведения верны.

В этот период власти Среднего жуза во главе с Аблай-султаном оказывали Даваци и Амурсане активную помощь. 26 декабря 1753 г. прапорщик Веревкин докладывал своему командованию полученные им сведения о войне между Даваци и сыном Шара-Манжи. «И оные киргизцы спооможение чинят вышереченному Дебаче, и ходило их, киргизцов, на ту помощь, и многие калмыцкие улусы разбили и привезли плену... Аблай-султан с своими улусами на ту помощь пошел». 4 января 1754 г. Веревкин представил новый доклад, в котором сообщал, что в декабре 1753 г. «со всех киргизских улусов военных людей 5000 человек пошло на помощь к Дебаче, чтоб разорить дербетов, ибо дербеты не хотят быть подвластными ему, Дебаче, а

желают иметь владельцем Унемкая Жиргала... а урянхайцы де держат сторону Дебачеву, и прежде сего ходившим киргиз-кайсацким войском разорено калмыцких две волости». Один из казахских старшин, находившийся в отряде, помогавшем Даваци, сообщил 30 декабря 1753 г. Веревкину, что «две волости калмыцкие повелением Дебача разорили, и показанной де Дебача жен и детей мужеск малых и женск пол отдал киргизцам... и от разоренных волостей скота киргизцам дана самая малая часть, только для пропитания, а протчий скот весь взял Дебача к себе». 31 декабря 1753 г. Веревкин лично встретил отряд в 1000 казахов, направлявшийся в Джунгарию иа помощь Даваци к Амурсане.

Междоусобная борьба разоряла население и обессиливала государство ойратских феодалов. Селенгинский комендант Якоби 9 февраля 1754 г. докладывал в Петербург, что в сентябре 1753 г. в Халху из Джунгарии снова перебежало несколько тысяч ойратских семейств во главе с князьями. Отдавшись в распоряжение цинских властей, эти князья объясняли свою откочевку из Джунгарии тем, что «контайшинских владельцев двое и между ними имеется несогласие». Но, как мы видели, Даваци, поддержанный Амурсаной и феодалами Среднего жуза, в конце 1753 — начале 1754 г. стал единодержавным правителем ханства.

С этого времени ведет свое начало история вражды между Амурсаной и Даваци. Мы доподлинно не знаем, что явилось причиной этой вражды. Возможно, она возникла потому, что хан Даваци не выполнил обещаний, данных Амурсане.

В мае-июне 1754 г. брат урянхайского зайсанга Кутука жаловался вахмистру Андрею Беседнову на «злое время», наступившее в Джунгарии: «Большие де их не в согласии, и поныне де уже их Дебача-хан сложился с казачьей ордою, Амурсанай поён сложился с китайскою силою, и воюются между собой и зачали воеваться с прошедшей зимы (т. е. с зимы 1 53/54 г.—И. 3.), а сила стоит между Иртышскою вершиною и Кобдою рекою... чего ради ныне у них выгоняют и последних туда ж на вспоможение к Дебаче-хану».

3 апреля 1755 г. кузнецкий сын боярский И. Максюков. командированный для сбора информации в пограничные районы, представил доклад, в котором изложил сведения о событиях в Джунгарии, сообщенные ему простым человеком Бирер Таншике, служившим в ставке ойратского хана. «Ныне,— говорил этот Бирер Таншике,— имеется у них владельцем Табачн-хан... да другой племянник его, сестрин сын, Абарзынахан (Амурсана— И. 3.)... И оной де Табачи-хан реченному своему племяннику Абарзынахану сказал, что де в одной земле два державца не живут». На этом основании Амурсана стал требовать раздела владения и передачи «канских и каракольских, Телеских и Таутелеуцких волостей людей во владение себе», но Даваци ответил отказом. Тогда Амурсана собрал войска «разных земель» — около 6 тыс. человек — и летом 1754 г. пошел на Даваци, который, однако, собрался «во многолюдстве» и у мятежного племянника «много людей мужеска полу побил, а женской пол в полон побрал, а оной де бой был у них в Иртышских вершинах». Потерпев поражение, Амурсана бежал в Китай. И. Максюков отмечал, что рассказ Бирер Таншике был в основном подтвержден беседами с другими ойратскими людьми.

Аналогичные сведения представил командованию вахмистр А. Беседнов, который в августе 1751 г. был в Урянхае, где разговаривал с местными старшинами. Один из них сказал ему, что «весной их зайсанги алтайские уезжали на помочь к Дебаче-хану... А ныне де известно, что те зайсанги приехали обратно и привезли его, Амурсанаеву, жену и детей, и многие в полон взяты, а сам де он, Амурсанай, ушел всеми зайсангами в мунгальскую сторону». Зайсанг Кутук говорил Беседнову: «У них де в землице весьма неблагополучно, уходили де они все на службу к Дебачи-хану на выручку, которого де и выручили, а Амурсаная ноёна и его землю всю разорили, жен его и детей, скот и живот и всю его жизнь обрали и привезли в свою землю и разделили по себе, а Амурсанай де убежал в 300 человеках в мунгальскую землицу через Телеское озеро».

Если алтайские зайсанги ходили на выручку к Даваци весной 1754 г., а в августе того же года, выполнив задачу, уже вернулись домой, то несомненно, что сражение, решившее участь Амурсаны, произошло в самом начале лета 1754 г., т. е. всего через несколько месяцев после окончательного утверждения Даваци на ханском престоле.

Источники свидетельствуют, что в конфликте между Даваци и Амурсаной активное участие принимали также казахские феодалы. Не надеясь только своими силами одолеть Даваци, Амурсана обратился за помощью к Аблай-султану, отправив к нему своего брата Бальжира: он просил правителя Среднего жуза дать 4 тыс. лошадей и верблюдов, 10 тыс. овец и баранов, «обещая за то учинить плату чем бы ни потребовал». Аблай-султан оказал Амурсане просимую помощь, и Амурсана уплатил дорогими бухарскими коврами и оружием, а также людьми — мужчинами, женщинами и детьми, захваченными в плен в улусах Даваци. Затем Амурсана предложил правителю Среднего жуза, чтобы тот напал на ставку Даваци, когда последний выступит со всеми своими силами против Амурсаны, собиравшегося со своими войсками поджидать Даваци на р. Боротала. Аблай не отклонил и этой просьбы. Из показаний источников явствует, что правители Среднего жуза уже после поражения Амурсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, уводя оттуда богатую добычу — скот, пленных и ценности.

Одержав победу над Амурсаной, Даваци в августе 1754 г. отправил в Пекин послов с предложением мира и дружбы. Сведения об этом посольстве мы находим в одном из докладов селенгинского коменданта Якоби губернатору Мятлеву. Якоби сообщал, что Даваци «сего году в летнем последнем месяце послал от себя в Пекин к богдыхану чрез Баркульской караул 5 человек знатных начальников с подарками... и поручено тем начальникам просить, чтобы богдыхан с ним, Дебачею, жил лирно и контайшинских перебещиков всех отдал в его владение обратно, но токмо оные начальники и поныне находятся в Пекине, и более де о том деле неслышно». Цинское правительство не поддержало инициативы джунгарского хана, видевшего в мире с Китаем путь к упрочению своей власти в ханстве. Цины не были заинтересованы в таком мире; наоборот, они намеревались уничтожить ойратское государство и в этих именно целях решили использовать Амурсану.

Потерпев поражение, Амурсана бежал через Телецкое озеро, Кобдо и Уланком в Халху, там он явился к цинским властям и заявил о своем желании служить Цинской

династии. Его отправили в Пекин. При дворе Амурсану встретили с большой радостью. Император Хун Ли пожаловал ему титул князя 1-й степени (цинвана) и обещал помощь в овладении джунгарским троном. Цинская династия увидела в Амурсане удобное орудие в борьбе за осуществление своей заветной цели — уничтожение Джунгарского ханства.

Цинская империя, в течение нескольких десятилетий безуспешно пытавшаяся сокрушить ойратское государство, получила наконец реальную возможность достигнуть успеха. Княжеские распри широко раскрыли двери для вторжения в Джунгарию. Вот почему просьба Амурсаны об оказании ему военной помощи для низложения Даваци встретила в Пекине полное сочувствие и поддержку.

Показания многочисленных источников, среди которых большое место занимают подлинные доклады и донесения селенгинского коменданта Якоби, рисуют яркую картину мобилизации 200-тысячной цинской армии и ее концентрации на халха-джунгарской границе. Власти и командование Цинской империи спешили. Зима 1754 г. была заполнена грандиозными мобилизациями с целью завершить подготовку к вторжению в Джунгарию до начала весны 1755 г. Цинское командование решило посадить на лошадей всех воинов, что вызвало новую волну массовых принудительных реквизиций конского состава. Власти, не задумываясь, отбирали лошадей и верблюдов у пограничников, охранявших русско-китайскую границу в Забайкалье, останавливали купеческие караваны в пути, отнимали у них лошадей и верблюдов, бросая купцов на произвол судьбы. Все было подчинено подготовке к решающему наступлению. На границу, в район Улясутая и Кобдо, как рассказывали очевидцы, для прокормления сосредоточенных там войск «всякие харчевые и съестные припасы свозят отовсюду множество». Каждый воин был вооружен ружьем, саблей, копьем, луком с 40 стрелами; армия располагала к тому же сильной артиллерией.

В начале 1755 г. Хун Ли издал указ, обязывавший всех халхаских владетельных князей со всеми подчиненными им «военными или хотя невоенными, а годными к военному делу людьми в немедленном времени ехать на контайшинскую границу в мунгальское войско». От этой мобилизации власти не освобождали даже шабинаров, которых закон всегда освобождал от военной службы.

К весне 1755 г. цинская армия вторжения была готова к походу. В ее составе были не только маньчжурские, но и китайские войска, отряды южных монголов и халхасов. Армия была разделена на две части. Одна из них составила северный отряд под командованием маньчжурского генерала Баньди. Отряд получил задание выступить из района Улясутая и двигаться в долину р. Боротала, перейдя реки Булугун, Чингиль, оз. Айрик-нор. Южному отряду под командованием маньчжурского генерала Юнхана было предписано двигаться к долине Боротала по дороге Баркуль — Урумчи. Каждый отряд имел сильные авангарды, которыми командовали ойратские князья, перебежавшие на сторону Цинской династии. Авангардом северного отряда командовал Амурсана.

В начале весны 1755 г. армия выступила в поход; оба ее отряда вторглись в пределы Джунгарского ханства. Их общая численность по-разному определяется источниками—в пределах от 90 до 200 тыс. челдьек. В конце апреля оба отряда,

соединившись в долине р. Боротала у оз. Эбинор, подошли к р. Или, переправились через нее и двинулись дальше, не встретив ни малейшего сопротивления, не сделав ни одного выстрела, не выпустив ни одного снаряда.

25 июля 1755 г. Якоби докладывал: «Когда китайское и мунгальское войско дошло до Или, к нему стали переходить в подданство зенгоры с начальными людьми... Боев с контайшей не было, ибо контайша хочет мира... Контайшинский владелец Дебача войны иметь не желает, а просит мира... Для испрошения того миру намерен послать в Пекин к богдыхану сына своего с подарками». Русский казак Бурков, с лета 1754 г. находившийся в ставке хана Даваци и лишь летом 1756 г. возвратившийся в Селенгинск, докладывал, что Даваци «для имения с тем мунгальским и китайским войском баталии собрал было своего войска тысяч с тридцать, но когда зенгорцы узнали, что Амурсана при монгольском войске, то по большей части, оставя Дебачу, стали передаваться в мунгальское войско. И потому Дебача, не видя в себе никакой надежды и спасая свой живот, принужден был сохранять себя бегством».

Даваци пытался предотвратить или по крайней мере приостановить вторжение цинской армии в Джунгарию, направив в Пекин еще одно посольство во главе со своим сыном, вновь предлагая мир и дружбу; в знак своей искренности он прислал Хун Ли боевое знамя джунгарского хана, заявляя к тому же, что согласен лично приехать в Пекин, если того пожелает император. 7 августа 1755 г. Якоби узнал из достоверных источников о полученном в Халхе указе Хун Ли, «коим объявлено, что контайшинский владелец Дебача просит, чтоб он богдыханом принят был в подданство, и для того отправил сына своего и при нем 6 человек посланцев... и во уверение той своей о подданстве просьбы послал свое красное знамя... Причина желания Дебачи подчиниться богдыхану та, что Амурсан ему изменил и перешел на сторону Китая». Но все было тщетно. Цинскому правительству нужен был не мир с ханством, а его полное уничтожение. Предложения Даваци и на этот раз остались без ответа. 14 мая авангард армии вторжения во главе с Амурсаной вступил в долину р. Текес, где вошел в соприкосновение с немногочисленными отрядами Даваци. Не приняв боя, хан бежал от Амурсаны, оставив в его руках жену и детей, и направился в сторону Кашгара. 8 июля его схватили мусульманские правители г. Куча и передали в руки Амурсаны, который доставил пленника в ставку главнокомандующего цинской армией. Случайно оказавшийся при этом казак Бурков свидетельствует, что Даваци, узнав в нем и в его товарищах русских людей, просил, чтобы они «об нем сказали в Российской стороне, что он никакой ссоры иметь не желал и что ныне в таком несчастьи находится. А больше оного ему говорить не дали». Через три-четыре дня Даваци был препровожден в Пекин.

По свидетельству того же Буркова, цинские власти в это время распространяли по всей Джунгарии листовки на тибетском языке, убеждавшие ойратское население переходить в подданство Цинской империи и обещавшие за это от имени императора щедрые награды и защиту от внешних врагов.

Хун Ли получил сообщение о поимке Даваци в то время, когда охотился в провинции Жэхэ. Он приказал доставить пленника в Чжанцзякоу и держать его там до

возвращения императора в Пекин. Захваченных с Даваци нойонов и зайсангов приказали везти прямо в Пекин и бросить в тюрьму.

Джунгарское ханство, которое так ненавидела и так опасалась Цинская династия, против которого вели войну Сюань Е и два его преемника, фактически перестало существовать. Излишними оказались чрезвычайные приготовления цинских властей, оказалась ненужной и огромная маньчжуро-китайско-монгольская армия. Ханство стало фактически беззащитным. Ойратские феодалы сдавались на милость победителей, даже не пытаясь сопротивляться; ойратский народ, деморализованный бесконечными княжескими распрями, лишенный руководства, разоренный и измученный, не смог противиться завоевателям. Под воздействием центробежных сил Джунгарское ханство развалилось.

Оккупировав ойратское государство, цинские власти коренным образом перестроили систему его управления, распространив на Джунгарию административную систему, введенную ими в ранее завоеванных частях Монголии. Институт всеойратского хана был упразднен, что уничтожало и ханство как единое государство. На обломках ханства цинские власти образовали 4 самостоятельных, независимых друг от друга княжества — Хойт, Дербет, Хошоут и Чорос, правители которых были подчинены непосредственно Пекину.

Итак, к концу лета 1755 г. война в Джунгарии была закончена. Маньчжурские, китайские и восточномонгольские феодалы торжествовали победу; они захватили Даваци, привели к покорности ойратских князей, уничтожили самое ханство. Празднуя победу, цинские власти срочно выводили из Джунгарии свои войска и распускали их по домам. Медлить с этим делом они не могли — слишком велики были трудности содержания многочисленной армии в таком отдаленном крае, как Джунгария. Они не могли не считаться и с тем, что в Халхе, в ближнем тылу этой армии, росло и ширилось опасное недовольство, грозившее свести на нет их победы в Джунгарии.

В эти годы народные массы Халхи снова, как и в войне тридцатых годов, испытали на себе всю тяжесть военной политики Цинской династии. Трудящиеся Халхи с их несложным хозяйством, главное богатство которого составляло помимо юрты некоторое число лошадей, крупного и мелкого скота, были основными, если не единственными, поставщиками средств транспорта, а также мяса и молока для цинской армии, для императорских чиновников и курьеров. Войлок, шерсть, кожи и другие продукты животноводства отбирались цинскими властями в порядке мобилизаций и реквизиций. Сверх всего этого халхаских тружеников все чаще привлекали к несению воинской повинности и они должны были обзаводиться за свой счет оружием и снаряжением, отрываться от производительного труда для всякого рода смотров и военных учений. Значительная часть мужчин вообще отрывалась от хозяйства и отправлялась на войну. Если все это учесть, то станет понятным, почему в народных массах росли антиманьчжурские настроения, стимулировавшие их освободительную борьбу.

Что касается монгольских князей, то они стремились переложить все тяготы войны на плечи трудящихся. На этой почве возникали классовые конфликты, обострялась классовая борьба в стране. Источники сообщают, например, что в хошуне Далай-

бэйсе аймака Цецен-хана, к северу от р. Онон, образовалась «шайка воров» в 200 человек, которая совершала нападения на пограничные заставы и караулы, на отдельные улусы, отбирая лошадей и другой скот. Цецен-хан направил против этих «воров» отряд в 300 воинов. Командир отряда послал к мятежникам 50 солдат и 11 старшин с предложением сдаться, но те «оных не допустили до себя, перестегав плетьми и отняв лошадей, прогнали обратно». Цецен-хану пришлось направить против «бунтовщиков» новый отряд в тысячу воинов.

Еще более тяжелым было положение ойратских трудящихся, на которых прямо и непосредственно обрушились тяготы длительных внутренних усобиц и иноземного вторжения. Бедствия войны настигали трудящихся всюду. Если раньше они еще могли искать спасения в бегстве, в самовольной откочевке из одного феодального владения в другое, из Джунгарии в Россию, то теперь и этой возможности у них не было. На территории бывшего ойратского государства повсеместно господствовали ставленники Цинской империи, устанавливавшие порядки, отвечавшие интересам завоевателей.

В Россию путь перебежчикам был закрыт. Как халхаские, так и ойратские трудящиеся не решались в эти годы переходить русскую границу. Они опасались, что будут, как это уже неоднократно случалось раньше, принудительно выселены из пределов России и возвращены в Монголию или Джунгарию, где их ожидало наказание за побег. Трудящиеся ойраты, например, прямо говорили, что с радостью ушли бы в Россию, «но только де проситься они не смеют за тем, что де кто из них, калмыков, в русские городы для вечного житья не уйдут, то де их обратно к зенгорскому владельцу высылают, и он де за то их мучит разными муками и битьем, чтоб не бегали».

Вот почему в описываемое время не возникло такого массового и стихийного движения рядовых ойратов через русскую границу, как это было, например, в 30-х годах. Однако к сибирским властям стали все чаще обращаться ойратские и халхаские князья, просившие разрешения на переход в пределы России с подвластными им людьми; князья часто выражали согласие принять российское подданство.

Обстановка заставляла правителей Цинской империи спешить с выводом войск из Джунгарии и Халхи. Донесения русских пограничных властей свидетельствуют, что в сентябре 1755 г. в смежных с Россией районах Джунгарии уже не было цинских войск, они были возвращены или возвращались в места постоянного квартирования, а мобилизованных воинов распускали по домам. Лишь в важнейших пунктах Халхи и Джунгарии были оставлены сравнительно небольшие гарнизоны.

Есть основания полагать, что император Хун Ли собирался отметить насильственное присоединение к империи территории последнего независимого монгольского государства — государства ойратских феодалов — торжественной церемонией. Она должна была состояться в Долонноре, там же, где за 64 года до описываемых событий таким же образом было оформлено подчинение Цинской династии Халхи. Основанием для такого предположения служит сообщение Якоби от 7 августа 1755

г. об указе Хун Ли, повелевавшем Тушету-хану Дондок-Доржи и ургинскому богдо-гэгэну срочно прибыть в Долоннор, куда собирался приехать и сам император, чтобы объявить «радостные и важные вести о переходе контайшинцев в подданство Китая».

Но не успели еще в Пекине отпраздновать победу над Джунгарским ханством, не успели еще демобилизованные воины добраться до семейных очагов, как обстановка коренным образом изменилась: Амурсана отказался от китайского подданства и с отрядом в 500 человек вернулся в Джунгарию.

Из доклада Якоби от 19 октября 1755 г. и из последующих событий можно сделать вывод, что Амурсана, обманувшись в своих ожиданиях стать с помощью Цинов всеойратским ханом, в сентябре 1755 г. восстал против Цинской империи и начал вооруженную борьбу. В это время он находился в Халхе, на ее западной границе, куда прибыл, сопровождая пленного Даваци. Имея при себе небольшой отряд ойратских воинов, действуя в сговоре с некоторыми халхаскими военачальниками, в частности с Делегваном и Ванжилваном из аймака Цецен-хана, Амурсана напал на маньчжурские войска, охранявшие границу, разбил их и бежал в Джунгарию. Маньчжурское командование отправило вдогонку большой отряд, но погоня вернулась, не поймав беглеца.

Восстание Амурсаны и его бегство в Джунгарию вызвали в Пекине сильнейший переполох. Хун Ли пришел в бешенство. Отпущенных из армии воинов снова призвали в ее ряды. Якоби докладывал губернатору Сибири Мятлеву, что демобилизованные «первопоехавшие уже ныне доехали в свои места в Нерчинское ведомство, а прибывшие в Тушетухановскую ургу и недоехавшие до оной все одержаны и по вышеозначенному разглашенному о убеге Амурсаны известию посылаютца обратно к контайшинской границе в войско». В ноябре того же 1755 года к Якоби поступили новые сведения, согласно которым «нынешней осени, назад тому другой месяц, бывший в китайском подданстве контайшинский перебежчик Амурсана, разбив пограничные караулы, бежал в свою контайшинскую сторону». По этим же данным, Амурсана увел с собой некоторое число ойратских воинов, а также «из мунгальских военных лутчих к войне людей несколько человек... и ныне де по причине оного его убегу имеет китайская сторона опасность... и для того распущенные из войска военные люди собираютца паки в войско на контайшинскую границу».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

продолжение. . .

Между тем Амурсана, обосновавшись сначала в Тарбагатае, а потом в бывшей главной ставке ойратских ханов на р. Или, использовал зимние месяцы 1755/56 г. для организации своих сил. Он списался с ойратскими князьями по всей Джунгарии, приглашая их присоединиться к нему, изгнать из ойратской земли завоевателей и восстановить независимое ойратское государство.

На призыв Амурсаны откликнулись некоторые нойоны и зайсанги. Его приглашение отклонили те, кто считал унизительным для себя подчиниться человеку недостаточно высокого происхождения, а также те, кто затаил старую вражду. Не присоединились к нему и те улусы, правители которых в свое время поддержали Даваци против Амурсаны, а потому опасались мести. Несмотря на все это, сторонники Амурсаны в конце 1755 — начале 1756 г. провозгласили его ханом. 17 февраля 1756 г. один из зайсангов Каракольской волости говорил представителям русского командования, что Амурсана «жительствует ныне на том же месте, в большой урге, где был ноён Дебачи... войска де ныне при Амурсанае до 10 тысяч... Известно, что он, Амурсана, в зенгорской землице вместо Дебачи-хана уже владельцем».

Вскоре, однако, в стане Амурсаны начались раздоры. От него откололась группа князей, начались вооруженные столкновения, и Амурсана в конце концов потерпел поражение, заставившее его вернуться на р. Или, чтобы собрать новые силы. Он призвал на помощь Аблая. Тот согласился помочь и с 10-тысячным отрядом прибыл в Джунгарию. Но и эта помощь не изменила положения. Узнав о приближении большой маньчжурской армии, Амурсана оставил Джунгарию и в начале лета 1756 г. бежал в Средний жуз к Аблай-султану, где вновь нашел убежище.

Не теряли времени и власти Цинской империи. Они сурово расправились с теми, по вине которых, как думали в Пекине, Амурсане удалось бежать в Джунгарию. По приказу Хун Ли в Пекин был вызван и там казнен знатный халхаский феодал, родной брат ургинского богдо-гэгэна Эринцин-Доржи Тушету-хан: он, неся ответственность за охрану халха-ойратской границы, не воспрепятствовал этому побегу. Одновременно началось формирование новой, еще более многочисленной армии для второго похода в Джунгарию, на этот раз против Амурсаны. 11 января 1756 г. Якоби докладывал, что «мунгальское войско, собранное из манжуров, мунгальцев и солонов, состоит в контайшинской стороне... без малого с 400 тысяч под командою 6 генералов, из которых 5 человек из маньчжуров, а шестой, именем Шадарван, мунгальской хотогоец». При этой армии содержалось много ремесленников— китайцев, мунгальцев, Сахаров (чахаров.— И. З.)... для строения на тех реках перевозов, судов и лоток». Хун Ли приказал генералам «в марте месяце (1756 г.— И. З.) неотменно следовать войску в контайшинскую сторону со всяким поспешением как для поймания Амурсаны, так и искоренения и приводу в подданство контайшинцов».

Цинские власти уже тогда пытались привлечь к борьбе против Амурсаны правителей Среднего жуза. Они направили к казахам специальную миссию в составе 30 человек, которая в январе 1756 г. появилась в Урянхайских улусах, заявляя о своем намерении пройти к Аблаю прямым путем через территорию России, ибо путь через Или был для них закрыт Амурсаной. Через русскую территорию их не пропустили. Они вернулись назад, не выполнив поручения. Но казахские феодалы и без того почти не выходили из ойратских улусов, «помогая» то одному, то другому деятелю, уводя с собой каждый раз богатую добычу скотом и пленными. В этих операциях участвовали феодалы не только Среднего жуза, но и других казахских феодальных владений, которые, по свидетельству очевидцев, «имения и пленников много привозят, которые де как покупкою, так и протчими случаями и в Меньшую

орду весьма прибыльно доходят», почему и Айчувак «собирается совершить набег на Джунгарию».

Между тем цинские войска, наводнившие Джунгарию, не имея перед собой организованного противника, без особого труда преодолевая встречавшиеся им разрозненные очаги сопротивления, приступили к поголовному истреблению ойратского населения. В июле 1756г. двухтысячный цинский отряд вступил в пределы России и, разыскивая Амурсану, подошел к Колыванскому заводу, под стенами которого укрывались ойратские беженцы. 25 октября того же года еще более многочисленный отряд маньчжурских воинов подошел к Устькамено-горской крепости, желая увести с собой находившихся здесь урянхайцев, бывших подданных ойратского хана. Узнав, что Амурсана скрывается в кочевьях Аблай-султана, отряд направился в Средний жуз. В августе 1756 г. произошло сражение между ополчением Аблай-султана и войсками цинского императора, закончившееся поражением казахов, начавших отступление к русским укрепленным линиям. Казахские правители обратились к русским властям с просьбой о защите от преследовавших их маньчжурских войск.

С просьбами о защите, о приеме в русское подданство к русским властям стали обращаться и феодальные правители многих ойратских улусов. Начало было положено еще в 1753 г., когда нойоны и зайсанги жаловались на «злое время» и выясняли возможность перехода в российское подданство. В дальнейшем движение за добровольное присоединение к России усилилось. В сентябре 1755 г. уже около 40 ойратских зайсангов ждали решения царского правительства по вопросу о переходе в российское подданство. Одновременно с этим из глубинных пунктов ойратского ханства к границе России шли и ехали десятки и сотни беженцев, князей и крестьян с остатками своего имущества, с членами семей, ища на русской земле спасения от беспощадного меча завоевателей.

Правительство России оказалось в затруднительном положении. Располагая в этом районе малыми военными силами, оно столкнулось с прямой угрозой распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии, на территории Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии. Рядом указов Петербург определил свое отношение к событиям в Джунгарии. Он решил проводить прежнюю политику невмешательства во внутреннюю борьбу в ойратском ханстве, «понеже со здешней стороны никакого резона или пользы нет в их междуусобные ссоры вступаться и одного против другого оборонять».

Правительство России вполне отдавало себе отчет в той опасности, которую могло представить для Сибири соседство с сильным ойратским ханством, поскольку его правители продолжали претендовать на часть сибирской территории, собирая ясак с обитавших там бывших своих данников. Вместе с тем и чрезмерное ослабление этого ханства противоречило интересам России. Тем более нежелательным было полное завоевание Джунгарии Цинской империей. Сибирский губернатор Мятлев 26 июня 1756 г. докладывал в Петербург, что если цинские войска подчинят ойратов и казахов, то пограничные районы России «подвержены будут всекрайней опасности».

Учитывая особенности момента, царское правительство предложило местным властям принимать ойратских беженцев, давать им убежище и разрешить им

кочевать, где пожелают, стремясь к тому, чтобы цинские власти оставили их в покое. Возможные претензии Цинов следовало отводить, ссылаясь на то, что ойраты не являются подданными цинского императора, и разъясняя, что Россия не вмешивалась и не вмешивается во внутренние дела Джунгарского ханства и что цинскому правительству также не следовало бы в них вмешиваться, тем более что в 1731 г. его послы в Петербурге сами говорили об отсутствии у императора возражений против приема Россией беженцев из Джунгарии и даже предлагали передать России часть ойратской территории. Руководствуясь этими указаниями, русские пограничные власти стали принимать ойратских беженцев, поток которых не прекращался вплоть до 1758 г.

В июне 1756 г. в Оренбурге стало известно, что Амур-сана, потерпев поражение, вновь бежал из Джунгарии к Аблаю. Неплюев и Тевкелев решили пригласить Амурсану в Оренбург. I июля 1756 г. они написали ему письмо, в котором предлагали прибыть к ним «для лучшего... покоя и безопасности». В Средний жуз был посла» башкирский старшина Абдулла Каскинов, которому официально поручили выяснить у Аблая, почему казахские купцы не приезжают в Орск, где их ожидают русские купцы с товарами. Неофициально же ему было поручено тайно от казахов передать Амурсане письмо русских властей.

Абдулла Каскинов 1 августа выехал из Оренбурга и прибыл в улус Аблая в конце августа. Султан находился в походе против маньчжуров, и Каскинову пришлось ждать возвращения правителя Среднего жуза около полутора месяцев. В этом походе участвовал и Амурсана. Аблай потерпел поражение и вернулся из похода: раненым. Вернулся и Амурсана, которого поместили в одну из юрт под охрану 30 казахов. Как выяснилось, Аблай все время держал Амурсану под бдительным; надзором, «дабы он от них не скрылся и убежать не мог».

Убедившись, что ему не удастся лично повидать Амур-сану, Каскинов связался с его приближенными, которые «столько были тому рады, что по своему бедственному состоянию от слез удержаться не могли». Через этих приближенных Амурсана сообщил Абдулле, что Аблай-султан держит его и прибывших с ним 230 ойратов как, невольников, насильно принуждая сопровождать казахские отряды в экспедициях против маньчжуров, что он, Амурсана, намерен бежать от Аблая и просит предупредить об этом русских пограничных начальников. На следующее утро от Аблая прибыл отряд казахов. Взяв с собой Амурсану и других ойратов, отряд выступил против маньчжуров. Амурсана, увидя Абдуллу Каскинова, просил его передать в Оренбург свою благодарность. В дальнейшем Каскинов выяснил, что Аблай-султан не только держал Амурсану на положении пленника, но и отдалил его от семьи, содержа в нищенских условиях, не давая ни скота, ни даже юрты. Обо всем виденном и слышанном в улусах Среднего жуза Каскинов 31 октября 1756 г. представил Неплюеву и Тевкелеву письменный доклад.

Между тем в Джунгарии в ответ на зверства завоевателей стало нарастать стихийное сопротивление ойратов. Уже после того как Амурсана бежал к Аблай-султану, ойраты, по свидетельству очевидцев, стали собираться с силами и совершать нападения на маньчжуро-монголо-китайские отряды и гарнизоны. Но разрозненные действия ойратских воинов не могли освободить Джунгарию от

наводнивших ее войск Цинской империи. Эти войска, несмотря на урон, продолжали свое продвижение в глубь страны.

В конце осени 1756 г. Амурсана после пятимесячного пребывания у Аблай-султана вновь появился в Джунгарии. Зиму 1756/57 г. он провел в горах Тарбагатая, сколачивая новые силы для борьбы против господства Цинов. Он рассчитывал объединиться с антиманьчжурскими силами Халхи, где летом 1756 г. вспыхнуло вооруженное восстание, во главе которого стоял крупный феодал Ценгуньжаб.

Положение в Халхе в это время было весьма напряженным. Восстание Амурсаны и возобновление военных действий в Джунгарии вызвали новую волну мобилизаций, реквизиций и поборов. Местные маньчжурские гражданские и военные власти, подхлестываемые разгневанным императором, стали безвозмездно отбирать у населения Халхи последних лошадей и остатки скота. Дело дошло до того, что на тракте Кяхта — Урга почтовые станции были оставлены без сменных лошадей, так что проезжавшие по тракту чиновники, купцы, дипломатические курьеры не имели возможности заменить уставших лошадей свежими, которые по закону и обычаю всегда должны были находиться в достаточном числе на станциях. К военным поборам прибавилось стихийное бедствие — неблагоприятная зима 1755/56 г., сопровождавшаяся сильными морозами и глубокими снегами, вызвавшими массовый падеж скота. В стране свирепствовала эпидемия оспы. В этих условиях антиманьчжурское движение, утихшее было с лета 1755 г., вспыхнуло с новой силон.

Брожение в Халхе усиливали слухи о том, что император Хун Ли насильно задерживает у себя главу ламаистской церкви Халхи богдо-гэгэна, не разрешая ему к Тушету-хану вернуться на родину, так как не верит в их благонадежность. Эти слухи были не лишены оснований. Хун Ли заставил богдо-гэгэна присутствовать при казни его брата Эринцин-Доржи, которого цинские власти винили в побеге Амурсаны. Несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы богдо-гэгэна помиловать брата, тот был в апреле 1755 г. повешен в Пекине. Но и после этого император не хотел отпускать богдогэгэна и Тушету-хана домой. Он уступил настояниям главы монгольской ламаистской церкви только тогда, когда последний дал понять, что длительное его отсутствие может толкнуть халхаский народ на крайние меры. Летом 1756 г. богдо-гэгэн и Тушету-хан прибыли в Ургу, куда привезли и труп казненного, преданный здесь сожжению. Долго еще в храмах Урги по указанию богдо-гэгэна производились поминальные богослужения в память Эринцин-Доржи.

Ценгуньжаб до июля 1756 г. находился в составе цинской армии в Джунгарии, командуя двухтысячным отрядом халхаских войск. Возмущенный казнью халхаского главнокомандующего Эринцин-Доржи, он поднял восстание, снял с фронта подчиненные ему войска и вместе с ними вернулся в Халху, в район оз. Косогол, где располагалось его родовое владение. Отсюда Ценгуньжаб стал рассылать гонцов во все концы Халхи к владетельным князьям, приглашая их объединиться и общим» силами выступить против маньчжурских завоевателей. Наряду с этим он вступил в контакт с ойратскими антиманьчжурскими силами и с Амурсаной, когда тот вернулся в Джунгарию. В ответ на требование цинских властей сдаться Ценгуньжаб

заявил, что не боится чгроз, ибо вся Халха против маньчжуров, никто из халхасов не поддерживает их и не присоединится к их войскам.

Восстание Ценгуньжаба получило широкий отклик во всей Монголии. Халхаские князья, через владения которых пролегали коммуникации в Джунгарию, бросали посты, почтовые станции и откочевывали в отдаленные районы, вне пределов досягаемости цинских властей. Это серьезно ухудшило службу связи и снабжения цинских войск, действовавших в ойратском ханстве. Не доверяя халхаским князьям и опасаясь дальнейшего ухудшения своего положения в Монголии, пекинское правительство вывело из Джунгарии все халхаские войска и вернуло их в Халху.

Цинские власти принимали чрезвычайные меры к спасению своих позиций в Монголии. В Джунгарии они продолжали зверски истреблять ойратское население, в Халхе—широко пустили в ход средства провокации, шпионажа, подкупа и террора. 17 января 1757 г. цинским властям удалось, захватить Ценгуньжаба и увезти его в Пекин. Разыскав его двух скрывавшихся сыновей, они также увезли их в Пекин. 12 июня 1757 г. Ценгуньжаб с сыновьями были казнены. За третьим сыном Ценгуньжаба, которому было всего семь лет и который находился у своих родственников на северо-западе Халхи, были посланы специальные агенты с поручением убить ребенка на месте. Были пойманы, увезены в Пекин и там казнены многие другие участники восстания, а также их жены и дети. Сорок менее активных повстанцев были казнены публично в самой Урге. Тушету-хан, Цецен-хан и многие другие высшие чиновники Халхи были сняты с постов, разжалованы, лишены титулов и званий. «Вся Мунгалия сумневается,— говорили современники,— что их мунгальские главные начальники будут один по одному искоренены».

24 января 1758 г. в возрасте 34 лет умер богдо-гэгэн, через 2 .месяца — чулган-дарга тушетуханского аймака Яемпил-Доржи, а еще через 2 месяца был похоронен и сам Тушету-хан. Есть основание полагать, что смерть этих трех халхаских деятелей, открытая антиманьчжурская ориентация которых была тогда хорошо известна, была не случайной, что к этому событию приложило руку цинское правительство. Слухи об их отравлении были в то время широко распространены в Халхе. Русский посол Братищев и майор Якоби, возвращаясь из Пекина в начале 1757 г., встретили маньчжурский отряд, везший на расправу в Пекин жену и детей незадолго до этого казненного князя Дамдина, собиравшегося бежать в Россию.

Положение народных масс Халхи было исключительно тяжелым. Монгольские крестьяне, вконец разоренные, лишенные скота, становились нищими. «Во всем монгольском народе,— говорят источники,— премногое множество бедных, не имеющих пропитания... По всей дороге (из Урги в Кяхту.— И. З.), инде и на одной версте местах в десяти и больше находились нищие и, стоя на коленях, просили милостину».

Но стихийное антиманьчжурское возмущение монгольского народа в Халхе было задавлено прежде чем оно успело вылиться в активное массовое вооруженное восстание.

Тем временем Амурсана собирал новые силы для продолжения борьбы против господства Цинской династии в Джунгарии. По свидетельству источников он в 1756 г. наладил связь и контакт с Ценгуньжабом, планируя на 1757 год совместные операции. Об этом говорили местному русскому командованию некоторые урянхайские старшины, которые, как выяснилось, сами ездили к Амурсане в конце 1756 г. и знали об этом с его слов. Урянхайские старшины снабжали Амурсану продовольствием и лошадьми. Они же несли службу связи между Амурсаной и Ценгуньжабом, который в одном из писем сообщал, что располагает войском в 30 тыс. воинов, «да к тому же и три пограничные хана (т. е. три хана Халхи.— И. З.) ему вспоможение чинить намерены».

Укрепляя контакт с Ценгуньжабом, Амурсана решил в то же время просить помощи у правительства России. В январе 1757 г. он отправил с этой целью послов в Петербург с письмом на имя русской императрицы Елизаветы. В июне-июле 1757 г. в Петербурге шли переговоры с его представителем — зайсангом Давой. От имени Амурсаны Дава просил, чтобы российские власти помогли ему собрать под его власть всех ойратов и все ойратские улусы, чтобы между Иртышом и оз. Зайсан построили для него крепость, защитили Амурсану и ойратов силами русской армии от цинских войск и т. п. Даве ответили, что выдвинутые Амурсаной условия перехода в русское подданство неприемлемы для России, ибо могут вызвать конфликт с Китаем, а Россия ни с кем воевать не хочет, но если Амурсана пожелает сам, с небольшой свитой, получить в России безопасное убежище, то «не только принят, но и со всяким удовольствием в пище, в платье и в протчем призрением... пока сам похочет, содержан быть может». Если эти предложения окажутся для него неприемлемыми и он решит остаться в Джунгарии, чтобы занять там трон ойратского хана, то со стороны России ему в этом «препятствовано не будет, да и впредь, без задаваемых разве от него самого причин, он и зенгорский народ оставлены быть имеют в покое». 23 сентября 1757 г. Дава уехал из Петербурга, увозя с собой письменный ответ царского правительства и подарки для Амурсаны.

Пока Дава ездил в Петербург, в Джунгарии вновь развернулись военные действия. С наступлением весны 1757 г. Амурсана с отрядом своих сторонников направился на восток, к халхаско-ойратской границе, рассчитывая здесь объединиться с Ценгуньжабом, так как не знал еще о его гибели. Узнав о трагическом конце Ценгуньжаба, Амурсана напал на гарнизон цинских войск в Баркуле и уничтожил его. Весной и летом 1757 г. в горах Тарбагатая и в долине р. Или отряды ойратов общей численностью в 10 тыс. воинов, руководимые Амурсаной и его единомышленниками, развернули активные операции против цинской армии. Несмотря на героические действия, эти отряды не могли противостоять многократно превышавшей их численностью и оснащением цинской армии, отразившей натиск повстанческих отрядов и перешедшей в новое наступление. Ойраты терпели поражение, всех попадавших в плен каратели беспощадно истребляли. Один из высших лам, Делег-гелун,. «прибежавший» в русские пределы из района Или, в своем письме 17 июля 1757 г. сообщал, что цинские войска всех, «кто б им из зенгорцев в руки не попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают».

22 июля представители цинского командования появились в районе Семипалатинска. В беседе с местными военными властями они заявили, что посланы для искоренения бунтующих ойратов и поимки Амурсаны, что в долине р. Боротала они разбили несколько ойратских улусов, но Амурсану изловить не удалось — он бежал. Имея в виду, что Амурсане некуда бежать, кроме России, командование цинской армии хотело бы знать, не обнаружен ли он в пределах российских, дабы войска «напрасно о нем сыску иметь не могли». При этом сообщалось, что для поисков Амурсаны и других «таковых злодеев» невдалеке находится армия численностью в 50 тыс. человек во главе с шурином императора. Цинское командование выражало надежду, что российские власти выдадут ему Амурсану.

Пекинское правительство решило во что бы то ни стало и любой ценой заполучить в свои руки Амурсану и других вожаков ойратской освободительной борьбы. Еще в конце 1756 г. из Пекина в Петербург было отправлено письмо, извещавшее русское правительство, что ойратский народ принят в подданство Цинской империи, что Амурсана — изменник, бежавший к казахам, к которым уже отправлены войска с требованием выдать его и его сообщников. В своем ответном письме 20 мая 1757г. правительство России отклонило требование выдать ойратских беженцев, ссылаясь на то, что ойраты и их князья не были подданными цинского императора, а жили независимым государством. Цинские власти, разъяснялось в письме, не имеют права требовать выдачи им Амурсаны, а могут только просить; русские власти выдать его не обязаны, но могут это сделать в интересах дружбы, если Амурсана будет обнаружен в пределах России. Такой ответ крайне рассердил Хун Ли. Находившийся в Пекине представитель правительства России Братищев докладывал, что там прямо угрожали России войной.

14 июня 1757 г. пекинское правительство отправило в Петербург новое письмо, извещавшее о том, что цинские войска отбили у Амурсаны обоз, в котором было найдено четыре письма русских пограничных командиров, предлагавших Амурсане перейти в русское подданство. На этом основании правительство Китая обвиняло русские власти в поддержке ойратских «бунтовщиков» и решительно требовало выдачи Амурсаны и его сообщников.

Между тем Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 г. явился в Семипалатинск, прося убежища. Он был принят местным командованием, через два дня доставлен в Ямышево, где выяснилось, что он болен оспой. В Ямышевской крепости ему оказали медицинскую помощь, а 31 июля отослали в Тобольск, куда он прибыл 20 августа. 22 августа в беседе с вице-губернатором Сибири Грабленовым Амурсана сообщил, что решил бежать в пределы России по примеру других ойратских князей, после того как убедился, что «Зенгория вся разорена и множество народу побито».

Следуя к русской границе, Амурсана подвергся неожиданному нападению отряда казахов Аблай-султана, действовавшего на, этот раз в контакте с цинской армией, лишился всего скота и имущества. Его люди были либо перебиты, либо захвачены казахами в плен, а сам Амурсана с восемью уцелевшими бежал к Иртышу. Он просил, чтобы подчиненные ему ойраты, пробиравшиеся разными дорогами и тропами к русской границе (около 4 тыс. человек), были направлены к нему.

Амурсану поселили в окрестностях Тобольска, где он жил в полном довольстве, ожидая возвращения Давы из Петербурга. Но 15 сентября 1757 г. Амурсана вновь заболел оспой и через шесть дней умер. Так закончил свою непродолжительную (ему было 35 лет) бурную жизнь этот человек, бывший сначала союзником и другом Даваци, а потом ставший его смертельным врагом, изменивший сначала своему народу и перешедший на сторону Цинской империи, а потом в течение двух лет возглавлявший освободительную борьбу против завоевателей, ставший знаменем этой освободительной борьбы. Монгольский народ сохранил память об Амурсане, как о вожде последнего всенародного освободительного движения против иноземных завоевателей, как о борце за монгольскую независимость.

Между тем командование цинской армии неустанно искало Амурсану. Получив сведения, что он якобы утонул в Иртыше, командование специально отрядило людей, которые на плотах поплыли вниз по течению с заданием обшарить все дно. Когда пришло официальное извещение, что Амурсана задержан русскими властями и, находясь в заключении, умер от оспы, пекинское правительство потребовало выдачи трупа. Отклонив это требование, царское правительство 1 ноября 1757 г. предложило сибирскому губернатору отправить труп Амурсаны на границу, в Кяхту, куда и пригласить представителей цинской администрации, чтобы они могли удостовериться в его смерти. 18 февраля 1758 г. пекинское правительство направило русским властям письмо, в котором объясняло причины своего настойчивого требования. Их было две: «Его, яко знатного бунтовщика и пренебрегателя милости моей (императора.— И. З.), ни по какому образу, по правам нашим, простить нельзя» и «чтобы русские не вдались в его лукавые и хитрые обманы-умыслы».

13 марта 1758 г. в Кяхту прибыли представители цинских властей, которым была дана возможность убедиться в том, что Амурсана действительно мертв. Но этого оказалось мало. 28 марта 1758 г. пекинское правительство направило русским властям новое письмо, настаивавшее на выдаче трупа маньчжурским властям, «дабы все народы, видя сию ядовитую гадину, уверились в его погибели». Решительное отклонение этого требования дало толчок новому ухудшению отношений между Россией и Цинской империей. Почти вся переписка между Петербургом и Пекином в 1757—1759 гг. была посвящена вопросу о выдаче останков Амурсаны, а также о передаче ойратских повстанцев, бежавших в Россию.

Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 г., когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза.

Так было уничтожено Джунгарское ханство. Все источники единодушно отмечают массовое истребление ойратского населения, методически проводившееся командованием цинской армии. Черепановская летопись утверждает, что в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спасались, которые могли убежать в Российские границы». От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс. человек, осталось в живых 30—40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию.

События последних лет существования Джунгарского ханства, обусловившие его упадок и гибель, убедительно свидетельствуют, что новые явления в экономике, общественном и политическом устройстве ойратского государства (развитие земледелия, садоводства, зачатков мануфактурного производства, политическая централизация государства и т.д.), наметившиеся в период правления Батура-хунтайджи, Цэван-Рабдана и Галдан-Церена, были еще весьма слабыми, не смогли противостоять рецидиву феодального самоуправства и местного сепаратизма. Это привело к феодальной анархии и новой вспышке ожесточенной междоусобной борьбы, результатом которой явился распад государства ойратских феодалов и неспособность оказать сопротивление натиску Цинской империи.

Важную роль в событиях этого времени сыграл молодой хойтский владетельный князь Амурсана. Начав как один из многих участников феодальной усобицы, Амурсана в дальнейшем, обуреваемый честолюбивыми замыслами, выступил в качестве претендента на ханский престол. Он потерпел поражение и, стремясь к реваншу, обратился за помощью к Цинской династии, рассчитывая с ее помощью пробраться к трону джунгарского хана.

Но в действительности получилось, что не Цины ему помогли, а он помог Цинской династии овладеть Джунгарским ханством. Обманувшись в своих надеждах, Амурсана восстал и возглавил всеойратскую, а вместе с Ценгуньжабом — и всехалхаскую борьбу против цинского иноземного господства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Джунгарского ханства, равно как и его предыстория, начиная по меньшей мере с конца XIV в. является неотъемлемой частью общей истории Монголии, народ которой вплоть до XVII в. выступал как этническая, политическая и культурная общность. Реальные исторические факты не подтверждают, а опровергают встречающиеся в литературе утверждения, что ойраты и «монголы» были разными народами, связанными лишь общностью языка.

Правда, факты говорят, что от монгольского народа по тем или иным причинам отделились некоторые группы, которые в дальнейшем сложились в особые монголоязычные народы и нации. Так, например, произошло с южными монголами и бурятами, которые соответственно в 30-х годах и в середине XVII в. откололись от остальных монголов и связали свои исторические судьбы с народами Китая и России, в результате чего стали постепенно складываться в особые народы и нации, населяющие Бурятскую АССР в составе СССР и Автономную область Внутренней Монголии в КНР. После отделения южных монголов и бурятов в составе Монголии остались лишь Халха и Джунгарское ханство, а после гибели последнего Монголия оказалась представленной одной Халхой (ныне Монгольская Народная Республика).

Однако реальные исторические факты не подтверждают, а опровергают распространенное в домарксистской и современной немарксистской литературе утверждение о якобы исконной вражде восточных и западных монголов (т. е. ойратов), о непрекращавшейся истребительной войне между ними, о непрерывном

стремлении одной части монголов установить господство над другой частью. В действительности же, как показали источники, взаимоотношения между восточными и западными монголами с конца XIV в. и до гибели Джунгарского ханства характеризовались не только войнами, но и длительными периодами мира, разнообразными формами политического и военного сотрудничества, брачными союзами, а в дальнейшем и общими религиозными связями с центром ламаизма — Лхасой. В основе же конфликтов (между ними лежали противоречия экономических и политических интересов их феодальных правителей, связанные главным образом с торговыми привилегиями в Китае. В этом столкновении интересов двух частей единого класса монгольских феодалов мы видим ключ к пониманию причин и характера войн между Восточной и Западной Монголией в XV—XVI вв., равно как и между монгольскими феодалами и минским Китаем. Аналогичными обстоятельствами объясняются в известной мере и войны между правителями Западной Монголии и Могулистана, Западной Монголии и Казахстана с той лишь разницей, что в этих случаях борьба шла за торговые пути в Среднюю Азию и что эта причина не была единственной. Помимо нее огромное значение имела недостаточность пастбищных территорий, которая толкала ханов и князей на борьбу за овладение новыми землями, богатыми водой и травой.

Что касается народных масс Восточной и Западной Монголии, то они не были заинтересованы в этих войнах и играли только подчиненную роль крепостного войска на службе владетельных князей. Рынки Китая и Средней Азии, как и новые пастбищные территории, были крайне необходимы крупному скотоводческому хозяйству монгольских феодалов; они были в гораздо меньшей мере нужны мелкому хозяйству монгольских аратов. Можно думать, что выгоды, достававшиеся последним от завоеванных рынков и новых пастбищ едва ли покрывали издержки людьми и материальными средствами, затраченными в этих войнах.

Многочисленные показания источников, рисующие эволюцию форм материального производства и общественного строя монголов, в том числе и ойратов, не подтверждают, а убедительно опровергают широко в прошлом распространенные утверждения, что специфические производственно-технические особенности кочевого скотоводства превращают скот в решающее средство производства и лишают землю значения как средства производства, исключают возможность земельной собственности вообще, феодальной земельной собственности в частности, обусловливают неизбежное сохранение родовой общины и родоплеменной организации, делают невозможным прикрепление трудящихся кочевников к земле, толкают кочевые народы на путь грабительских войн, в которых экономически якобы в равной мере заинтересованы все члены кочевого общества, не позволяют кочевым народам в их развитии подняться выше зачаточной стадии феодализма и т. п.

Показания источников неопровержимо свидетельствуют, что общие закономерности развития феодализма действуют в полной мере и у кочевых народов, вступивших на этот путь развития, что кочевое скотоводство само по себе вовсе не создает особых, ему одному присущих базиса и надстройки, что не специфические производственно-технические особенности кочевого скотоводческого хозяйства, а конкретно-исторические условия определяют направление, содержание и достигнутый

уровень культурного развития того или иного кочевого народа. Факты убедительно говорят, что основная часть монгольского народа, в том числе и ойраты, в своем историческом развитии перешагнула через стадию раннего феодализма и вступила в период развитого феодализма, содержанием которого является укрепление феодальной земельной собственности, феодальное раздробление страны, обострение классовых противоречий, складывание предпосылок для полного отделения ремесла от сельского хозяйства и т. п. У монголов наиболее высокого уровня развития феодализм достиг в Джунгарском ханстве, где появились зачатки «казенных», ханских мануфактур, основанных на крепостном труде, стало расширяться земледелие и т. д. Государство ойратских феодалов вплотную подошло к такой стадии экономического и общественного развития, когда переход к оседлости становился главным и решающим условием дальнейшего прогресса. Трагические события 50-х годов XVIII в. прервали этот процесс.

Из сказанного можно сделать вывод, что объективные возможности прогрессивного развития в рамках кочевого скотоводческого хозяйства не ограничиваются ранней стадией феодализма, что специфические производственно-технические особенности этого вида хозяйствования сами по себе не служат препятствием на пути к более высоким ступеням феодального способа производства. Следует вместе с тем иметь в виду, что исторической науке неизвестно ни одного случая, когда какой-нибудь кочевой народ, завершив процессы, свойственные периоду развитого феодализма, вступил бы в его последнюю стадию, характеризуемую разложением феодализма и становлением капитализма, не отказавшись от кочевой формы хозяйствования и быта, не переходя к оседлости. Но в тех пределах, в которых феодальная экономика и феодальные общественные отношения имеют возможность развиваться у кочевых народов, они развиваются в полном соответствии с общими закономерностями феодального способа производства. Феодализм у кочевых народов качественно, принципиально ничем существенным не отличается от феодализма у оседлых народов.

К таким выводам приводит нас история Джунгарского ханства и история Монголии в целом.

Гибель Джунгарского ханства опрокинула сложившееся в Центральной Азии равновесие сил и вызвала ряд серьезных международных осложнений. Овладев в 1758 г. Джунгарией и в 1759 г. Восточным Туркестаном, Цинская империя придвинула свои рубежи вплотную к границам России и ханств Средней Азии. Правители этих ханств не на шутку встревожились, опасаясь за политическую самостоятельность своих владений. Ч. Валиханов с полным основанием писал: «Падение сильной Джунгарии, бывшей грозой для Средней Азии, и, наконец, завоевание единоверной Малой Бухарин навели на всю Азию панический страх». Крушение Джунгарского ханства вызвало немало тревог и в правящих кругах России, которые вплоть до 90-х годов XVIII в. серьезно опасались вторжения цинской армии в российские пределы.

Правители Цинской империи не рискнули, однако, привести в исполнение свои экспансионистские планы. Их армия остановилась на западных и северных рубежах Джунгарии и Восточного Туркестана. Одной из главных причин, объясняющих отказ

Цинской империи от дальнейших завоеваний, была неуверенность в монгольском тыле, возможность новых вспышек народных движений в Монголии, что могло свести одержанные силой оружия.

Международное положение в этом районе, резко обострившееся вследствие разгрома Джунгарского ханства, стало постепенно менее напряженным, угроза войны начала ослабевать и к концу XVIII в. исчезла вовсе.

Начиналась новая страница истории Центральной и Средней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ААН — Архив Академии наук

АВПР — Архив внешней политики России

ВОАО — Восточное отделение археологического общества

ВОРАО — Восточное отделение Русского археологического общества

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества

ЗИРГО — Записки императорского Русского географического общества

ЗРГО — Записки Русского географического общества

ИИРГО — Известия императорского Русского географического

общества

ИРГО — Известия Русского географического общества

ИРАН — Известия Российской академии наук

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов